

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПОВОЛЖСКАЯ
АРХЕОЛОГИЯ

№ 2 (8)

2014

Главный редактор

Член-корреспондент АН РТ Ф.Ш. Хузин

Заместители главного редактора:

доктор исторических наук А.Г. Ситдигов

доктор исторических наук Ю.А. Зеленев

Ответственный секретарь — кандидат ветеринарных наук Г.Ш. Асылгараева

Редакционный совет:**Р.С. Хакимов** — вице-президент АН РТ (Казань, Россия) (председатель)**Х.А. Амирханов** — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Махачкала, Россия)**И. Бальдауф** — доктор наук, профессор (Берлин, Германия)**П. Георгиев** — доктор наук, доцент (Шумен, Болгария)**Е.П. Казаков** — доктор исторических наук (Казань, Россия)**Н.Н. Крадин** — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Владивосток, Россия)**А. Тюрк** — PhD (Будапешт, Венгрия)**И. Фодор** — доктор исторических наук, профессор (Будапешт, Венгрия)**В.Л. Янин** — академик РАН, доктор исторических наук профессор (Москва, Россия)**Редакционная коллегия:****А.А. Выборнов** — доктор исторических наук, профессор (Самара, Россия)**М.Ш. Галимова** — кандидат исторических наук (Казань, Россия)**Р.Д. Голдина** — доктор исторических наук, профессор (Ижевск, Россия)**И.Л. Измайлов** — кандидат исторических наук (Казань, Россия)**С.В. Кузьминых** — кандидат исторических наук (Москва, Россия)**А.Е. Леонтьев** — доктор исторических наук (Москва, Россия)**Т.Б. Никитина** — доктор исторических наук (Йошкар-Ола, Россия)**Ответственный за выпуск:****Б.Л. Хамидуллин** — кандидат исторических наук (Казань, Россия)**Адрес редакции:**

420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30

Телефон: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru<http://archaeologie.pro>

Индекс 31965, каталог «ПОЧТА РОССИИ»

Выходит 4 раза в год

© Академия наук Республики Татарстан», 2014

© ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», 2014

© Журнал «Поволжская археология», 2014

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences **F.Sh. Khuzin**

Deputy Chief Editors:

Doctor of Historical Sciences **A.G. Sitdikov**

Doctor of Historical Sciences **Yu.A. Zeleneev**

Executive Secretary — Candidate of Veterinary Sciences **G.Sh. Asylgaraeva**

Executive Editors:

R.S. Khakimov — Vice-Chairman of the Tatarstan Academy of Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation) (chairman)

Kh.A. Amirkhanov — Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Dagestan Regional Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russian Federation)

I. Baldauf — Doctor Habilitat, Professor (Humboldt-Universität zu Berlin, Berlin, Germany)

P. Georgiev — Doctor of Historical Sciences (National Archeological Institute with Museum, Bulgarian Academy of Sciences, Shumen Branch, Shumen, Bulgaria)

E.P. Kazakov — Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)

N.N. Kradin — Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Institute of History, Archaeology and Ethnology, Far East Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russian Federation)

A. Türk — PhD (Institute of History, Research Centre for the Humanities, Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary)

I. Fodor — Doctor (Hungarian National Museum, Budapest, Hungary)

V.L. Yanin — Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Editorial Board:

A.A. Vybornov — Doctor of Historical Sciences, Professor (Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara, Russian Federation)

M.Sh. Galimova — Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)

R.D. Goldina — Doctor of Historical Sciences, Professor (Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation)

I.L. Izmaylov — Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)

S.V. Kuz'minykh — Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

A.E. Leont'ev — Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

T.B. Nikitina — Doctor of Historical Sciences (V.M. Vasilyev Mari Research Institute of Language, Literature and History, Yoshkar-Ola, Russian Federation)

Responsible for Issue — Candidate of Historical Sciences **B.L. Khamidullin**

Editorial Office Address:

Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Telephone: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru

http://archaeologic.pro

© Tatarstan Academy of Sciences (TAS), 2014

© Mari State University, 2014

© "Povolzhskaya Arkheologiya" Journal, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Хузин Ф.Ш. Светило татарской археологии.
К 85-летию со дня рождения А.Х. Халикова7

Статьи

Измайлов И.Л. Булгарский этнос в трудах А.Х. Халикова:
научная концепция и ее теоретические основания 11

Шакиров З.Г. Средневековая округа Биляра: к методике
исследования поселенческой структуры и ресурсного
потенциала37

Кокорина Н.А. К вопросу о назначении так называемых
«реликвариев» эпохи средневековья Восточной Европы49

Орфинская О.В., Никитина Т.Б. Ткани из могильников
Ветлужско-Вятского междуречья IX–XI вв.70

Глухов А.А. Историческая топография Царевского городища92

**Междисциплинарные археологические и
естественнонаучные исследования**

Беляев А.В., Валиев Р.Р., Ситдииков А.Г. Научный
семинар по проблемам междисциплинарных
исследований Болгара и Свияжска..... 112

Бадеев Д.Ю. Планировка городской застройки Болгара
в позднезолотоордынский период (предварительные
результаты исследований по материалам раскопок к
юго-западу от Соборной Мечети) 119

Елкина И.И. Мавзолей XIV века в южной части
Болгарского городища (раскоп CLXXIV 2012 г.)..... 131

Лазукин А.В. Предварительные итоги исследования
некрополя в южной части Болгарского городища
(раскоп CLXXIV 2012 г.) 145

Бугарчев А.И., Беляев А.В. Нумизматические материалы
из раскопа CLXVIII Болгарского городища 165

Храмченкова Р.Х. Химический состав глины как индикатор
сырьевого источника 176

Гольева А.А. Естественнонаучные исследования на
городище Болгар (первые результаты).....205

Бахматова В.Н., Куклина А.А. О связи технологии изготовления общеполгарских керамических сосудов с их функциональным предназначением: характеристика формовочных масс (по материалам исследований Болгарского городища 2011-2012 гг.)230

Заметки

Абдуллин Х.М. О кладе русских монет XV–XVI вв., обнаруженном в Казанском Кремле 4 мая 1909 г.256

Критика и библиография

Лифанов Н.А. Рец. на: Богачев А.В., Французов Д.А. Костюм праболгар Среднего Поволжья: конец VII – начало X в. (Самара: СГТУ, 2012. 350 с.)261

Хроника

Зеленев Ю.А. Юбилей Татьяны Багишевы Никитиной284

Список сокращений290

Правила для авторов291

CONTENTS

Khuzin F.Sh. A luminary of Tatar archaeology. To the 85th anniversary of the birth of A.Kh. Khalikov7

Articles

Izmailov I.L. Bulgarian ethnos according to A.Kh. Khalikov' works: scientific concept and its theoretical bases 11

Shakirov Z.G. Medieval surroundings of the Bilyar: concerning the method of research in the settlement pattern and resources potentiality37

Kokorina N.A. Towards the issue on practical function of the medieval so called "reliquaries" of Eastern Europe49

Orfinskaya O.V., Nikitina T.B. Fabrics from burial grounds of the Vetluga and Vyatka interfluvial area of the IX–XI centuries70

Gluhov A.A. Historical topography of the Tsarevskoye settlement92

Interdisciplinary archaeological and natural science researches

Belyaev A.V., Valiev R.R., Sitdikov A.G. Scientific seminar on problems of interdisciplinary researches at the Bolgar and Sviyazhsk 112

Badeev D.Yu. Urban layout of the Bolgar during the Late Golden Horde period (according to the excavations southwest of the Cathedral Mosque) 119

Elkina I.I. Mausoleum of the XIV century in the southern part of the Bolgar settlement (excavation trench CLXXIV). Research 2012 131

Lazukin A.V. Preliminary results of the research in the necropolis in southern part of the Bolgar settlement (excavation trench CLXXIV) in 2012 145

Bugarchev A.I., Belyaev A.V. Numismatic materials from the excavation trench CLXVIII at the Bolgar settlement 165

Khramchenkova R.Kh. Chemical composition of the clays as indicator raw material sources 176

Golyeva A.A. Natural scientific research at the Bolgar settlement (the first results) 205

Bakhmatova V.N., Kuklina A.A. Concerning relationship between production technology of ceramic vessels and their functional purposes: characteristic of the pastes (According to investigations at the Bolgar settlement 2011–2012).....230

Notes

Abdullin Kh.M. Concerning the hidden treasure of Russian coins of the XV–XVI centuries discovered at Kazan Kremlin on may, 4th, 1909.....256

Critique and Bibliography

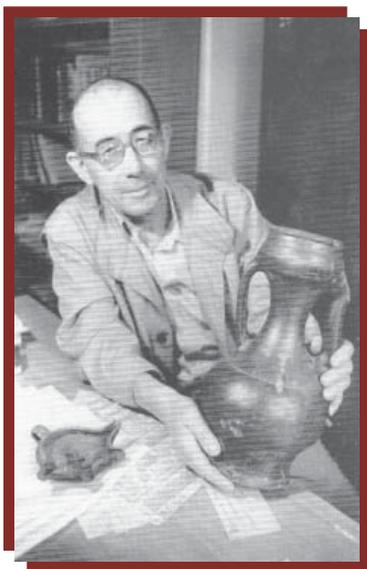
Liphanov N.A. Review of the book: Bogachev A.V., Frantsuzov D.A. Costume of the proto-Bulgars of the Middle Volga region: the end of the VII – the beginning of the X century (Samara, 2012, 350 p.).....261

Chronicle

Zelenev Yu.A. Anniversary Tatiana Bagishevna Nikitina284

List of abbreviations290

Rules for authors291

**Альфред Хасанович Халиков
(1929-1994)**

30 мая 2014 года исполнилось 85 лет со дня рождения доктора исторических наук, профессора, члена-корреспондента Академии наук Татарстана Альфреда Хасановича Халикова – крупнейшего специалиста по археологии, древней истории тюркских и финно-угорских народов Поволжско-Уральского региона. А.Х. Халиков был первооткрывателем сотен памятников всех археологических эпох – от палеолита до Нового времени. Будучи руководителем крупных археологических экспедиций, таких как Марийская, Татарская, Билярская, «Казанский Кремль» и др., Альфред Хасанович на протяжении 40 лет организовывал широкомасштабные исследования на территории республик Татарстан, Марий Эл, Пензенской и Горьковской областей, других регионов Среднего Поволжья. В своей докторской диссертации «Среднее Поволжье в эпоху камня и бронзы», которую А.Х. Халиков защитил в 36 лет, он создал обширную культурно-хронологическую схему эпох камня, энеолита, бронзы и раннего железа региона. А.Х. Халиков является автором более 400 статей и 20 монографий, в том числе и научно-популярных изданий, освещающих вопросы происхождения и ранней истории народов Среднего Поволжья и Приуралья. Профессор Халиков многие годы вел плодотворную преподавательскую деятельность в Казанском государственном университете, он создал свою научную школу. Много сил Альфред Хасанович отдавал делу охраны памятников истории и культуры, проводя трудные изыскания на водохранилищах, и на посту заместителя председателя Татарского отделения Всесоюзного общества охраны памятников истории и культуры. Масштаб разносторонней научной и общественной деятельности А.Х. Халикова трудно переоценить.

УДК: 902

СВЕТИЛО ТАТАРСКОЙ АРХЕОЛОГИИ.К 85-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А.Х. ХАЛИКОВА

© 2014 г. Ф.Ш. Хузин

Статья посвящена научной деятельности выдающегося ученого, доктора исторических наук, профессора, члена-корреспондента Академии наук Татарстана Альфреда Хасановича Халикова (30.05.1929–24.07.1994) – крупнейшего специалиста по археологии и древней истории тюркских и финно-угорских народов Поволжско-Уральского региона. А.Х. Халиков был первооткрывателем сотен памятников всех археологических эпох, от палеолита до Нового времени. Но главной сферой его научных интересов была средневековая археология и история народов Поволжья. Будучи руководителем крупных археологических экспедиций, таких как Марийская, Татарская, Билярская, «Казанский Кремль» и др., А.Х. Халиков на протяжении 40 лет организовывал ширококомасштабные исследования на территории Татарстана и других республик и областей Среднего Поволжья. А.Х. Халиков создал обширную культурно-хронологическую схему эпох камня, энеолита, бронзы и раннего железа Поволжского региона, представил свою концепцию этногенеза финно-угорских и тюркских народов края. А.Х. Халиков является автором более 400 статей и 20 монографий, освещающих вопросы происхождения и ранней истории народов Среднего Поволжья и Приуралья. По его инициативе был создан полный свод археологических памятников Татарстана в 6 томах. Важным направлением его деятельности была охрана памятников истории и культуры. Профессор А.Х. Халиков вел плодотворную преподавательскую деятельность в Казанском государственном университете и создал свою научную школу.

Ключевые слова: Поволжье, Татарстан, А.Х. Халиков, средневековая археология и история, этногенез, история науки.

30 мая исполнилось 85 лет со дня рождения Альфреда Хасановича Халикова – крупнейшего специалиста по археологии, древней и средневековой истории тюркоязычных и финно-угорских народов Поволжско-Уральского региона. Увы, вот уже двадцать лет прошло с того дня (24 июля), когда мы, казанские археологи, проводили своего учителя в последний путь. Прожил он короткую, но исключительно плодотворную, насыщенную яркими научными открытиями жизнь ученого-археолога, начавшуюся еще в далекие послевоенные годы с первых археологических разведок, проведенных под руководством известного историка и археолога Н.Ф. Калинина. Николай Филиппович поручал студенту Казанского университета Халикову, искренне увлеченному археологией, и более ответственные задания,

в том числе самостоятельные раскопки открытых им же памятников эпох камня и бронзы.

В 1951 г. студент четвертого курса КГУ Альфред Халиков был приглашен в качестве лаборанта в сектор истории Института языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР. В этом институте он проработал более сорока лет, в том числе почти четверть века – в должности заведующего отделом археологии и этнографии. Параллельно читал курс лекций по археологии, спецкурс “Этногенез народов Среднего Поволжья и Приуралья” студентам-историкам Казанского университета, руководил курсовыми и дипломными работами, археологическим кружком.

Крупной заслугой молодого ученого, начавшего свою поистине бурную и чрезвычайно результативную на-

учную деятельность в стенах ИЯЛИ, была организация сначала Марийской, а позднее Татарской археологических экспедиций, проводивших в течение долгих лет планомерные и систематические исследования памятников первобытности и средневековья в разных районах Татарстана и сопредельных областей. А.Х. Халиковым открыты и исследованы впервые в регионе стоянки эпох мезолита и неолита, памятники культур энеолита, бронзы, раннего железа и раннего средневековья. Добытый в результате полевых работ богатый археологический материал по первобытному прошлому Среднего Поволжья и Приуралья лег в основу кандидатской (1956) и докторской (1966) диссертаций. В них А.Х. Халиков впервые представил ученому миру целостную концепцию древней истории обширного региона Северо-Восточной Европы, этногенеза финно-угорских и тюркских народов края, опубликованную затем в ряде фундаментальных трудов, таких как “Древняя история Среднего Поволжья” (М., 1969), “Памятники балановской культуры” (М., 1976; совм. с О.Н. Бадером), “Волго-Камье в начале эпохи раннего железа” (М., 1977), “Приказанская культура” (М., 1980) и др.

Научный мир знал Альфреда Хасановича как ученого, глубоко эрудированного, с широким спектром научных интересов и проблем, неординарным, порою совершенно неожиданным и оригинальным подходом к их решению. Естественно, не все положения его научной концепции находили единодушную поддержку и понимание у коллег-археологов. Скорее, наоборот. Печатные и устные выступления А.Х. Халикова нередко вызы-

вали ожесточенные дискуссии среди ученых. Некоторые из них: проблемы первоначальной тюркизации Среднего Поволжья, о роли волжских булгар и других этнических компонентов в происхождении татар, о домонгольской столице Волжской Булгарии и пр. – до сих пор еще не нашли своего окончательного решения. Кстати, завершенная еще во второй половине 1970-х годов прошлого столетия и содержащая ряд остро дискуссионных положений фундаментальная монография Альфреда Хасановича под названием “Основы этногенеза народов Среднего Поволжья и Приуралья” увидела свет лишь в 2011 г.

Раскопки в 1957 и 1960 гг. почти единственного тогда памятника ранних болгар – Больше-Тарханского могильника – и публикация его материалов с соответствующей научной интерпретацией в книге “Ранние болгары на Волге” (М., 1964; совм. с В.Ф. Генингом) положили начало серии работ А.Х. Халикова по болгарской тематике. В 1961 г. А.Х. Халиков и его коллеги (Е.П. Казаков, Е.А. Халикова) приступают к исследованию еще одного крупнейшего раннебулгарского некрополя – Танкеевского. В 1975 г. был открыт и впоследствии монографически изучен уникальный Больше-Тиганский могильник ранних венгров (*Halikova E.A., Halikov A.H. Altungarn an der Kama und im Ural. Budapest, 1981*). Археологические и антропологические материалы по этим памятникам до сих пор используются в исследованиях ранних этапов этногенеза татарского народа. Основные выводы А.Х. Халикова по данной проблеме изложены в ряде его обобщающих работ (см., напр.: “Татарский народ и его предки”. Казань,

1989) и выдержали, кажется, испытание временем.

В конце 1960-х – первой половине 1970-х годов получают широкий размах археологические исследования болгарских городов. В 1967 г. объединенной археологической экспедицией ИЯЛИ КФАН СССР и КГУ под руководством А.Х. Халикова начались широкомасштабные раскопки Билярского городища. Он проводил раскопки двух кирпичных зданий, остатков Соборной мечети, построенных в X в., мусульманских некрополей и других крупных объектов, начал рекогносцировочные исследования в окрестностях Биляра и т.д. Совместно с Н.И. Игониным была осуществлена аэрофотосъемка городища и его окружи. Сложившееся в современной историографии представление о Биляре как крупнейшем домонгольском городе Булгарии практически целиком зиждется на работах А.Х. Халикова. Казавшаяся в начале 1970-х годов слишком смелой, но недостаточно аргументированной гипотеза о столичности Биляра с X в., т.е. практически с момента основания, также нашла своих последователей. Плодотворными оказались идеи ученого о сложности болгарской архитектурной школы в конце X столетия, возможной локализации золотоордынского Биляра на месте II–III селищ на левом берегу М. Черемшана и др.

Археологией средневековой Казани А.Х. Халиков вплотную и весьма успешно занимался в 1970-х годах. Правильность основных положений халиковской концепции домонгольской Казани была полностью доказана в ходе исследований последних лет. Халиковский этап в истории археологического изучения Казани имел

принципиальное значение для создания современных представлений об этом болгарском городе. В реконструкциях истории Казани золотоордынского, ханского и раннерусского периодов материалы, добытые экспедицией 1970-х годов, занимают значительное место.

Хочется отметить еще одно направление в научно-практической деятельности А.Х. Халикова – его работы в области охраны и использования памятников истории и культуры. В течение почти двух десятилетий он исполнял обязанности заместителя председателя Татарстанского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК). В 1960–1970-х годах он вплотную занимался проблемами спасения разрушающихся памятников в зоне водохранилища Куйбышевской, а позднее и Нижнекамской ГЭС. В начале 1990-х годов был инициатором организации музеев-заповедников на территории Биляра и его окружи, Казанского кремля, основным автором “Научной концепции сохранения, развития и использования ансамбля Казанского кремля”.

Составление археологической карты путем сплошного обследования территории республики вполне справедливо рассматривалось А.Х. Халиковым как первый шаг в сохранении богатого историко-культурного наследия народов Татарстана. Начатые еще в 1945 г. сплошные разведки территории республики продолжались практически до конца 1980-х годов. В 1981–1990 гг. под общей редакцией А.Х. Халикова увидел свет полный свод археологических памятников Татарстана в шести томах, которые включают сведения о 4358 памятни-

ках от позднего палеолита до Казанского ханства включительно.

Почти полвека беззаветно служил А.Х. Халиков своей любимой науке. За годы его творческой жизни археология совершила качественный скачок в своем развитии. И важнейшую роль сыграли в этом труды Альфреда Хасановича. Хочется еще раз подчеркнуть их непреходящее значение в разработке проблем древней и сред-

невековой истории народов Среднего Поволжья и Приуралья, определении направлений исследований современных археологов Татарстана.

А.Х. Халикова всегда отличали удивительная работоспособность, благожелательность к коллегам, требовательность к себе, душевная щедрость и редкий дар общения. Таким он остается в нашей памяти.

Список трудов А.Х. Халикова см. в брошюре:

Кузьминых С.В., Старостин П.Н., Хузин Ф.Ш. Альфред Хасанович Халиков. Очерк жизни и научной деятельности. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АНТ, 1999. – 58 с.

Информация об авторе:

Хузин Фаяз Шарипович, член-корр. АН РТ, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Российская Федерация); khuzinfayaz@mail.ru

A LUMINARY OF TATAR ARCHAEOLOGY. TO THE 85TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF A.KH. KHALIKOV

F.Sh. Khuzin

The article is devoted to scientific activity of Alfred Khasanovich Khalikov (May 30, 1929–July 24, 1994), an outstanding scholar, Dr. habil. (History), Professor, corresponding member of the Academy of Sciences of Tatarstan, a renowned specialist in archaeology and ancient history of the Turkic and Finno-Ugric peoples of the Volga-Ural region. A.Kh. Khalikov was a pioneer discoverer of hundreds of monuments referring to different archaeological periods, from the Paleolithic to modern times. However, the principal sphere of his scientific interests was medieval archaeology and history of the Volga region peoples. As head of major archaeological expeditions, such as the Mari, Tatar, Bilyar, “The Kazan Kremlin”, etc. ones, A.Kh. Khalikov had emerged as organizer of large-scale research in the territory of Tatarstan and other republics and regions of the Middle Volga region for 40 years. A.Kh. Khalikov created an extensive cultural-chronological scheme of the Stone, the Chalcolithic, the Bronze and Early Iron ages in the Volga region, offered his own concept of ethnogenesis of the Finno-Ugric and Turkic peoples of the region. A.Kh. Khalikov authored over 400 articles and 20 books covering the origin and early history of the peoples of the Middle Volga and Ural regions. On his initiative, a complete list of archaeological monuments of Tatarstan in 6 volumes was created. Preservation of monuments of history and culture was an important direction of his activities. Professor A.Kh. Khalikov was engaged in fruitful teaching process at Kazan State University and created his own scientific school.

Key words: the Volga region, Tatarstan, A.Kh. Khalikov, medieval archaeology and history, ethnogenesis, history of science.

About the Author:

Khuzin Fayaz Sh. TAS Corresponding Member, Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; khuzinfayaz@mail.ru

Статьи

УДК 902/904 (018)

БУЛГАРСКИЙ ЭТНОС В ТРУДАХ А.Х. ХАЛИКОВА: НАУЧНАЯ КОНЦЕПЦИЯ И ЕЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ

© 2104 г. И.Л. Измайлов

Статья посвящена вопросам болгарского и татарского этногенеза в работах выдающегося казанского археолога А.Х. Халикова. Его концепции основывались на том, что в формировании этих народов принимали участие различные этнические группы (тюркские, финно-угорские, восточнославянские), и главную роль в этих процессах сыграло их культурное взаимовлияние. Концепция этногенеза и этнической истории татарского народа, разработанная А.Х. Халиковым, стала в свое время серьезным теоретическим прорывом на фоне как идеологизированных исторических схем советского времени, так и различных националистических идей, отличаясь от них комплексным, разносторонним научным анализом, прежде всего данных археологии. Однако в настоящее время, когда теоретическая и фактологическая база историко-этнологических исследований резко расширилась, в этой концепции обнаруживаются противоречия по ряду вопросов, которые, в силу этого, требуют новых подходов к их решению.

Ключевые слова: Волго-Уральский регион, средневековье, Волжская Булгария, болгарский этнос, тюркские народы, этногенез татар, концепции этногенеза, «археологическая этногенетика», историография, казанская школа археологии..

О, я недаром в этом мире жил!
И сладко мне стремиться из потемок,
Чтоб, взяв меня в ладонь, ты, дальний мой потомок,
Доделал то, что я не довершил.
Н. Заблоцкий

Проблемы этногенеза татар в трудах А.Х. Халикова: спор о наследии. История исторической науки является одной из актуальных и широко изучаемых тем в отечественной и зарубежной науке. В последнее десятилетие в отечественном науковедении все шире становится фронт изучения истории науки, как отдельных ее направлений и научных школ,

так и тенденций ее развития в целом. Первоначально изучение науки было сосредоточено на проблемах анализа творческой биографии и исследовательских программ отдельных выдающихся личностей и научных направлений. Однако в середине нашего века ситуация решительно изменилась. Начало научно-технической революции не только резко повысило роль науки,

но и изменило ее качественно. Сам подход к научному творчеству стал другим, как и наше понимание сути истории, как науки, изучающей источники и свидетельства прошлого для его изучения и реконструкции. Одновременно пришло понимание того, что историки сами являются заложниками своего времени, знаний и представлений своего века, строя свою реконструкцию прошлого с надеждой, что она приближает нас к истине.

История казанской школы археологии является весьма заметным явлением в отечественной науке. Она имеет глубокие традиции в прошлом, настоящем и будущем. Многие идеи и концепции, высказанные в прошлом, имеют самое прямое отношение к современности, часто определяя наш теоретико-методологический багаж. Наследие прошлого в науке не просто красивые воспоминания, но и сам инструментарий, с помощью которого изучается прошлое, строятся различные объяснительные модели и реконструируются различные исторические процессы.

Сложность ситуации в том, что историография археологии довольно поздно стала оформляться в самостоятельный раздел науки и часто до сих пор пребывает в состоянии Золушки. В лучшем случае мы имеем дело с биографиями ученых или историографическими экскурсами по определенной теме. В то время как требуется системный и широкий взгляд на развитие археологии, формирование и смене ее парадигм, важнейших теоретических и методологических оснований.

Альфред Хасанович Халиков был не только видным археологом и историком, но и одним из тех, кто форми-

рует научные школы и формулирует концепции. Влияние его школы на развитие науки всего Волго-Уральского региона не подлежит сомнению, а многие действующие исследователи, вышедшие из нее, определяют в настоящее время развитие археологии в регионе. Подчеркивая его заслуги, следует отметить, что сам А.Х. Халиков действовал в рамках определенной научной парадигмы, определявшей теоретический багаж науки того времени. Достижения его не подлежат сомнению, а его вклад в осмысление прошлого народов Волго-Уральского региона важен и многообразен. Сохраняют значение для современного состояния науки не только его полевые изыскания, но и целый ряд концептуальных построений.

Однако его научное наследие не мемориал, а определенная ступень к познанию прошлого. Анализируя научные заслуги А.Х. Халикова, изучавшие его творчество коллеги, подчеркнули: «в последние годы в российской научной и квазинаучной литературе, и особенно, в Татарстане, вновь горячо дискутируется вопрос об этногенезе татарского народа. При этом зачастую забываются огромные заслуги А.Х. Халикова в разработке данной проблемы, а его научное наследие рассматривается лишь в узких рамках школы «булгаристов». Между тем, именно Халиков еще в 60-х годах со всей остротой поставил вопрос о необходимости комплексного подхода к изучению этнической истории тюркоязычных народов Среднего Поволжья и Приуралья ... Халиковские работы последних лет звучат сегодня особенно актуально, когда группой историков активно разрабатывается «новая» концепция, в основе ко-

торой лежит признание в качестве почти единственного предка всех этнографических групп татар (поволжских, сибирских, астраханских и даже крымских) т.н. «тюркоязычных татар», проникших из Центральной Азии на Волгу вместе с полчищами Батые в 1236 г. Эта концепция совершенно игнорирует одно из важнейших заключений булгароведения (которое базируется на большом количестве археологических и исторических фактов и которое активно – вслед за А.П. Смирновым – отстаивал и А.Х. Халиков) о значительной роли волжских булгар в этногенезе казанских татар» (Кузьминых и др., 1999, с. 23). Представляется, что подобная точка зрения излишне эмоциональна и неконструктивна.

Развитие науки, смена одних идей другими, а концептуальных оснований новыми методологическими подходами происходит не просто по воле «групп историков», но тогда, когда из набора конкурирующих идей, научное сообщество выбирает те, что отвечают современным достижениям науки. Структура подобных «научных революций» прекрасно описана в классическом науковедческом труде Т.С. Куна (Кун, 1975). В нем он сформулировал несколько важнейших тезисов, которые важны для понимания смены парадигм научного творчества, показал, как развитие «нормальной науки» по его терминологии заканчивается теоретическим тупиком, когда накопленная сумма фактов уже не укладывается в привычные объяснительные модели. Возникает проблемная ситуация, кризис прежних подходов и, наконец, формулирование новой концепции. Эта новая теория

не просто логичнее, непротиворечиво и комплексно объясняет всю имеющуюся фактологию, но и часто включает прежние идеи в качестве частных случаев. Собственно, это и является «научной революцией», которая заканчивается формированием новой «нормальной науки». К сожалению, «научные революции» в общественных науках происходят намного драматичнее и болезненнее, чем в естественных, поскольку являются частью привычной «картины мира», мировоззрения и самоидентификации. Отсюда и стремление части научного общества не утвердить свои взгляды в научной дискуссии, но дискредитировать своих противников. Подобный подход представляется некорректным и ненаучным.

Альфред Хасанович Халиков по праву занимает место одного из теоретиков проблем этногенеза и этнической истории. Но в последнее время именно эти его взгляды подвергаются значительной критике, а концепция этногенеза и этнической истории татарского народа – темы, которая была важнейшей и ключевой для него – пересмотру. Но это не значит, что они могут быть просто отброшены с уничижительным ярлыком «устаревшие». Более того, именно в этой ситуации требуется еще более серьезно изучить его труды, чтобы понять его и определить основу его теоретических постулатов, выяснить какие из них выдержали проверку временем, а какие должны стать достоянием истории науки. Ведь без его теоретических изысканий и моделей, очевидно, не сформировался бы и последующий этап «нормальной науки», так как именно на его трудах и подходах ба-

зировались последующие поколения историков, прокладывая свой путь в туманном прошлом.

Казанская научная школа и А.Х. Халиков: труды по болгаро-татарскому этногенезу. Казанская школа археологии существует более 200 лет и заслужила известность в научном мире открытиями многих своих славных представителей. Развитие археологии в Казани с самого появления интереса к древностям началось с обращения к остаткам татарской культуры. Еще со времени путешествий российских императоров по Волге Петра I и Екатерины II интерес к «Российскому Востоку» был значителен. В определенной мере можно даже сказать, что древности средневековых государств Поволжья сыграли роль, подобную античным памятникам Италии в истории археологии Западной Европы и Крыма в России, то есть своего рода «классических древностей». Изучение истории и предметов материальной культуры Волжской Булгарии и Золотой Орды способствовало развитию археологии, выработке ее методики и уточнению ее источниковедческой базы.

Особенностью становления археологии в Казани было творческое взаимодействие исследователей различных специальностей от геологов и этнографов до правоведов и историков. Очевидно, поэтому здесь не произошло разделения археологических исследований на изучение «классических» и первобытных древностей, как это было в Европе. Это привело к довольно раннему освоению археологами передовых методик, почерпнутых из арсенала естественных наук (изучение стратиграфии, эволюционная теория, типология находок) для изучения

средневековых памятников и элементов искусствоведческого анализа для описания первобытных древностей. Синтез двух направлений в изучении прошлого наиболее заметен в работах археолога-краеведа А.Ф. Лихачева и геолога А.А. Штукенберга. Взаимобогащение программ исследований шло не только по линии методики работ, но и в направлении углубленного исследования проблем этногенеза народов Поволжья. Важным направлением исследований практически всех археологов, историков, этнографов и краеведов являлось рассмотрение вопросов происхождения народов Поволжья и Приуралья и их контакты с различными регионами Евразии.

Особо бурное развитие археология получила в Волго-Уральском регионе во второй половине XX в. Способствовал этому целый ряд обстоятельств – необходимость изучения прошлого целого ряда народов края, чья история практически не освещалась письменными источниками, развертывание строительства большого числа народнохозяйственных объектов – гидроэлектростанций Волго-Камского каскада, заводов, каналов для мелиорации засушливых земель и т.д. В этих условиях прирост полевых материалов способствовал взрывному характеру накопления фактов и требовал создания моделей и теорий для их сопоставления, объединения и теоретического осмысления. В этих условиях не случайно было появление в регионе целого ряда выдающихся археологов-теоретиков, таких как А.П. Смирнов, В.Ф. Генинг, А.Х. Халиков.

Само становление Альфреда Хасановича как ученого приходится на вторую половину XX в. Хотя он за-

стал еще сталинскую эпоху, но идейно он был человеком уже следующего «оттепельного» поколения. В 1947 г. он поступил в университет, который окончил в 1952 г. Научным руководителем в студенчестве и его дипломной работы был Николай Филиппович Калинин – человек значительных и разнообразных знаний и талантов, чей круг интересов простирался от археологии до живописи, от татарской эпиграфики до музыки. Он без труда разглядел в пытливом юноше талант исследователя и всячески развивал его. Как-то на мой вопрос о том, как он начал изучать историю предков татарского народа, Альфред Хасанович ответил, что уже со студенческой скамьи. Позже он как-то оговорился, что даже писал курсовую работу по теме происхождения татарского народа. Этому можно верить хотя бы потому, что самая первая его работа в соавторстве с Н.Ф. Калининым в значительной части была посвящена исследованиям средневековых памятников Татарстана (Калинин, Халиков, 1954). Определенно, что в ее создании он принимал самое прямое участие. Но ясно и другое, что в условиях тогдашней научной конъюнктуры заниматься средневековой историей татар означало бы поставить крест на всей научной карьере. Это была опасная и во всех отношениях «скользящая» тема.

Вспомним, что на период его учебы приходится время, когда болгарская теория происхождения татарского народа стала не просто одной из других, но единственной. Причем не подлежащей ни сомнению, ни критике. Данная концепция, возникшая еще на заре становления исторической науки в конце XVIII – начале XIX в., была разработана в основных чертах в

1920-е гг. с появлением теории стадильности развития языка и автохтонного происхождения народов («яфетическая теория» Марра о развитии языка и общества). Во второй четверти XX в. болгаро-татарская концепция конкурировала с другими теориями (см.: Фирсов, 1921; Худяков, 1922, Губайдуллин, 1925; Губайдуллин (Газиз), 1924), но по мере внедрения в советскую историческую и лингвистическую науку вульгарного марксизма в виде марристских концепций, она постепенно становится все более популярной, поскольку добавляла этой традиции обоснование в виде новых «материалистических» теорий (Смирнов, 1938; 1940; Гимади, 1941).

Но после постановления ЦК ВКП(б) от 9 августа 1944 г. и особенно после научной сессии по происхождению татарского народа (25–26 апреля 1946 г.) данная концепция была основательно отредактирована и схематизирована. Важнейшим периодом татарской истории был признан болгарский, а история Золотой Орды стала рассматриваться как малозначимый и «внешний» для татарской истории. В большинстве советских исторических трудов 1940–50-х гг. (А.П. Смирнов, Х.Г. Гимади, Л.З. Залляй, Т.А. Трофимова, Н.Ф. Калинин) стала утверждаться прямая и непосредственная преемственность между булгарами и татарами (см.: Происхождение, 1948; а также: Измайлов, 1996, с. 96–101). Однако основная проблема была не в самом факте подобного отождествления (хотя сама по себе методика прямолинейного сопоставления средневекового этноса и современной нации достаточно схематична и сомнительна), а в насильственных партийно-административных методах ее

утверждения (Исхаков, 1997, с. 194–205; Измайлов, 1996, с. 96–101; 1997, с. 116–118). В этой связи понятно, что курсовая работа по теме о происхождении татар не могла быть построена только на принципах, сформулированных на «научной» сессии 1946 г. Но повторение уже использованных аргументов ограничивало возможности творчества.

В этих условиях можно предположить, что его научный руководитель Н.Ф. Калинин посоветовал студенту заняться более идеологически выверенной и политически нейтральной темой. И он переключился на изучение памятников каменного и бронзового веков.

Одновременно начались крупномасштабные работы в зоне затопления Куйбышевской ГЭС, позволившие резко увеличить источниковедческую базу данной работы. Можно сказать, что это была своего рода «внутренняя эмиграция» в глубокое прошлое. Но уже в конце 50-х – начале 60-х годов XX в. Альфред Хасанович Халиков начинает делать шаги в сторону освоения этой темы. Сначала это были раскопки Танкеевского и Большетиганского могильников, потом изучение взаимодействия различных народов Поволжья в древности и разработка древнейших этапов этногенеза финно-угорских народов Среднего Поволжья. В 1965 г. он стал заведующим отделом археологии и этнографии, с 1967 г. начал руководить масштабными исследованиями Билярского городища, а также написал очерк по истории Волжской Булгарии в академическую «Историю ТАССР» (1968). Тогда же он разработал и начал читать в Казанском университете курс лекций: «Этногенез народов Среднего

Поволжья и Приуралья» (с 1967), который с успехом читал в целом ряде зарубежных и российских вузах (см.: Халиков, 2011). К началу 70-х годов А.Х. Халиков уже стал признанным специалистом в области этногенеза и этнических контактов народов Среднего Поволжья и Приуралья. Произошло не просто возвращение к старой студенческой теме, но обращение к ней с новым багажом знаний, новыми подходами и на совершенно другой теоретической основе. Пришла пора решить проблему происхождения татарского народа на новом качественном уровне.

Первым его выступлением на тему этногенеза татарского народа стала газетная публикация 3 июля 1966 г., где он попытался отойти от прежнего «сталинистского» «булгаризма» и попытался поставить вопрос о происхождении казанских татар в контекст истории других тюркских народов, стараясь доказать, что тюркоязычные народы проникли в Среднее Поволжье задолго до болгар, которые сыграли роль стержня, на который наматывались все другие племена и народы, в том числе и центральноазиатские татары. Позднее эта точка зрения получила развитие в ряде выступлений на конференциях и программных статьях об истоках формирования народов Волго-Уральского региона (Халиков, 1971, с. 7–36; 1971а, с. 30–37; 1976, с. 102–119). Высказанные им новые мысли вызвали интерес научного сообщества и даже критику со стороны А.П. Смирнова и его последователей (Смирнов, Корнилов, 1972, с. 481–517; Смирнов, 1974, с. 320–324), что встретило обоснованное возражение казанских археологов (Халиков и др., 1972, с. 265–274).

Постепенно концепция происхождения татарского народа проходила стадию кристаллизации и вышла в свет в виде отдельной книги (сначала на татарском языке – в 1974 г., а затем и на русском языке – в 1978 г.). Могу сказать, как свидетель, что эта книга сразу же после выхода в свет стала настоящим бестселлером. Она была сметена с полок книжных магазинов буквально за несколько месяцев, несмотря на двадцатитысячный тираж. Концепция эта получила развитие в целом ряде других книг и статей А.Х. Халикова, фактически оставаясь неизменной в своей концептуальной части. В наиболее общем и концентрированном виде эта теория этапов этногенеза татар Среднего Поволжья и Приуралья была изложена автором в опубликованном докладе на II Всесоюзной тюркологической конференции (Алма-Ата, 27–29 сентября 1976 г.) (Халиков, 1981). Переработанная и дополненная его концепция была опубликована в двух монографиях (Халиков, 1978; 1989). Это был самый пик расцвета «научного булгаризма», когда она фактически безраздельно владела умами научного сообщества. Не принимали ее частично или целиком только отдельные историки (Ш.Ф. Мухамедьяров, М.А. Усманов). Но уже в начале 1990-х годов эта теория стала подвергаться критике. Надо сказать, что А.Х. Халиков чрезвычайно болезненно воспринимал любые сомнения в стройности его теории и бурно дискутировал со своими оппонентами. В ответ на критику он подготовил несколько трудов, где дополнял и развивал отдельные положения своей теории (см.: Халиков, 1992; 1994). При этом в своих поздних работах А.Х. Халиков совершил

сдвиг на самый край «булгаризма», всерьез предлагая провести референдум о будущем наименовании народа: «булгары» или «татары»?

В той или иной степени эта теория с конца 1970-х г. стала основной ортодоксальной теорией, своего рода ядром теории этногенеза в отношении татар Поволжья и Приуралья. Она использовалась или дополнялась в различных историко-этнологических трудах, а вокруг нее строился научный процесс и главные дискуссии (см.: Юсупов, 1971; Закиев, 1977; 1995; Каримуллин, 1988; Алишев, 1985; 1995; Бариев, 2005).

Булгаро-татарская концепция: от декларации к научной теории. Сама по себе гипотеза о булгарской основе современной татарской нации довольно традиционна и с разной степенью полноты уже рассматривалась в тех или иных трудах предшественников. Заслуга А.Х. Халикова в том, что он не просто обобщил все эти подходы, но и выстроил их в единую систему с общим концептуальным подходом и использованием комплексного историко-этнографического подхода. Во многом успех его трудов объяснялся ясным и логичным изложением, выполненным прекрасным языком на уровне лучших образцов научно-популярной литературы. Именно эта ясность, логичность и эрудиция способствовали популяризации этой концепции и сохранению устойчивого интереса к ней до сих пор.

Наиболее полное и последовательное изложение концепции А.Х. Халиков осуществил в ряде своих трудов (Халиков, 1978; 1980; 1989; 1992), хотя подходы к этой теме он начал формулировать еще в конце

1960-х гг. Отличие этой теории от прежних теорий, выдвинутых на «академической сессии 1946 г. (прежде всего это касалось трудов А.П. Смирнова – тогдашнего лидера отечественного болгароведения) заключалось в том, что она была теоретически выверенной и продуманной, в ней не было концептуальных прорех и натяжек. Главными отличиями от взглядов предшественников было два принципиальных положения. В этническом плане в этих трудах (в первую очередь А.П. Смирнова) болгарский этнос предстал не единым сообществом, а неким композитным населением, причудливой смесью различных племен и народов без четкой градации и без указаний на место этих этносов в типологии этнических общностей. А.П. Смирнов, как ученый еще досоветского образования, органически не принимал представлений об иерархии этнических общностей и использовал различные термины из «этнической» номенклатуры без всякой системы. Население Булгарии, которое у А.П. Смирнова чаще всего именовалось неопределенным термином «народ», могло быть и «этносом», и «народностью» и «смешением различных народов», а «булгары» в этой схеме были то «населением страны», то «одним из племен». Он прямо писал, что: «Археологический материал Поволжья дает право говорить, что в Булгарское царство вошли незначительной частью племена, связанные генетически с ананьинской и пьяноборской культурами, древние удмурты, коми, мари, а основную массу составляли племена культуры городищ рогожной керамики и могильников типа Армиевского и Ивановского, культуры связанные с мордвой и чу-

вашами и, наконец, кочевники булгары» (Смирнов, 1951, с.27). То есть, в состав болгарского народа вошли, по его мнению, в той или иной степени, все народы Урало-Поволжья, а это лишило этногенетические исследования всякой определенности, приравнивая ключевой фактор с малозначимыми и второстепенными элементами. К слову сказать, определенный повод для этого давали взгляды самого «классика» И.В. Сталина, который в свое время (1913 г.) писал, что «нынешняя итальянская нация образовалась из римлян, германцев, этрусков, греков, арабов и т.д. Французская нация сложилась из галлов, римлян, бриттов, германцев и т.д. То же самое нужно сказать об англичанах, немцах и прочих сложившихся в нации различных рас и племен» (Сталин, 1946, с. 291). Хотя И.В. Сталин, вроде бы, имел в виду нации, но его последователи часто применяли его цитату в отношении средневековых этносов. Как бы то ни было, но взгляды А.П. Смирнова являлись слишком расплывчатыми и нечеткими для теоретического моделирования.

Другим недостатком предшественников, который стремился преодолеть А.Х. Халиков, было недооценка эвристических возможностей археологии. В частности А.П. Смирнов в одной своей программной работе прямо указал, что для периода средневековья такое теоретическое понятие, как «археологическая культура» не применима (Смирнов, 1964, с. 3–14; 1968, с. 63–71, прим. 38). Следование этому тезису привело к тому, что археологические материалы в изучении средневековых этнических общностей Поволжья (булгары, татары и т.д.) использовались несистемно, выборочно

и иллюстративно. Например, чтобы показать включение в состав населения болгарских городов русских переселенцев, указывалось на находки русской гончарной посуды, а финно-угорского населения – различные виды женских украшений. Возникали вопросы: частью какой системы были эти элементы? Одной археологической культуры или разных? Насколько они информативны применительно к болгарским древностям? Вообще, как понимать те или иные археологические явления в средневековых древностях: как единое целое или как некую мозаику. Все эти вопросы А.П. Смирнов и его последователи предпочитали оставлять без ответа, оперируя ими так, как будто они подменяли целостный анализ.

Все эти противоречия А.Х. Халиков решил преодолеть, сделав современный и комплексный историко-археологический анализ и представив цельную теорию. Наиболее емкое и краткое изложение основных положений его концепция получила в статье в материалах тюркологического съезда (Алма-Ата, 1980) (Халиков, 1980, с. 7–36). В нем не только изложил основные положения своей теории, но и дал некоторые теоретические пояснения.

Основным пунктом противоречий с А.П. Смирновым стала, как это не покажется парадоксальным, археология. А.Х. Халиков, начинавший свою научную карьеру как «классический» археолог смотрел на болгарские древности в первую очередь с точки зрения материальных объектов. Он считал главным фактором для определения некоей этнической общности «сходство или однотипность быта и культуры...» (Халиков, 1989, с. 87)

и на примере Булгарии прямо писал, что «своеобразие болгарской культуры и бытового уклада также выступает как один из показателей болгарской народности» (Халиков, 1989, с. 112). Фактически в своих трудах он вплотную подошел к понятию «болгарская археологическая культура». Прямо и не сформулировав его, он фактически описывал древности Булгарии, как единую археологическую общность.

Другим моментом разрыва с взглядами А.П. Смирнова было формулирование концепции о «болгарской народности». Собственно говоря, этот теоретический шаг был вполне логичен и напрашивался уже давно и только из-за упорного стремления А.П. Смирнова видеть в населении Булгарии мозаику разных народов и племен, не применялся. Представление о средневековой народности вытекало из самих постулатов исторического материализма в их сталинском исполнении с делением этнических общностей по стадиям общественно-экономических формаций на племя, народность и нацию.

Используя этот теоретический постулат советской социологии и истории, А.Х. Халиков доказывал существование болгарской народности. Система аргументации была обычна для такого рода работ и опробована на других странах, в частности Древней Руси («древнерусская народность»): автор рассматривает исторические и археологические факты, доказывающие существование в Булгарии государства с определенной территорией и общностью хозяйства и культуры, а также языка и некоего антропологического типа волжских болгар» (см.: Халиков, 1989, с. 110). На основе этого автор постулировал существова-

ние единой болгарской народности со своим самосознанием (см.: Халиков, 1989, с. 103–117).

«Булгарская народность» играла важную роль в теории А.Х. Халикова не сама по себе, а как ключевого момента общей истории татарского народа (подробнее см.: Халиков, 1978; 1980; 1989; 1992; 2011). Весьма существенным элементом всей этой этногенетической концепции было стремление доказать изначальное существование определенной «булгарской этничности». Согласно ей тюркизация населения Волго-Уральского региона началась уже в первые века н.э. в связи с перемещением гуннов из Западной Сибири и Центральной Азии. В их составе в Европу проникли и протоболгары. В Среднем Поволжье и Приуралье «булгарская народность», начала складываться с VIII в. н. э. на основе слияния пришлых болгар с местными тюрко-угорскими племенами, а в дальнейшем она развивалась под воздействием внешних этнокультурных влияний, сохраняя свои традиции в культуре.

Основные этнокультурные традиции и особенности современного татарского («булгаро-татарского») народа сформировались в период Волжской Булгарии (X–XIII вв.), а в последующее время (золотоордынский, казанско-ханский и русский периоды) они претерпевали лишь незначительные изменения в языке и культуре. Княжества волжских болгар, находясь в составе Золотой Орды, пользовались значительной политической и культурной автономией, а влияние ордынской этнополитической системы власти и культуры (в частности, литературы, искусства и архитектуры) носило характер чисто внешнего

воздействия, не оказавшего заметного влияния на булгарское общество. Важнейшим следствием господства Улуса Джучи стал распад единого государства Волжской Булгарии на ряд владений, а единой булгарской народности – на две этнотерриториальные группы («булгаро-буртасы» улуса Мухша и «булгары» волго-камских булгарских княжеств). В период Казанского ханства булгарский («булгаро-казанский») этнос упрочил ранние домонгольские этнокультурные особенности, которые продолжали традиционно сохраняться (включая и самоназвание «булгары») вплоть до XVIII в. когда ему татарскими буржуазными националистами и советской властью был насильственно навязан этноним «татары». Вот как пишет об этом А.Х. Халиков: «..не позднее рубежа XVII–XVIII вв. в результате колониальной политики царского самодержавия и националистических устремлений местной феодальной знати воспринимает этноним татары» (Халиков, 1980, с. 376).

В целом, надо подчеркнуть, что эта теория является серьезным шагом вперед в теоретическом осмыслении происхождения татарского народа. В отличие от лапидарных и схематичных докладов на сессии по этногенезу 1946 г. в ней были разработаны теоретические положения, последовательно изложены этапы этнической истории, внутренне она почти не содержит противоречий и изъянов. Для своего времени это была большим шагом вперед, показывая высокий уровень развития науки в Казани и являясь серьезной научной теорией, в которой не было фантастических допущений и симптомов «детской болезни национализма». Недаром она получила

высокую оценку со стороны специалистов по этногенезу народов СССР, в частности академика Валентина Васильевича Седова, чл.-корр. РАН Раиля Гумеровича Кузеева и др.

Теория этнологическая: средневековая народность. Теоретическим основанием для изучения этногенеза и этнической истории различных народов в советской историографии служили труды И.В. Сталина, в первую очередь «Марксизм и национальный вопрос» и «Национальный вопрос и ленинизм». Но в 1960-х – 70-х годах цитировать их уже было не принято, хотя советские учебники по историческому материализму продолжали тиражировать его взгляды, ссылаясь на «классиков марксизма-ленинизма». Позднее появились и советские «теории этноса», где «теоретически обосновывались те же взгляды (см.: Бромлей, 1983). В ней пятичленная формационная теория дополнялась «советской этнической триадой» (племя-народность-нация). Поскольку эпохе средневековья соответствовала категория народности, то стоило доказать, что какое-либо общество являлось феодальным государством, то, исходя из этого, можно было прямо постулировать существование единой народности. Как правило, историки так и поступали, конструируя для Древней Руси «древнерусскую», для Польши – «польскую», а для Грузии – «грузинскую» народность. Все остальные доказательства, в принципе, могли быть в наличии в разной степени полноты. Археологические материалы в этой системе впервые привлекались в целостном виде, хотя им часто придавалось определенное этническое значение, которое они могли и не иметь. Возражения вызывали

лишь некоторые детали этих построений, а не их теоретическое основание.

Концепция А.Х. Халикова также целиком и полностью опиралась на эти представления о существовании такой этнической общности, как «народность», наличие которой постулировалось советской теорией. А.Х. Халиков прямо писал, что «Обязательным условием сложения этнических общностей высокого порядка типа народности или нации следует считать наличие общей территории, единого государства, установление тесных экономических связей между отдельными районами этой страны, сходство или однотипность быта и культуры, сливающихся в народность этнических групп, и наличие общего или, по крайней мере, понятного всему народу языка. Побочными факторами, способствовавшими этнической консолидации, могут служить такие надстроечные категории, как религия, система письменности и т.п.» (Халиков, 1989, с. 87; 2011, с. 206). При этом он ссылаясь на «классиков марксизма-ленинизма». Но его ссылка на труд Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» неверна не только фактически, но и по существу, поскольку «классики» ничего не знали о «народностях» и их свойствах. Все эти признаки – плод творчества одного «классика» – И. Сталина и его философствующих последователей. Вслед за советскими этнологами, А.Х. Халиков полагал, что народность обладает теми же признаками, что и нация, но они выступают в менее развитом виде: такие, как этническое самосознание, общий или общепонятный язык, наличие устойчивой территории и определенная форма социально-территориаль-

ной организации, общие особенности культуры, развитие экономического единства и т.д. (Халиков, 1989, с. 104). Иными словами, народность в этой концепции выступает как неразвитая нация, имеющая все ее признаки, но сконструированная для периода средневековья.

Исходя из такого понимания сущности этноса, методика определения характерных черт средневековой народности сводилась, по сути дела, к выискиванию в источниках несистемных доказательства единства языка, самосознания, территории и хозяйства. На этом основании, а также на затверженном догмате, что «признаками народности и нации являются язык, территория, социально-экономическая и этнокультурная общности людей», автор конструирует некую «булгарскую народность». Однако подробного описания этнических черт (в том числе и элементов самосознания, так как именно их анализ позволил бы выделить то население, которое называло себя «булгар» в средневековом Поволжье) автор, к сожалению, не дает.

Характерен такой пример: А.Х. Халиков, говоря о формировании единого самосознания, апеллирует к иноязычным в том числе русским источникам, которые называли население Булгарии единым термином – «болгары» (Халиков, 1989, с. 104–106). Однако выдернутый из древнерусского контекста, несмотря на кажущуюся красноречивость и даже вследствие этого, данный термин ничего не доказывает, кроме определенного отношения русских к соседям. Действительно, возможно, в глазах русских летописцев болгары и представляли собой некую общность,

но то, что это была общность этнического, а не государственного или профессионального порядка, осталось неясным и специально автором не доказывается. Поскольку, как известно, одновременно в русской традиции бытовали термины типа «немцы» (по отношению ко многим народам Западной Европы) или «черемисы» (по отношению к марийским, удмуртским и даже чувашским племенам), то мы вправе сомневаться, что простой ссылки на термин русских источников достаточно, чтобы решить вопрос о «едином булгарском самосознании» в средние века.

Точно также в рамках этой концепции он поступал и с этнонимом «татары», который, по его мнению, являлся «этническим камуфляжем» (довольно неудачный термин, предложенный Л.Н. Гумилевым, который активно использовал А.Х. Халиков), которым обозначали булгаро-кыпчаков Золотой Орды, в то время как их культура оставалась неизменной в период всего средневековья.

Подобный подход к этносу характерен для подхода к этническим процессам, который в современной науке называется примордиалистским или эссенциалистским. Смысл его состоит в том, что этничность рассматривается как некая сущность (эссенция), которая изначально (примордиально) характерна для каждой этнической общности и остается неизменной с течением времени. Отсюда базовое противоречие «булгаро-татарской теории»: предполагается, что, поскольку средневековая культура булгар оставалась неизменной, то и булгарский этнос вплоть до позднего средневековья сохранял свое «булгарство». Однако, проблема в том, что в самых

многочисленных источниках внутри-этнического характера (метрические мусульманские книги, шеджере и т.д.) определенная часть населения именовала себя «татарами». «Булгаро-татарская» теория объяснить этого не в состоянии. Ведь сама теория примордиональности предполагает, что сами этнические процессы протекают чисто материально, как смена одних признаков другими. Отсюда и представления об этнических процессах не как о культурных или социально-политических явлениях, а как чисто механический (биологический) – переселения, ассимиляция и т.д.

Вот как, например, А.Х. Халиков объяснял самый сложный процесс – внедрения в болгарскую среду «татарского самосознания» в период поздней Золотой Орды и Казанского ханства: «Все это обусловило начало распада некогда единой общеполитической общности. В XV–XVI вв. тенденция дифференциации еще более усиливается. В условиях Казанского ханства – преемника Волжской Булгарии – шел процесс формирования казанских татар... Показательно, что почти все они предпочитали не называть себя татарами. Это имя было непопулярным в народе, хотя в среде последнего в условиях распада Золотой Орды неоднократно включались представители золотоордынских татар» (Халиков, 1980, с. 375). Учитывая, что чуть ранее, он указывал, что основная территория Золотой Орды была населена «преимущественно тюркоязычными народами...», то непонятно откуда взялись в степях Восточной Европы эти самые татары. Иными словами, небольшая группа неких золотоордынских татар, внедрившись в среду болгар «навязала»

им свой этноним и этническое самосознание. Однако, что мешает предположить, что подобная инфильтрация происходила еще с XIII в. И каков механизм «внедрения» этого татарского сознания в болгарскую среду? Ответов на эти вопросы автор не дает. Но проблема в том, что в рамках данной парадигмы их просто не существует.

Парадигма археологической этногенетики: метод «восхождения». Другой теорией, на которой зиждилась концепция «болгарской народности» был археологический метод «восхождения»: прямая «возгонка» от изучения отдельных предметов и объектов к анализу культур и от него к созданию полноценной картины истории. По такой методике построены многочисленные «древние истории» регионов, где излагались материалы археологических исследований и делались выводы исторического характера. Суть этого метода выразил А.В. Арциховский в сакраментальной дефиниции: «археология есть наука, изучающая историческое прошлое человечества по вещественным историческим источникам» (Арциховский, 1955, с. 3). Пока шло широкое археологическое обследование территории СССР, происходило накопление источниковедческой базы, постоянно открывались новые объекты, культуры и целые эпохи, конструировались «истории» бесписьменных народов СССР, подобный подход не вызывал особых сомнений.

Однако по мере углубления исследований археологи все чаще начинают сталкиваться с трудностями в исторической интерпретации своих материалов, вызванными в первую очередь многозначностью, фрагментарностью и разрывом в традиции архе-

ологических источников. Нередки, вследствие этого, случаи использования археологических фактов в качестве простой иллюстрации исторических выводов, а в их интерпретации допускаются субъективизм и произвольные (вплоть до взаимоисключающих) толкования, которые часто вели и ведут до сих пор к схоластическим и малопродуктивным дискуссиям об «этнической принадлежности» той или иной археологической культуры.

Показательным в этом смысле является то направление исследований археологов, которое занималось реконструкцией этнических процессов в древности. Оно было удачно названо Л.С.Клейном «археологической этногенетикой» (Клейн, 1993, с. 39–45). Методика ее, начавшая складываться в советской науке 1940–50-х годов в трудах М.И. Артамонова, П.Н. Третьякова, А.П. Смирнова и Б.А. Рыбакова, получила последовательное, системное описание и детальное теоретическое обоснование уже в 1960–80-е годы, благодаря исследованиям В.Ф. Генинга, В.В. Седова и А.Х. Халикова, а ныне разрабатывается их учениками и коллегами.

Данная концепция была открыта отнюдь не советскими этногенетиками. В основных чертах сформулирована в трудах учеников германского этнолога и археолога Густава Коссина, принимавших постулат, выработанный в рамках теории «культурных кругов», что совпадение границ распределения типов вещей, объектов и других культурных явлений следует рассматривать в качестве проявления этнической (то есть, по их трактовке языковой) общности. Поскольку, по их мнению, племенное родство и единство языка облегчали культур-

ный контакт и конвергенцию, а их отсутствие – затрудняло. Следовательно, по данной теории, этническая граница большей частью должна была служить препятствием для распространения типов вещей, а их совпадение – показателем этнической (языковой) общности (Клейн, 1991, с. 145–146). Основой данного метода стало картографирование сходных явлений культуры (чаще всего керамической посуды или женских украшений) и конструирование на этой базе культурно-этнических общностей. Справедливости ради, надо все же отметить, что Коссина и его последователи, если и предлагали его, то, скорее как операционный принцип, не защищая открыто и, тем более, не возводя в теорию. Это было сделано и даже теоретически закреплено уже в трудах советских археологов 40–50-х годов XX в.

Процедурная основа новых представлений о соотношении этноса и археологической культуры была сформулирована в ходе дискуссии об этногенезе в конце 1940-х годов, а их развернутая характеристика (Токарев, 1949, с. 12–36) была одобрена в 1951 г. на всесоюзном совещании этнографов. Во время дискуссии М.И. Артамонов, в частности, выдвинул тезис об обязательном соответствии определенных археологических культур конкретному этническому образованию. Исходя из утверждения, что «этнические особенности не ограничиваются языком, а распространяются на другие стороны культуры, как духовной, так и материальной», археологическая культура рассматривалась как «совокупность признаков этнографического порядка: в рамках каждой культуры в узком значении этого тер-

мина заключается особое этническое образование – племя или народ» (Артамонов, 1949, с. 10–11).

Иными словами, при прокламировании комплексности подхода к познанию этноса (Токарев, 1949, с. 36), в конкретных исследованиях источником всех этногенетических реконструкций, как правило, становилось изучение материальной культуры, а применительно к прошлому – данные археологии. Именно они стали основной фактологической базой изучения истории этноса, буквально замененной археологической этногенетикой (Ганжа, 1987, с. 137–158). Концептуальной особенностью «археологической этногенетики» является то, что целью ее изучения является не все общество, а народ, как этническая категория. Характерно, что сторонники данного подхода не единодушны в конкретных схемах интерпретаций и часто полемизируют по их деталям. Однако все они едины в одном: каждой археологической культуре в идеале должен соответствовать определенный и единственный древний этнос, а предметом изучения служат некие «этнические признаки» (как правило, керамическая посуда, украшения и элементы погребального обряда). Археологический материал в этой методике имеет свое значение и место в системе доказательств, в качестве «объективного» и «красноречивого доказательства», хотя чаще всего приводится как иллюстрация исходных положений, придавая им дополнительную самоочевидную убедительность.

В этом смысле концепция А.Х. Халикова является весьма показательной, показывающей все силь-

ные и слабые стороны метода «археологической этногенетики». Хотя он был близок к обоснованию понятия «булгарская археологическая культура», но формулировал его скорее эксплицитно, не употребляя этот термин и, соответственно, не анализируя их последовательно как культурно-территориальную общность. Внимание к этому положению важно, поскольку для советской этногенетической реконструкции на основе данных археологии, необходимо обобщить археологические памятники в такой теоретический конструкт, как «археологическая культура». После чего, в соответствии советской теорией этногенетики, можно реконструировать этническую общность.

Поэтому использование археологических источников было так важно для А.Х. Халикова и его концепции. Обобщение этих материалов давало ему уверенность, что они обеспечивают объективную реконструкцию различных сфер жизни общества. Он прямо подчеркивал, что «своеобразие булгарской культуры и бытового уклада... выступает как один из показателей булгарской народности», при этом указывается, что «наиболее типичным предметом булгарской культуры исследователи справедливо рассматривают гончарную керамику» (Халиков, 1989, с. 113). Иными словами, на основе некоторого единства археологических памятников, выделяемых, главным образом, на основе памятников с особой керамической посудой, украшениями, мусульманским обрядом погребения и т.д. конструируется некая этноархеологическая общность (Халиков, 1989, с. 87–103; 2011, с. 201–211), которая

прямо связывается с этнокультурными признаками средневековой народности.

По своим теоретическим основаниям и цельности изложения данная концепция стала важным шагом в познании этногенетических процессов в средневековье. Теория «българской народности» и система археологических доказательств ее возникновения и развития стала важным этапом в понимании этногенетических процессов в Волго-Уральском регионе. Вместе с тем, было бы неверно не указать на теоретические и фактические слабости данной теории, которые и являются собой «проблемную ситуацию», требующую изменения подходов к ней.

«Българская народность»: проблемная ситуация. Разумеется, в трудах А.Х. Халикова по проблемам этногенеза представлена лишь «спрямленная» версия научного поиска. Реальные исследования и их методика не так однолинейны, хотя теоретические положения выглядят именно так. Для данной теории характерно смешение методов археологии и этнологии. Как следствие этого методического разнобоя, его сопоставления не имеют ни археологической четкости, ни этнологической определенности.

Эта «квадратура круга» теоретических положений связана в первую очередь с некорректностью терминологии и нечеткостью метода. Отсутствие четко определенного понятия археологическая культура и ее соотношения с этносом (например, «българская археологическая культура» = культура населения Волжской Българии = българский этнос), а также непротиворечивое описание метода их сопоставления, ведет к весьма расплывчатому характеристи-

кам, которые, как правило, не являются ни чисто археологическими, ни строго этнологическими. Нечеткость определений ведет к произволу в рассуждениях и амбивалентности доказательств, а, в конечном счете, и к сомнительным, некорректным выводам.

Если само понятие «археологическая культура» не разрабатывается и не применяется к средневековым общностям, то и реконструировать этнос на основе данных археологии невозможно. Осознание этих трудностей, однако, не заставило сторонников метода «археологической этногенетики» пересмотреть стратегию исследований. Отказываясь от признания полного совпадения этноса всей археологической культуре, сторонники «археологической этногенетики», стремясь сохранить главное – соответствие археологической культуры этносу – прибегают к выделению элементов, имеющих этническое значение – «этнических признаков». Теоретические постулаты и методические недостатки данной схемы подробно изучены и дискредитированы, поскольку доказаны методологическая порочность отождествления части с целым; разрушение логической основы для самого понятия «археологическая культура» с ликвидацией синтетического подхода; внутренняя противоречивость в самой позиции сторонников этой концепции, обычно вынужденных оговаривать свое принципиальное согласие с необходимостью комплексного подхода; неопределенность (поскольку структуру сторонники этногенетики никак не оговаривают) понятия «этнос» для разных эпох, общностей и конфессий; отсутствие регулярного совпадения произвольно выбранных признаков (керамика и технико-тех-

нические способы ее изготовления, форма и типы ее орнаментации, устройство жилищ, украшения, способ погребения и т.д.) с древним этносом, поскольку для каждой эпохи, региона и этнокультурной общности эти характеристики будут своеобразными и оригинальными. (Кнабе, 1959, с. 243–257; Клейн, 1991, с. 145–153; 1993, с. 39–45, 55–63; Шнирельман, 1990; 1993). Иными словами, древние этнические общности и их совпадение с ареалами археологических культур оказываются гораздо более сложными, нежели простые и безупречные с точки зрения здравого смысла и формальной логики схемы и не сводимы к априорно выбранному набору признаков.

Однако это, казалось бы, вполне логичное, но на деле квазирациональное построение не выдержало столкновения с данными этнографии. Постепенно под давлением фактов большинство археологов было вынуждено признать реальность бурных перемещений народов и культурных контактов, существование расплывчатых культурных границ, наличие переходных и контактных зон, смешанных культур и т.д. Свидетельством определенного кризиса этого направления служит все более частое декларирование «полиэтничности» археологических культур, нередко игравших решающую роль в концепции этногенеза того или иного народа (например, черняховской культуры – в концепции происхождения восточных славян, салтово-маяцкой – в этногенезе тюркских народов Европы и т.д.). В этом же ряду отказ признать применимость использования для эпохи древности и средневековья понятия

«археологическая культура» (иными словами, без должных теоретических выкладок и обоснований ограничивается сфера применения базового для археологии, как науки.

Данный метод, применяемый в отношении этнической истории Булгарии, продолжает, однако, развиваться в трудах ряда исследователей, приобретаемая, однако, все более шаблонный и формальный характер в определении «атрибутов» и «признаков» «феодальной болгарской народности» при сложившейся «единой общеполитической материальной и духовной культуре» (Хузин, 1997; Казаков, 1992). При разработке проблем этноса болгар, исследователи сталкиваются с рядом аспектов, трудно разрешимых в рамках данного подхода. Так, постулируемая «единая общеполитическая культура», в соответствии с этой же самой методикой, оказывается на деле многокомпонентной и не соответствует какому-либо определенному этносу. По мнению Ф.Ш. Хузина, «нельзя абсолютизировать кажущуюся этническую однородность населения домонгольской Булгарии. Источники свидетельствуют, что этническая пестрота, столь характерная для ранних этапов сложения народности, сохраняется долго. Тюркоязычные группы действительно сравнительно быстро консолидируются в рамках единого сообщества. Однако в Булгарии проживали и регулярно проникавшие из соседних земель чужеродные группы (финно-угры, славяне), которые в большинстве своем никогда не теряли своего этнического лица. Ассимиляция подвергалась только часть этого населения» (Хузин, 1997, с. 46). Возникает вопрос: можно ли в таком

случае всех носителей «единой болгарской культуры» считать представителями «болгарской народности»?

Отрицательный ответ на этот вопрос сторонников «археологической этногенетики» содержит два семантических аспекта, которые обнажают недостатки и противоречия их концепции. Поскольку на основании данных исторических источников можно заключить, что на территории Болгарии жили и представители других этносов, то, очевидно, не все носители культуры считали себя «болгарами». Обратной стороной этого положения является молчаливое признание многоэтничности носителей единой «болгарской культуры». Однако в таком случае, разрушается не только единство болгарской народности, конструируемой на основе «объективных» археологических данных, но и теоретическая монолитность теории «этногенетики», которая постулирует соответствие каждой археологической культуре только одного и единственного этноса.

Еще более сложной является проблема этноса и этничности для периода средневековья. Достаточно сказать, что современная наука отвергает примордиалистский (эссенциальный) подход к этничности и использует другие объяснительные модели, основанные на конструктивистских и структуралистских подходах. В советской историографии этнические общности эпохи средневековья получили название «народность». Однако те факторы единства, которые в это понятие вкладывались («единство языка, территории и культуры») фактически нигде не был выявлены. Никакого культурного единства внутри различных политических образований сред-

невековой эпохи не было, и быть не могло. Одни явления имели надобщинный характер и отражают определенное единство высшего сословия, другие имеют локальный и внеэтнический характер (например, единство погребального обряда свидетельствует о религиозной унификации ритуалов). Но в целом культурные, языковые, сословно-социальные и политические общности представляют собой различные ареалы, имеющие некоторые общие поля, но полностью не совпадающие.

Все эти древние и средневековые общества Э.Геллнер называл агро-письменными (Геллнер, 2002, с. 146–200). Не вдаваясь в анализ социально-экономической системы допромышленных обществ, следует все-таки отделить древние и полисные общества и ограничиться рассмотрением тех, которые были характерны для Старого Света в период после падения Римской империи и до промышленной революции. Следует отметить две их важнейшие характеристики – они являлись аграрными и сословно-классовыми, что позволяет в самом общем виде называть их аграрно-сословными, для которых были характерны некие сословно-культурные (условно их можно назвать, «этническими») общностями. Пожалуй, наиболее общее и нейтральное определение этнической общности дал Э. Смит, который полагал, что это «группа людей, имеющая имя, мифы об общих праотцах, общие исторические воспоминания, один или несколько элементов общей культуры, связь с родиной и определенную степень солидарности, по крайней мере, среди элиты» (Smith, 1981, p. 66). Сам же процесс изучения этногенеза и эт-

нической истории является гораздо более сложным и многоступенчатым исследованием, нежели признание некой общности «народностью».

Таким образом, можно констатировать, что концепция этногенеза и этнической истории татарского народа, созданная А.Х. Халиковым была серьезным теоретическим прорывом, поскольку имела цельный, концептуальный характер. Стройность и соответствие пользовавшейся в то время популярностью советской парадигме (утверждение которой имело внеучный характер, а идеологические постулаты, составлявшие ее основу утверждались всей мощью советского государства) способствовало тому, что она долгое время определяла теорию и практику казанской школы археологии. Однако сейчас мы вынуждены признать, что непротиворечивой она была только в рамках советской парадигмы и, если бы не партийно-советский диктат над наукой, то все эти изъяны были бы выявлены гораздо раньше. Недостатки вызваны теоретическими постулатами советского исторического материализма – при-

матом базиса (средства производства и производственных отношений) над надстроечными явлениями (культура, общественное сознание и т.д.), а также этнологическими представлениями, появившимися еще в конце XIX в. и замороженными в отечественной науке, основанными на примордиалистском подходе к сущности этнических процессов. Все они имели конкретное воплощение в методике использования этнологии и археологии применительно к средневековой Булгарии. Но недостатки всякой теории – продолжение ее сильных сторон. Отличавшиеся в лучшую сторону от автохтонистских и примитивных марристских гипотез, теоретической проработкой и системным использованием данных археологии, они оказались ущербными, когда теоретическая база историко-этнологических исследований отечественной науки резко расширилась. В первую очередь, это касается новых подходов к теории археологии и этнологии, которые формируют новые подходы к этническим проблемам в период средневековья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алишев С.Х. К вопросу об образовании булгаро-татарской народности // Исследования по исторической диалектологии татарского языка. – Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1985. – С. 109–117.
2. Алишев С.Х. Образование татарской народности // Материалы по истории татарского народа. – Казань: ИЯЛИ АН РТ, 1995. – С. 201–223.
3. Артамонов М.И. К вопросу об этногенезе в советской археологии // КСИ-ИМК. – № 29. – Л, 1949. – С. 2–16.
4. Арциховский А.В. Основы археологии. – М.: Госполитиздат, 1955. – 280 с.
5. Бариев Р.Х. Волжские булгары: история и культура. – СПб.: Агат, 2005. – 304 с.
6. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. – М.: Наука, 1983. – 412 с.

7. Ганжа А.И. Этнические реконструкции в советской археологии 40–60 гг. как историко-научная проблема // Исследование социально-исторических проблем в археологии. – Киев: Наукова Думка, 1987. – С. 118–158.

8. Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Нации и национализм. – М.: Праксис, 2002. – С. 146–200.

9. Гимади Х.Г. Некоторые вопросы истории Татарии (к вопросу о периодизации истории до XVIII в.) // Ученые записки Казанского гос. пед. института. – Вып. 4. – Казань, 1941, – С. 52–67.

10. Губайдуллин Г. Из прошлого татар // Материалы по изучению Татарстана. – Вып. II. – Казань: Научное Об-во Татароведения, 1925. – С. 71–111.

11. Губайдуллин (Газиз) Г. История татар. (Казан, 1924). Сокр. перевод с татар. С.Г. и А.Х. Губайдуллиных. – М.: Московский лицей, 1994. – 198 с.

12. Закиев М.З. Татар халкы теленен барлыкка килуе. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1977. – 208 с.

13. Закиев М.З. Проблема этногенеза татарского народа // Материалы по истории татарского народа. – Казань: ИЯЛИ АН РТ, 1995. – С. 12–94.

14. Измайлов И.Л. «Не дано марксистской оценки Золотой Орде...» // Эхо веков=Гасырлар авазы. – 1996. – № 3/4. – С. 96–101.

15. Измайлов И.Л. «Идегеево побоище ЦК ВКП(б) // Родина. – 1997. – № 3/4. – С. 116–118.

16. История ТАССР. – Казань: Татар. Кн. изд-во, 1968. – 719 с.

17. Исхаков Д.М. Проблема становления и трансформации татарской нации. – Казань: Мастер-Лайн, 1997. – 248 с.

18. Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии. – М.: Наука, 1992. – 335 с.

19. Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. Итоги археологических работ за 1945–1952 гг. Труды Казанского филиала АН СССР. – Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1954. – 127 с.

20. Каримуллин А.Г. Татары: этнос и этноним. – Казань: Татар. Кн. изд-во, 1988. – 128 с.

21. Клейн Л.С. Археологическая типология. – Л.: АН СССР, 1991. – 448 с.

22. Клейн Л.С. Феномен советской археологии. – СПб.: Фарн, 1993. – 118 с.

23. Кнабе Г.С. Вопрос о соотношении археологической культуры и этноса в современной зарубежной литературе // Советская археология. – 1959. – № 3. – С. 243–257.

24. Кузьминых С.В., Старостин П.Н., Хузин Ф.Ш. Альфред Хасанович Халиков. Очерк жизни и научной деятельности. – Казань: ИИ АН РТ, 1999. – 60 с.

25. Происхождение казанских татар. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1948. – 160 с.

26. Смирнов А.П. О возникновении государства волжских булгар // ВДИ. – 1938. – № 2(3). – С. 99–112.

27. Смирнов А.П. Очерки по истории древних булгар // Труды ГИМ. – Вып. XI. – М., 1940. – С. 35–137.

28. *Смирнов А.П.* Волжские булгары // Труды ГИМ. – Вып. XIX. – М., 1951. – 275 с.
29. *Смирнов А.П.* К вопросу об археологической культуре // СА. – 1964. – № 4. – С. 3–17.
30. *Смирнов А.П.* Об археологических культурах Среднего Поволжья // СА. – 1968. – № 2. – С. 63–71.
31. *Смирнов А.П.* Ответ А.Х. Халикову, П.Н. Старостину, Е.А. Халиковой, А.Г. Петренко // СА. – 1974. – № 4. – С. 320–324.
32. *Смирнов А.П., Корнилов Г.Е.* Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья (Рец.) // История и культура Чувашской АССР. – Вып. 1. – Чебоксары: Чувашский научно-исслед. ин-т языка, литературы, истории и экономики, 1972. – С. 481–517.
33. *Сталин И.В.* Марксизм и национальный вопрос // Сталин И. Сочинения. – Т. 2. – М.: Политиздат, 1946. – С. 290–367.
34. *Токарев С.А.* К постановке проблем этногенеза // СЭ. – 1949. – № 3. – С. 12–36.
35. *Фирсов Н.Н.* Чтения по истории Среднего и Нижнего Поволжья. – Казань, 1921. – 136 с.
36. *Халиков А.Х.* О происхождении казанских татар // Советская Татария. – 1966. – 3 июля.
37. *Халиков А.Х.* Истоки формирования тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья / Отв. ред. А.Х. Халиков. – Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1971. – С. 7–36.
38. *Халиков А.Х.* Общие процессы в этногенезе башкир и татар Поволжья и Приуралья // Археология и этнография Башкирии. – Т. IV. – Уфа: Изд-во БФАН СССР, 1971а – С. 30–37.
39. *Халиков А.Х.* Культура народов Среднего Поволжья в X–XIII вв. // ВИ. – 1976. – № 4. – С. 102–119.
40. *Халиков А.Х.* Происхождение татар Поволжья и Приуралья. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1978. – 160 с.
41. *Халиков А.Х.* Этапы этногенеза татар Поволжья и Приуралья // Проблемы современной тюркологии: Матер. 2 Всесоюзн. тюрколог. конфер. – Алма-Ата: Наука АН Казах. ССР, 1980. – С. 372–376.
42. *Халиков А.Х.* Татарский народ и его предки. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1989. – 220 с.
43. *Халиков А.Х.* Кто мы – булгары или татары? – Казань: Изд-во «Казань», 1992. – 64 с.
44. *Халиков А.Х.* Монголы, татары, Золотая Орда и Булгария. – Казань: Фэн, 1994. – 164 с.
45. *Халиков А.Х.* Основы этногенеза народов Среднего Поволжья и Приуралья. – Казань: ООО «Фолиантъ»; ИИ АН РТ, 2011. – 336 с.

46. Халиков А.Х., Старостин П.Н., Халикова Е.А., Петренко А.Г. Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья // СА. – 1972. – № 4. – С. 265–274.

47. Худяков М.Г. Мусульманская культура в Среднем Поволжье. – Казань: 1-я гос. типография, 1922. – 21 с.

48. Хузин Ф.Ш. Волжская Булгария в домонгольское время (X – начало XIII веков). – Казань: Мастер Лайн, 1997. – 183 с.

49. Шнирельман В.А. Керамика как этнический показатель: некоторые вопросы теории в свете этноархеологических данных // КСИА. – Вып. 201 – М., 1990. – С. 49–56.

50. Шнирельман В.А. Археологическая культура и социальная реальность (Проблема интерпретации керамических ареалов). Препринт. – Екатеринбург: Ин-т истории и археологии УрО РАН, 1993. – 39 с.

51. Юсупов Г.В. Булгаро-татарская эпиграфика и топонимика, как источник исследования этногенеза казанских татар // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. – Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1971. – С. 212–231.

52. Smith A.D. The Ethnic Revival. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1981. – 240 p.

Информация об авторе:

Измайлов Искандер Лерунович, кандидат исторических наук, главный научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Российская Федерация); ismail@inbox.ru

BULGARIAN ETHNOS ACCORDING TO A.KH. KHALIKOV' WORKS: SCIENTIFIC CONCEPT AND ITS THEORETICAL BASES

I.L. Izmailov

The article is devoted to the problems of Bulgar and Tatar ethnogenesis studied in the works of the prominent Kazan archaeologist A.Kh. Khalikov. His concept was based on the fact that a number of ethnic groups (Turkic, Finno-Ugric, and East Slavic) participated in the formation of these peoples and that the key role in these processes was played by their mutual cultural influence. The concept of ethnogenesis and ethnic history of the Tatar people offered by A.Kh. Khalikov was a serious theoretical breakthrough against the background of both ideology-biased historical schemes of the Soviet era and the various nationalist ideas, differing from them by a comprehensive, integral scientific analysis of predominantly archaeological data. At present, however, when theoretical and factual bases of historical and ethnological research have considerably expanded, a number of conflicting issues have arisen in the framework of this concept, which, therefore, require new approaches to their solution.

Key words: the Volga-Ural region, the Middle Ages, the Volga Bulgaria, the Bulgar ethnic group, the Turkic peoples, ethnogenesis of the Tatars, the concepts of ethnogenesis, “archaeological ethnogenetics”, historiography, Kazan school of archaeology.

REFERENCES

1. Alishev, S. Kh. 1985. In *Issledovaniia po istoricheskoi dialektologii tatarskogo iazyka (Researches in Historical Dialectology of Tatar Language)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History, Kazan Branch of the Academy of Sciences of the USSR, 109–117 (in Russian).
2. Alishev, S. Kh. 1995. In *Materialy po istorii tatarskogo naroda (Materials on History of the Tatar People)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History, Tatarstan Academy of Sciences, 201–223 (in Russian).
3. Artamonov, M. I. 1949. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Concise Bulletins of the Institute for the History of Material Culture)* 29. Leningrad, 2–16 (in Russian).
4. Artsikhovskii, A. V. 1955. *Osnovy arkheologii (Basics of Archaeology)*. Moscow: "Gospolitizdat" Publ. (in Russian).
5. Bariev, R. Kh. 2005. *Volzhskie bulgary: istoriia i kul'tura (Volga Bulgars: History and Culture)*. Saint Petersburg: "Agat" Publ. (in Russian).
6. Bromley, Yu. V. 1983. *Ocherki teorii etnosa (Essays on the Theory of Ethnos)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
7. Ganzha, A. I. 1987. In *Issledovanie sotsial'no-istoricheskikh problem v arkheologii (Research in Socio-Historical Issues in Archaeology)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 118–158. (in Russian).
8. Gellner, E. 2002. In *Natsii i natsionalizm (Nations and Nationalism)*. Moscow: "Praksis" Publ., 146–200 (in Russian).
9. Gimadi, Kh. G. 1941. In *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta (Scientific Bulletin of the Kazan State Pedagogical Institute. History Department)* 4. Kazan, 52–67 (in Russian).
10. Gubaidullin G. 1925. In *Materialy po izucheniiu Tatarstana (Materials for the Study of Tatarstan)* II. Kazan: Scientific Society for Tatar Studies, 71–111 (in Russian).
11. Gubaidullin (Gaziz) G. 1994. *Istoriia tatar (Kazan, 1924) (History of the Tatars)*. Sokr. perevod s tatar. S. G. i, A. Kh. Gubaidullinykh. Moscow: "Moskovskii litsei" Publ. (in Russian).
12. Zakiev, M. Z. 1977. *Tatar xalkı teleneñ barlıkka kilüe (Origins of the Language of the Tatar People)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Tatar).
13. Zakiev, M. Z. 1995. In *Materialy po istorii tatarskogo naroda (Materials on the History of the Tatar People)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History, Tatarstan Academy of Sciences, 12–94 (in Russian).
14. Izmailov, I. L. 1996. In *Ekho vekov = Gasırlar avazı (Echo of Centuries)*. (3/4), 96–101 (in Russian).
15. Izmailov, I. L. 1997. In *Rodina (Motherland)* (3/4), 116–118 (in Russian).
16. *Istoriia Tatarskoi Avtonomnoi Sovetskoi Sotsialisticheskoi Respubliki (History of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic)*. 1968. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
17. Iskhakov, D. M. 1997. *Problema stanovleniia i transformatsii tatarskoi natsii (Issue on the Tatar Nation's Emergence and Transformation)*. Kazan: "Master-Lain" Publ. (in Russian).

18. Kazakov, E. P. 1992. *Kul'tura rannei Volzhskoi Bolgarii (Culture of the Early Volga Bulgaria)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
19. Kalinin, N. F., Khalikov, A. Kh. 1954. *Itogi arkheologicheskikh rabot za 1945—1952 gg. (Results of Archaeological Works in 1945—1952)*. Series: Trudy Kazanskogo filiala AN SSSR (Proceedings of the Kazan Branch, Academy of Sciences of the USSR). Kazan: Institute for Language, Literature and History, Kazan Branch, Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
20. Karimullin, A. G. 1988. *Tatary: etnos i etnonim (The Tatars: Ethnos and Ethnonym)*. Kazan: «Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo» Publ. (in Russian).
21. Klejn, L. S. 1991. *Arkheologicheskaiia tipologiia (Archaeological Typology)*. Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
22. Klejn, L. S. 1993. *Fenomen sovetskoii arkheologii (The Phenomenon of Soviet Archaeology)*. Saint Petersburg: "Farn" Publ. (in Russian).
23. Knabe, G. S. 1959. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 243–257 (in Russian).
24. Kuz'minykh, S. V., Starostin, P. N., Khuzin, F. Sh. 1999. *Al'fred Khasanovich Khalikov. Ocherk zhizni i nauchnoi deiatel'nosti (Al'fred Khasanovich Khalikov. Essay on Life and Scientific Works)*. Kazan: Institute for History, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).
25. *Proiskhozhdenie kazanskikh tatar (Origin of the Kazan Tatars)*. 1948. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
26. Smirnov, A. P. 1938. In *Vestnik drevnei istorii (Bulletin of Ancient History)* (2(3)), 99–112 (in Russian).
27. Smirnov, A. P. 1940. In *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum)* XI. Moscow, 35–137 (in Russian).
28. Smirnov, A. P. 1951. In *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum)* XIX. Moscow (in Russian).
29. Smirnov, A. P. 1964. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (4), 3–17 (in Russian).
30. Smirnov, A. P. 1968. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (2), 63–71 (in Russian).
31. Smirnov, A. P. 1974. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (4), 320–324 (in Russian).
32. Smirnov, A. P., Kornilov, G. E. 1972. In *Istoriia i kul'tura Chuvashskoi ASSR (History and Culture of the Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic)* 1. Cheloboksary: Chuvash Research Institute of Language, Literature, History and Economics, 481–517 (in Russian).
33. Stalin, I. V. 1946. In Stalin, I. V. *Sochineniia (Works)* 2. Moscow: "Politizdat" Publ., 290–367 (in Russian).
34. Tokarev, S. A. 1949. In *Sovetskaia etnografiia (Ethnography of Soviet Union)* (3), 12–36 (in Russian).
35. Firsov, N. N. 1921. *Chteniia po istorii Srednego i Nizhnego Povolzh'ia (Readings on History of the Middle and Lower Volga Region)*. Kazan (in Russian).
36. Khalikov, A. Kh. 1966. In *Sovetskaia Tatariia (Soviet Tataria)*, 3 July (in Russian).

37. Khalikov, A. Kh. 1971. In *Voprosy etnogeneza tiurkoiazыchnykh narodov Srednego Povolzh'ia* (*The Issues on Ethnogenesis of the Turkic-speaking People of the Middle Volga Region*). Kazan: Institute for Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 7–36 (in Russian).
38. Khalikov, A. Kh. 1971. In *Arkheologiia i etnografiia Bashkirii* (*Archaeology and Ethnography of Bashkiria*) IV. Ufa: Bashkirian Branch of the Academy of Sciences of the USSR, 30–37 (in Russian).
39. Khalikov, A. Kh. 1976. In *Voprosy istorii* (*Questions of History*) (4), 102–119 (in Russian).
40. Khalikov, A. Kh. 1978. *Proiskhozhdenie tatar Povolzh'ia i Priural'ia* (*Origin of the Volga and Cis-Urals Tatars*). Kazan: «Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo» Publ. (in Russian).
41. Khalikov, A. Kh. 1980. In *Problemy sovremennoi tiurkologii* (*Issues on Recent Turkology*). Alma-Ata: “Nauka” Publ., Academy of Sciences of the Kazakh SSR, 372–376 (in Russian).
42. Khalikov, A. Kh. 1989. *Tatarskii narod i ego predki* (*Tatar People and its Ancestors*). Kazan: «Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo» Publ. (in Russian).
43. Khalikov, A. Kh. 1992. *Kto my — bulgary ili tatory?* (*Who are we — the Bulgars or the Tatars?*). Kazan: “Kazan” Publ. (in Russian).
44. Khalikov, A. Kh. 1994. *Mongoly, tatory, Zolotaia Orda i Bulgariia* (*The Mongols, Tatars, Golden Horde and Bulgaria*). Kazan: “Fän” Publ. (in Russian).
45. Khalikov, A. Kh. 2011. *Osnovy etnogeneza narodov Srednego Povolzh'ia i Priural'ia* (*Basics of Ethnogenesis of the Middle Volga and Cis-Urals peoples*). Kazan: “Foliant” Publ.; Institute for History, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).
46. Khalikov, A. Kh., Starostin, P. N., Khalikova, E. A., Petrenko, A. G. 1972. In *Sovetskaia Arkheologiia* (*Soviet Archaeology*) (4), 265–274 (in Russian).
47. Khudiakov, M. G. 1922. *Musul'manskaia kul'tura v Srednem Povolzh'e* (*Muslim Culture in the Middle Volga Region*). Kazan: “1-ia gos. tipografiia” Publ. (in Russian).
48. Khuzin, F. Sh. 1997. *Volzhskaia Bulgariia v domongol'skoe vremia* (*X — nachalo XIII vekov*) (*Volga Bulgaria during the pre-Mongol Period (the 10th — beginning of the 13th centuries.)*). Kazan: “Master-Line” Publ. (in Russian).
49. Shnirel'man, V. A. 1990. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii* (*Concise Bulletins of the Institute for Archaeology*) 201. Moscow, 49–56 (in Russian).
50. Shnirel'man, V. A. 1993. *Arkheologicheskaia kul'tura i sotsial'naia real'nost'* (*Problema interpretatsii keramicheskikh arealov*). *Preprint* (*Archaeological Culture and Social Reality (Interpretation of pottery areas)*). *Preprint*. Yekaterinburg: Russian Academy of Sciences, Ural Branch, Institute for History and Archaeology (in Russian).
51. Iusupov, G. V. 1971. In *Voprosy etnogeneza tiurkoiazыchnykh narodov Srednego Povolzh'ia* (*Issues of the Ethnogenesis of the Turkic-speaking Peoples of the Middle Volga Region*). Kazan: Institute for Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 212–231 (in Russian).
52. Smith, A. D. 1981. *The Ethnic Revival*. Cambridge: Cambridge University Press.

About the Author:

Izmaylov Iskander L. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; ismail@inbox.ru

УДК 902

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ОКРУГА БИЛЯРА: К МЕТОДИКЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСЕЛЕНЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ И РЕСУРСНОГО ПОТЕНЦИАЛА

© 2014 г. З.Г. Шакиров

В статье анализируются основные понятия и методические разработки, на основе которых выделяются территориальные и хронологические границы изучения средневековой округа города Биляра. На основе комплексного картографирования памятников заложены единые территориальные рамки исследования, что позволяет отразить динамику исторических процессов на протяжении X–XV вв. для всех хронологических этапов существования Биляра, связанных с функционированием таких государственных образований, как Волжская Булгария, Булгарский вилайет Улуса Джучи и Казанское ханство. Для выделенной территории предложена авторская методика изучения пространственных особенностей поселенческой структуры и определения ресурсного потенциала округа Биляра. Данный подход заключается в учете разнообразных природных и социальных факторов, которые оказывали непосредственное влияние на экономические и демографические показатели данного района.

Ключевые слова: Среднее Поволжье, средневековье, Волжская Булгария, Улус Джучи, город Биляр, округа, археологические памятники, картографирование, поселенческая структура, ресурсный потенциал, демография.

Проблемы изучения сельскохозяйственной округи болгарских городов домонгольского времени, в частности, Биляра – Великого города, впервые были поставлены проф. А.Х. Халиковым при подготовке к изданию Археологической карты Татарстана (Казанов, Старостин, Халиков, 1987, с. 36). О необходимости целенаправленных исследований темы «Булгарский город и его округа» писал Ф.Ш. Хузин (1993, с. 21 и сл.).

Источниковую базу нашего исследования, завершеного в рамках кандидатской диссертации «Округа Биляра в X–XV вв.: поселенческая структура, ресурсный потенциал» (Шакиров, 2012), составляют археологические материалы по 249 памятникам X–XV вв. (201 неукрепленное поселение, 17 городищ, 20 могильни-

ков, 10 монетных кладов, 1 святилище). В основе исследования округа Биляра лежит комплексное картографирование, которое заключается в многостороннем отображении на географических картах природных и социально-экономических явлений с учетом их взаимосвязей. Для комплексного картографирования в качестве базовых нами использовались топографические карты масштабов 1:100 000 и 1: 50 000 в проекции Гаусса-Крюгера (координатная система Пулково 1942 г.), которые при анализе дополнялись данными отчетов по полевым археологическим исследованиям, материалами Свода археологических памятников и Почвенной карты Закамья Республики Татарстан.

По широте комплекса на основе динамики поселенческой структуры,

топографических особенностях, качественной и количественной оценке ресурсного потенциала, прежде всего сельскохозяйственных земель картографирование стало базой совокупности характеристик для познания исторических явлений, экономической и политической географии в выделяемом регионе. По территориальному охвату карты привлекались практически на всех этапах, подвергаемых детальному изучению отдельных ключевых участков.

Для более полного понимания используемой в работе терминологии, считаем необходимым внести уточнения для существующих в энциклопедической и специальной литературе понятий.

Округ в большинстве словарей подразумевает административное, политическое, военное, хозяйственное подразделение государственной территории, учетные единицы территории, часто имеющие в своем составе более мелкие составляющие; *округа* же – это «окружающая местность, окрестность» (Ожегов, 1999). Для раскрытия поставленной проблемы мы сочли возможным объединить административное и территориально-пространственное понятия при анализе округа Биляра.

Рядом исследователей, изучающих на основе археологического материала особенности формирования и развития средневековых регионов, прежде всего русских княжеств, территориальные рамки закладывались на основе письменных источников (Монгайт, 1961; Алексеев, 1980; Юшко, 1991). Но при отсутствии в ряде случаев исчерпывающих данных в летописях или в других документах всегда оговаривались природно-гео-

графические условия выделения территорий (Афанасьев, 1990, с. 51–67; Хузин, 1993, с. 21–25; Макаров, Леонтьев, Шполянский, 2005, с. 196–215; Макаров, 2008, с. 19–26; Недашковский, 2000; 2010).

Общеизвестен фрагментарный характер письменных источников по истории Волжской Булгарии и более поздних периодов истории булгаро-татар. Отсутствие источников, свидетельствующих о внутреннем административно-территориальном устройстве Волжской Булгарии, Булгарского вилаята Улуса Джучи (Золотой Орды) и Казанского ханства вынудило нас предложить условные границы Билярской округи. Округа Биляра это, прежде всего, система поселений, которые в той или иной мере тяготели к одному крупному центру. В домонгольское время это Билярское городище, в золотоордынское – Биляр золотоордынский (Билярские селища II и III), в постордынское время – Торецкое поселение (Балынгузские селища I, II, III (Торецкое) и селище «Святой ключ» II). Для разных хронологических этапов заложены единые территориальные рамки, не потому, что они были схожими, а с целью попытаться отразить динамику исторических процессов на протяжении X–XV вв. в очерченных границах.

Городские округа не являются «городами» в привычном смысле слова, поскольку помимо собственно городской зоны они включают обширные сельские территории, поэтому название «городской округ» (для нас – Билярская округа) является более корректным.

При решении поставленных задач важным является понимание термина *агломерация*, очень часто применяе-

мого в современном пространственном планировании. Различают моноцентрические (сформировавшиеся вокруг одного крупного города-ядра) и полицентрические агломерации (имеющие несколько центров-ядер). В нашем случае агломерация – это компактное скопление средневековых населенных пунктов, местами срастающихся, объединенных в сложную многокомпонентную динамическую систему с интенсивными производственными, транспортными и культурными связями.

Вслед за К.А. Руденко мы считаем ключевым элементом поселенческой структуры, представленной в виде археологических комплексов, отдельные экономические районы (Руденко, 2007, с. 19–21).

Выделяемая округа Билярского городища охватывает бассейн р. М. Черемшан, вытянутый с северо-востока от с. Чув. Елтан, рядом с которым находится Крещелтанское городище на юго-запад до с. Ст. Камкино, у которого известно одноименное городище. Мы посчитали нужным рассмотреть ряд археологических памятников в рамках окружности, но выходящих за границы водораздела М. Черемшан, что позволит частично получить представление о периферии.

Выбор территории определялся: системой укрепленных поселений (городищ), расположенных по юго-восточной границе выделенной округи; естественными границами (залесенный водораздел М. Черемшан); оптимальной дневной доступностью в радиусе 20 км (с учетом дорог по пересеченной местности до 30 км) с использованием гужевого и вьючного

коня¹ для доставки грузов (из ближайшей округи «до города – дела – обратно», из дальней «до города – дела – ночевка»); оперативной доступностью оповещения, мобилизации в случае угрозы и др. с использованием верхового коня²; «маятниковой» доступностью на работу пешком из ближайшей округи и верхом из крайних точек; относительно лучшей изученностью округи Билярского городища разведками и частично стационарными раскопками, в том числе самостоятельными и при участии автора (Шакиров, 2012, с. 4–5).

Давая общую характеристику археологических объектов Билярского округа X–XV вв., мы использовали все доступные сведения о памятниках, легшие в основу дальнейшего анализа. Расстояния между памятниками замерялись при помощи картографического сервера SASPlanet.

Территориальные рамки в пределах лесостепной природной зоны Центрального Закамья, включают район в среднем течении р. М. Черемшан радиусом около 20 км от Билярского городища и площадью около 1500 кв. км. В археологическом плане эта территория представляет собой ядро домонгольской Волжской Болгарии и относительно развитую перифе-

¹ Без груза: шаг (медленный аллюр) – скорость у лошадей быстрых аллюров 5–7 км/ч, у лошадей рабочих шаговых пород – 3,5–4,5 км/ч; укороченная рысь (трот) – скорость 13–15 км/ч.

² С обычным наездником: нормальная (полевая) рысь – скорость до 20 км/ч; размашистая рысь – наибольшая скорость на коротких дистанциях (1,6–3,2 км) до 50 км/ч.

рию Золотой Орды, сформировавшуюся на его основе.

При датировке археологических памятников, как предыдущими исследователями, так и нами, за основу взяты взаиморасположение различных типов памятников и относительная датировка, основанная на анализе подъемного материала и индивидуальных находок. В существующих датировках из-за незначительного охвата раскопками изучаемых памятников присутствует, несомненно, определенная доля относительности. Это вынудило нас рассматривать в рамках X – первой трети XIII вв. этапы завершения внутренней колонизации и урбанизации, возникновения и развития болгарских агломераций различного уровня с их дальнейшей парцелляцией и уплотнением (Руденко, 2007, с. 15–19). В рамках второй половины XIII – XV вв. выделен этап провинциализации бывшего крупного центра уже в составе Булгарского вилаята Улуса Джучи.

В процессе анализа использовалась существующая схема классификации средневековых сельских поселений. Она предложена Т.Н. Никольской для древнерусских селищ бассейна р. Оки (1981, с. 43–65) и дополнена А.А. Юшко на материалах поселений Московской земли (1991, с. 24–29). Классификация предусматривает распределение селищ по типам заселения (по методике, принятой в этнографии³) и по хронологическим

группам с последующей их корреляцией (Никольская, 1981, с. 64–65); внутри хронологических групп селища распределялись по соотношению площади и высоты расположения; по размерам, наличию поблизости городищ и могильников выявлялись центры общин (Юшко, 1991, с. 31–37). Определенная зависимость топографии домонгольских поселений Волжской Булгарии от природно-географических условий местности отмечается в работах К.А. Руденко (2007, с. 14).

Для определения ресурсных зон использовался метод построения «полигонов Тиссена», который предложен Г.Е. Афанасьевым и Д.С. Коробовым для моделирования деления территории Кисловодской котловины (Афанасьев, Савенко, Коробов, 2004, с. 67–68; Коробов, 2010). Подобное моделирование предусматривает деление территории на потенциальные хозяйственные зоны или зоны ответственности (Гарбузов, 2007). Он представляет собой построение окружностей с определенным радиусом, в местах пересечения которых и будет проходить граница зон ответственности разных памятников.

Сельская среда была основой существования средневекового города вообще и не была исключением для болгарского домонгольского и золотоордынского времени (Хузин, 2006, с. 70–76; Недашковский, 2009, с. 266–271). Сельскохозяйственные занятия и скотоводство в той или иной степени были естественны как для горожан, так и для сельчан. В качестве радиуса расположения потенциальных пахотных угодий принимается расстояние от поселения – 1 км, пастбищный, водораздельный, перешеечный типы (1991, с. 25, 27).

³ Определяются топографией селищ: по Т.Н.Никольской: I тип – приречный (с одним подтипом), II тип – мысовой (с тремя подтипами), III – на дюнах в пойме (с одним подтипом), IV – на плато водоразделов (1981, с. 43–55); по А.А.Юшко: приречный, мысовой, прибрежно-овраж-

угодий – 5 км. Подобное ограничение сельскохозяйственной активности людей вокруг постоянного места обитания радиусом в 5 км соответствует временному лимиту в 1 час пути по пересеченной местности. Оно было проиллюстрировано на широком этнологическом материале и послужило основой для дальнейшего моделирования зон экономической активности представителей разнообразных археологических культур (Афанасьев, 1989, с. 4; Коробов, 2010; Недашковский, 2010, с. 15). При моделировании учитывалась площадь поселений, что, соответственно, влияло на размер построенных вокруг них полигонов.

Одним из главных недостатков метода Тиссена, по мнению Д.С. Коробова, заключается в том, что территория рассматривается как двумерная плоскость и при ее делении не учитываются реки и глубокие овраги как внутренние барьеры (2008). В результате нами допускается и используется вариант деления территорий по границам течения рек, ручьев и крупных оврагов, являющихся естественными границами.

После построения возможных хозяйственных зон поселений сделана попытка подсчитать примерный объем выращиваемых зерновых культур и заготавливаемого сенажа. Нами использовались статистические данные по урожайности на середину и конец XIX в. Судя по этим данным, с десятины⁴, в рассматриваемом районе на лессовых черноземах при хорошем и среднем урожаях собиралось 80 и 40 пудов⁵ хлеба соответственно, на суглинистых черноземах – соответ-

ственно 113 и 50 пудов (Материалы..., 1861, с. 270–274; Ризположенский, 1869, с. 1–71). В среднем в год это составляет около 70 пудов зерновых с десятины. Что касается сена, исходя из таблицы средних урожаев для 60 губерний России, для билярских почв он составлял примерно 90 пудов с десятины (Энциклопедический, 1901, с. 353–357). В качестве обобщенного для анализа всей территории хозяйственной зоны, предполагаются потенциальные участки, используемые для земледелия, а также в качестве пастбищ и сенокосов (склоны, пойма, лес). Так, при экстенсивном земледелии в виде залежно-переложной системы на одно хозяйство требуется от 6 до 8 дес. пахотных земель и столько же под луга и выгоны, а при трехпольной системе количество используемых территорий сокращается в два раза (Коробов, 2008). Примерно к таким же выводам ранее пришел В.И. Довженок, рассматривая земледелие древней Руси (Довженок, 1961, с. 183). В качестве одного хозяйства закладывается средняя семья, состоящая из 5–6 человек⁶.

Исходя из общих представлений о рельефе Билярской округи, теоретически можно предположить, что в севообороте⁷ ежегодно находилось около 30% земель, для которых, учитывая площади хозяйственных зон, рассчитывалась средняя производительность зерновых в тоннах. По мнению П.П. Толочко, норма годового потребления одним человеком в сред-

⁶ По мнению К.А. Руденко, исходя из размеров жилищ, отдельная семья могла состоять из 5 – 9 человек (Руденко К.А., 2007, с. 19).

⁷ При господстве залежно-переложной системы земледелия.

⁴ 1 десятина = 2400 квадратных саженей = 1,093 га.

⁵ 1 пуд = 16,38 кг.

ние века составляла 20 пудов (Толочко, 1983, с. 119). Мы же считаем эту норму несколько завышенной и для определения примерного количества прокорма населения определяем норму 15 пудов в год на душу, с учетом, что на питание бралась 1/3 урожая – хлебное зерно⁸.

Предполагается, что для прокорма в течение 6 месяцев одной головы крупного скота требуется 7,5–10 центнеров сена (Краснов, 1971, с. 125). Исходя из 7–8 месяцев зимнего периода для рассматриваемого региона, необходимый сенаж мог составлять 12–15 центнеров⁹. Это позволяет определить примерное количество поголовья крупного рогатого скота (КРС)¹⁰. Несомненно, что кроме сена в качестве кормов использовались солома, фураж, мякина и, возможно, корнеплоды.

Более точные данные могут быть получены при использовании ГИС программ, так как границы реконструируемых лесов тоже довольно условны.

Определение размера порядка (ранга) поселений проводилось в соответствии с правилом «ранг – размер» (правило Ципфа), модифицированным применительно к археологическим материалам. Ранг поселения исчисляется по формуле: $Sr = S1 / R$, где Sr – площадь поселения соответствующего ранга, $S1$ – площадь самого крупного поселения,

⁸ 1/3 урожая с учетом средней производительности «сам-три» оставалась в качестве посевного материала, 1/3 – на продажу и корм скоту.

⁹ То есть на одну голову КРС требуется около 4 га сенокосно-пастбищных угодий.

¹⁰ Исходя из живого веса 1 КРС приравнивается примерно 7 особям МРС.

R – ранг данного поселения в последовательности населенных пунктов анализируемого региона. Правило «ранг – размер» может быть использовано для построения типологии поселений (Афанасьев, 1990, с. 54–58).

Полученная типология укрепленных и неукрепленных поселений округа Билярского городища позволяет изучить их взаимосвязь. Для этого сделана попытка смоделировать примерную транспортную сеть в регионе. Моделирование транспортной сети позволяет сделать предположения о возможном расположении еще неизвестных памятников. В качестве факторов отрицательного отклонения учитывались условия местности между парами населенных пунктов (контур края террасы, расположение старичных проток и озер, притоков основных рек, заболоченных участков и грив в пойме и т.п.)¹¹. Принималась во внимание и дорожная сеть конца XIX – первой половины XX в., прежде всего, грунтовые дороги и броды. Трассировка дорог носит условный характер.

Следующий этап анализа поселенческой системы X–XV вв. в округе Билярского городища состоит в определении степени взаимодействия между населенными пунктами вы-

¹¹ Оптимальным вариантом пути сообщения в идеале является прямая линия между двумя населенными пунктами. Отклонения от прямой могут быть положительными и отрицательными. Положительные обеспечивают большую интенсивность использования пути (например, если вблизи дороги имеется промежуточный населенный пункт и дорога делает изгиб, чтобы его охватить). Отрицательные возникают при необходимости обойти естественные препятствия (Афанасьев, 1990, с. 58).

численных типов и в группировке поселений, имеющих между собой сильные связи. Результатом должно явиться распределение памятников на отдельные группы из иерархически соподчиненных поселений, образующие ряд микрорегионов и отражающие в большей или меньшей степени социально-экономическое районирование Билярской округа на рассматриваемых хронологических этапах. Для решения этой задачи используется так называемая гравитационная модель, в которой величина связи между поселениями вычисляется по формуле: $M_{ij} = S_i S_j / D_{ij}^2$, где M_{ij} – величина связи между населенными пунктами, S_i – площадь одного поселения, (i), S_j – площадь второго поселения, (j), D_{ij} – расстояние между сопоставляемыми поселениями, измеренное в соответствии с условной реконструированной транспортной сетью (Афанасьев, 1990, с. 63). По результатам подсчетов составляются матрицы гравитационных связей поселений Билярского региона, на основании которых строятся соответствующие графы. При построении графа коэффициенты гравитационных связей выделены в четыре уровня: слабые, средние, сильные и очень сильные связи.

По результатам комплексного анализа складывается картина локальных узловых районов Билярской округа, которые, в свою очередь, могут делиться на более мелкие микрорайоны.

Таким образом, нами в векторном графическом редакторе были очерчены границы предполагаемых хозяйственных зон, включавших как пашотные, сенокосные и лесные угодья, так и непригодные для хозяйственного освоения участки. Используя

ГИС, мы вычислили площадь хозяйственных зон. Предположив, что под пашней находилось 30% земель, мы вычисляли средний сбор зерновых с этой территории. Затем, вычтя 2/3 урожая (1/3 – на посев, 1/3 – на корм скоту и продажу) и разделив остаток на среднегодовую норму потребления на душу, мы вычислили предполагаемое количество населения, которое могло проживать на рассматриваемой территории.

Предположив, что примерно 10% территорий была занята водоемами, болотами и другими непригодными участками, мы, исходя из цифры 60% хозяйственных зон, решили рассчитать примерное количество скота. Несмотря на возможность получать довольно большое количество сена с билярских земель, его заготовка с помощью кос-горбуш была довольно трудоемким занятием. Домашний скот, скорее всего, в течение года питался в основном подножным кормом, а соответственно основная часть площадей находилась под выгонами. Учитывая, как отмечалось выше, что на одно хозяйство для содержания скота требовалось около 8 десятин, был произведен предположительный расчет количества КРС.

Проводя расчеты и построения, мы всегда учитываем, что безусловной точности достичь невозможно, так как всегда вероятны допуски в сторону повышения или понижения количественных параметров. Представляемая методика является лишь первым шагом в целенаправленном исследовании средневековых поселений X–XV вв. Дальнейшее изучение может развиваться в двух основных направлениях: 1) расширение источниковой базы путем сбора новых и

уточнения известных данных по поселениям не только Билярской округи, но и других регионов Волжской Булгарии и Золотой Орды (в идеале с применением глобальной системы позиционирования – GPS и ГИС-технологий) с перспективой создания проверяемой математической модели расселения в целом; 2) углубленное изучение болгаро-татарских поселенческих памятников как методами естественных наук (почвоведения, карпологии и палинологии, археозоологии и др.), так и в рамках традиционных методик (особенно актуальна в этом плане разработка более четкой хронологической шкалы болгарской керамики и других категорий предметов материальной культуры).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Афанасьев Г.Е.* Археологическая разведка на новостройках и пространственный анализ // Археологические исследования на новостройках. – М.: Наука, 1989. – С. 3–12.
2. *Афанасьев Г.Е.* Иерархия салтовских долговременных поселений лесостепного Приосколья // СА. – 1990. – № 4. – С. 51–67.
3. *Афанасьев Г.Е., Савенко С.Н., Коробов Д.С.* Древности Кисловодской котловины. – М.: Научный мир, 2004. – 240 с.
4. *Гарбузов Г.П.* Археология ландшафта и геоинформатика: теоретические аспекты взаимоотношений // Археология и геоинформатика. – Вып. 4. – М.: Институт археологии РАН, 2007. CD-ROM.
5. *Довженко В.Й.* Землеробство давньої Русі до XIII ст. – Київ: Наукова думка, 1961. – 198 с.
6. *Коробов Д.С.* Применение методов пространственного анализа при изучении системы расселения алан Кисловодской котловины // Археология и геоинформатика. – Вып. 5. – М.: Институт археологии РАН, 2008. CD-ROM.
7. *Коробов Д.С.* ГИС-моделирование сельскохозяйственных угодий эпохи раннего средневековья в Кисловодской котловине // Археология и геоинформатика. – Вып. 6. – М.: Институт археологии РАН, 2010. CD-ROM.
8. *Краснов Ю.А.* Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. – М.: Наука, 1971. – 168 с.
9. *Макаров Н.А., Леонтьев А.Е., Шполянский С.В.* Сельское расселение в центральной части Суздальской Земли в конце I – первой половине II тыс. н.э.: новые материалы // Русь в IX–XIV вв. Взаимодействие Севера и Юга. – М., 2005. – С. 196–215.
10. *Макаров Н.А.* Суздальские древности и проблемы становления Северо-Восточной Руси // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. – Т. I. – М., 2008. – С. 19–26.
11. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Казанская губерния. – СПб.: Военная типография, 1861. – 634 с.
12. *Монгайт А.Л.* Рязанская земля. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 400 с.

13. *Алексеев Л.В.* Смоленская земля в IX–XIII вв. – М.: Наука, 1980. – 260 с.
14. *Недашковский Л.Ф.* Золотоордынский город Укек и его округа. – М.: «Восточная литература», 2000. – 224 с.
15. *Недашковский Л.Ф.* Земледелие и сельские промыслы // История татар с древнейших времен. – Т. III. – Казань: Институт истории АН РТ, 2009. – С. 266–271.
16. *Недашковский Л.Ф.* Золотоордынские города Нижнего Поволжья и их округа. – М.: «Восточная литература», 2010. – 351 с.
17. *Никольская Т.Н.* Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX–XIII вв. – М.: Наука, 1981. – 296 с.
18. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
19. *Ризположенский Р.В.* Очерк положения орографических, геологических и почвенных условий Казанской губернии // Общий свод хозяйственно-статистического исследования Казанской губернии. Часть экономическая. Издание статистического бюро Казанского губернского земства. – Казань, 1896. – С. 1–71.
20. *Руденко К.А.* Волжская Булгария в XI – начале XIII в.: поселения и материальная культура. – Казань: Школа, 2007. – 244 с.
21. *Толочко П.П.* Древний Киев. – Киев: Наукова думка, 1983. – 328 с.
22. *Хузин Ф.Ш.* Ранние булгары и Волжская Булгария (VIII – начало XIII в.). – Казань: Институт истории АН РТ, 2006. – 583 с.
23. *Шакиров З.Г.* Округа Биляра в X–XV вв. (поселенческая структура, ресурсный потенциал). Автореф. дис... канд. ист. наук. – Казань, 2012. – 27 с.
24. Энциклопедический словарь. – Т. XXXII (63). – СПб.: Издательское дело, Брокгауз-Ефрон, 1901. – 480 с.
25. *Юшко А.А.* Московская земля IX–XVI вв. – М.: Наука, 1991. – 200 с.

Информация об авторе:

Шакиров Зуфар Гумарович, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Российская Федерация); zufar_alchi@mail.ru

MEDIEVAL SURROUNDINGS OF THE BILYAR: CONCERNING THE METHOD OF RESEARCH IN THE SETTLEMENT PATTERN AND RESOURCES POTENTIALITY

Z.G. Shakirov

The article analyzes the principal concepts and methodological developments, which make it possible to define the territorial and chronological study boundaries of the medieval Bilyar city neighborhood. Based upon a complex mapping of monuments, a territorial framework of the study has been defined, which allows reflecting the dynamics of the historical processes in the 10th through to 15th centuries at all historical stages of the existence of Bilyar related to

the functioning of state entities as Volga Bulgaria, the Bulgar Vilayet of the Juchi Ulus, and the Kazan Khanate. For the territory defined, the author's method of research in the spatial features of settlement pattern and resource potential evaluation of Bilyar environs has been provided. This approach consists in taking into account the various natural and social factors that had influenced the economic and demographic indicators of the area.

Key words: the Middle Volga area, the Middle Ages, Volga Bulgaria, the Juchi Ulus, Bilyar city, environs, archaeological resources, mapping, settlement pattern, resource potential, demography.

REFERENCES:

1. Afanas'ev, G. E. 1989. In *Arkheologicheskie issledovaniia na novostroikakh (Rescue Archaeological Investigations)*. Moscow: "Nauka" Publ., 3–12 (in Russian).
2. Afanas'ev, G. E. 1990. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (4), 51–67 (in Russian).
3. Afanas'yev, G. E., Savenko, S. N., Korobov, D. S. 2005. *Drevnosti Kislovodskoi kotloviny (Antiquities of the Kislovodsk Basin)*. Moscow: "Nauchnyi Mir" Publ. (in Russian).
4. Garbuzov, G. P. 2007. In *Arkheologiya i geoinformatika (Archaeology and GIS)* 4. Moscow: Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology. CD-ROM (in Russian).
5. Dovzhenok, V. J. 1961. *Zemlerobstvo davn'oi Rusi do XIII st. (Agriculture of Ancient Rus before 13th Century)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Ukrainian).
6. Korobov, D. S. 2008. In *Arkheologiya i geoinformatika (Archaeology and GIS)* 5. Moscow: Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology. CD-ROM (in Russian).
7. Korobov, D. S. 2010. In *Arkheologiya i geoinformatika (Archaeology and GIS)* 6. Moscow: Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology. CD-ROM (in Russian).
8. Krasnov, Yu. A. 1971. *Rannie zemledelie i zivotnovodstvo v lesnoi polose Vostochnoi Evropy (Early Farming and Cattle-Breeding in the Forest Zone of Eastern Europe)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
9. Makarov, N. A., Leont'ev, A. E., Shpolianskii, S. V. 2005. In *Rus' v IX–XIV vekakh: Vzaimodeistvie Severa i Iuga (Rus in the 9th–14th Centuries: Interaction of the North and the South)*. Moscow: "Nauka" Publ., 196–215 (in Russian).
10. Makarov, N. A. 2008. In *Trudy II (XVIII) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Suzdale 2008 g. (Proceedings of the 2nd (18th) All-Russia Archaeological Congress in Suzdal, 2008)* I. Moscow: Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology, 19–26 (in Russian).
11. *Materialy dlia geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami general'nogo shtaba. Kazanskaia guberniia (Materials for Geography and Statistics of Russia Compiled by the Officers of the Head-Quarters. Kazan Province)*. 1861. Saint Petersburg: "Voennaia tipografiia" Publ. (in Russian).

12. Mongait, A. L. 1961. *Riazanskaia zemlia (The Ryazan Land)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
13. Alekseev, L. V. 1980. *Smolenskaia zemlia v IX–XIII vv. (The Smolensk Land in 9th — 13th Centuries)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
14. Nedashkovskii, L. F. 2000. *Zolotoordynskii gorod Ukek i ego okruga (The Golden Horde City of Ukek and its Region)*. Moscow: “Vostochnaia literatura” Publ. (in Russian).
15. Nedashkovskii, L. F. 2009. In Usmanov, M. (ed.). *Istoriia tatar s drevneishikh vremen v semi tomakh (History of the Tartars from the Earliest Days, in Seven Volumes)*. Vol. III. *Ulus Dzhuchi (Zolotaia Orda). XIII — seredina XV v. (Jochid Ulus (Golden Horde). 13th — middle 15th Centuries)*. Kazan: Institute for History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 266–271 (in Russian).
16. Nedashkovskii, L. F. 2010. *Zolotoordynskie goroda Nizhnego Povolzh'ia i ikh okruga (The Golden Horde Cities of the Lower Volga Region and their Regions)*. Moscow: “Vostochnaia literatura” Publ. (in Russian).
17. Nikol'skaia, T. N. 1981. *Zemlia viatichei. K istorii naseleniia basseina Verkhnei i Srednei Oki v IX–XIII vv. (The Land of the Vyatichi. On History of Population in the Basin of the Upper and Middle Oka in the 9th — 13th Centuries)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
18. Ozhegov, S. I., Shvedova, N. Yu. 1999. *Tolkovyi slovar' russkogo iazyka (Explanatory Dictionary of Russian Language)*. Moscow: “Azbukovnik” Publ. (in Russian).
19. Rizpolozhenskii, R. V. 1896. In *Obshchii svod khoziaistvenno-statisticheskogo issledovaniia Kazanskoi gubernii. Chast' ekonomicheskaiia (The Body of Economic and Statistical Research of Kazan Province. Economy)*. Izdanie statisticheskogo biuro Kazanskogo gubernskogo zemstva (The Publication of the Statistical Office of the Kazan Province). Kazan, 1–71 (in Russian).
20. Rudenko, K. A. 2007. *Volzhskaia Bulgariia v XI — nachale XIII v.: poseleniia i material'naia kul'tura (Volga Bulgaria in the 11th — Early 13th Century: settlements and material culture)*. Kazan: “Shkola” Publ. (in Russian).
21. Tolochko, P. P. 1983. *Drevnii Kiev (Ancient Kiev)*. Kiev: “Naukova dumka” Publ. (in Russian).
22. Khuzin, F. Sh. 2006. *Rannie bulgary i Volzhskaia Bulgariia (VIII — nachalo XIII v.) (Early Bulgars and Volga Bulgaria (8th — Early 13th Centuries))*. Kazan: Institute for History, Tatarstan Academy of Sciences; “Foliant” Publ. (in Russian).
23. Shakirov, Z. G. 2012. *Okruga Biliara v X–XV vv. (poselencheskaia struktura, resursnyi potentsial) (The Bilyar surroundings in 10th — 15th centuries (settlement structure, resource potential))*. PhD Thesis. Kazan (in Russian).
24. *Entsiklopedicheskii slovar' (Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary)*. 1901. Vol. XXXII (63). Saint Petersburg: “F. A. Brockhaus & I. A. Efron” Publ. (in Russian).
25. Iushko, A. A. 1991. *Moskovskaia zemlia IX–XVI vv. (The Moscow Land in the 9th–16th Centuries)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

About the Author:

Shakirov Zufar G. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; zufar_alchi@mail.ru

УДК 745/749

К ВОПРОСУ О НАЗНАЧЕНИИ ТАК НАЗЫВАЕМЫХ «РЕЛИКВАРИЕВ» ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

© 2014 г. Н.А. Кокорина

Рассматривается специфический тип изделий – роговые трубки, распространенные в Хазарском каганате и на сопредельных территориях. Автором сделано заключение, что часто используемый для них термин «реликварий» не соответствует изначальному назначению данных предметов. Они не являлись при жизни владельца емкостями, предназначенными для хранения предметов культа. Письменные, изобразительные, археологические и этнографические источники свидетельствуют об использовании этих изделий скотоводческими народами степей Евразии в качестве приспособлений для надувания кожаных плавательных средств при переправах через реки. В то же время они, безусловно, являлись предметами поклонения, будучи средством сохранения жизни во время переправ. Они нередко помещались в захоронения, где уже могли играть роль вместилищ священных предметов, а также использоваться в погребальном обряде как вещи, необходимые для загробной жизни.

Ключевые слова: Хазарский каганат, Волжская Булгария, Центральная Азия, раннее средневековье, реликварии, горлышки-втулки, кожаные надувные лодки, мешки-«матара», погребальный инвентарь.

«Видим ныне как бы в тусклом зеркале,
И гадательно, тогда же лицом к лицу»
Из I Послания к коринфянам, I корн., 12, 13¹

Эти слова могут сопутствовать любому исследованию, тем более предметов древней культуры, назначение которых остается не совсем ясным. Иначе говоря, каждый исследователь видит в зеркале истории новое изображение. Совокупность их и дает полноту представлений и познания предмета.

В данной статье рассматриваются хорошо известные хазароведам роговые емкости, а точнее – трубочки, втулки, получившие в литературе название «реликварии» (рис. 1–4).

Этим изделиям уделено достаточно внимания в археологической

литературе. Наиболее полно они рассмотрены в книгах В.Е. Флеровой (1997; 2001а; 2001б). В них освещены материал и технология изготовления этих изделий, дана их классификация, характеризуются морфологические и декоративные особенности. Отмечена связь изделий с наиболее искусными гравировками с нижним слоем Саркела. В последней из книг (Флерова, 2001б) раскрывается богатый мир мифологии населения Хазарского каганата. Автором предлагается космогонический подход в толковании сюжетов гравировок на кости в сопоставлении с изобразительным материалом других памятников салтово-маяцкой культуры. Заслуживает

¹ Цит. по: Хейзинга, 1997, с. 9.

Рис. 1. Горлышко бурдюка. Верхнее Салтово, могильник (по: Флерова, 1997, табл. X, 1).

Рис. 2. Горлышко бурдюка. Верхнее Салтово, могильник (по: Флерова, 1997, табл. X, 2).

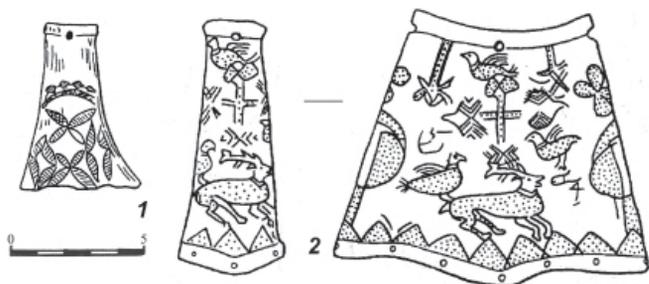
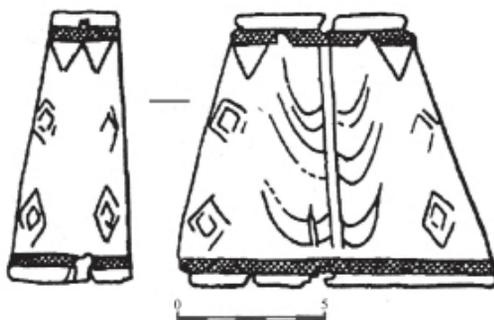

Рис. 3. Горлышки бурдюков. 1 – Саркел; 2 – Маяки (по: Флерова, 1997, табл. X, 3, 5).

Рис. 4. Горлышко бурдюка. Саркел (по: Флерова, 1997, табл. X, 4).

внимания анализ формы этих предметов, а также их местоположения в захоронениях (Флерова, 1997, с. 59–66). Реликвариив встречаются от Поволжья до Балтики, от Новгорода до средиземноморских памятников, на поселениях и в могильниках, при этом основное внимание в работах В.Е. Флеровой (2001а, с. 104) обращено на находки с территории Хазарского каганата.

В.Е. Флерова (1997, с. 60) приводит точки зрения на назначение этих предметов: горлышки от бурдюков (М.И. Артамонов; В.Ф. Генинг, А.Х. Халиков), коробочки или флаконы для трав, соли, мазей среди аварских находок шаманского назначения (Borsos; Keiling), упоминая иные точки зрения, как-то: емкости для мелких предметов, ременный распределитель, оправа седла, навершие посоха и др. В.Е. Флерова отклоняет первую точку зрения (горлышки к бурдюкам) и обращает внимание на вторую, связанную с шаманскими культурами, а именно: емкость – реликвариив.

Утвердившаяся в зарубежной и отечественной литературе (А.В. Гадло, А.И. Романчук и др.) точка зрения, представляющая обсуждаемые предметы как емкости (Флерова, 2001а, с. 104–106), не соответствует, на мой взгляд, форме этих изделий, не имеющих дна. Для использования их в качестве емкостей технически проще было бы вырезать полость нужной глубины внутри рога оленя. Деревянное, прикрепленное шнурком из кожи (даже и закрепленное рыбьим клеем) донце было бы ненадежным, тем более для хранения дроби, пороха и др. Нижний край горлышек не всегда вырезан горизонтально, иногда он бывает волнообразным, что также ус-

ложняет крепление донца (рис. 1–4). Кроме того, устья горлышек слишком велики (2–2,5 см), чтобы хранить в них мелкие предметы. Среди них есть двух-, трех- и четырехконечные экземпляры, а это тоже неудобно для емкости. Размеры двухконечных горлышек: длина 10–12 см, толщина стенок 0,2–0,3 см. Верхние парные отверстия для крепления крупные (4–5 мм), нижние, тоже парные, меньше (2,5–3 мм). Если это емкость для легких предметов, то верхние отверстия неоправданно велики, тем более для подвешивания на шнурок на шею или пояс.

Рассматривая конусовидность формы и отверстия для крепления «емкости», В.Е. Флерова (1997, с. 60) опирается на мнение И.С. Каменецкого о креплении донцев с помощью рыбного клея – приеме, хорошо известном в болгаро-аланской среде. В итоге, проанализировав морфологические особенности роговых горлышек, она присоединяется к мнению А.А. Иерусалимской о связи коробочек-реликвариив у алан в VIII–IX вв. с верой в домовых. Размещение их в захоронениях соответствовало интерпретации в качестве амулетниц (Флерова, 1997, с. 60; 2001б, с. 86, 87).

Я разделяю мнение А.А. Иерусалимской и В.Е. Флеровой, что эти предметы имеют культовое значение и даже исходную сакральную сущность – рог оленя или быка. Остановлюсь на первой точке зрения (горлышки бурдюков), которая ее сторонниками (Артамонов, 1958, с. 40; Генинг, Халиков, 1964, с. 168, табл. XVII, 17, 18) никак не аргументировалась, и постараюсь рассмотреть этот аспект.

Читаем в словаре Фасмера (1987): «бурдюк – кожаный мешок для воды,

вина, кавк., донск. – Миртов; там же: из козьей кожи – burduk (азерб.) – мех для вина – Радлов, 4, 1832».

У исследователя осетинского языка В.Ф. Миллера (1992, с. 130) узнаем: «матара» – кожаный мешок большого объема; купри – бурдюк – «снять кожу так, чтобы из нее вышел бурдюк»².

В осетинских сказаниях, собранных Миллером, рассказывается, что бурдюки делались также из кожи быка, причем так, чтобы в таком мешке, снятом с животного чулком, мог поместиться человек. «Амиран [герой. – Н.К.] вывел самого большого быка (морского)... снял с него шкуру бурдюком³ и влез внутрь бурдюка» (Миллер, 1992, с. 69). В следующем сказании повествуется о том, как в бурдюк заползла змея: «он [Тукай. – Н.К.] подошел к бурдюку браги и налил полную чашу, поставил ее на землю, сам шейку бурдюка распустил... брагу лил на землю... вместе с брагой выпала большая черная змея. – О, увы! Ведь я не завязал углы бурдюка» (Там же, с. 103).

Из вышеприведенных текстов мы узнаем, что бурдюки делались как из кожи козлов (питьевые), так и из кожи быков, куда мог поместиться человек⁴. Бурдюки питьевые делались

способом снятия шкуры животного чулком, и они имели завязанные углы. По верху и концам горла они собирались шнурком, которым крепились также к твердой горловине (кость для этого незаменимый материал) и имели подвесную пробку (как правило, деревянную), как на флягах XIX в. из Тувы (рис. 5). Аналогичные кожаные емкости хорошо известны из этнографии тюрко-монгольских народов (Вайнштейн, 1974, с. 106, рис. 109). Образцы их сохранились до наших дней, например, среди сувенирных изделий у монголов (рис. 6). На них видно это вставленное твердое горлышко с ободком по краю и крепление деревянной пробки к бурдюку ремешком.

Аналогичные костяные горлышки от дорожных фляг и бурдюков известны в археологических коллекциях. Они представляют собой цилиндрические трубочки длиной около 4 см и диаметром отверстия около 2 см (рис. 7: 4, 5). Выразительная коллекция подобных предметов из собрания Национального музея Республики Татарстан опубликована К.А. Руденко под рубрикой «игольники» (2005, табл. 11). Также представлены эти изделия и в некоторых других работах (Флерова, 2001а, рис. 37: 4–6, 9–15).

Важно отметить, что они отличаются от игольников в размерах, форме устья и отделке. Отверстия горлышек бурдюков и фляг не более 2 см, длина 4–6 см. Верхний конец утолщен, с валиком или «головкой», нижний конец оформлен валиками для крепления к кожаной основе сосуда с помощью шнура. В верхней части горлышек бурдюков иногда делались парные отверстия для крепления пробки со

могли при погребении не сохранить анатомического порядка.

² Вероятно, простонародное выражение «драть как сидорову козу» является переделкой выражения «снять кожу с козы под сидор», т.е. мешок, торбу.

³ Здесь и далее подчеркнуто мною. – Н.К.

⁴ Назначение кожаных мешков из бычьей кожи, куда мог поместиться человек, должно обратить на себя внимание исследователей погребального обряда. В больших кожаных мешках перевозили погибших на чужбине воинов, купцов и др. на родину, закрепив груз на коне в тороке. Полуразложившиеся в дороге останки

Рис. 5. Кожаные сосуды. Монголия (2010-е гг.).

Рис. 6. Кожаная фляга. Эрзин, Тува (по: Вайнштейн, 1974, с. 221).

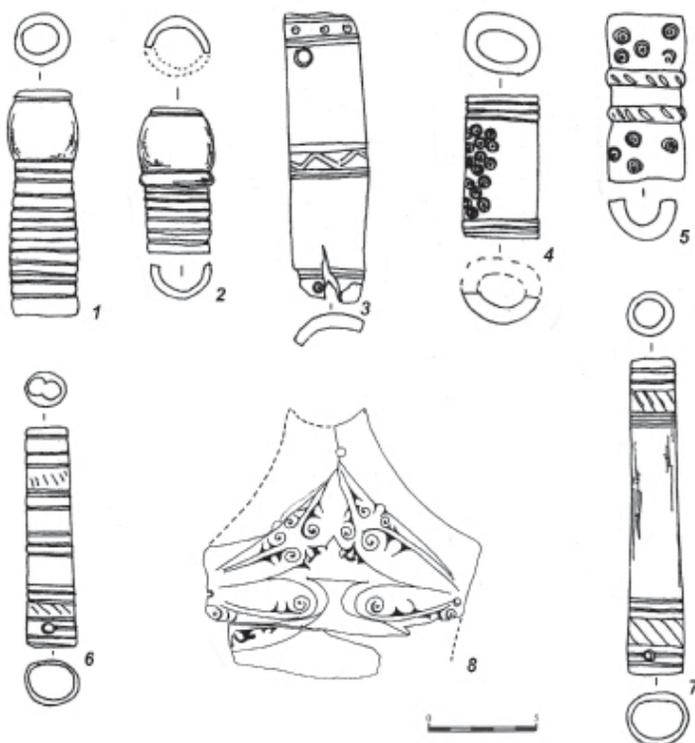

Рис. 7. Горлышки питьевых бурдюков (1–3) и фляг (4, 5), игольники (6, 7), горлышко бурдюка – т.н. реликварий (8). Билярское городище (по: Руденко, 2005, табл. 8: 171, 11: 205, 207, 208, 213–216).

шпеньком (рис. 7: 1–3). Игольники длиннее – более 6 см, диаметр отверстия – 1 см, они слегка заужены к устью (рис. 7: 6, 7). Первые декорированы среди болгарских изделий циркульным резным орнаментом, валиками, желобками (рис. 7: 1–5), а игольники – косыми насечками, елочкой и горизонтальными резными линиями (рис. 7: 6, 7). Среди археологических находок прототипы горлышек питьевых бурдюков и фляг можно видеть, по крайней мере, с гуннской эпохи (Ereǵzen, 2011, p. 245, pl. 373–375).

В этой же коллекции НМРТ находится прекрасной работы реликварий из рога оленя. Форма его частично утрачена, но вполне восстанавливается. Это горловина с двумя раструбами на концах (рис. 7: 8). Длина его 10,5 см, диаметры обоих отверстий раструбов около 5 см, горлышко заужено сверху до 3 см в диаметре. Все три конца изделия имеют парные отверстия для крепления. Края закруглены, они и сама поверхность отполированы до блеска. Тончайший, гравированный с углублением элементов орнамент украшает две фронтальные поверхности, занимая треугольное поле. Он «сплетен» из пальметт разных форм и оставляет впечатление слитности образов ночных птиц – сов-филинов. Мастером используется выразительный технологический прием выемчатой резьбы и чернения (пастой?) деталей углубленного орнамента. Общий его элемент напоминает перо птицы с закрученным в спираль концом (рис. 7: 8).

К.А. Руденко (2005, с. 73, 74) относит это изделие к XI–XII вв. и вслед за В.С. Флеровой рассматривает его как емкость для посвященных даров духу предков. Им отмечено своеобра-

зие декора болгарских изделий (украшение «геометрическим и стилизованным растительным орнаментом») по сравнению с салтовскими – сюжетными – изображениями⁵.

Культовая сущность этих предметов не вызывает сомнения, но есть вопросы к практической стороне их использования. Горлышки бурдюков с двойными и тройными концами имеют непомерно большие размеры – 10 см и более в длину и толщину стенок 5–7 мм; диаметры раструбов более 5 см также не оправданы для хранения предметов культа. Но именно эти особенности раздвоенной формы и размеров горлышек бурдюков соответствуют горлам больших кожаных мешков-бурдюков, использовавшихся караванами для переправ через большие и беспокойные реки, как это описано у Ибн Фадлана (Путешествие Ибн-Фадлана, 1939, с. 96): «бурдюк – большой мех для жидкостей, сделанный из двух кож – то же – колодец, цистерна» ... употребляется и для переправ (Там же, с. 185, 190).

Описывая сильный зимний холод в Хорезме в 922 г., Ибн Фадлан отмечает, что он видел цистерны (читай: кожаные бурдюки или мешки с водой. – Н.К.), «покрытые шубами из шкур овец, ночью (они) раскалывались и разбивались, так что это (покрывание) ничего не помогало. Когда

⁵ Однако характеристика своеобразия декора данного изделия заключается, на мой взгляд, в симбиозе зооморфного и растительного орнаментов, присущих искусству мусульманского периода. Основы традиций декора лежат в орнаментике скифской и гуннской эпох, представленной на тканях, вышивке, коврах, изделиях из кости, керамике (Ereǵzen, 2011, pl. 174, 213, 233, 981, 386, 393, 394, 396).

Джейхун (Аму-Дарья) растаяла, купили необходимые для путешествия принадлежности. Мы купили турецких (двугорбых. – *Н.К.*) верблюдов и велели сделать дорожные мешки из верблюжьих кож для переправы через реки, через которые нужно было переправляться в стране турок».

Когда они достигли реки Багнади (р. Чеган, по И.Ю. Крачковскому. – *Н.К.*): «люди вытащили дорожные мешки (а они из кож верблюдов), растелили их и взяли самок турецких верблюдов, так как они круглы, и поместили их в их пустоту (углубление), пока они (мешки) не растянутся. Потом они наложили их одеждami (домашними) вещами, и когда они наполнились, то в каждый дорожный мешок села группа (человек) в пять, шесть, четыре, – меньше или больше. Они взяли в руки деревянные из хаданга и держали их как весла, а вода несла их, пока они не переправились». Далее он пишет, что лошади и верблюды переправились вплавь под крики погонщиков. Впереди – на противоположном берегу – был авангард из воинов, для защиты от “башкир”».

Потом были переправы через семь рек в дорожных мешках, а это все большие реки, по мнению Ибн Фадлана, затем остановка у р. Джейх, у печенегов (р. Яик, по И.Ю. Крачковскому. – *Н.К.*), «а это самая большая река, какую мы видели... и с самым сильным течением... Я видел дорожный мешок, который перевернулся в ней, и те, кто был в ней (реке. – *Н.К.*) потонули, и люди мужи погибли во множестве, и потонуло значительное количество верблюдов и лошадей. Мы переправились через нее только с трудом» (Там же, с. 65, 66).

Итак, из этого пространного текста явствует, что бурдюками назывались также дорожные мешки, сшитые из двух кож верблюдов, и они являлись средством для переправы. Арабские путешественники, вероятно, не знали, что такие своеобразные кожаные лодки годны только для малых рек. Кожа при длительной переправе намокала, и плавсредство становилось ненадежным.

При переправе караванов, перекочевках скотоводов-кочевников использовались мешки большего размера в виде надувных матрасов (вспомним осетинские кожаные мешки-«матара»). Кожаные мешки («матара») надувались с помощью кожаных мехов, как я предполагаю, через костяные горлышки-мундштуки, прикрепленные к мешкам шнурками из жил и, возможно, клеем. Тройники, двойники горлышек нужны были для ускорения этой операции и соединения мешков между собой.

К сожалению, мне не встретилось в литературе описание технических подробностей таких переправ, но они легко поддаются реконструкции. В местах больших переправ из растущего вдоль рек камыша и ивы вязали большие маты в виде мостов или плотов, по краям которых, как понтоны, крепились большие кожаные бурдюки-«матары». Такое плавательное средство могло выдержать переправу большой группы людей вместе с разобранными юртами, снятыми с колес повозками, кибитками.

Уникальна находка рогового горлышка с поселения Нижнемакеевское IV (Коротоякская, 2013, рис. 9: 1). Для нас эта находка важна в силу редкости обнаруженной на ней символики (рис.

8: 1). У горлышка – гравированные сетчатые бордюры, характерные для болгаро-салтовских изделий. Главное поле (река) занято овальными полыми фигурами, соединенными между собой по три в два ряда (?). Фигуры напоминают надувные кожаные бурдюки из двойных кож для дорожных переправ. Крайний в правом ряду сверху имеет, на мой взгляд, изображение втулки-горлышка (рис. 8: 1).

В Монголии (Батцэнгэл, Архангайская провинция) среди графитти на кости из погребения гуннской эпохи есть изображение подобной кожаной лодки (рис. 8: 2). Это надувная лодка, сделанная, вероятно, из шкур двух верблюдов (Батболд, 2011, р. 275), как это описано у Ибн Фадлана. У нее, судя по изображению, двойное дно за счет сшивания шкур двух животных (швы заметны). Шкура верхней части лодки использована полностью вместе с ногами животного и обращена шеей от кормы к носу лодки. Остроумно устроены у нее бортовые поручни. Это попарно сшитые (?) на каждой стороне лодки ноги животного; горловина – шея животного – лежит поверх борта и имеет узкое устье. Вероятно, в него вставлялась втулка-горлышко и через него с помощью мехов в лодку нагнетался воздух. Полость лодки из кожи легко надувалась кожаными же складными мехами, известными по материалам тувинской этнографии (Вайнштейн, 1974, рис. 51: 12), и складывалась при необходимости. Очевидно, что подобные лодки (рис. 8: 3) использовались и во времена Ибн Фадлана.

Любопытная деталь: края кожаных бурдюков (лодок?) на горлышке из Нижнемакеевского IV поселения и на изделии из кости гуннского времени

из Монголии сближает также способ отделки поперечной штриховкой фигур (сравни: рис. 8: 1; 12).

Если от материала, форм и размеров этих приспособлений, к которым относились и горлышки бурдюков, обратиться к анализу сюжетов на них, то мы увидим, что они нередко передают сцены переправ (рис. 1; 9: 1, 2). В них присутствуют рыбы, плывущие животные. Самцы являются при этом ведущими стадо, за ними следуют самки и слабые особи. Иногда они плывут бессистемно, увлекаемые потоком, как это изображено на горлышке из могильника Верхнее Салтово (рис. 1). На нем обращает на себя внимание расположенное в верхней части нижнего бордюра изображение «увалов» песка и темной земли берега, куда устремляются козы, овцы и другие животные, переходящие реку. Косой сеткой отмечены купола юрт поселения. Верхний бордюр состоит из галочек, обращенных влево (на запад?), нижний ряд – из заштрихованных треугольников – обозначает место действия, землю тюрок-огузов. Выделены фигуры оленя и барса(?) – прародителей (тотемов) тюрко-монгольских народов. Увеличение фигур животных, вожаков, возглавляющих стадо, характерно для первобытного искусства (Столяр, 1985, с. 65, 205, 229, 230, рис. 40).

Труднее всего было переправить отары мелкого рогатого скота, овец, а также коров, если не были известны броды. Шерсть овец, намкнув, сразу тянула ко дну. Если тонул баран-вожак, овцы тонули за ним следом.

Для их переправы нужны были дощаные лодки. Одну из таких лодок можно видеть на горлышке бурдюка из Новолимаревского селища

(рис. 9: 2). На нем явно изображена сцена трагической переправы, если К.А. Красильников точно передал детали изображения (1979, с. 86). В центре композиции – сапогообразный предмет (мех?), соединенный внизу с мешкообразной фигурой с головой животного на конце (бурдюк?). Справа – длинная перевернутая килем вверх лодка-дощанка с изображением креста или птицы на носу. Слева за бортом – голова водоплавающей птицы, справа – изображение плывущего на боку (утонувшего?) рогатого животного, рядом с ним – две рыбы хищной породы (щуки?). Одна из рыб уплывает в сторону от «лодки» с шестом в пасти. Эту гравировку дополняют семь тамгообразных знаков (утонувшие люди?).

Я бы отметила, вслед за В.Е. Флеровой (1997, с. 63), лаконичность данного изображения, но не небрежность. Реалистично передана порода хищных рыб. В фигуре разъятой «лесенки» читаются полузатонувшие маты (из камыша?). «Отрывочность» этого изображения, обилие тамг на поверхности основного поля (реки) свидетельствуют о происшедшей трагедии во время переправы.

Наличие характерного («болгарского») гравированного бордюра на роговых горлышках, как на экземпляре с поселения Маяки (рис. 1), не всегда оправдано смыслом изображения. В данном случае место действия сюжету не нужны. Бордюра нет также на горлышке из Подгорновского могильника (рис. 9: 1). Место действия хорошо читается из самого сюжета. На нем также изображена переправа каравана верблюдов через один из протоков Итиля, очевидно, в дельте Волги. Погонщик, судя по одежде и

усам, не сарт, а тюрок с характерным низким способом подпоясывания, в широкополой войлочной шляпе, переводит нагруженного поклажей верблюда. У животного к морде подвешено что-то вроде торбы. На противоположном берегу – распряженная, снятая с колес повозка подготовлена для переправы. На обратной стороне не изображен город, раскинувшийся на обоих берегах этой протоки (?). В центре – дом-дворец с изображением двух тамг: болгарской (А-образная) и огузо-кыпчакской («косой крест»; см.: Кокорина, 2002, с. 159–161, 165, 166, 202). Над городом-дворцом – изображение цветка лотоса и трех существ: большой рыбы, птицы без ног (гусь или цапля?) и головы водоплавающей птицы с широким клювом (пеликан?). Последняя держит в клюве что-то в виде палки или жезла.

Изображения крайне схематичны. Общее впечатление от этой сцены повествовательное. Герои сюжета, река, город рассказывают о месте события – Ахтуба (низовья Волги). Узнаваема и порода рыбы. Большая величина и разделение тушки продольной полосой из панцирных костей – приметы семейства осетровых, обитающих в Каспийском море и в низовьях Волги.

Из приведенных примеров сюжетов изображений на горлышках бурдюков видно, насколько они разнообразны по содержанию. В них, по замечанию В.Е. Флеровой, есть общая символика и художественные приемы выражения. Таковы, например, «ромб» и «древо» на горлышках из Больше-Тарханского могильника (Генинг, Халиков, 1964, табл. XVIII, 18) и Саркела (Флерова, 1997, табл. X, 4) (сравним: рис. 1–4, 10: 1).

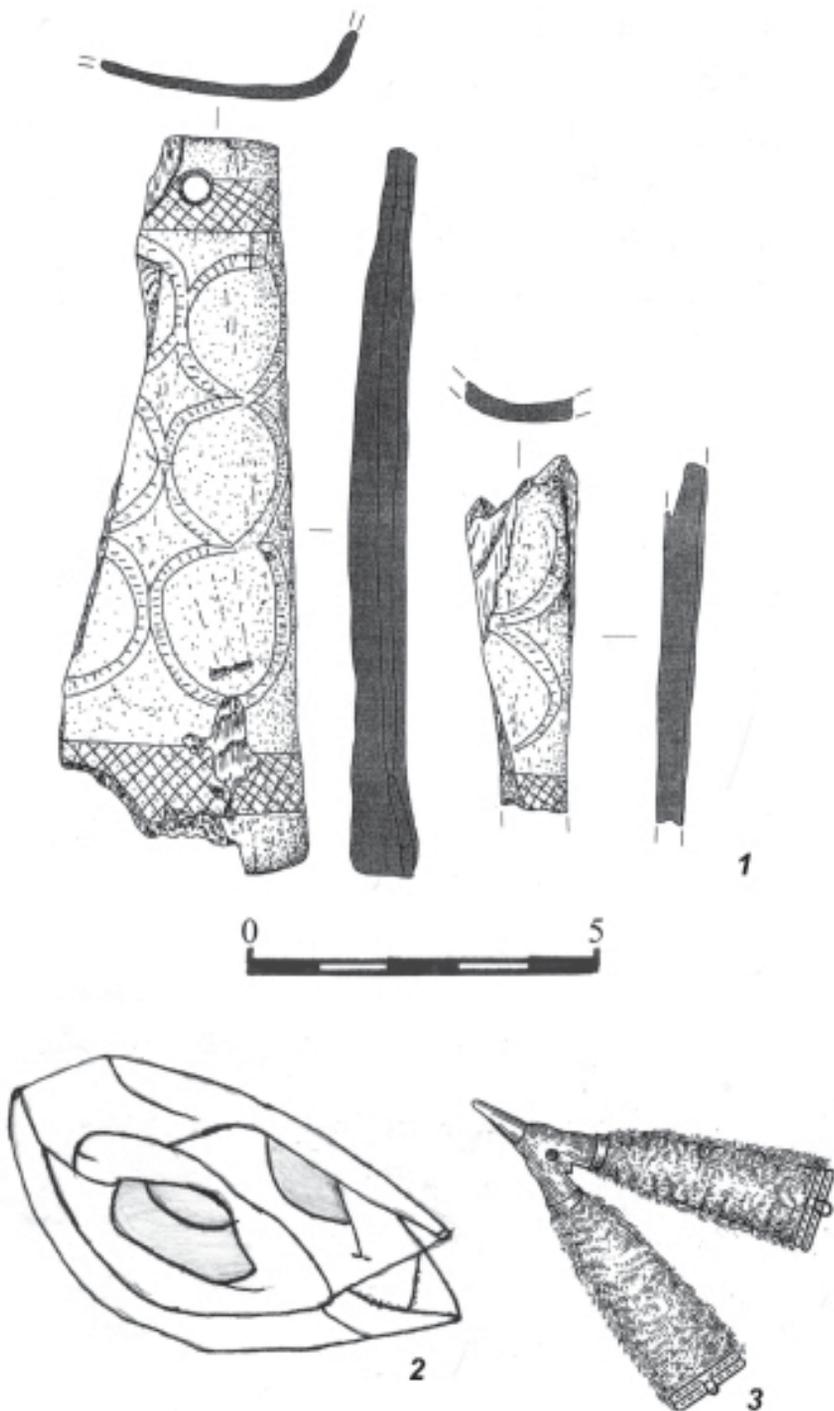

Рис. 8. Фрагменты горлышка бурдюка (1) из пос. Нижне-Макеевское IV (по: Коротоякская, 2013, рис. 9: 1); изображение кожаной лодки (2), граффити гуннской эпохи. Батцэнгэл, Архангайская провинция, Монголия (по: Батболд, 2011б, р. 275); кожаные мехи ювелира (3) (по: Вайнштейн, 1974, рис. 51: 12).

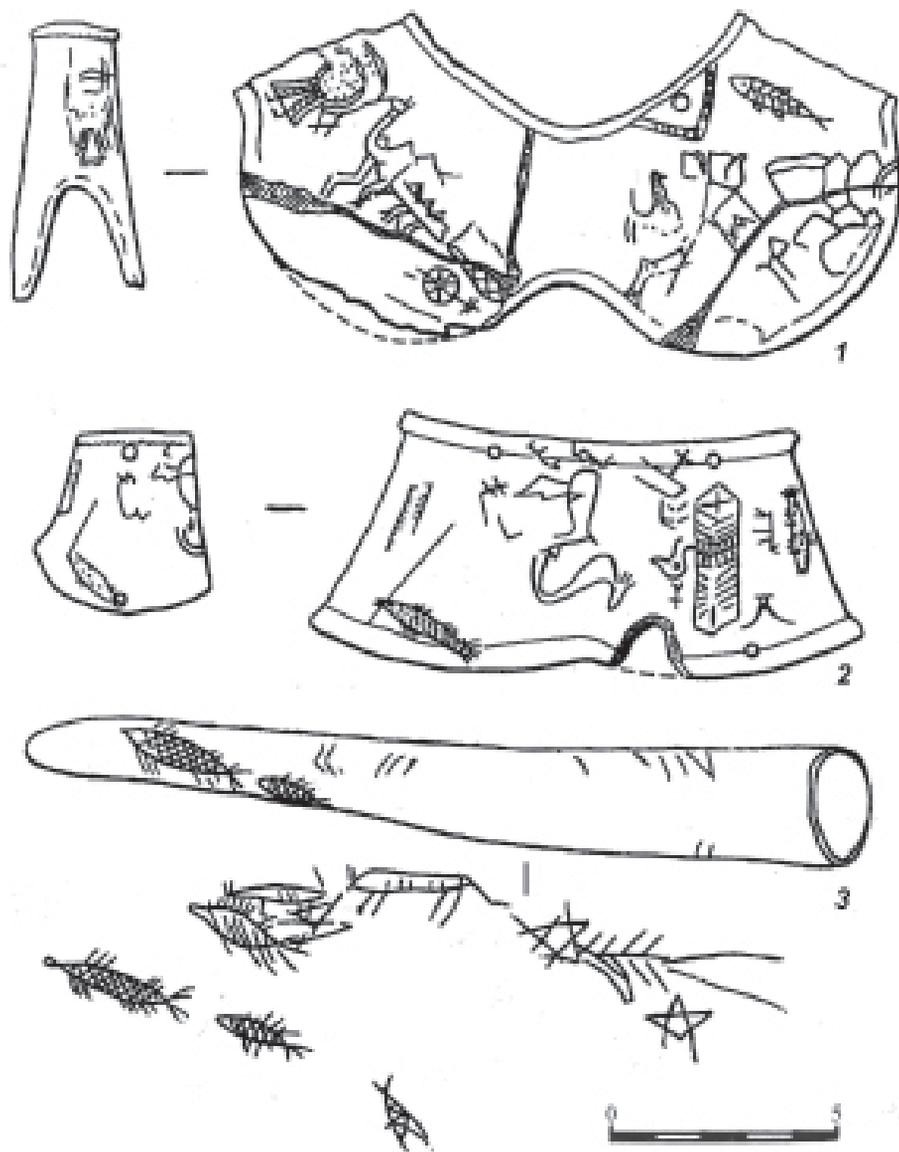

Рис. 9. Гравировки на костяных горлышках бурдюков (1, 2) и роговом острие (3).
1 – Подгорненский могильник; 2 – Новомарьевка, селище; 3 – Саркел (по: Флерова, 1997, табл. X, 7, 8, XI, 1).

Среднее поле сюжетных гравировок некоторых горлышек занимает «река жизни»; очерченные бордюры с двух ее сторон – берега и пределы жизни; пронизывающее «реку жизни» древо – генеалогическое древо, которое в развертке «показывают» тотемы из птиц и животных – их предки (рис. 1–4, 10: 5).

Такое прочтение этой графики не противоречит космогоническому толкованию изображений (Флерова, 2001б, с. 146, 147 и др.). Но оставим это для будущих исследователей этой неисчерпаемой темы. Тем более что «не все деяния людей можно объяснить с помощью мифа, помещая основания человеческих деяний в область божественного» (Хейзинга, 1997, с. 24).

Сакральная, культовая сущность данных предметов, нередко находимых в захоронениях, в том числе выдающихся людей – вождей или шаманов, вне сомнения. Такие изделия попадают в могилы даже в виде заготовок, как, например, горлышки из Осиновского III и Шиловского могильников (Багаутдинов и др., 1998, рис. 40: 8, 9). Они могли принадлежать мастерам-резчикам этих изделий. Края и форма их имеют незавершенность (рис. 10: 2, 3). Бросается в глаза иногда намеренная порча, разбивание горлышек, связанная, возможно, с гибелью людей во время переправ (экземпляр из поселения Нижнемакеевское IV) (рис. 8: 1). Помещение их в могилу в качестве амулета-оберега, как считала С.А. Плетнева (1967, с. 174), также оправданно с точки зрения понимания смерти как путешествия в загробный мир.

В связи с переправой через реки и с горлышками от бурдюков необ-

ходимо рассматривать и острия из рога быков, в частности, из Саркела (рис. 9: 3). Выгравированный на острие рога сюжет также повествует о трагической переправе. Он изображает трех хищных рыб, двух затонувших рогатых животных и предмет в виде лодки. Среди животных группируются А-образные знаки с деревом жизни (рис. 5: 3). Аналогичный рог с изображением рыбы известен из поселения Тешик-кала в Левобережном Хорезме (Толстов, 1948, с. 56).

Тамги, часто встречающиеся на гравировках, говорят о жизни и смерти героя.

Острия-рогатины также принадлежали к атрибутам культа предков, охранной магии и носились соответственно на поясе вождями-старейшинами. Острия-рогатины, возможно, являлись навершиями посохов и использовались в организации переправ больших масс людей и животных.

Аналогичное назначение было, вероятно, у прекрасного изделия из рога оленя со сценой инаугурации воина (вождя? – *Н.К.*) и переправой его дружины, опубликованного как рукоять шила из средневекового поселения Хырлец (Северо-Западная Болгария) (Йотов, 2011, с. 110, 111, рис. 3). На поясе воина у левого бедра просматривается предмет, напоминающий по форме также горло бурдюка.

Таким образом, приведенные материалы (горлышки бурдюков из рога оленя, острия-рогатины из рога быка) использовались при жизни во время переправ, а после смерти – как атрибуты охранной магии.

Аналогичные роговые острия с отверстием для подвешивания известны в захоронениях хунну Монголии (Цэвэндорж, 1985, с. 84). По сведени-

ям К.В. Вяткиной (1960, с. 255, 256), острое рога использовалось для сакральных, охранных действий у народов Центральной Азии – для очерчивания места захоронения.

Древнейшие из них мы видим у кочевников скифской и гуннской эпох. Наиболее древнее горло от бурдюка известно из Монголии (Алтанбулаг) (рис. 12). На нем запечатлена переправа группы козлов-архаров, несущих древо жизни. По ходу их движения изображена длинная фигура наподобие большой лодки с округлыми концами. «На лестницу» эта фигура не похожа: она «лежит» горизонтально и по ходу их движения. Стадо козлов направляется на запад, в сторону (страну) как бы хищной птицы, голова которой просматривается в нижней, западной части потока. Здесь миф явно встречается с географической реальностью.

Древняя традиция изготовления горлышек бурдюков и других предметов из кости отражена в материалах богатейшей коллекции Иволгинского городища (Давыдова, 1995. табл. 183 и др.). На одном горлышке хуннский мастер вырезал голову оленя и заднюю часть торса тигра (рис. 13). Среди изделий из кости этого памятника с III в. до н.э. доживают аналогичные средневековым трубочки для доения кобылиц, верблюдиц, роговые острия, гадательные лопатки, альчики, трубочки для питьевых и дорожных бурдюков, инструменты для обработки кож и керамики. Значительная часть данных изделий ждет своей атрибуции, но и сейчас можно сказать, что они характерны для болгарской культуры домонгольского периода.

Итак, приведенные данные языка, письменных, археологических,

этнографических источников свидетельствуют об использовании этих предметов разными скотоводческими народами степей Евразии.

Как свидетельствуют письменные источники еще со времен Авесты (Толстов, 1948, с. 16–33), в дельте Волги (греческая буква «дельта») встретились два колена: аланов-аорсов и гуннов в I в. н.э. Смешавшись в Среднеазиатском междуречье и прежде всего на территории Хорезма, заимствуя многое из материальной культуры и верований друг друга, в евразийских степях и особенно в Хазарском каганате эти народы продолжали соединение иранского и тюркского корней, наследовав культуру своих предков.

Подводя основные выводы, отмечаю, что название «реликварий» не соответствует изначальной сути и назначению этих предметов, поскольку они не являлись при жизни емкостями владельца для хранения собственно предметов культа. Но, безусловно, они являлись предметами поклонения, будучи средством сохранения жизни во время переправ. После смерти, в захоронениях, они играли роль вместилища священных предметов. Практический аспект действия рассмотренных предметов обусловлен рационализмом образа жизни и хозяйственным укладом скотоводов-кочевников, их гармонией с природой и космосом. Перефразируя Э. Тейлора (1939, с. 37), можно также сказать: они являются идеальными элементами божеств и физически слиты с ними, воплощены в них, держатся возле них, действуют через них.

После X в. с установлением границ средневековых феодальных государств с монотеистическими религия-

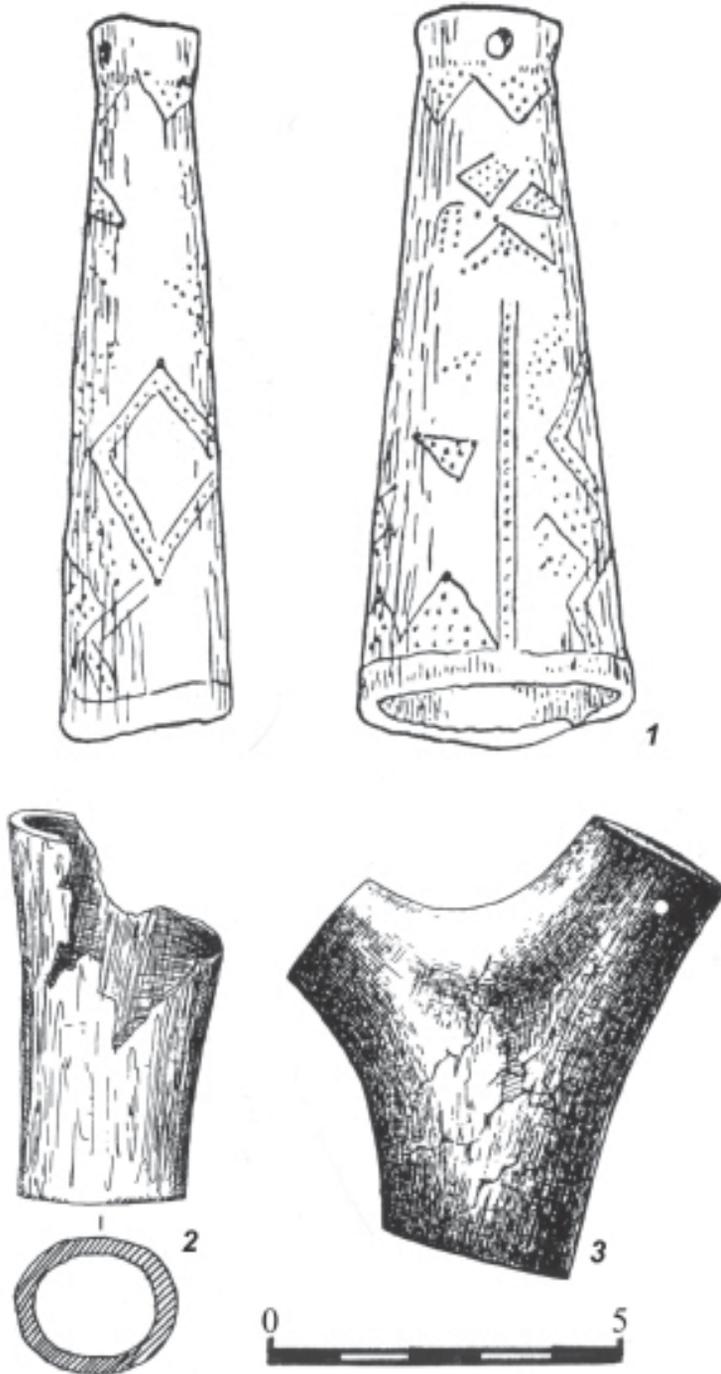

Рис. 10. Горлышки бурдюков из рога оленя. 1 – Больше-Тарханский (по: Генинг, Халиков, 1964, табл. XVIII, 18); 2, 3 – Шиловский и Осиновский III могильники (по: Багаутдинов и др., 1998, рис. 40: 8, 9).

Рис. 11. Гравировка на костяном горлышке. Маяки (по: Флерова, 1997, табл. X, 6).

Рис. 12. Горлышко бурдюка с гравировкой по кости. Батцэнгэл, Архангайская провинция, Монголия (по: Батболд, 2011, р. 273).

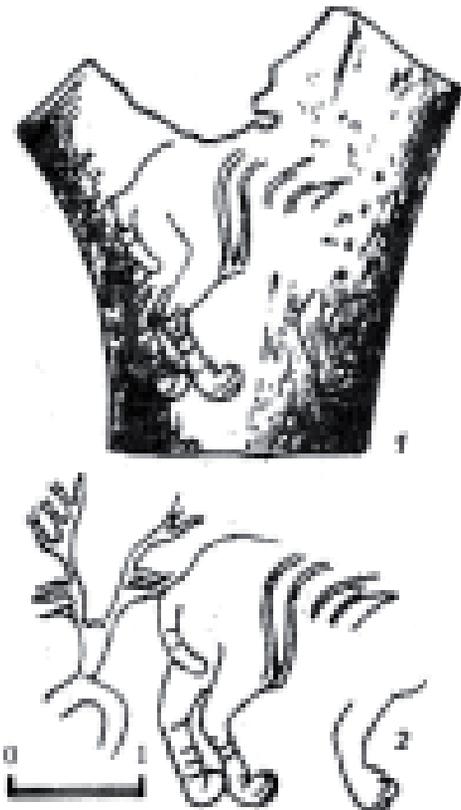

Рис. 13. Фрагмент горлышка бурдюка и прорисовка гравировки. Иволгинское городище (по: Давыдова, 1995, табл. 183: 2, 2а)

ми и территорий оседания и обитания скотоводческих народов, а также разделением водных торговых путей, переправ и развитием судоходства постепенно отпала необходимость переправы этим способом через реки. Но центральноазиатскую традицию переправ при помощи кожаных портативных лодок вновь использовали монголы в начале XIII в. во время своих евразийских завоеваний, о чем писал Матвей Парижский в 1237 г. в «Великой Хронике»: «... через реки

они переправляются в любом месте на переносных, сделанных из кожи лодках...» (цит. по: Черных, 2013, с. 157). Вероятно, об этом же идет речь в татарском народном эпосе «Идегей». В нем повествуется о событиях конца XIV в. Место действия – правобережье Волги в районе Ахтубы:

«Если семь многоводных рек,
Слившись, выйдут из берегов,
Если буря, взметая гладь,
Будет лодку рвать и бросать...»
(Идегей, 1990, с. 226).

ЛИТЕРАТУРА

1. Артамонов М.И. Саркел-Белая Вежа // МИА. – № 62. – М.-Л.: Наука, 1958. – С. 3–84.
2. Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э. Праболгары на Средней Волге: (У истоков истории татар Волго-Камья). – Самара: Самарский региональный фонд «Полдень XXII век», 1998. – 286 с.
3. Батболд Н. Хуннугийн зураасан зураг. Хionqnu Jine Drawings // Ereqzen E. (ed.). Treasures of the Хionqnu. – Ulaanbaatar: National Museum of Mongolia, 2011. – P. 272–275.
4. Вайнштейн С.И. История народного искусства Тувы. – М.: Наука, 1974. – 219 с.
5. Вяткина К.В. Монголы Монгольской Народной Республики // Восточно-Азиатский этнографический сборник / Труды Института этнографии. Новая серия. – Т. LX – М.; Л.: Наука, 1960. – С. 159–271.
6. Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге. – М.: Наука, 1964. – 177 с.
7. Едигей: Татарский народный эпос / Перевод С. Липкина. Под ред. М.А. Усманова. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1990. – 256 с.
8. Йотов В. Ранняя и праболгарская культура. Что нужно отметить, что можно добавить? // Болгарский форум I / Археология евразийский степей. – Вып. 12. – Казань: Фолиант; ИИ АН РТ, 2011. – С. 109–119.
9. Кокорина Н.А. Керамика Волжской Булгарии второй половины XI – начала XV вв.: (К проблеме преемственности болгарской и болгаро-татарской культур). – Казань: ИИ АН РТ, ИА РАН, 2002. – 383 с.
10. Коротаянская Е.В. Поселение Нижнемакеевское IV в среднем течении р. Белая Калитва на нижнем Дону // Хазарские древности. – Аксай: Аксайский военно-исторический музей, 2013. – С. 96–106.

11. *Красильников К.И.* Изделия из кости салтово-маяцкой культуры // Советская археология. – 1979. – № 2. – С. 77–91.
12. *Миллер В.Ф.* Осетинские этюды / Репринтное издание: Ученые записки Императорского Московского университета М., 1881 – Владикавказ: СОИГУ, 1992. – 713 с.
13. *Плетнева С.А.* От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура // МИА. – № 142. – М.; Л.: Наука, 1967.– 197 с.
14. *Потанов А.П.* Алтайский шаманизм. – Л.: Наука, 1991. – 317 с.
15. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу / Под ред. И.Ю. Крачковского. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. – 193 с.
16. *Руденко К.А.* Булгарские изделия из кости и рога // Древности Поволжья: эпоха средневековья (исследования культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды). – Казань: Школа, 2005. – С. 67–97.
17. *Столяр А.Д.* Происхождение изобразительного искусства. – М.: Искусство, 185. – 293 с.
18. *Тейлор Э.Б.* Первобытная культура. – М.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1939. – 568 с.
19. *Толстов С.П.* Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. – М.: МГУ, 1948. – 352 с.
20. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. – Т. 1. – М.: Прогресс, 1986. – 573 с.
21. *Флерова В.Е.* Граффити Хазарии. – М.: Эдиториал УРСС, 1997. – 171 с.
22. *Флерова В.Е.* Резная кость юго-востока Европы IX–XII вв. Искусство и ремесло: (По материалам Саркела-Белой Вежи из коллекции Государственного Эрмитажа). – СПб.: Алетейя, 2001а. – 352 с.
23. *Флерова В.Е.* Образы и сюжеты мифологии Хазарии. – Иерусалим; М.: Гешарим, Мосты культуры, 2001б. – 159 с.
24. *Хэйзинга Й.* Homo Ludens: Статьи по истории культуры. – М.: Прогресс, 1997. – 416 с.
25. *Цэвэндорж Д.* Новые данные по археологии хунну (по материалам раскопок 1972–1977 гг.) // Древние культуры Монголии. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 51–87.
26. *Черных Е.Н.* Культура номадов в мегаструктуре Евразийского мира. – Т. 2. – М.: Языки славянской культуры, 2013. – 427 с.
27. *Ereqzen E. (ed.).* Treasures of the Xiongnu. – Ulaanbaatar: National Museum of Mongolia, 2011. – 405 p.

Информация об авторе:

Кокорина Нина Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Российская Федерация); kuzminykhsv@yandex.ru

TOWARDS THE ISSUE ON PRACTICAL FUNCTION OF THE MEDIEVAL SO CALLED “RELIQUARIES“ OF EASTERN EUROPE

N.A. Kokorina

A specific type of items – horn tubes, common in the Khazar Kaganate and adjacent territories is considered. The author makes a conclusion that the term “reliquary” often used to denote them does not correspond to the initial purpose of these items. During the life of the owner, they had not been containers designed to store objects of worship. Written, visual, archaeological and ethnographic sources testify to the use of these items by pastoral peoples of Eurasian steppes as devices to inflate leather boat analogs when crossing rivers. At the same time, they were naturally objects of worship, as the means of saving lives at crossings. They were often placed in burials, playing the role of repositories for sacred objects, and were also used in burial rites as items necessary for the afterlife.

Keywords: the Khazar Kaganate, Volga Bulgaria, Central Asia, the Early Middle Ages, reliquaries, neck-plugs, inflatable leather boats, “matara” bags“, grave goods.

REFERENCES:

1. Artamonov, M. I. 1958. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Proceedings and Research in Archaeology)* 62. Moscow; Leningrad: “Nauka” Publ., 3–84. (in Russian).
2. Bagautdinov, R. S., Bogachev, A. V., Zubov, S. E. 1998. *Prabolgary na Srednei Volge (u istokov istorii tatar Volgo-Kam'ia) (Pre-Bulgars at the Middle Volga (at the Origins of the History of Volga-Kama Tatars))*. Samara: “Samarskii regional'nyi fond «Polden’, XXII vek»” Publ. (in Russian).
3. Batbold, N. 2011. In Ereqzen E. (ed.). *Treasures of the Xiongnu*. Ulaanbaatar: National Museum of Mongolia, 272–275 (in Mongol).
4. Vainshtein, S. I. 1974. *Istoriia narodnogo iskusstva Tuvy (History of the Folk Art of Tuva)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
5. Viatkina, K. V. 1960. In *Vostochno-Aziatskii etnograficheskii sbornik (The East Asian Ethnographical Collection)*. Trudy Instituta etnografii. Novaia seriia (Proceedings of the Institute of Ethnography. New Series) LX. Moscow; Leningrad: “Nauka” Publ., 159–271 (in Russian).
6. Gening, V. F., Khalikov, A. Kh. 1964. *Rannie bolgary na Volge (The Early Bulgars on the Volga River)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
7. *Edigei: Tatarskii narodnyi epos (Edigey: Tatar Epos)*. 1990. Kazan: “Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ. (in Russian).
8. Jotov, V. 2011. In *Bolgarskii Forum (Bulgarian Forum)* I. Series: Arkheologiiia evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 12. Kazan: “Foliant” Publ.; Institute for History named after Shigabuddin Mardjani, Tatarstan Academy of Sciences, 109–119 (in Russian).
9. Kokorina, N. A. 2002. *Keramika Volzhskoi Bulgarii vtoroi poloviny XI — nachala XV vv.: K probleme preemstvennosti bulgarskoi i bulgaro-tatarskoi kul'tur (Ceramic Ware in Volga Bulgaria during the Second Half of the 11th — Beginning of the*

15th Centuries (on the issue on succession of the Bulgar and Bulgar-Tatar cultures)). Kazan: Institute for History named after Shigabuddin Mardjani, Tatarstan Academy of Sciences; Institute for Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

10. Korotoiaskaia, E. V. 2013. In *Khazarskie drevnosti (Khazar Antiquities)*. Aksay: Aksay Museum of Military History, 96–106 (in Russian).

11. Krasil'nikov, K. I. 1979. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 77–91 (in Russian).

12. Miller, V. F. 1992. *Osetinskie etudy (Ossetian Etudes)*. Vladikavkaz: North-Ossetian Institute for Humanitarian Studies (in Russian).

13. Pletneva, S. A. 1967. *Ot kochevii k gorodam. Saltovomaiatskaia kul'tura (From Camps to Towns. SaltovoMayaki Culture)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Proceedings and Research in Archaeology) 142. Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

14. Potapov, A. P. 1991. *Altaiskii shamanizm (Altai Shamanism)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

15. Krachkovskii, I. Yu. (ed.). 1939. *Puteshestvie Ibn-Fadlana na Volgu (Ibn-Fadlan's Journey to the Volga)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

16. Rudenko, K. A. 2005. In *Drevnosti Povolzh'ia: epokha srednevekov'ia (Issledovaniia kul'turnogo naslediiia Volzhskoi Bulgarii i Zolotoi Ordy (Antiquities of Volga Region: the Middle Ages (Research of the Cultural Heritage of Volga Bulgaria and Golden Horde)*. Kazan: "Shkola" Publ., 67–97. (in Russian).

17. Stoliar, A. D. 1985. *Proiskhozhdenie izobrazitel'nogo iskusstva (Origin of Figurative Art)*. Moscow: "Iskusstvo" Publ. (in Russian).

18. Teilor, E. B. 1939. *Pervobytnaia kul'tura (Primitive Culture)*. Moscow: "Sotsekgiz" Publ. (in Russian).

19. Tolstov, S. P. 1948. *Drevnii Khorezm. Opyt istoriko-arkheologicheskogo issledovaniia (Ancient Khwarazm: An Attempt of Historical and Archaeological Study)*. Moscow: M. V. Lomonosov Moscow State University (in Russian).

20. Vasmer, M. 1986. *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka (Russian Etymological Dictionary)* 1. Moscow: "Progress" Publ. (in Russian).

21. Flerova, V. E. 1997. *Graffiti Khazarii (Graffiti of Khazaria)*. Moscow: "Editorial URSS" Publ. (in Russian).

22. Flerova, V. E. 2001. *Reznaia kost' iugo-vostoka Evropy IX–XII vv. Iskusstvo i remeslo: (Po materialam Sarkela-Beloi Vezhi iz kolleksii Gosudarstvennogo Ermitazha) (South-East European Carved Bone in 9th — 12th Centuries. The art and the craft: (According to materials from Sarkel-Belaya Vezha from the collection of State Hermitage))*. Saint Petersburg: "Aleteiia" Publ. (in Russian).

23. Flerova, V. E. 2001. *Obrazy i siuzhety mifologii Khazarii (Images and Subjects of the Mythology of Khazaria)*. Jerusalem: "Gesharim" Publ.; Moscow: "Mosty kul'tury" Publ. (in Russian).

24. Huizinga, J. 1997. *Homo Ludens: Stat'i po istorii kul'tury (Homo Ludens: Articles on the history of the culture)*. Moscow: "Progress" Publ. (in Russian).

25. Tsevendorzh, D. 1985. In *Drevnie kul'tury Mongolii (Ancient Cultures of Mongolia)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 51–87 (in Russian).

26. Chernykh, E. N. 2013. *Kul'tura nomadov v megastrukture Evraziiskogo mira (Nomadic Culture within the Mega-structure of Eurasian World) 2*. Moscow: "Iazyki slavianskoi kul'tury" Publ. (in Russian).

27. Ereqzen E. (ed.). 2011. *Treasures of the Xiongnu*. Ulaanbaatar: National Museum of Mongolia.

About the Author:

Kokorina Nina A. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; kuzminykhsv@yandex.ru

УДК 391: 393.05.1

ТКАНИ ИЗ МОГИЛЬНИКОВ ВЕТЛУЖСКО-ВЯТСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ IX–XI ВВ.

© 2014 г. О.В. Орфинская, Т.Б. Никитина

В статье обобщены первые результаты технологического анализа остатков текстиля (45 фрагментов) из марийских захоронений X–XI вв. Русенихинского могильника и могильника Нижняя Стрелка в Ветлужско-Вятском междуречье. Выделено 6 групп текстиля: 1) шерстяные ткани полотняного переплетения; 2) шерстяные ткани саржевого переплетения; 3) ткани полотняного переплетения из растительных волокон; 4) ткани шелковые; 5) шнуры и кисти от шнуров из шерстяных нитей; 6) фрагменты войлока. Они являются остатками одежды, подстилок и тканей для обертывания погребальных даров. Авторами предпринята попытка реконструкции кроя отдельных деталей одежды.

Ключевые слова: Прикамье, средневековье, марийская культура, археологический текстиль, детали костюма, торговые связи.

Могильники Ветлужско-Вятского междуречья по основным элементам погребального обряда и украшениям (браслетообразные височные кольца с отогнутым концом, нагрудные трапециевидные подвески, обувные подвески и т.д.) отнесены к кругу памятников марийской культуры (Никитина, 2012, с. 74–86). Согласно верованиям марийского населения умерших хоронили в лучшей одежде, это был полный обрядовый костюм: меховой кафтан или шуба, шерстяной кафтан, рубаха-платье, головной убор, обувь и большое количество украшений различных категорий: головные, украшения рук, пояса и т.д. Именно большое количество украшений, создающих консервирующую среду из окислов цветного металла, и обеспечило сохранность тканей различных размеров от небольших кусочков до фрагментов, позволяющих проследить крой и форму изделия. Кроме того, согласно погребальным традициям в

могилах устраивали подстилки из ткани и луба; ткань и лубом закрывали покойника сверху. Иногда умерший был завернут в ткань и луб. Луб, также как и металл, обладает способностью консервировать органику. Большое количество тканей обнаружено в жертвенных комплексах (далее – жк). Жк, расположенные между могилами, представляют собой ямы округлой формы диаметром от 25 до 50 см, в которых помещался берестяной туес или лубяной бочонок, заполненные украшениями, завернутыми в ткань, мех, кожу. Иногда комплексы были покрыты сверху чашей из цветного металла или бронзовым или железным котлом (Никитина, Ефремова, 2012, с. 181–189). Украшения были завязаны достаточно плотно, сверху узлы перевязывались ремнями. Окись цветного металла от украшений и плотно связанные ткани и шкуры, как и в погребениях, образовывали среду, в которой достаточно хорошо,

в большом количестве, сохранились органические материалы. По фрагментам тканей, кож и шкур, имеющим следы швейной обработки или подгибы, можно предположить, что это были остатки одежд. При этом нельзя исключать, что часть органических материалов являются остатками подстилок или тканей, использовавшихся для обертывания даров.

По указанным выше причинам в марийских могильниках эпохи средневековья, находки текстильных фрагментов встречаются достаточно часто, о чем есть многочисленные упоминания в отчетной документации, но, к сожалению, они до настоящего времени не являлись предметом специального исследования. Отдельные упоминания в публикациях, основанные на визуальном наблюдении, не позволяют составить объективное представление о предмете исследования и не отличаются большой точностью.

Технологические исследования текстиля из марийских могильников впервые проведены О.В. Орфинской – сотрудником Института природного и культурного наследия им. Д.С. Лихачева. Для анализа использованы материалы двух могильников: «Нижняя стрелка» и «Русенихинского», распечатанных Т.Б. Никитиной.

Методы исследования:

– для определения структуры тканей и плетеных изделий применялась микроскопия в отраженном, неполяризованном свете (МБС-10), увеличение от 10 до 40^x;

– для определения природы текстильных волокон применялись методы оптической микроскопии в проходящем и поляризованном свете

(ПОЛАМ-Р-212) при увеличениях 200–400^x;

– для определения катионов металла в текстиле применялись химические методы исследования;

– для проведения микроскопии были приготовлены постоянные иммерсионные препараты в пихтовом бальзаме.

– для успешного проведения работ на первом этапе исследования необходимо было разделить фрагменты, промыть и устранить их деформацию. Промывка осуществлялась раствором: 5–10% ПЭГ (полиэтиленгликоль 400) в дистиллированной воде. Процент ПЭГ подбирался к каждому фрагменту отдельно, в зависимости от его состояния и сохранности.

Описание могильников. Могильник «Нижняя стрелка» расположен в 7 км к ЮЗ от д. Починок Юринского района Республики Марий Эл, в 200 м к ВСВ от речки Чернушки, левого притока реки Дорогучи, который является притоком р. Волги. На памятнике изучена площадь 660 кв. м, на которой располагались 40 погребений и 13 жертвенных комплексов, а также несколько столбовых и костровых ям.

Русенихинский могильник расположен в 180 м к ССВ от северо-восточной окраины д. Русениха в Воскресенском районе Нижегородской области на высокой коренной террасе правого берега р. Ветлуги на мысу, обрывом берегом р. Ветлуги и берегом глубокого оврага. В настоящее время на могильнике вскрыта площадь 948 кв. м, обнаружено 18 погребений и 15 жертвенных комплексов между могилами.

Оба памятника датируются в пределах IX – рубежа XI/XII вв., имеют

сходный погребальный обряд и вещевой комплекс. Особенности грунта и послойная фиксация залегания украшений и фрагментов органики позволили не только получить новые материалы по тканям, но и связать фрагменты с конкретными текстильными изделиями, и даже в отдельных случаях установить их крой.

Результаты исследования. Для анализа выбраны наиболее хорошо сохранившиеся образцы из 6 жертвенных комплексов Русенихинского могильника (жк 2, 5, 6, 7, 11, 13) и 3 жертвенных комплексов и 2 погребений могильника «Нижняя стрелка» (жк 4, 10, 13, погр. 19, 20). Всего было исследовано 45 образцов, среди которых обнаружены шерстяные ткани (84,45%), ткани из растительных волокон (11,1%) и шелковые ткани (4,45 %). Шерстяные ткани также преобладают среди находок, которые пока еще не исследовались. Такое же соотношение тканей с различной природой текстильных волокон отмечено исследователями для средневековых могильников поволжских финнов (Ефимова, 1966, с. 132) и населения Юго-Восточного Приладожья (Кочуркина, 2014, с. 54–57; Давидан, 1989, с. 334; Косменко, 1984, с. 10; Линевский, 1949, с. 57–72), а также в памятниках чепецкой культуры (Елкина, 1988, с. 146). В Верхнем Прикамье, напротив, зафиксировано преобладание тканей из растительных волокон (Крыласова, 2001, с. 32; Оборин, 1953). Возможно, такое соотношение тканей связано с типом хозяйственной деятельности населения или особенностями погребального обряда. Так, согласно представлениям марийцев, страна мертвых связана с холодом. А холод – с зимним костю-

мом, который немислим без теплой шерстяной ткани. Вероятно, эта традиция существовала еще в средневековье, поэтому в рассматриваемых погребениях обнаружены фрагменты шуб и кафтанов, шапок и даже перчаток (2 случая) и меховых рукавиц (1 случай). Однако обнаруженные ткани не отражают полную картину реального набора текстиля в погребениях или в жертвенных комплексах. На сохранность тканей влияют почвенно-климатические условия, различные для определенных регионов. Интересно, что в Русенихинском могильнике ткани из растительных волокон среди обследованных образцов не были обнаружены, а в могильнике «Нижняя стрелка» они присутствуют.

Могильник «Русенихинский»

В южном туесе жк 5 находились: фрагмент шнура, фрагменты тонкой саржевой ткани (рис. 1, 2), фрагменты меха и фрагмент войлочного коврика. Если объединить все фрагменты тонкой ткани, то мы получаем: фрагменты с боковой кромкой; фрагменты с двойным подшитым подгибом; фрагменты с простым подгибом и следами шва по краю; аналогичные фрагменты, но срез ткани менее ровный и крайние распущенные нити имеют большую длину. Можно предположить, что в южном туесе находилось одно текстильное изделие прямоугольной формы с подшитыми краями (простой подгиб). Если изделие носилось, то открытый край простого подгиба, обычно закрывался. Поэтому вполне возможно, что это изделие имело подкладку. Второе изделие, имеющее двойной подгиб, могло быть без подкладки и являться фрагментом одежды. Плетеный двухцветный, вероятно, красный и сине/

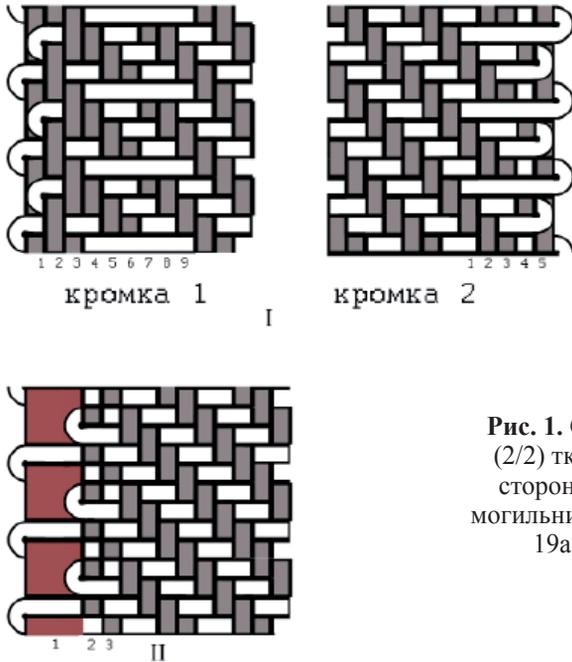

Рис. 1. Схемы боковых кромок саржевых (2/2) тканей. I. Кромки с левой и правой стороны ткани из жк 5 Русенихинского могильника. II. Кромка ткани из погребения 19а могильника Нижняя стрелка.

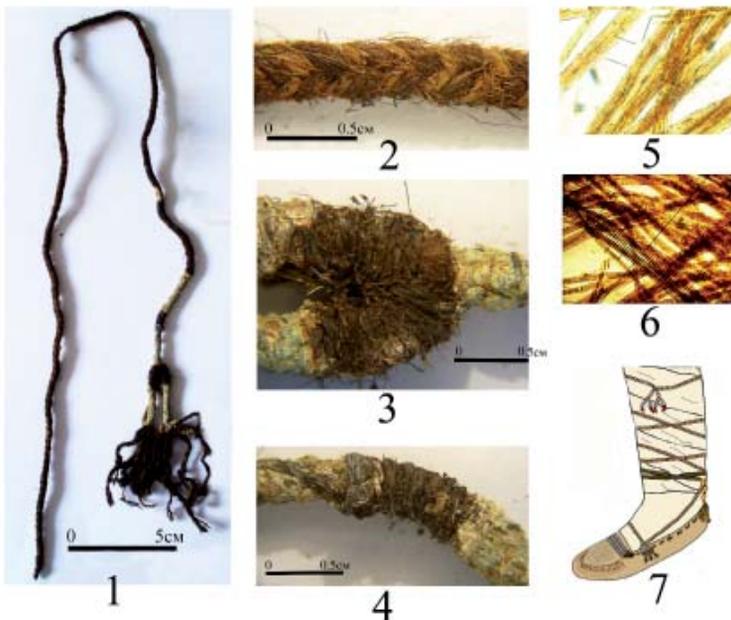

Рис. 2. Шнур из жк 5 Русенихинского могильника.

1 – общий вид фрагмента; 2 – микрофотография центральной части шнура; 3 – микрофотография участка шнура перед кисточкой обмотанный нитью; 4 – микрофотография участка шнура между металлическими бусинами (утрачены) обмотанные нитью; 5 – микрофотография светлых шерстяных волокон; 6 – микрофотография темных шерстяных волокон; 7 – реконструкция использования шнура. Оборы. Реконструкция Т.Б.Никитиной

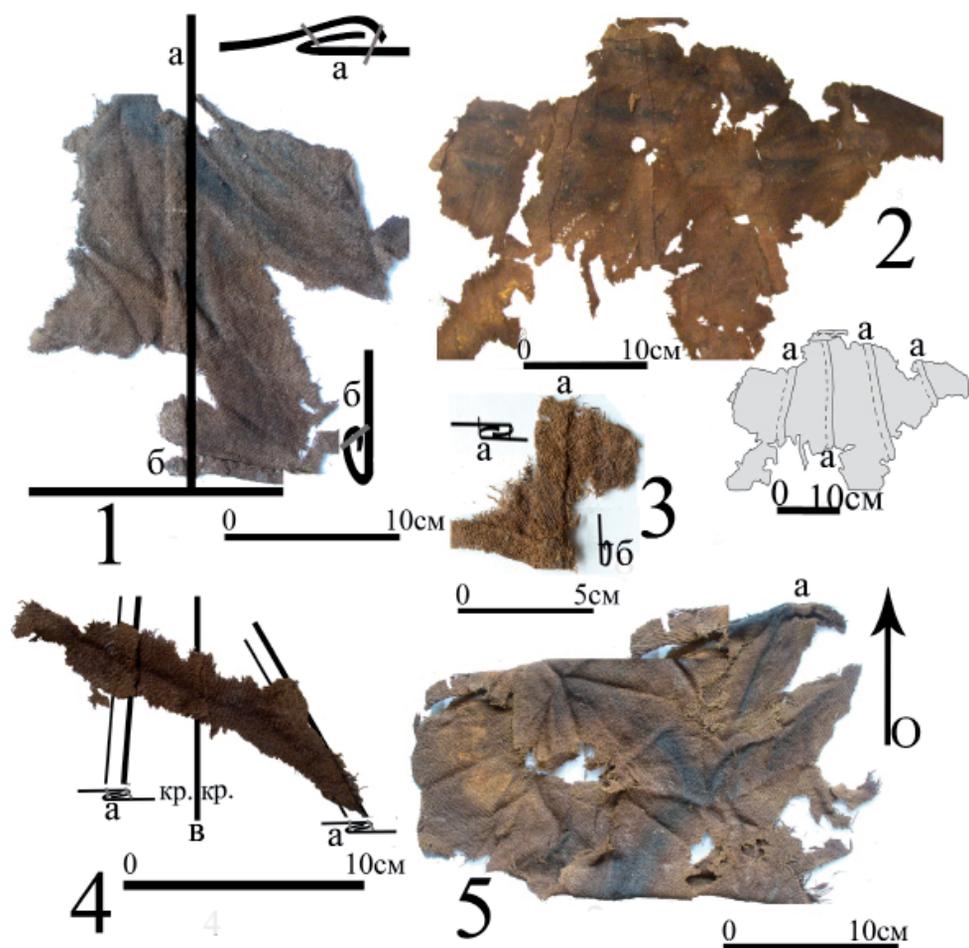

Рис. 3. Фрагменты шерстяного мужского кафтана из жк 6 Руснехинского могильника.

1 – фрагмент подола; 2 – фрагмент юбки из клиньев; 3 – фрагмент, возможно от рукава; 4 – фрагмент с тремя швами; 5 – фрагмент рукава. Условные обозначения: «а» – запошивочный шов; «б» – двойной подгиб и шов через край; «в» – шов встык кромка-кромка.

зеленый шнур, обнаруженный поверх кожаной обуви на куске шерстяной ткани, предназначенный, очевидно, в качестве обор для завязывания онуч. Изделие из меха не определяется. В северном туесе этого же жк были выявлены фрагменты войлочного коврика.

В жк 6 были обнаружены фрагменты изделия из тонкой саржевой ткани, фрагменты более толстой ткани и фрагменты меха (рис. 3). Значительный интерес представляют находки фрагментов тонкой ткани, аналогичной ткани из 5 жертвенного комплекса. Комплекс представлен инвентарем, характерным для мужчины. При разборе многослойного фрагмента был выявлен фрагмент рукава, сшитый запошивочным швом шерстяной нитью (рис. 3: 5). Шов соединяет два среза ткани. Нити основы расположены поперек рукава, следовательно, выкройку рукава располагали поперек ткацкого куска, и его длина могла быть равной ширине ткани. Обнаружен также фрагмент отрезного по талии подола из клиньев; четыре клина сохранились достаточно хорошо (рис. 3: 2). Возможно, это фрагменты мужского кафтана, который был сшит из шерстяной ткани саржевого переплетения коричневого цвета. Фрагменты более толстой ткани имеют подгибы, следы швов и, возможно, они нашивались на изделие из тонкой ткани или являлись неким самостоятельным изделием.

В жк 7 находились фрагменты толстой шерстяной ткани с горизонтальными полосами, образованными цветными нитями основы. Явная декоративность ткани позволяет предположить, что она была основной тканью теплой верхней одежды, от

которой сохранился также фрагмент рукава (нити основы идут поперек рукава) и куски, вероятно от отделки горловины (рис. 4).

В жк 13 находился кожаный ремень шириной 2,5 см. На лицевой стороне ремня сохранились остатки шелковой ткани – самит, на которую крепились накладки двух типов, выполненные в одном орнаментальном стиле. Шпеньки от накладок, пронизывающие слой шелка и кожу, скрепляли таким образом конструкцию. Ремень имел выполненный в этом же орнаментальном стиле наконечник, пряжку и концевой ремешок (хвостовик) с накладками. Накладки всех типов, выполненные из цветного металла на медной основе, сверху были позолочены. К ремню крепились пронизки из бронзовой проволоки и кожаный кошелек грушевидной формы.

Могильник «Нижняя стрелка»

В погребении 19а были обнаружены два прямоугольных изделия размерами 130х30 см и 122х31 см (рис. 5). Одно изделие шириной 31 см и длиной не менее 122 см было исследовано. Концы изделия были, вероятно, двухслойные, где по одной стороне сохранился подшитый по краю фрагмент шелковой ткани (рис. 5: 1). На шерстяной ткани видны следы узких кожаных полос, которые мог оставить ремень. Возможно, ремнем было перевязано прямоугольное изделие, или кожаные полоски были пришиты к изделию по его короткой стороне и являлись украшением или выполняли некую другую функцию.

В жк 4 край аналогичного прямоугольного изделия из тонкой шерсти черного (темно-синего) цвета был обшит светлой шерстяной нитью и украшен полосой тонкой ткани из

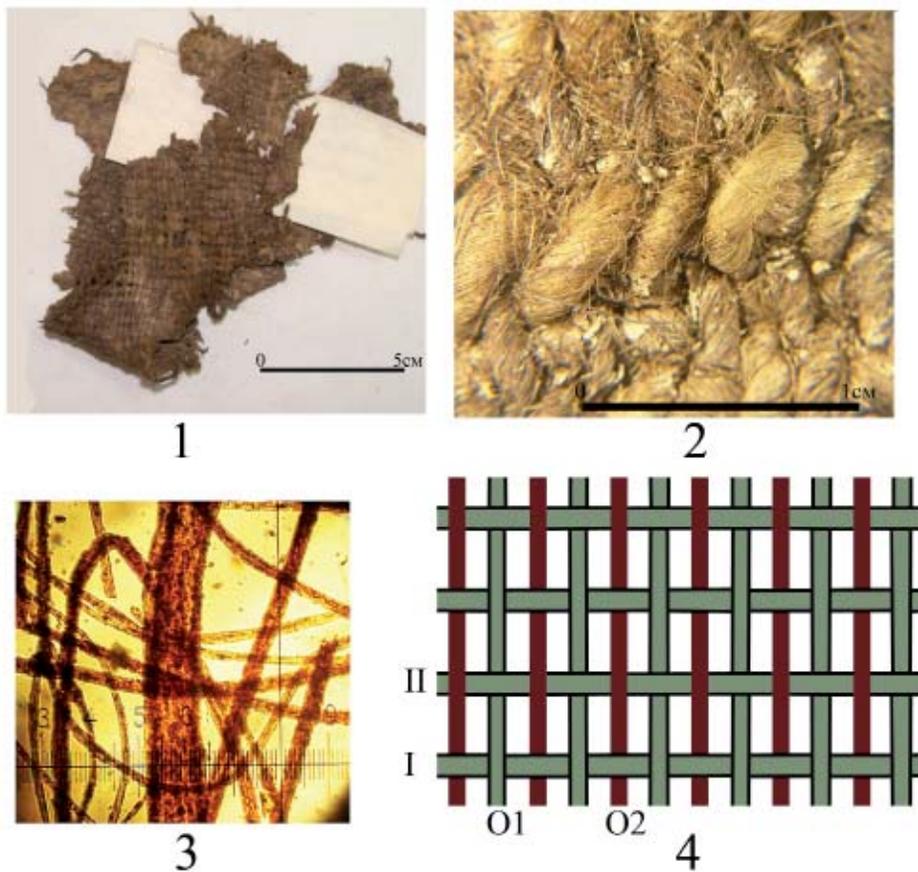

Рис. 4. Полосатая ткань из жк 7 Русенихинского могильника (образец 18). 1 – фрагмент рукава; 2 – микрофотография ткани; 3 – микрофотография темных шерстяных волокон; 4 – схема текстильных переплетений полосатой ткани; 5 – фрагмент рукава.

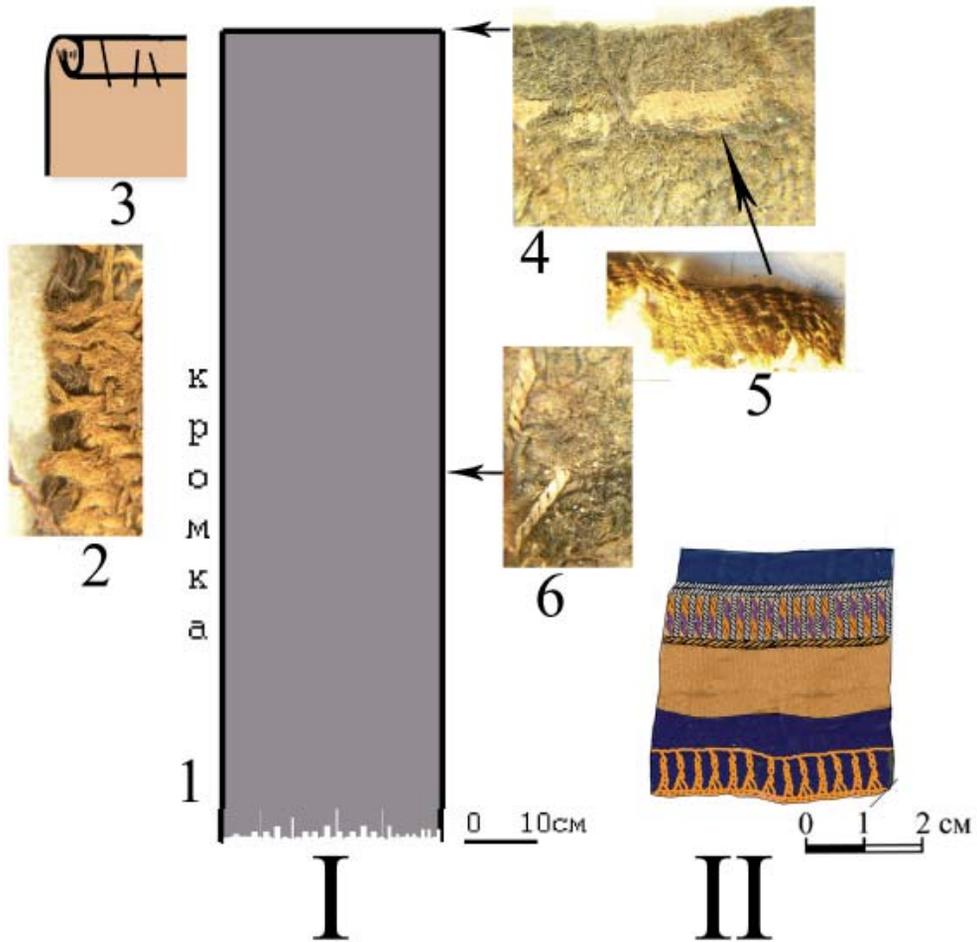

Рис. 5. Прямоугольные изделия

I. Прямоугольное изделие (полотенце) из погребения 19а могильника Нижняя стрелка.

1 – прорисовка изделия; 2 – микрофотография боковой кромки; 3 – прорисовка стороны со срезом по направлению нитей утка, которая имеет двойной подгиб и подшита швом через край; 4 – микрофотография стороны с подгибом и швом через край; 5 – микрофотография фрагмента из шелка;

6 – микрофотография боковой стороны, подшитой через край.

II. Реконструкция декора конца полотенца из жк. 4 могильника Нижняя стрелка.

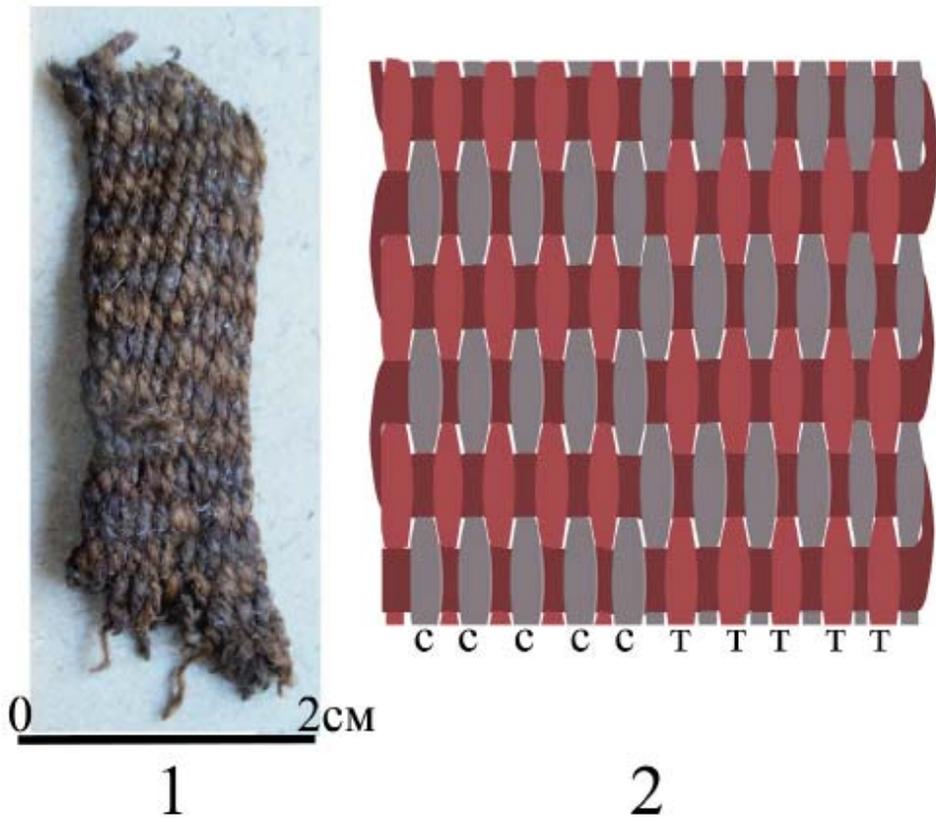

Рис. 6. Тканая лента из жк. 10 Нижней стрелки (образец 31).

1 – общий вид фрагмента; 2 – схема текстильного переплетения.

Условные обозначения: «с» – светлые нити основы; «т» – темные нити основы.

растительных волокон и узором, выполненным цветными шерстяными и металлической нитями (рис. 5: II). Зоны цветных нитей чередуются в шахматном порядке подобно зонам нитей на тканой ленте из жк 10 «Нижней стрелки».

В жк 10 были обнаружены фрагменты толстой и тонкой ткани от изделий, которые невозможно определить. Тканая лента, возможно, является частью тканого пояса (рис. 6). Кисточки, расположенные на внешней стороне фрагментов, скорее всего, относятся к шнуру, аналогичному шнуру из жк 5. Кожаное изделие, сшитое нитью из жил животного, не определяется.

Среди исследованных образцов были выделены следующие группы текстиля:

Группа 1. Шерстяные ткани полотняного переплетения (9 образцов): №№ 1, 14, 18, 19, 21, 27, 29, 31, 45.

Группа 2. Шерстяные ткани саржевого переплетения (23 образца): №№ 2, 3, 6, 7, 8, 9, 10, 12, 13, 16, 17, 23, 24, 28, 30, 33, 34, 37, 38, 39, 40, 41, 42.

Группа 3. Ткани полотняного переплетения из растительных волокон (5 образцов): №№ 25, 26, 36, 43, 44.

Группа 4. Ткани шелковые (2 образца): №№ 22, 34.

Группа 5. Шнуры и кисти от шнуров из шерстяных нитей (3 образца): №№ 4, 15, 32.

Группа 6. Фрагменты войлока (3 образца): №№ 5, 11, 20.

Группа 1. Шерстяные ткани полотняного переплетения

Ткани полотняного переплетения не представляют однородного массива. Плотность нитей основы в этой группе колеблется от 6 до 16 нитей на 1 см, а нитей утка от 2 до 8.

Средняя плотность нитей основы в группе около 10 н/см, а нитей утка – 5 н/см, то есть в основном нити основы в тканях полотняного переплетения доминируют над нитями утка.

Эту группу можно разделить в зависимости от характеристик нитей следующим образом:

1.1. Нити основы и утка одинаковые по толщине и степени крутки (все нити имеют Z-крутку¹). К этой подгруппе отнесены три фрагмента («Русенихинский», жк 6 – образец 14²; «Русенихинский», жк 11 – образец 21; «Нижняя стрелка», жк 10 – образец 29), близки к уравновешенным по плотности тканям (6-7/4-7³ н/см). Плотность по нитям основы равна или совсем немного превышает плотность по нитям утка. Ткани рыхлые.

1.2. Нити основы толще нитей утка и полностью застилают поверхность ткани. В эту подгруппу входят две ткани («Русенихинский», жк 2 – образец 1; «Русенихинский», жк 7 – образец 19) с плотностью по нитям основы, в 2–3 раза превышающей плотность по нитям утка (16/7-8 н/см). В одной ткани сохранилась простая кромка.

1.3. Толщина нитей основы меньше, чем толщина нитей утка. Сюда можно отнести ткань, плотность которой ниже (6/2 н/см), чем в подгруппе 1.2, но с тем же соотношением плот-

¹ «Z» – характеризует направление крутки нити.

² Список образцов представлен в таблице 1.

³ Фрагменты имеют небольшие размеры и сильную деформацию, что и приводит к разбросу показателей. Так, фрагменты тканей из Нижней стрелки, жк. 10, с плотностью 6/4 и 7/5 н/см, вероятно, являются фрагментами одной ткани.

ностей («Русенихинский», жк 7 – образец 18) (рис. 4). Нити основы в данной ткани разные по цвету: темные и светлые. При микроскопическом исследовании волокна темных нитей имеют коричневый цвет, это значит, что они могли быть изначально коричневыми или были окрашены в коричневый цвет. В светлых нитях окраска волокон не была зафиксирована, однако, это не значит, что светлая шерсть не была окрашена. Вероятно, здесь требуются другие методы исследования. Нити основы, различные по цвету, имеют одинаковые характеристики: шерстяные с Z-круткой толщиной 1.2–2.5 мм. Нити утка: светлая шерсть Z (плохо пряденая), толщина 2.0–3.5 мм. Плотность ткани: 6 нитей основы и 2 нити утка на 1 см. Заправка станка осуществлялась в следующем порядке: светлая нить, темная, светлая, темная и т.д. Такая система заправки позволила создать полосатую ткань, где светлые и темные полосы расположены горизонтально. Толщина нитей и их крутка неравномерная как в пределах одной нити, так и между нитями. Вторая ткань из этой подгруппы имеет плотность 8/4 н/см («Нижняя стрелка», погр. 20).

Простые шерстяные ткани первой группы, вероятно, были изготовлены на вертикальном ткацком станке с грузиками. Для основы и утка нити готовили отдельно (кроме подгруппы 1.1) так как нити двух систем существенно отличаются друг от друга. Этот факт может отражать более сложную организацию текстильного производства в рамках домашнего хозяйства.

К этой группе отнесена тканая лента (тесьма) из жк 10 Нижней стрелки (образец – 31). Ширина ленты 1,5 см.

В работе участвуют нити основы двух цветов: коричневые и темно-коричневые (визуальная оценка); нити утка – коричневые. Заправка нитей основы неравномерная (рис. 6). В результате такой заправки на тесьме получаются короткие поперечные полоски. Все нити, и основа, и уток, имеют одинаковые параметры: нить второго порядка с круткой S,2z и толщиной 1.5–1.8 мм. Плотность ткани: 12 нитей основы и 4 нити утка на 1 см². Тканая лента выполнена, вероятно, на бердышке или на нуте. Аналогичная лента была обнаружена в жк 7 Русенихинского могильника, в котором также находилась ткань с цветными нитями основы, что объединяет две ленты и полосатую ткань в единую подгруппу.

Группа 2. Шерстяные ткани саржевого переплетения

Все саржевые ткани имеют систему переплетения 2/2. Плотность нитей основы колеблется от 7 до 22 и утка от 5 до 22 нитей на см². Средняя плотность, следовательно, составляет 14 нитей основы и 13 нитей утка на 1 см, то есть саржевые ткани можно считать уравновешенными по плотности. Однако по характеристикам нитей, их можно разделить на три подгруппы.

2.1. Ткани имеют одинаковые, ровные по толщине (от 0.4 до 0.7 мм в разных образцах) и степень крутки нити основы и утка. Это самая большая подгруппа, состоящая из 20 фрагментов. На отдельных участках фиксируются нити утка с более слабой, чем у нитей основы, круткой. Группа не однородная, ткани в ней имеют разную окраску, плотность и кромки, однако эти различия в данном случае могут служить основанием более

мелкого разделения в рамках одной подгруппы. Так, в Русенихинском могильнике в жертвенных комплексах 5 и 6 фиксируется один тип кромки, а в могильнике «Нижняя стрелка» – другой (рис. 1). При общем сходстве тканей небольшие отличия (кромки), могут свидетельствовать о производстве ткани в одном текстильном центре, но в различных мастерских или в разное время. Ткани имеют достаточно равномерную плотность по полотну (около 16/16 н/см). В этой группе представлены ткани красно-коричневого, коричневого и черного цвета. Микроскопические исследования черного образца показали, что окраска осуществлялась на фазе сырья (волокон).

Ответ на вопрос о месте производства тканей группы 2.1 пока не найден. Шерстяные ткани саржевого переплетения были характерны для Европы начиная с бронзового века. Тонкие (с плотностью более 11 н/с) ткани саржевого переплетения 2/2 отмечаются в IX–XI вв. на территории европейской части современной России практически на всех исследованных памятниках, однако их количество везде довольно незначительно, что позволяет предполагать их импортное происхождение. В византийский период шерстяная саржа могла поступать на рынок в Поволжье с запада (Европа), Северо-Запада (Скандинавия), а также с юга (р-н Средиземноморья). У А. Нахлика в работе о тканях Новгорода есть указание, что цветная нить в кромке может быть маркером цехового производства западноевропейских городов (Нахлик, 1963, с. 249).

Для выработки этих тканей требовалось хорошее сырье, условия для качественной окраски волокон, ровное прядение и ткачество, вероятно, про-

фессиональное. Обладало ли местное население данными навыками?

В настоящее время марийские могильники дают наиболее значительное количество тонких тканей группы 2.1 (50% от всех шерстяных тканей). Учитывая то обстоятельство, что такие ткани используются в составе жертвенных комплексов, которые являются маркерами марийской культуры, было бы логично предположить их местное производство. Но делать вывод на количественном преобладании такой ткани было бы слишком просто и некорректно.

Все погребения, содержащие ткань этой группы, датируются X в. Наиболее ранний облик, первая половина X в., имеет жк 2 Русенихинского могильника. Здесь обнаружен поясной набор, аналогичный поясному набору из п. 3 этого же памятника с монетами начала X в. Жк 4 из могильника «Нижняя стрелка» датируется второй половиной X в. по следующим вещам: широкосерединый завязанный перстень, застежка-фибула с трапециевидным сечением и многогранными головками. Аналогичные перстни появляются в конце X в. и бытуют до XII в. (Комаров, 2002, с. 158, рис. 6:16, рис. 7: 8; Недошивина, 1967, с. 256, 257). Фибулы на территории древней Руси известны в памятниках X–первой половины XI в. (Мальм, 1967, с. 159–161; Фехнер, 1967, с. 79–84, Хвощинская, 2004, с. 82), в Прибалтике, Швеции, Норвегии и о. Готланд в конце IX–первой половине XI в. (Мальм, 1967, с. 161), а на территории Эстонии в IX–X вв. (Хвощинская, 2004, с. 82), Мало-Венижском удмуртском могильнике (Иванова, 1992, рис. 37: 7), который функционировал в XI–XII вв. (Иванова, 1992, с. 66). Фибула

с кольцом круглого сечения и многогранными головками обнаружена в п. 13 Кичилькосского могильника с монетами XI в. (Савельева, 1987, с. 154). В жк 5 Русенихинского могильника обнаружены три подражания дирхемам, на которых читается легенда с именем Ат-Таи биллаха конца X в.⁴

2.2. Две ткани имеют тонкие пряженные нити основы и рыхлые, плохо пряженные нити утка. Плотность этих тканей ниже средних показателей плотности всей группы (7/5 н/см) (Русенихинский жк 6; Нижняя стрелка жк 10). Вероятно, их можно считать продукцией местного производства.

2.3. Одна ткань (Русенихинский могильник, жк 5) имеет нити основы, спряденные в S-направлении, состоящие из двух нитей, каждая из которых имеет Z-крутку (нить второго порядка с S_{2z}-круткой). Нити утка состоят из одиночных нитей с неравномерной Z-круткой. Плотность этой ткани также невелика - 10/9 н/см. Саржевые ткани со вторым порядком крутки нити основы и первым – нитей утка найдены в финских погребениях. Такой текстиль преобладает в могильнике около д. Залахтовые Псковской области на берегу Чудского озера (устная консультация Е.С. Зубковой⁵). Датировки погребений по Н.В. Хвоцинской в основном рубеж X–XI в. Ткань достаточно простая, но не характерная для данной территории. Ее можно считать местной, но более вероятно привнесенной с севера-запада,

⁴ Определения произведены к.и.н., старшим научным сотрудником Болгарского музея-заповедника Д.Г. Мухаметшиным.

⁵ Приносим благодарность Н.В. Хвоцинской и Е.С. Зубковой за любезно предоставленные неопубликованные материалы.

где такой тип ткани в это время преобладает.

Группа 3. Ткани полотняного переплетения из растительных волокон

Фрагменты тканей из растительных волокон имеют меньшие размеры и очень плохую сохранность. На этих фрагментах нельзя однозначно определить, где нити основы и утка. Однако во всех образцах на 1 см нитей одной системы существенно больше, чем нитей второй системы. Ткани, вероятно, льняные, тонкие, с высокой плотностью по нитям основы (в среднем 30/15 н/см).

Группа 4. Ткани шелковые

4.1. Один фрагмент шелковой ткани из жк 13 Русенихинского могильника – это ткань самит. Фрагмент ткани имеет небольшие размеры: 0.9 х 1.5 см. Рисунок на ткани не определяется, так как она полностью утратила окраску, но, ранее как минимум была двух или трехцветной. Эта ткань построена на основе саржи 1/2 с рисунком саржи в Z-направлении, имеет две системы нитей основы: внутреннюю и связующую и несколько систем нитей утка (число нитей утка определяет число цветов в ткани). Основы как внутренняя, так и связующая имеют одинаковые характеристики: неокрашенный (визуальная оценка) шелк со слабой Z-круткой толщиной 0.15–0.20 мм. Отношение внутренней основы к связующей составляет 1:1. Все нити утка шелковые, в настоящий момент светло-коричневые, без крутки толщиной 0.3–0.5 мм. Плотность по основе: 22 связующей и 22 нити внутренней основы, и 20 пробросов нитей утка на 1 см².

Ткань имеет отношение внутренней основы к связующей в соотноше-

нии 1:1, что характерно для тканей так называемой Александрийской группы и для тканей VI–IX вв. из Антиной и Ахмима, то есть для тканей побережья Средиземного моря (Muthesius, 1997, р. 147). Диагональ саржи в Z-направлении характерна для тканей «группы Аххим» (Desrosiers, 2004, р. 16). Следовательно, более вероятным местом производства данной ткани является район Средиземного моря. Ее датировка – VI–IX вв. По технологическим характеристикам исследованная ткань может быть отнесена к тканям среднего уровня. Несмотря на это обстоятельство, для нашего региона она являлась предметом роскоши, о чем свидетельствует состав комплекса: богатый поясной набор, кошелек, монеты. Жк 13 Русенихинского могильника обнаружены 3 дирхема середины X в., пробитые с одной стороны. Самый поздний из них относится к династии Саманидов и имеет дату 965 г. Датировка данного погребения второй половиной X в. еще раз подтверждает, что шелк считался элементом роскоши и долгое время хранился как большая ценность. Богатый поясной набор и монеты в комплексе подтверждают этот факт.

4.2. Шелковая ткань из погребения 19 а «Нижней стрелки» представлена очень маленькими фрагментами. Эта ткань имеет полотняное переплетение. Она отличается от хорошо известной шелковой тафты, которая «шла» из Китая и Дальнего Востока по Великому шелковому пути в Византию и Европу, тем, что имеет четко выраженный эффект репса. Возможно, этот эффект возник в результате деформации ткани, что неизбежно при малых размерах фрагментов (самый большой фрагмент имеет разме-

ры 1,5 x 0,5 см). Объединяет эту ткань с китайской тафтой отсутствие крутки в нитях. Плотность на сохранившемся участке ткани: 70 нитей одной системы и 30 нитей другой на 1 см, но возможно, что в центральной части полотна плотность была иной. Ткань, вероятно, не была окрашена. Можно предположить, что данная ткань является продуктом текстильных центров Средней Азии, Дальнего Востока или Китая. Она служила для украшения некоего прямоугольного изделия из шерстяной ткани, вероятно, головного полотенца. Это погребение отличается богатым комплексом вещей.

Группа 5. Плетеные шерстяные шнуры

Фрагменты шнура из шерстяных нитей двух цветов (красно-коричневые и зеленые) были обнаружены в жк. 5. Общая длина фрагментов шнура составляет 77 см. Рабочие нити имеют одинаковые характеристики: шерсть с S_{2z}-круткой толщиной 1–2 мм. Плели шнур, вероятно в технике дерганья. Шнур был декорирован металлическими деталями, между которыми отдельные участки шнура и верхняя часть кисти были обмотаны красно-коричневыми нитями (рис. 2). Аналогичные шнуры обнаружены в жк 14 Русенихинского могильника, где находились в жертвенных комплексах. Шнуры могли использоваться в качестве завязок, однако в период бытования они, вероятно, использовались как составная часть обуви в качестве обор, которые носились поверх онуч.

Группа 6. Войлочные изделия

В жертвенных комплексах Русенихинского могильника были обнаружены фрагменты войлочных ковриков, которые были простеганы насквозь

шерстяной нитью со слабой S,2z-круткой толщиной 1–1.5 мм. Линии стежки на поверхности войлока создают рисунок в виде окружностей. По орнаментальным мотивам и технике выполнения декора, эти коврики могут быть связаны с традициями изготовления войлочных ковров в Средней Азии (Никитина, 2013, с. 230).

Заключение. Результаты технологического исследования тканей внесены в таблицу 1. Тонкая ткань саржевого переплетения была обнаружена в 5 жертвенных комплексах из двух могильников. Наличие одного типа ткани в нескольких комплексах можно объяснить следующим образом: ткань, вероятно, считалась нарядной, богатой, то есть лучшей, и попадала в жертвенные комплексы, как наиболее ценный текстиль, текстиль, достойный быть даром. Почти во всех комплексах присутствуют фрагменты меховых изделий. Небольшие размеры жертвенных «лунок» позволяют предположить, что туда могли закладывать

не целые изделия, например шубы, а только их части.

Таким образом, проведенный впервые анализ небольшой части тканей из марийских могильников показывает, что в IX–XI вв. у местного населения могло существовать ткачество с преобладанием производства изделий из шерсти. Шерстяные ткани полотняного и саржевого переплетения с плотностью нитей основы менее или равной 10 нитям на 1 см, вероятно, можно считать продукцией местного производства. Вполне возможно, что на эту территорию попадали ткани не очень высокого качества и из других регионов. Наряду с шерстяными тканями использовались и привозные дорогие шелковые ткани. Возможно, к импорту можно отнести и наиболее тонкие шерстяные ткани саржевого переплетения черного или темно-коричневого цвета, однако вопрос о месте их производства требует дополнительного исследования.

Таблица 1. Технологические характеристики текстиля из жертвенных комплексов и погребений Русенихинского могильника, могильника Нижняя стрелка и Черемисное кладбище

№ образца	Могильник	Место находки	Вид изделия	Природа волокон	Переплетение	Крутка О/У	Плотность н/см		Примечание
							О	У	
1	Русенихинский	Жк 2	Ткань	Шерсть	Полотняное (1/1)	Z/Z	16	7	Коричневая
2	Русенихинский	Жк 2	Ткань	Шерсть	Саржа (2/2)	Z/Z	15	13	Коричневая
3	Русенихинский	Жк 2	Ткань	Шерсть	Саржа (2/2)	Z/Z	15	13	Коричневая
4	Русенихинский	Жк 5 Южный туес	Шнур	Шерсть	Косичка				Двухцветная
5	Русенихинский	Жк 5 Южный туес	Войлок	Шерсть	-				
6	Русенихинский	Жк 5 Южный туес	Ткань	Шерсть	Саржа (2/2)	Z/Z	15	10	Коричнево-красная
7	Русенихинский	Жк 5	Ткань	Шерсть	Саржа (2/2)	S,2z/Z	10	9	Коричневая
8	Русенихинский	Жк 5 Южный туес	Ткань	Шерсть	Саржа (2/2)	Z/Z	17	12	Коричневая.
9	Русенихинский	Жк 5	Ткань	Шерсть	Саржа (2/2)	Z/Z	16	14	Светло-коричневая
10	Русенихинский	Жк 5 Южный туес	Ткань	Шерсть	Саржа (2/2)	Z/Z	16	14	Красно-коричневая
11	Русенихинский	Жк 5 Северный туес	Войлок	Шерсть	-				С вышивкой
12	Русенихинский	Жк 6	Ткань	Шерсть	Саржа (2/2)	Z/Z	7	5	Коричневая
13	Русенихинский	Жк 6	Ткань	Шерсть	Саржа (2/2)	Z/Z	16	14	Коричневая
14	Русенихинский	Жк 6	Ткань	Шерсть	Полотняное (1/1)	Z/Z	7	7	Коричневая

15	Русенихинский	Жк 6	Кисточка от шнура	Шерсть								
16	Русенихинский	Жк 6	Ткань	Шерсть	Саржа (2/2)	Z/Z	16	15				Коричневая
17	Русенихинский	Жк 6	Ткань	Шерсть	Саржа (2/2)	Z/Z	16	16				Красно-коричневая
18	Русенихинский	Жк 7	Ткань	Шерсть	Полотняное (1/1)	Z/Z	6	2				Полосатая; двухцветная
19	Русенихинский	Жк 7	Ткань	Шерсть	Полотняное (1/1)	Z/Z	16	8				Коричневая
20	Русенихинский	Жк 11	Войлок	Шерсть	-							Вышивка 2-х цветов
21	Русенихинский	Жк 11	Ткань	Шерсть	Полотняное (1/1)	Z/Z	7	6				Зелено-коричневая
22	Русенихинский	Жк 13	Ткань	Шелк	Самит	Z/1	44	20				Полихромный
23	Русенихинский	Жк 13	Ткань	Шерсть	Саржа (2/2)	Z/Z	20	20				Коричневая
24	Нижняя стрелка	Жк 4	Ткань	Шерсть	Саржа (2/2)	Z/Z	20	20				Черная
25	Нижняя стрелка	Жк 4	Ткань	Растительные волокна	Полотняное (1/1)	Z/Z	32	10				Светлая
26	Нижняя стрелка	Жк 4	Ткань	Растительные волокна	Полотняное (1/1)	Z/Z	20	20				Светлая
27	Нижняя стрелка	Жк 10	Ткань	Шерсть	Полотняное (1/1)	Z/Z	6	4				Коричневая
28	Нижняя стрелка	Жк 10	Ткань	Шерсть	Саржа (2/2)	Z/Z	16	14				Коричневая
29	Нижняя стрелка	Жк 10	Ткань	Шерсть	Полотняное (1/1)	Z/Z	7	5				Коричневая
30	Нижняя стрелка	Жк 10	Ткань	Шерсть	Саржа (2/2)	Z/Z	7	5				Светло-коричневая

31	Нижняя стрелка	Жк 10	Лента	Шерсть	Полотняное (1/1)	Z/Z	12	4	Двухцветная
32	Нижняя стрелка	Жк 10	Кисточка от шнура	Шерсть	-				
39	Нижняя стрелка	Жк 13	Ткань	Шерсть	Саржа (2/2)	Z/Z	12	8	Коричневая
40	Нижняя стрелка	Жк 13	Ткань	Шерсть	Саржа (2/2)	Z/Z	8	7	Темно-коричневая
34	Нижняя стрелка	Жк 13	Ткань	Шерсть	Саржа (2/2)	Z/Z	12	10	Коричневая
36	Нижняя стрелка	Жк 13	Ткань	Растительное в-но	Полотняное (1/1)	Z/Z	-	-	Коричневая
37	Нижняя стрелка	Жк 13	Ткань	Шерсть	Саржа (2/2)	Z/Z	12	10	Коричневая
38	Нижняя стрелка	Жк 13	Ткань	Шерсть	Саржа (2/2)	Z/Z (слабая)	14	13	Светло-коричневая
41	Нижняя стрелка	П. 19а	Ткань	Шерсть	Саржа (2/2)	Z/Z	15	15	Черная
42	Нижняя стрелка	П. 19а	Ткань	Шерсть	Саржа (2/2)	Z/Z (слабая)	22	22	Черная
43	Нижняя стрелка	П. 19а	Ткань	Растительное в-но	Полотняное (1/1)	Z/Z	48	18	Светло-коричневая
33	Нижняя стрелка	П. 19а	Ткань	Шерсть	Саржа (2/2)	Z/Z	13	12	Коричневая
34	Нижняя стрелка	П. 19а	Ткань	Шелк	Полотняное (1/1)	Z/Z	70	30	Неокрашенный шелк
44	Нижняя стрелка	П. 19а	Ткань	Растительное волокно	Полотняное (1/1)	Z/Z	30	12	Светлая
45	Нижняя стрелка	П. 20	Ткань	Шерсть	Полотняное (1/1)	Z/Z	8	4	Темно-коричневая

ЛИТЕРАТУРА

1. *Давидан О.И.* Ткани из курганов Юго-Восточного Приладожья и Прионежья // *Кочкуркина С.И.* Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья. – Петрозаводск: Карелия, 1973. – С. 316–336.
2. *Елкина А.К.* Исследование коллекции древнего текстиля из археологических памятников Удмуртии // *Новые исследования по древней истории Удмуртии.* – Ижевск, 1988. – С. 143–152.
3. *Ефимова Л.В.* Ткани из финно-угорских могильников I тыс. н.э. // *КСИА.* – Вып. 107. – М., 1966. – С. 127–134.
4. *Зариня А.* Одежда ливов X–XII вв. // *Новое в археологии Прибалтики и соседних стран.* – Таллин, 1985. – С. 36–46.
5. *Иванова М.Г.* Погребальные памятники северных удмуртов XI–XIII вв. – Ижевск, 1992. – 184 с.
6. *Климов К.М.* О тканях из раскопок в удмуртском Прикамье // *Поиски, исследования, открытия.* – Ижевск, 1984. – С. 93–103.
7. *Комаров К.И.* Раскопки курганного могильника у д. Плешково Тверской области // *Археологические статьи и материалы. Сборник участников Великой Отечественной войны.* – Тула, 2002. – С. 141–187.
8. *Косменко А.П.* Народное изобразительное искусство вепсов. – Л.: Наука, 1984. – 199 с.
9. *Кочкуркина С.И., Орфинская О.В.* Приладожская курганная культура: технологическое исследование текстиля. – Петрозаводск: Карельский НЦ РАН, 2014. – 140 с.
10. *Крыласова Н.Б.* История прикамского костюма. Костюм средневекового населения Пермского Предуралья. – Пермь: ПГПУ, 2001. – 259 с.
11. *Линевский А.М.* Общество Юго-Восточного Приладожья в XI в. // *Изв. Кар.-Фин. н.и. базы АН СССР.* – 1949. – № 1. – С. 57–72.
12. *Лубо-Лесниченко Е.И.* Китай на шелковом пути. – М.: «Восточная литература», 1994. – 326 с.
13. *Мальм В.А.* Подковообразные и кольцевидные застежки-фибулы // *Очерки по истории русской деревни X–XIII вв.* / Тр. ГИМ. – Вып. 43. – М., 1967. – С. 149–190.
14. *Нахлик А.* Ткани Новгорода // *Труды новгородской археологической экспедиции / МИА.* – № 123. – М., 1963. – С. 228–313.
15. *Недошивина Н.Г.* Перстни // *Очерки по истории русской деревни X–XIII вв.* / Тр. ГИМ. – Вып. 43. – М., 1967. – С. 253–274.
16. *Никитина Т.Б.* Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья / *Археология Евразийских степей.* – Вып. 14. – Казань, 2012. – 408 с.
17. *Никитина Т.Б., Ефремова Д.Ю.* Отражение культа предков марийцев в погребальном обряде могильников Ветлужско-Вятского междуречья IX–XI вв. // *Stratum-plus.* – 2012. – № 5. – С. 179–194.
18. *Никитина Т.Б.* Войлок в погребальном обряде Русенихинского могильника // *КСИА.* – Вып. 230. – М., 2013. – С. 253–260.
19. *Оборин В.А.* Рождественское городище и могильник // *Уч. зап. ПГУ.* – Т. IX. – Вып. 3. – Пермь, 1953. – С. 161–177.

20. Орфинская О.В. Исследование текстиля (из раскопок 1978 г.) // Воронина Р.Ф., Зеленцова О.В., Энговатова А.В. Никитинский могильник: публикация материалов раскопок 1977–1978 гг. – М., 2005. – С.147–156.

21. Савельева Э.А. Вымские могильники XI–XIV вв. – Л., 1987. – 200 с.

22. Фехнер М.В. Шейные гривны // Очерки по истории русской деревни / Тр. ГИМ. – Вып. 43. – М., 1967. – С. 79–84.

23. Хвоцинская Н.В. Финны на западе Новгородской земли. – СПб., 2004. – 408 с.

24. Desrosiers S. Soieries et autres textiles de L`antiquité au XVI siècle. – Paris, 2004. – p. 466–468

25. Muthesius A. Byzantine Silk Weaving AD 400 to AD 1200. – Vienna: Verlag Fassbaender, 1997. – 147 p.

Информация об авторах:

Орфинская Ольга Вячеславовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт природного и культурного наследия РАН (г. Москва, Российская Федерация), orfio@yandex.ru

Никитина Татьяна Багисhevна, доктор исторических наук, заместитель директора МарНИИЯЛИ (г. Йошкар-Ола, Российская Федерация); tshikaeva@yandex.ru

FABRICS FROM BURIAL GROUNDS OF THE VETLUGA AND VYATKA INTERFLUVE AREA OF THE IX–XI CENTURIES

O.V. Orfinskaya, T.B. Nikitina

The article summarizes primary results of technological analysis of textile fragments (45 items) from the Mari 9th-10th-century burials located at the Rusenikha and Nizhnyaya Strelka burial ground sites in the Vetluga-Vyatka interfluve area. Six textile groups have been singled out: 1) woolen fabric of plain weave; 2) woolen fabrics of twill weave; 3) plain weave cloths from plant fibers; 4) silk fabrics; 5) cords and cord tassels from woolen yarn; 6) fragments of felt. They are remains of garments, mats and fabrics used for wrapping funerary gifts. An attempt to reconstruct the cut of individual parts of the garments has been made by the authors.

Key words: the Kama River area, the Middle Ages, Mari culture, archaeological textiles, parts of garments, trade ties.

REFERENCES:

1. Davidan, O. I. 1973. In Kochkurkina, S. I. *Pamiatniki Iugo-Vostochnogo Priladozh'ia i Prionezh'ia (Monuments of South-East Ladoga and Onega Lakes Area)*. Petrozavodsk: "Kareliia" Publ., 316–336 (in Russian).

2. Elkina, A. K. 1988. In *Novye issledovaniia po drevnei istorii Udmurtii (Recent Researches in the Ancient History of Udmurtia)*. Izhevsk, 143–152 (in Russian).

3. Efimova, L. V. 1966. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Concise Bulletins of the Institute for Archaeology)* 107. Moscow, 127–134 (in Russian).

4. Zarinia A. 1985. In *Novoe v arkheologii Pribaltiki i sosednikh stran (Current Archaeology of the Baltic States and Neighboring Countries)*. Tallinn, 36–46 (in Russian).
5. Ivanova, M. G. 1992. *Pogrebal'nye pamiatniki severnykh udmurtov XI–XIII vv. (Funerary Monuments of the Northern Udmurts of the 11th-13th Centuries)*. Izhevsk (in Russian).
6. Klimov, K. M. 1984. In *Poiski, issledovaniia, otkrytiia (Surveys, Studies, Discoveries)*. Izhevsk, 93–103. (in Russian).
7. Komarov, K. I. 2002. In *Arkheologicheskie stat'i i materialy. Sbornik uchastnikov Velikoi Otechestvennoi voiny (Archaeological Articles and Proceedings. Collection of papers by the veterans of the Great Patriotic War)*. Tula, 141–187 (in Russian).
8. Kosmenko, A. P. 1984. *Narodnoe izobrazitel'noe iskusstvo vepsov (Folk Fine Art of the Vepsians)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
9. Kochkurkina, S. I., Orfinskaia, O. V. 2014. *Priladozhskaia kurgannaia kul'tura: tekhnologicheskoe issledovanie tekstilia (The Ladoga Lake Area Mound Culture: technological research in textiles)*. Petrozavodsk: Russian Academy of Sciences, Karelian Scientific Center (in Russian).
10. Krylasova, N. B. 2001. *Istoriia prikamskogo kostiama. Kostium srednevekovogo naseleniia Permskogo Predural'ia (History of the Kama River Region Costume. Medieval costume of the Perm' Cis-Urals population)*. Perm: Perm State Pedagogical University (in Russian).
11. Linevskii, A. M. 1949. In *Izvestiia Karelo-Finskoi nauchno-issledovatel'skoi bazy AN SSSR (Bulletin of the Karelo-Finnish Scientific and Research Basis of the Academy of Sciences of the USSR)* 1, 57–72. (in Russian).
12. Lubo-Lesnichenko, E. I. 1994. *Kitai na shelkovom puti (China on the Great Silk Road)*. Moscow: "Vostochnaia literatura" Publ. (in Russian).
13. Mal'm, V. A. 1967. In *Ocherki po istorii russkoi derevni X–XIII vv. (Sketches on History of the Russian Village of 10th–13th Centuries)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 43. Moscow, 149–190 (in Russian).
14. Nakhlik A. 1963. In *Trudy Novgorodskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Novgorod Archaeological Expedition)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Proceedings and Research in Archaeology) 123. Moscow, 228–313. (in Russian).
15. Nedoshivina, N. G. 1967. In *Ocherki po istorii russkoi derevni X–XIII vv. (Sketches on History of the Russian Village of 10th–13th Centuries)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 43. Moscow, 253–274 (in Russian).
16. Nikitina, T. B. 2012. *Pogrebal'nye pamiatniki IX–XI vv. Vetluzhsko-Viatskogo mezhdurech'ia (Funerary Sites of the 9th–11th Centuries in the Vetluga-Vyatka Interfluvial Area)*. Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 14. Kazan (in Russian).
17. Nikitina, T. B., Efremova, D. Yu. 2012. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 179–194 (in Russian).
18. Nikitina, T. B. 2013. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Concise Bulletins of the Institute for Archaeology)* 230. Moscow, 253–260 (in Russian).

19. Oborin, V. A. 1953. In *Uchenye zapiski Permskogo gosudarstvennogo universiteta (Scientific Bulletin of the Perm State University)* IX (3). Perm, 161–177 (in Russian).
20. Orfinskaia, O. V. 2005. In Voronina, R. F., Zelentsova, O. V., Engovatova, A. V. *Nikitinskii mogil'nik: Publikatsiia materialov raskopok 1977–1978 gg. (Nikitinskiy Cemetery. Materials of the 1977–1978 Excavations)*. Moscow: Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology, 147–156 (in Russian).
21. Savel'eva, E. A. 1987. *Vymskie mogil'niki XI–XIV vv. (The Vym' Burial Grounds of 11th–14th Centuries)*. Leningrad (in Russian).
22. Fekhner, M. V. 1967. In *Ocherki po istorii russkoi derevni X–XIII vv. (Sketches on History of the Russian Village of 10th–13th Centuries)*. Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 43. Moscow, 79–84 (in Russian).
23. Khvoshchinskaia, N. V. 2004. *Finny na zapade Novgorodskoi zemli (The Finns in the West of Novgorod Land)*. Saint Petersburg (in Russian).
24. Desrosiers, S. 2004. *Soieries et autres textiles de l'antiquité au XVI siècle*. Paris, 466–468.
25. Muthesius A. 1997. *Byzantine Silk Weaving AD 400 to AD 1200*. Vienna: Verlag Fassbaender.

About the Authors:

Orfinskaya Olga V. Candidate of Historical Sciences. Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage named after Dmitry Likhachev. Kosmonavtov St., 2, Moscow, 129301, Russian Federation; orfo@yandex.ru

Nikitina Tatyana B. Doctor of Historical Sciences. V. M. Vasilyev Scientific Research Institute of Language, Literature and History in Mari. Krasnoarmeyskaya St., 44, Yoshkar-Ola, 424036, the Mari El Republic, Russian Federation; tshikaeva@yandex.ru

УДК: 930.2

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТОПОГРАФИЯ ЦАРЕВСКОГО ГОРОДИЩА¹

© 2014 г. А.А. Глухов

Проведен анализ топографии Царевского городища – одного из крупнейших памятников эпохи Золотой Орды в Нижнем Поволжье. Первые описания городища относятся ко второй половине XVIII в., а первые крупномасштабные раскопки на памятнике были проведены в середине XIX в. К этому времени в научной среде сложилось мнение, что развалины Сарая (именно с этим городом связывается Царевское городище) тянулись на огромное расстояние от истока р. Ахтубы до д. Колобовки. Результаты археологических исследований XX – начала XXI вв. позволяют оспорить это мнение. К настоящему времени установлено, что размеры собственно городской застройки имели размеры 5×2,2–2,3 км. Южную часть города занимали усадьбы знати, центральную и северную – торгово-ремесленные кварталы. Вокруг города располагались пригородные могильники, в том числе кирпичные мавзолеи (руины которых в XIX в. могли быть приняты за остатки жилищ), а также зоны орошаемого земледелия.

Ключевые слова: Поволжье, Золотая Орда, Царевское городище, город Сарай, Ахтубинские развалины, историческая топография, городская планировка, округа, могильники, мавзолеи.

Царевское городище, отличающееся своей обширностью и сохранившимся микрорельефом, издавна привлекало внимание ученых и путешественников. Первое упоминание в письменных источниках о развалинах древнего города мы встречаем в «Книге Большому чертежу» (1627 г.).

Значительный интерес к Царевскому городищу, да и вообще к золотоордынским древностям, появился в российской научной среде во второй половине XVIII в.

Первым, кто обозначил в публикации размеры Царевского городища, был П.И. Рычков. Он отмечал: «по реке же Цареве, сказывают, что верст на 30 великие строения в раз-

валинах видимы» (Рычков, 1767, с. 23). Но автором этих сведений нельзя считать П.И. Рычкова – он сам указывал, что эта информация принадлежит В.Н. Татищеву (Рычков, 1767, с. 20). Сам В.Н. Татищев оставил достаточно подробные описания Селитренного городища, но на Царевском городище лично не бывал. Об этом можно судить по контексту одного из писем советнику канцелярии Академии наук И.Д. Шумахеру. В.Н. Татищев в конце письма кратко сообщает о развалинах в месте под названием Царев. Под и сожалеет, что ему не дали геодезиста и «живописца», поэтому он вынужден оставить обстоятельное описание этой местности (Егоров, Юхт, 1986, с. 238).

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-11-34003.

Первым из ученых-путешественников, кто лично посетил Царевские развалины, был академик С.Г. Гмелин. В 1769 г. он осмотрел «остатки старинного города, который был столицей царя великой Татарии Ахмета», находящиеся «в 40 верстах ниже шелкового завода (с. Безродное. – А.Г.) при берегу реки Ахтубы» (Гмелин, 1777, с. 12). Особенно С.Г. Гмелин отмечал развалины «при доме некоторой царицы» у Сахарного озера, занимающие около 30 верст (Гмелин, 1777, с. 13). Чуть ниже, описывая «превысокий холм» на берегу Царевки (т.н. «Колобовский курган»), С.Г. Гмелин приводит несколько другие данные о протяженности развалин: «сии остатки в длину по кряжу степному простираются на 38 верст, а в ширину только на одну» (Гмелин, 1777, с. 15).

В том же году, что и С.Г. Гмелин, вниз по Волге к Каспийскому морю проехал академик И.И. Лепехин (Полное собрание, 1821, предисл., с. II). Он побывал в Царицыне и дальше отправился в Астрахань по правому берегу Волги, не заезжая на Царевские развалины. По сведениям И.И. Лепехина, полученным от кого-то, остатки древнего города находились в 50 верстах от шелкового завода, который, в свою очередь, располагался в 7 верстах «от Ахтубинского верхнего устья» (Полное собрание, 1821, с. 470, 472).

Если отложить по карте 57 верст² от истока Ахтубы вниз по течению, то

² Расстояние, очевидно, следует считать не по прямой, а по дороге, которая шла вдоль Ахтубы через населенные пункты (Безродное, Средняя Ахтуба, Заплавное, Пришиб, Маляевка). Даже по прямой от истока Ахтубы до с. Царев расстояние составляет 52,5 км, а не 42 км, как посчитал И.В. Волков.

эта точка окажется как раз в центре Царевских развалин близ с. Царев. Ни о какой северной границе Царевского городища, расположенной в 7 верстах от ответвления Ахтубы от Волги, как считает И.В. Волков (Волков, 2010, с. 22), Лепехин не сообщал.

В 1770 г. на Нижней Волге побывал академик И.П. Фальк, который проследовал здесь по тому же маршруту, что и Лепехин, и лишь очень кратко упомянул о развалинах у Царевопопада: «Место, где находятся сии развалины, простирается на 9 верст в длину и на 5 верст в ширину» (Полное собрание, 1824, с. 126). Судя по отсутствию упоминаний о посещении городища самим Фальком и очень скудным сведениям о Царевских развалинах, а также путанице и неточности в географических данных³, сам он развалины не осматривал.

Таким образом, выясняется, что из числа ученых-путешественников, упомянутых выше и побывавших на Нижней Волге в XVIII в., развалины близ Царева посетил лично только С.Г. Гмелин. Да и его описания, к сожалению, очень кратки.

Более подробные сведения о Царевском городище появляются в XIX в. Достаточно развернутое описание городища было сделано А.Ф. Леопольдовым в 1837 г. (Леопольдов, 1837, с. 123–132). Автор отметил, что развалины, начинаясь около самого селения Безродного или Верхне-Ахтубинского, тянутся верст на 70 по самому гребню Сырта до села Пришиба, мимо сел Средне-

³ У Фалька с. Безродное названо д. Безбородной, и при этой деревне локализируются речки с калмыцкими названиями (очевидно, Кальгута и Царевочка), у которых располагается Царевопад.

Ахтубинского и Заплавного. «В иных местах развалины эти часты, в других редки; одни велики и обширны, другие малы; но везде можно видеть кирпич, глину, известь. Далее от села Пришиба через город Царев, почти до деревни Колобовщины следуют на 15 верст развалины, почти сплошные и большей частью огромные» (Леопольдов, 1837, с. 123).

В 1838 г. Царевские развалины посетили братья Чернецовы, совершившие однодневную поездку из Царицына в Царев с целью осмотра остатков Сарая. По их сведениям, следы строений были рассеяны во множестве на пространстве, имеющем в окружности 40 верст. Эти остатки сосредоточивались у Царева (Чернецовы, 1970, с. 137).

В начале 1840-х годов появились инструментальные планы Царевского городища. Первый план был снят в 1842 г. начальником межевания казенных земель в Саратовской губернии подполковником Н.К. Тетеревниковым. Его план отличался большой точностью, так как снимался более полугода несколькими опытными топографами (Терещенко, 1909, с. 46). Сам Н.К. Тетеревников оставил комментарии к составленному плану (Тетеревников, 1843, с. 107–111).

До недавнего времени план Тетеревникова, найденный В.Л. Егоровым в фондах Российской Государственной библиотеки, был известен по публикации Т.В. Гусевой (Гусева, 1975, с. 77), но в этой статье была опубликована лишь часть плана. Зимой 2013 г. Н.И. Савельевым в фондах той же библиотеки был найден второй план Царевских развалин, ранее не известный и опубликованный недавно (Савельев, 2013, с. 39, 40, рис.3). Этот план охва-

тывает территорию от р. Кальгуты до восточной окраины Колобовки. Таким образом, протяженность развалин в районе Царева, нанесенных на план, составляет около 12 км.

В 1843 г. землемером А. Васильевым по поручению А.В. Терещенко был снят новый план Царевского городища. К сожалению, в настоящее время известна лишь часть этого плана, опубликованная в 1847 г. (Григорьев, 1847). Она охватывает территорию от оз. Солончатого до с. Солодовка включительно. Территория к западу от Кальгуты и к востоку от Солодовки отсутствует.

Таким образом, если сравнивать планы Тетеревникова и Терещенко, то, безусловно, первый план на настоящее время является первостепенным источником для выяснения топографии, планиграфии и размеров Царевского городища, так как наиболее полно охватывает место расположения развалин в районе с. Царева.

А.В. Терещенко общую протяженность татарских развалин, также как и А.Ф. Леопольдов, определял от с. Безродного до д. Зубовки, отмечая, что «на этих местах до ныне видны насыпи и каналы». Далее автор постепенно сужает территорию: «Курганы и насыпи увеличиваются постоянно по мере приближения к Цареву... В 12 верстах от Царева еще более увеличиваются следы татарских жилищ... В 4 верстах от Царева находятся в таком множестве курганы, насыпи, каналы, водоемы и озера, что с первого взгляда, не приступая к разрытию, невольно скажешь: тут Сарай!» (Терещенко, 1909, с. 16, 17). А.В. Терещенко отмечал также, что развалины Сарая раскинуты «на 20 верстном протяжении от селения Пришиб до

деревни Колобовщины» (Григорьев, 1847, с. 353). Как раз этим пространством и был ограничен план, снятый по поручению А.В. Терещенко.

Сходные сведения оставил А.А. Спицын, посетивший в 1893 г. ряд золотоордынских городищ, в том числе и Царевское (Спицын, 1895, с. 88).

Ф.В. Баллод, проводивший исследования Царевского городища в 1922 г., определял его площадь более чем в 40 квадратных верст (Баллод, 1923а, с. 375). А в другой работе уточнял, что «развалины золотоордынского города под Царевом и вокруг него занимают площадь до 12 верст длины от Маляевки до Царева (включительно) и не менее 4 верст ширины от Ахтубы и ее рукавов до высокого степного сырта к востоку от ахтубинской долины, на котором сохранился некрополь» (Баллод, 1923б, с. 14). В работе был приведен схематичный план районов древнего города, который охватывал пространство от ерика (Ракового ?), расположенного к западу от р. Кальгуты, до р. Царевки (Баллод, 1923, табл. 2). Протяженность территории, охваченной планом Баллода, составляла около 7 км.

Позднее А.Ю. Якубовский в одной из своих работ, основываясь на результатах работ А.В. Терещенко, приводил размеры города: около 12 км в длину и 4–4,5 км в ширину (Якубовский, 1931, с. 9). Т.В. Гусева считала, что площадь Царевского городища составляет более 400 га (Гусева, 1985, с. 5).

Г.А. Федоров-Давыдов в научном отчете за 1966 г., а затем в монографии определял границы города (главную его часть) по рву. По мнению исследователя, протяженность городища

по длинной оси составляет примерно 1,6 км, по короткой – 1 км (Федоров-Давыдов, 1994, с. 30, 31). С северо-запада, востока и юга к центральной части города примыкали усадьбы, замки и пригород-рабад.

Таким образом, обзор сведений, оставленных исследователями XVIII–XX вв. о размерах Царевского городища, выявил следующее. Во-первых, данные авторов о размерах Царевских развалин очень разноречивы и субъективны. Во многом это объясняется тем, что некоторые из исследователей либо вообще не бывали на городище (Фальк, Лепехин), либо были проездом (Гмелин, бр. Чернецовы, Спицын). Очень кратковременные, иногда однодневные визиты на Ахтубинские развалины, безусловно, не могли быть особенно результативными для получения объективных данных об их размерах. Действительно, если бы мы в XVIII–XIX вв. ехали на телеге вдоль левого берега Ахтубы от Безродного до Зубовки, то повсеместно встречали бы «следы развалин» в виде всхолмлений с битым татарским кирпичом. Но что это за холмы? Все ли они являлись остатками «жилищ татарских»? Конечно же, нет. Многие исследователи и путешественники могли принять за развалины города остатки погребальных комплексов мавзолейного типа или производственных объектов, при строительстве которых широко применялся обожженный кирпич. Отсюда и завышенные размеры Царевского городища, которые приводятся в работах вышеупомянутых авторов.

Во-вторых, как подметил И.В. Волков, после работ Ф. Баллода «произошел качественный перелом в оценке протяженности Царевского го-

родища в сторону уменьшения» (Волков, 2010, с. 23). Но связано это не «с постепенным разрушением мелких построек в пригородных и садовых районах золотоордынской столицы», как считает И.В. Волков, а с началом планомерных научных археологических раскопок в XX в. При этом речь идет как о раскопках собственно городища, так и курганных могильников, во множестве разбросанных на левобережье Ахтубы, в том числе и в его округе.

Непонятно стремление И.В. Волкова «растянуть» Царевское городище до размеров, превышающих современный Волгоград (Волков, 2010, с. 21–23). При этом автор безоговорочно доверяет академикам XVIII в., которые даже не бывали на городище, и совершенно пренебрежительно относится к археологическим данным.

Рассмотрим историческую топографию Царевского городища и его ближайшей округи, основываясь на имеющихся к настоящему времени археологических данных. Наша задача – выяснить характер археологических объектов на указанной территории. Для этого необходимо обратиться к плану Н.К. Тетеревникова, недавно обнаруженному Н.И. Савельевым, как наиболее полному по охвату территории Царевских развалин из известных науке на данный момент.

Вначале рассмотрим территорию собственно городской застройки (рис.1), а позже обратимся к округе городища (рис.2).

Основная территория города располагалась между р. Кальгутой на западе, современным с. Царев на востоке (частично находясь под современной застройкой), р. Ахтубой и оз. Сахарным на юге, искусственными

водохранилищами на севере (рис.1). Граница юго-восточной части городища, находящейся под современной застройкой с. Царева, к настоящему времени уточнена (Глухов, 2010, с. 249–254).

В планировочной структуре городской застройки достаточно четко выделяются две части: усадебная и квартальная (рис. 1).

Квартальная застройка фиксируется в центральной части городища, ограниченной рвом (обводным каналом), а также к северо-западу от канала на территории небольшого рабата (Федоров-Давыдов, Вайнер, Мухамадиев, 1970, с. 69; Глухов, 2007, с. 96, 97, рис. 1). Вся эта территория пронизана сетью каналов и арыков, вдоль которых проходили улицы. Многие каналы соединены с обводным каналом, что еще раз доказывает его функционирование в рамках общей системы водоснабжения города и исключает его фортификационное назначение. Это хорошо видно на плане северной части городища, снятом в 2005 г. отрядом «Гюлистан» (Глухов, 2007, с. 97, рис. 1). Такого же мнения придерживается Н.И. Савельев (Савельев, 2012, с. 283, 284). Установлено, что северные и центральные кварталы города принадлежали торгово-ремесленному населению (Федоров-Давыдов, Вайнер, Мухамадиев, 1970, с. 69). При этом, вероятно, производственные комплексы концентрировались в северной части, ближе к источникам воды, каковыми являлись искусственные водохранилища к северу от города. А.В. Терещенко назвал этот район города «Рабочим полем» (Терещенко, 1844, с. 296–318). Ф. Баллод выделил северный участок городища в район V и назвал его «заводским» (Баллод,

1923б, с. 22). Здесь же, в северной части городища, сотрудниками ПАЭ была изучена мастерская по производству поливного архитектурного декора (Федоров-Давыдов, Вайнер, Мухамадиев, 1970, с. 109–114).

Наиболее удобные районы города, южные, занимали усадьбы аристократии. Близость к реке, отдаленность от «промышленных» районов предопределяли их местоположение. Усадебная застройка была вытянута вдоль берега более чем на 3 км. Кроме того, усадьбы располагались вокруг оз. Солончатого, на Солодовских ериках и на левом берегу Кальгуты к северо-западу от районов города, окруженных обводным каналом (рис. 1). Одна из усадеб была обследована Ф. Баллодом в этом районе недалеко от Красного моста к востоку от Кальгуты (Баллод, 1923б, с. 23, 24).

В границах города на южном берегу оз. Солончатого сотрудниками ПАЭ исследован золотоордынский грунтовый могильник, содержащий мусульманские и языческие погребения (Федоров-Давыдов, 1964, с. 261, 262).

На расстоянии 0,7 км от северо-западного охранного знака Царевского городища, к северу от трассы «Волгоград – Астрахань», на правом берегу р. Кальгуты располагаются остатки небольшого пригорода, который получил название «северо-западного» (рис. 1; 3). Здесь был открыт трехкомнатный дом, сложенный из сырцового кирпича. Пригород возник в 40-х годах XIV в. и существовал около 15–20 лет (Мыськов, 2002, с. 115–122).

К югу от этого пригорода располагаются 4 крупных холма, диаметром до 60 м и высотой до 2 м, поверхность которых усыпана битым кирпичом

и фрагментами изразцов. На карте Тетеревникова три из них обнесены оградой (рис. 1; 3). Е.П. Мыськов отнес их к «северо-западному» пригороду и атрибутировал как сооружения дворцового типа (Мыськов, 2002, с. 122). Но этому предположению противоречит расположение объектов за городом в степи, вдали от реки, преобладание битого кирпича и фрагментов декора при отсутствии костей животных в подъемных материалах, а косвенно и отсутствие «закопушек», оставленных «черными археологами». Все это позволило предположить, что эти холмы могут являться остатками монументальных погребальных сооружений мавзольного типа Поволжская археология. Подтверждение этому было найдено в работе Ф.В. Баллода. Характеризуя район VI, Баллод приводит описание сооружения, на которое ему указал народный судья У. Бахтеев (Баллод, 1923б, с. 24, табл. 6). Оно располагалось к западу от Кальгуты, вблизи Красного моста (современный мост через Кальгуту находится здесь же). В тексте и на рисунке автор называет это монументальное строение усадьбой, но при внимательном рассмотрении оно оказывается ничем иным, как очень крупным мавзолеем с двумя камерами: «гур-ханой» (усыпальницей) и «зиярат-ханой» (помещения для поминальных обрядов) и башеннообразными выступами по углам (рис. 4). Прямоугольные двухкамерные мавзолеи хорошо известны в золотоордынских древностях и в Средней Азии (Алихова, 1973, с. 235–237; Палимпсестова, Рунич, 1974, с. 230–234; Егоров, 1980, с. 74–88; Шнадштейн, 1990, с. 14–17; Блохин, Яворская, 2006, с. 168–170). Следует отметить, что со-

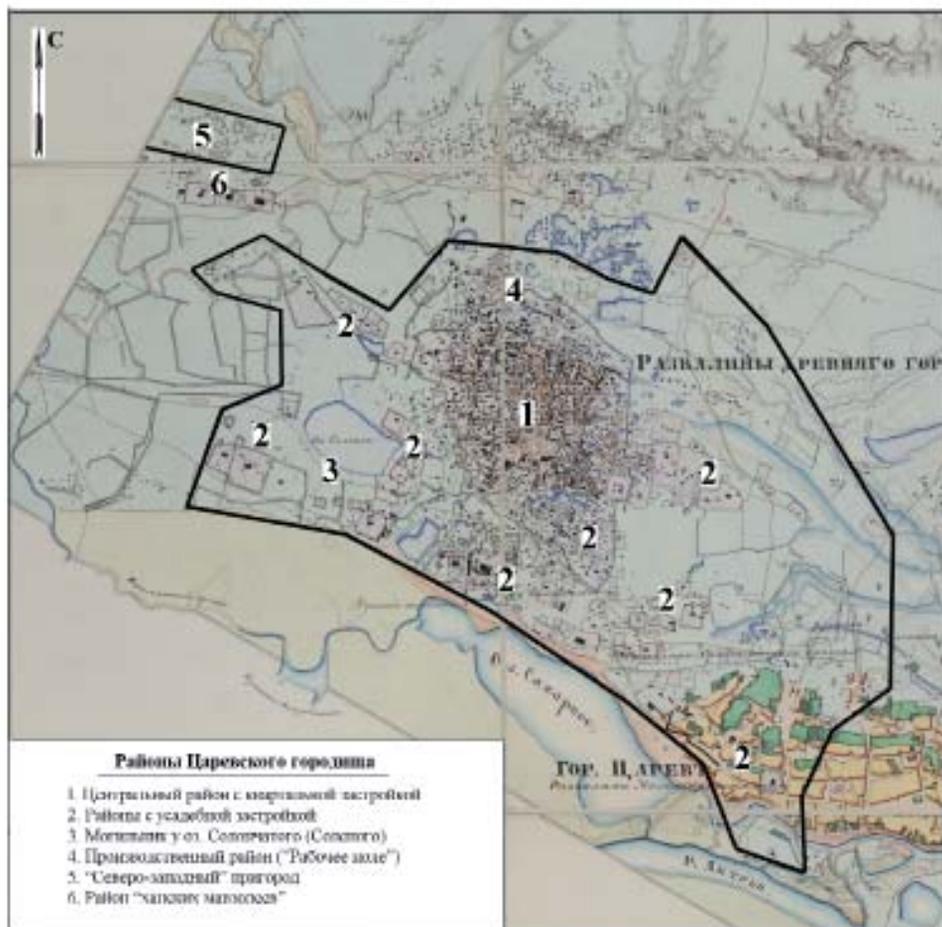

Рис. 1. Фрагмент малого плана Н.К. Тетеревникова, с обозначенной территорией городской застройки и районами Царевского городища.

- Центральный район с квартальной застройкой
- Районы с усадебной застройкой
- Могильник у озера Солончатого (Соленого)
- Производственный район («Рабочее поле»)
- «Северо-западный» пригород
- Район «ханских мавзолеев»

оружие, описанное Ф. Баллодом, которое можно соотнести с одним из четырех крупных холмов, расположенных к югу от «северо-западного» пригорода, отличается огромными размерами. Безусловно, если это мавзолей, то он мог принадлежать либо хану, либо кому-то из числа крупнейших сановников. Исходя из этого, район к югу от «северо-западного» пригорода можно условно назвать районом «ханских мавзолеев».

К северо-западу и западу от крупных холмов фиксируются небольшие насыпи, на поверхности которых встречаются фрагменты кирпича. Они как бы продолжают ряд «мавзолеев». Здесь в 2000 г. было зафиксировано 11 насыпей, получивших название – «могильник Маляевка VI». Из них раскопаны 4 небольшие насыпи, под которыми вскрыты погребения с сырцовыми оградками (Мыськов, 2003, с. 216–235). Автор выделил их в отдельный могильник, но они явно «привязаны» к крупным мавзолеям и входят в общее погребальное поле, вытянутое с запада на восток на расстоянии более 1 км. Близкое расположение «северо-западного» пригорода к «ханским мавзолеям» позволяет сделать робкое предположение – не являлся ли он поселком строителей, как это было на городище Ак-Сарай в Лапасае?

Далее обратимся к рассмотрению ближайшей округи. К западу-юго-западу от центральной части городища на пространстве между южным посадным районом и р. Кальгутой располагается группа объектов, которые можно связать с погребальными памятниками (группа «2») (рис. 2). Здесь в 2000–2001 гг. были выявлены остатки монументального шестиугольного

сооружения мемориального назначения, датирующегося 50-ми годами XIV в. (Блохин, 2008, с. 227–231).

К северу от комплекса описанных выше объектов и к западу от оз. Солончатого располагалась сельскохозяйственная зона, включенная Ф.В. Баллодом в район VIII – «бахчи и сады» (Баллод, 1926, с. 25). На карте Тетеревникова здесь обозначена сеть каналов, соединенных с р. Кальгутой (рис. 1; 2). Ф. Баллод также включал сеть каналов этого района в общую систему гидротехнических сооружений древнего города (Баллод, 1924, рис. 1).

Одно из важных мест в системе водоснабжения города занимали искусственные водохранилища (обозначены цифрой «6»), расположенные к северу от городской застройки (рис. 2). Они подробно изучены (Баллод, 1923б, с. 21, 22, табл. 3–5; Баллод, 1924, с. 339, 340, рис. 1; Федоров-Давыдов, Вайнер, Мухамадиев, 1970, с. 160, 161; Савельев, 2012, с. 282, 283), поэтому на их характеристике мы останавливаться не будем.

На левом берегу Солодовских ериков, на окраине п. Сарай на карте Н.К. Тетеревникова нанесена небольшая группа объектов «7» (рис. 2). На этой территории, на поверхности, встречаются немногочисленные фрагменты керамики. В 2011 г. отрядом «Гюлистан» здесь проводились разведки, два шурфа культурного слоя не выявили. Но совсем недавно на берегу ерика при строительстве внутрипоселкового газопровода была частично нарушена яма, вдоль стены которой проходит кан, сложенный из обожженного и сырцового кирпича. Возможно, это сооружение полужемляночного типа Поволжская археология.

Ближайшие исследования этого объекта позволят уточнить характер объектов, расположенных в этой части городища.

К северу и северо-востоку от города на склоне и на краю сырта располагались крупные пригородные могильники («5», «9», «10», «11») (рис. 2). На картах XIX в. эта территория получила название «древнего магометанского кладбища». Н.К. Тетеревников писал, что здесь от р. Кальгуты до р. Царевки «на расстоянии 8 верст, при разрытии земли везде находимы были человеческие остовы в гробах и склепах» (Тетеревников, 1843, с. 110). Это подтверждал и А.В. Терещенко, проводивший здесь раскопки (Терещенко, 1909, с. 21, 30).

Многие из этих могильников к настоящему времени исследованы. Крупнейший из них – Царевский могильник, в котором раскопано 84 кургана и обнаружено 153 захоронения эпохи бронзы, раннего железного века и средневековья (Блохин, Мыськов, 2009, с. 281). Еще больший массив погребальных памятников, где, очевидно, преобладают мусульманские захоронения, располагается к западу от Царевского могильника (рис. 2). Здесь отрядом «Гюлистан» в 2006 г. под небольшим всхолмлением обнаружены 1 взрослое и 14 детских захоронений, совершенных по мусульманскому обряду (Глухов, 2007, с. 103, рис. 3).

К северу от «магометанского кладбища» на небольшой возвышенности на карте Тетеревникова нанесена небольшая группа объектов «8» (рис. 2). Здесь в 1989 г. был исследован курганный могильник Солодовка II, где раскопаны сарматские и средневековые кочевнические захоронения (Мамонтов, Глухов, 2009, с. 241).

«Древнее магометанское кладбище» карт XIX в. включает в себя и курганный могильник Солодовка I (группа «9», см. рис. 2). Древнейшие курганы сооружены в эпоху бронзы, поздние комплексы относятся к золотоордынскому времени (Мамонтов, Глухов, 2009, с. 241). Интерес представляет ряд погребений с сырцовыми оградками, одна из которых имела восьмиугольную форму.

На небольшом расстоянии к юго-востоку от могильника Солодовка I на правом берегу р. Царевочки на карте Тетеревникова нанесена достаточно многочисленная группа объектов «10» и «11» (рис. 2). Группа «10» представляет собой всхолмления, расположенные достаточно редко на склоне сырта. По всем признакам это погребальные памятники, очевидно, золотоордынские. Объекты группы «11» по большей части уничтожены большим котлованом. В 2011 г. отрядом «Гюлистан» в южном обрыве котлована исследован горн для обжига кирпича, а также большая хозяйственная яма. Этот комплекс датирован 30–40-ми годами XIV в. (Глухов, 2011, с. 224–226). Вокруг котлована в настоящее время фиксируются небольшие компактные насыпи, которые, скорее всего, являются остатками погребальных золотоордынских комплексов.

Объекты группы «12» вытянуты вдоль левого берега р. Царевочки (рис. 2). Эта группа была частично раскопана в 1999 г. (могильник «Колобовка III»). Исследовано 9 курганов, содержащих погребения бронзового века, сарматского, огузо-печенежского и золотоордынского времени (Сергацков, Клепиков, 2001, с. 196–211). В западной части группы остались не

Рис. 3. «Северо-западный» пригород Царевского городища и район «ханских мавзолеев» (фрагмент малого плана Н.К. Тетеревникова)

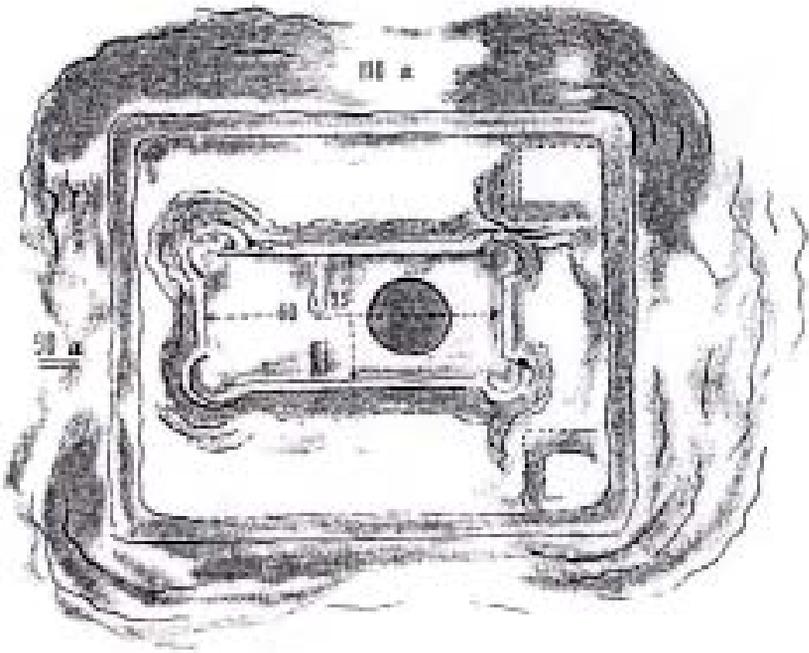

Рис. 4. План одного из «ханских мавзолеев» («Усадьба вблизи Красного моста» по Ф.В. Баллоду)

исследованными несколько объектов золотоордынского времени.

Группа объектов «13» расположена к югу от группы «12» на краю второй надпойменной террасы р. Ахтубы в 0,5 км к северо-западу от с. Колобовка (рис. 2). Исследовалась в 2000, 2001 гг. и получила название «Колобовка IV». Раскопанные в могильнике погребения относились к эпохе бронзы, сарматскому и золотоордынскому времени (Дьяченко, 2002, с. 400, 401).

На берегу Ахтубы на северо-западной окраине с. Колобовка располагается Колобовское поселение (группа «17», см. рис. 2). Оно исследовалось в 1998, 2000 и 2010 гг. (Блохин, 1999, с. 171–173; Блохин, 2001, с. 88; Дворниченко, 2000; Глухов, 2011, с. 245–249). Поселение представляет собой, вероятно, поселок строителей крупного культового комплекса (объект «18», см.: Глухов, 2011, с. 248). На карте Тетеревникова он обозначен как «развалины Магометанского храма и кладбища». Раскапывался А.В. Терещенко в 1844 г. (Григорьев, 1847, с. 357, 358). Сопоставление космоснимков с картой Тетеревникова позволяет определить местоположение этого объекта, но в настоящее время он практически уничтожен хозяйственной деятельностью и современной застройкой. К северу от поселка находилась производственная зона, где располагались горны для обжига кирпича (группа «16», см. рис. 2). К горнам и поселению подведены искусственные каналы, запитанные из р. Царевочки (Глухов, 2011, с. 246, рис. 1). Для поднятия воды и создания крупного водохранилища, чуть ниже истока основного канала, подающего воду к горнам и поселению, на р. Царевочке была сооружена плотина

(рис. 2). Она частично сохранилась до настоящего времени. Длина сохранившейся части составляет 100 м, ширина 30 м.

На правом берегу р. Царевочки, напротив канала, фиксируется несколько искусственных насыпей (группа «14», см. рис. 2). Объекты очень сильно распаханы и повреждены современными арыками.

К северо-востоку от горнов, на противоположной стороне искусственного канала, на плане Тетеревникова нанесена группа объектов «15» (рис. 2). Искусственные всхолмления не фиксируются, так как местность сильно распахана, но изредка на поверхности попадаются мелкие фрагменты кирпича, декора и золотоордынской керамики. Вероятно, на этом участке когда-то располагался небольшой мусульманский некрополь.

Кроме того, на плане Тетеревникова, в средней и юго-восточной частях с. Колобовки на берегу р. Ахтубы, нанесены две группы объектов («19» и «20», см. рис. 2). Это также, вероятно, остатки мусульманских захоронений, о чем свидетельствует тот факт, что на месте группы объектов «19» в 2012 г. автором в обрыве р. Ахтубы было раскопано обрушающееся захоронение золотоордынского времени (безымянное, с закладом из обожженного кирпича). По сведениям местных жителей, это не первое захоронение, обнажающееся в этом месте в результате обрушения берега р. Ахтубы.

План Тетеревникова ограничен восточной окраиной с. Колобовки и, к сожалению, в него не вошел еще один интересный памятник – Зубовское поселение, расположенное на расстоянии 2,5 км к юго-востоку от окраины современного с. Колобовка. Это посе-

ление остается фактически не изученным.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы.

Город, который в XIV в. существовал на месте Царевского городища, занимал достаточно ограниченную территорию между р. Кальгутой и Солодовскими ериками. Центральная часть города имела квартальную застройку и была окружена обводным каналом, подающим воду в густо населенные торгово-ремесленные районы. В наиболее удобных местах располагались усадьбы знати. Наиболее крупный район с усадебной застройкой располагался к югу от центральной части города и тянулся вдоль Ахтубы более чем на 3 км. Отдельные усадьбы располагались у оз. Солончатого, на левом берегу Кальгуты и на возвышенных «языках» между Солодовскими ериками. К северо-западу от города находился «северо-западный» пригород. На севере городская застройка распространялась до искусственных водохранилищ, и далее за ними на склоне и по краю сырта уже располагались крупные пригородные могильники. Таким образом, длина города по линии СЗ – ЮВ с учетом «северо-западного» пригорода составляла 5 км, а ширина по линии ЮЗ – СВ – около 2,2–2,3 км (рис. 1; 2).

«Северо-западный» пригород, вероятно, представлял собой поселок строителей, занимавшихся возведением крупных «ханских» мавзолеев, располагавшихся к югу от поселения.

Второй поселок, тесно связанный с городом, располагался в 5,5 км (по прямой) к востоку на высоком берегу р. Ахтубы у современного с. Колобовка. Здесь также существовал поселок строителей, производивших строи-

тельные материалы для возведения крупного культового комплекса. Здесь четко выделяется производственная зона с горнами.

«Северо-западный» пригород и Колобовское поселение хронологически одновременны городу, чего не скажешь о Зубовском поселении, которое возникло раньше города (в 20-х гг.) и прекратило свое существование в 40-х годах XIV в. (Клоков, Лебедев, 2004, с. 105–107). Пример с Зубовским поселением указывает на еще один методически не верный подход исследователей, которые пытаются объединить все Ахтубинские развалины в один «стокилометровый» Сарай. Ряд поселений на левом берегу Ахтубы появились еще до начала строительства города (Зубовка, Безродное⁴) и некоторые из них в период расцвета города уже не существовали.

Таким образом, мы рассмотрели археологические памятники в округе Царевского городища на протяжении 12 км и выяснили, что даже на этом отрезке, где большинство авторов XVIII–XIX вв. помещало «гнездо развалин», не было сплошной городской застройки и основную территорию занимали могильники. При этом многие могильники, помимо золотоордынских комплексов, содержали более древние курганы, которые путешественниками часто принимались за татарские древности и даже опытными топографами не выделялись на планах (за исключением некоторых

⁴ Весной 2013 г. автором на городище «Безродное» исследован разрушенный при строительстве золотоордынский объект (хозяйственные ямы), датирующийся серединой 20 – серединой 30-х годов XIV в. Материалы в скором времени будут опубликованы.

крупнейших курганов). Если такая ситуация прослежена в ближайшей округе Царевского городища, то что тогда говорить о более отдаленных от города участках Ахтубинского оазиса?

Представляется верным мнение, что Ахтубинские развалины не были руинами одного города и, скорее всего, следует вести речь о «средневеко-

вой агломерации» (Рудаков, 2012, с. 318), включавшей, помимо крупного города, более мелкие поселки, усадьбы, сельскохозяйственные зоны. Вероятно, существование некоторых населенных пунктов было обусловлено необходимостью обеспечения бесперебойного функционирования торгового пути, проходящего по левому берегу р. Ахтубы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алихова А.Е. Мавзолеи города Мохши-Наровчата // СА. – 1973. – № 2. – С. 226–237.
2. Баллод Ф.В. Старый и Новый Сарай, две столицы Золотой Орды, и современные им селения Нижнего Поволжья // Новый Восток. – Кн. 3. – Москва, 1923. – С. 372–377.
3. Баллод Ф.В. 1923б. Старый и Новый Сарай, столицы Золотой Орды. – Казань, 1923. – 102 с.
4. Баллод Ф.В. Культура Золотой Орды // Новый Восток. – Кн. 6. – Москва, 1924. – С. 336–349.
5. Блохин В.Г. Золотоордынское поселение у с. Колобовка // НАВ. – Вып. 2 – Волгоград, 1999. – С. 171–174.
6. Блохин В.Г. Золотоордынское поселение у с. Колобовки в Ленинском районе Волгоградской области // Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий: Материалы Всерос. науч.-практич. конф. – Астрахань, 2001. – С. 87–89.
7. Блохин В.Г. Исследование мемориального комплекса на юго-западной окраине Царевского городища // НАВ. – Вып. 9. – Волгоград, 2008. – С. 227–238.
8. Блохин В.Г., Мыськов Е.П. Царев // Археологическая энциклопедия Волгоградской области. – Волгоград, 2009. – С. 280–281.
9. Блохин В.Г., Яворская Л.В. Археология золотоордынских городов Нижнего Поволжья. – Волгоград, 2006. – 268 с.
10. Волков И.В. Путешествия по Волге Амброджио Контарини в 1476 году и епископа Дионисия в 1379 году (историко-географический очерк) // Степи Европы в эпоху средневековья. – Т. 8. – Донецк, 2010. – С. 9–56.
11. Глухов А.А. Работы отряда «Гюлистан» в 2005–2006 гг. и новые данные по топографии Царевского городища // Вопросы отечественной и всеобщей истории. – Волгоград, 2007. – С. 94–105.
12. Глухов А.А. О юго-восточной границе Царевского городища // Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия: Материалы III Междунар. Нижневолжской археол. конф. – Астрахань, 2010. – С. 249–254.
13. Глухов А.А. Археологические исследования отряда «Гюлистан» в округе Царевского городища // НАВ. – Вып. 12. – Волгоград, 2011. – С. 224–226.
14. Глухов А.А. Колобовское поселение: новые данные и интерпретация памятника // Золотоордынская цивилизация. – Вып. 4. – Казань, 2011. – С. 245–249.

15. *Гмелин С.Г.* Путешествие по России для исследования трех царств природы. – Ч. II. – СПб., 1777. – 404 с.
16. *Григорьев В.В.* Четырехлетние археологические поиски в развалинах Сарая // ЖМВД. – Книга IX. – СПб., 1847. – 27 с.
17. *Гусева Т.В.* История изучения Нового Сарая // Вестник МГУ. – 1975. – № 6. – С. 73–88.
18. *Гусева Т.В.* Золотоордынский город Сарай ал-Джедид. – Горький, 1985. – 72 с.
19. *Дворниченко В.В.* Отчет об археологических исследованиях у села Колобовка Ленинского района Волгоградской области в 2000 году // Архив ВОКМ. – Ф. 147.
20. *Дьяченко А.Н.* Результаты археологических исследований в Подонье и Заволжье // НАВ. – Вып. 5. – Волгоград, 2002. – С. 400–401.
21. *Егоров В.Л.* Мавзолеи Водянского городища // СА. – 1980. – № 1. – С. 74–89.
22. *Егоров В.Л., Юхт А.И.* В.Н. Татищев о городах Золотой Орды в Нижнем Поволжье // СА. – 1986. – № 1. – С. 232–239.
23. *Клоков В.Б., Лебедев В.П.* Монетные комплексы трех небольших золотоордынских поселений Нижнего Поволжья // Древности Поволжья и других регионов. Нумизматический сборник. – Вып. V. – Т. 4. – М., 2004. – С. 108–118.
24. *Леопольдов А.Ф.* Ахтубинские развалины // ЖМВД. – Ч. XXIV. – № 4. – СПб., 1837. – С. 123–133.
25. *Мамонтов В.И., Глухов А.А.* Солодовка // Археологическая энциклопедия Волгоградской области. – Волгоград, 2009. – С. 241.
26. *Мыськов Е.П.* Северо-западный пригород Царевского городища // Поволжье и сопредельные территории в средние века / Тр. ГИМ. – Вып. 135. – М., 2002. – С. 115–122.
27. *Мыськов Е.П.* Погребальные сооружения с кирпичными оградами могильника Маляевка VI у северо-западного пригорода Царевского городища // НАВ. – Вып. 6. – Волгоград, 2003. – С. 216–235.
28. *Палимпсестова Т.Б., Рунич А.П.* О эссенукийских мавзолеях и ставке Узбек-хана // СА. – 1974. – № 2. – С. 229–239.
29. Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорскою Академией Наук, по предложению ее президента. Записки путешествия Академика Лепехина. – Т. III. – СПб., 1821. – 554 с.
30. Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорскою Академией Наук, по предложению ее президента. Записки путешествия Академика Фалька. – Т. VI. – СПб., 1824. – 496 с.
31. *Рудаков В.Г.* Вновь о путешествии А. Контарини, Сараях и не только... // Степи Европы в эпоху средневековья. – Т. 11. – Донецк, 2012. – С. 307–322.
32. *Рычков П.В.* Опыт Казанской истории древних и средних времен. – СПб., 1767. – 233 с.
33. *Савельев Н.И.* Водоснабжение Царевского городища // Золотоордынская цивилизация. – Вып. 5. – Казань, 2012. – С. 276–302.
34. *Савельев Н.И.* «План Сарайских развалин...» // Золотоордынская цивилизация. Вып. 6. – Казань, 2013. – С. 35–48.

35. *Сергацков И.В., Клепиков В.М.* Сарматские курганы у села Колобовка // НАВ. – 2001. – Вып. 4. – С. 196–212.
36. *Спицын А.А.* Отчет о поездке члена Археологической комиссии А.А. Спицына летом 1893 года на Жаренный бугор и на некоторые приволжские Золотоордынские города // ОАК за 1893 год. – СПб., 1895. – С. 77–94.
37. *Тереценко А.В.* Дневник разрытия Царевских курганов в течение июня, июля, августа и сентября месяцев настоящего года // ЖМВД. – Ч. 8. – СПб., 1844. – С. 294–318.
38. *Тереценко А.В.* Замечания о плане развалин Золотой орды, находящихся по левому берегу Ахтубы, на пространстве 20 верст, в Царевском уезде, Саратовской губернии // Материалы для истории Саратовской епархии. – Вып. III. – Саратов, 1909. – С. 44–63.
39. *Тереценко А.* Исследование местности Сарая // Материалы для истории Саратовской епархии. – Вып. III. – Саратов, 1909. – С. 14–44.
40. *Тетеревников Н.К.* О древних развалинах, находящихся на берегу Ахтубы в Саратовской губернии // ЖМГИ. – 1843. – № 2. – С. 107–111.
41. *Федоров-Давыдов Г.А.* Раскопки Нового Сарая в 1959–1962 гг. // СА. – 1964. – № 1. – С. 248–271.
42. *Федоров-Давыдов Г.А.* Золотоордынские города Поволжья. – М., 1994. – 228 с.
43. *Федоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С., Мухамадиев А.Г.* Археологические исследования Царевского городища (Новый Сарай) в 1959–1966 гг. // Поволжье в средние века. – М., 1970. – С. 168–171.
44. *Чернецовы Г. и Н.* Путешествие по Волге. – М., 1970. – 191 с.
45. *Шнадитейн Е.В.* Археологические памятники Астраханской области. – Астрахань: Изд-во АГПИ, 1990. – 64 с.
46. *Якубовский А.Ю.* К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая Берке // ИГАИМК. – Т. VIII. – Вып. 2–3 – М., 1931. – 48 с.

Информация об авторе:

Глухов Александр Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент, заведующий лабораторией, Волжский гуманитарный институт (филиал Волгоградского государственного университета) (г. Волжский, Российская Федерация); gluhov75@mail.ru

HISTORICAL TOPOGRAPHY OF THE TSAREVSKOYE SETTLEMENT

A.A. Gluhov

The topography of the Tsarev settlement site, one of major Golden Horde monuments in the Lower Volga region, is analyzed. The first descriptions of the settlement refer to the second half of the 18th century, while the initial large-scale excavations on the monument were conducted in the mid-19th century. By that time, the scientific community had adhered to the opinion that the ruins of Sarai (the city mainly associated with the Tsarev settlement site) would stretch to a great distance from the Akhtuba river-head to Kolobovka village. The results of archaeological research of the 20th – early 21st century make it possible to challenge

Supported by the Russian Foundation for the Humanities (Project No. 14-11-34003).

this view. To date, it is an established fact that the size of the actual urban area had constituted 5 x 2.2–2.3 km. The southern part of the city was occupied by the estates of the nobility, the central and northern parts were represented by trade and artisan quarters. Around the city, there were suburban cemeteries, including brick mausoleums (the ruins of which could be mistaken for the remains of dwellings in the 19th century), as well as the areas of irrigated agriculture.

Keywords: the Volga River area, the Golden Horde, the Tsarev settlement site, the city of Sarai, the Akhtuba ruins, historical topography, urban layout, cemeteries, mausoleums.

REFERENCES

1. Alikhova A.E. 1973. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (2), 226–237 (in Russian).
2. Ballod, F. V. 1923. In *Novyi Vostok (New Orient)*. Book 3. Moscow, 372–377 (in Russian).
3. Ballod, F. V. 1923. *Staryi i Novyi Sarai, stolitsy Zolotoi Ordy (Old and New Sarays, the Golden Horde Capitals)*. Kazan (in Russian).
4. Ballod, F. V. 1924. In *Novyi Vostok (New Orient)*. Book 6. Moscow, 336–349 (in Russian).
5. Blokhin, V. G. 1999. In *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 2. Volgograd, 171–174 (in Russian).
6. Blokhin, V. G. 2001. In *Arkheologiia Nizhnego Povolzh'ia na rubezhe tysiacheletii (The Lower Volga Region Archaeology on the boundary of millennia)*. Astrakhan, 87–89 (in Russian).
7. Blokhin, V. G. 2008. In *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 9. Volgograd, 227–238 (in Russian).
8. Blokhin, V. G., Mys'kov, E. P. 2009. In *Arkheologicheskaia entsiklopediia Volgogradskoi oblasti (Archaeological Encyclopedia of the Volgograd Oblast)*. Volgograd, 280–281 (in Russian).
9. Blokhin, V. G., Iavorskaia, L. V. 2006. *Arkheologiia zolotoordynskikh gorodov Nizhnego Povolzh'ia (Archaeology of the Golden Horde towns of the Lower Volga River Region)*. Volgograd (in Russian).
10. Volkov, I. V. 2010. In *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 8. Donetsk: Donetsk National University, 9–56 (in Russian).
11. Glukhov, A. A. 2007. In *Voprosy otechestvennoi i vseobshchei istorii (Issues of Russian and World History)*. Volgograd, 94–105 (in Russian).
12. Glukhov, A. A. 2010. In *Arkheologiia Nizhnego Povolzh'ia: problemy, poiski, otkrytiia (Archaeology of the Lower Volga River Region: problems, research and discoveries)*. Astrakhan, 249–254 (in Russian).
13. Glukhov, A. A. 2011. In *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 12. Volgograd, 224–226 (in Russian).

14. Glukhov, A. A. 2011. In *Zolotoordynskaia tsivilizatsiia (The Golden Horde Civilization)* 4. Kazan, 245–249 (in Russian).
15. Gmelin, S. G. 1777. *Puteshestvie po Rossii dlia issledovaniia trekh tsarstv prirody (Journey around Russia with the Purpose to Explore Three Kingdoms of Nature)* II. Saint Petersburg (in Russian).
16. Grigor'ev, V. V. 1847. In *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del (Journal of the Ministry of Internal Affairs)* IX. Saint Petersburg,– 27 s (in Russian).
17. Guseva, T. V. 1975. In *Vestnik Moskovskogo Gosudarstvennogo Universiteta (Bulletin of the M. V. Lomonosov Moscow State University)* 6, 73–88 (in Russian).
18. Guseva, T. V. 1985. *Zolotoordynskii gorod Sarai al-Dzhedid (The Golden Horde Town of Sarai al-Jadid)*. Gorky (in Russian).
19. Dvornichenko, V. V. 2000. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiaakh u sela Kolobovka Leninskogo raiona Volgogradskoi oblasti v 2000 godu (Report on Archaeological Investigations near the Kolobovka Village of Leninskiy District of Volgograd Oblast in 2000)*. Arkhiv Volgogradskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeia (Archives of the Volgograd Oblast Museum of Local Lore). Fund 147. (in Russian).
20. D'iachenko, A. N. 2002. In *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 5. Volgograd, 400–401 (in Russian).
21. Egorov, V. L. 1980. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 74–89 (in Russian).
22. Egorov, V. L., Iukht, A. I. 1986. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 232–239 (in Russian).
23. Klovokov, V. B., Lebedev, V. P. 2004. In *Drevnosti Povolzh'ia i drugikh regionov. Numizmaticheskii sbornik (Antiquities of the Lower Volga River Region and Other Regions. Numismatic Proceedings)* V (4). Moscow, 108–118 (in Russian).
24. Leopoldov, A. F. 1837. In *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del (Journal of the Ministry of Internal Affairs)* XXIV (4). Saint Petersburg, 123–133 (in Russian).
25. Mamontov, V. I., Glukhov, A. A. 2009. In *Arkheologicheskaiia entsiklopediia Volgogradskoi oblasti (Archaeological Encyclopedia of Volgograd Oblast)*. Volgograd, 241 (in Russian).
26. Mys'kov, E. P. 2002. In *Povolzh'e i sopredel'nye territorii v srednie veka (The Volga River Region and Cross-border regions in the Middle Ages)*. Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 135. Moscow, 115–122 (in Russian).
27. Mys'kov, E. P. 2003. In *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 6. Volgograd, 216–235 (in Russian).
28. Palimpsestova, T. B., Runich, A. P. 1974. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (2), 229–239. (in Russian).
29. Lepekhin, I. I. 1821. *Zapiski puteshestviia Akademika Lepekhina (Notes of Academician Lepekhin's Journey)*. Series: Polnoe sobranie uchenykh puteshestvii po Rossii, izdavaemoe Imperatorskoiu Akademiei Nauk, po predlozheniiu ee prezidenta (Complete collection of scientific journeys through Russia published by Emperor's Academy of Sciences on the suggestion of its President) III. Saint Petersburg (in Russian).

30. Falck, J. P. 1824. *Zapiski puteshestviia Akademika Fal'ka (Notes of Academician Falck's Journey)*. Series: Polnoe sobranie uchenykh puteshestvii po Rossii, izdavaemoe Imperatorskoiu Akademiei Nauk, po predlozheniiu ee prezidenta (Complete collection of scientific journeys through Russia published by Emperor's Academy of Sciences on the suggestion of its President) VI. Saint Petersburg (in Russian).
31. Rudakov, V. G. 2012. In *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 11. Donetsk: Donetsk National University, 307–322 (in Russian).
32. Rychkov, P. B. 1767. *Opyt Kazanskoii istorii drevnikh i srednikh vremen (Attempt of Kazan History of Ancient Times and Middle Ages)*. Saint Petersburg (in Russian).
33. Savel'ev, N. I. 2012. In *Zolotoordynskaia tsivilizatsiia (The Golden Horde Civilization)* 5. Kazan, 276–302 (in Russian).
34. Savel'ev, N. I. 2013. In *Zolotoordynskaia tsivilizatsiia (The Golden Horde Civilization)* 6. Kazan, 35–48 (in Russian).
35. Sergatskov, I. V., Klepikov, V. M. 2001. In *Nizhnevolzhskii arkhelogicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 4, 196–212 (in Russian).
36. Spitsyn, A. A. 1895. In *Otchety Imperatorskoii arkhelogicheskoi komissii za 1893 god (Reports of the Imperial Archaeological Commission for 1893)*. Saint Petersburg, 77–94 (in Russian).
37. Tereshchenko, A. V. 1844. In *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del (Journal of the Ministry of Internal Affairs)* 8. Saint Petersburg, 294–318 (in Russian).
38. Tereshchenko, A. B. 1909. In *Materialy dlia istorii Saratovskoi eparkhii (Proceedings on History of Saratov Eparchy)* III. Saratov, 44–63 (in Russian).
39. Tereshchenko A. 1909. In *Materialy dlia istorii Saratovskoi eparkhii (Proceedings on history of Saratov Eparchy)* III. Saratov, 14–44 (in Russian).
40. Teterovnikov, N. K. 1843. In *Zhurnal Ministerstva gosudarstvennykh imushchestv (Journal of the Ministry of State Property)* 2, 107–111 (in Russian).
41. Fedorov-Davydov, G. A. 1964. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 248–271 (in Russian).
42. Fedorov-Davydov, G. A. 1994. *Zolotoordynskie goroda Povolzh'ia (Golden Horde Towns in the Volga Area)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).
43. Fedorov-Davydov, G. A., Vainer, I. S., Mukhamadiev, A. G. 1970. In *Povolzh'e v srednie veka (Volga Region in the Middle Ages)*. Moscow, 168–171 (in Russian).
44. Chernetsov, G. G., Chernetsov, N. G. 1970. *Puteshestvie po Volge (Journey through Volga River)*. Moscow: "Mysl" Publ. (in Russian).
45. Shnadshtein, E. V. 1990. *Arkheologicheskie pamiatniki Astrakhanskoi oblasti (Archaeological Monuments of Astrakhan Oblast)*. Astrakhan: Astrakhan State Pedagogical Institute (in Russian).
46. Iakubovskii, A. Yu. 1931. *K voprosu o proiskhozhdenii remeslennoi promyshlennosti Saraia Berke (On the Origin of Handicraft Industry in Sarai-Berke)*. Series: Izvestiia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Reports of the State Academy for the History of Material Culture) VIII (2–3). Moscow (in Russian).

About the Author:

Glukhov Aleksandr A. Candidate of Historical Sciences. The Volzhsky Institute of Humanities. 40-Let Pobedy St., 11, Volzhsky, 404133, Russian Federation; gluhov75@mail.ru

Междисциплинарные археологические и естественнонаучные исследования

УДК 069.4

НАУЧНЫЙ СЕМИНАР ПО ПРОБЛЕМАМ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ БОЛГАРА И СВЯЖСКА

© 2014 г. А.В. Беляев, Р.Р. Валиев, А.Г. Ситдиков

Публикация освещает исследования, проводящиеся на территории Болгарского городища и острова Свяжск по реализации комплексного проекта «Культурное наследие: остров-град Свяжск и древний Болгар». В рамках проекта, кроме мер, направленных на сохранение этих объектов культурного наследия и создание современной музейной и туристической инфраструктуры, проводятся комплексные археологические и естественнонаучные изыскания. Археологические раскопки сопровождаются отбором образцов для реконструкции палеоэкологии и технологий производства ремесленных изделий. Осуществляются антропогенетические исследования средневекового населения. Используются геофизические и аэрокосмические методы, позволяющие без разрушений локализовать монументальные каменные строения. Активно внедряются разработки по применению современных высокоточных методов фиксации с использованием систем позиционирования и фотограмметрии, позволяющих создание 3D реконструкций. Результаты данных исследований обсуждаются на ежегодных научных семинарах, проводимых с 2011 года.

Ключевые слова: Среднее Поволжье, средневековые городские поселения, Болгарское городище, остров-град Свяжск, объект культурного наследия, естественнонаучные исследования, научный семинар.

С каждым годом возрастает уровень антропогенного воздействия на культурное наследие, что требует усиления мер по сохранению памятников истории и культуры. Одной из успешных форм решения проблем по их сохранению является реализуемые в настоящее время частные и государственные программы, включающие широкий спектр мероприятий по сохранению культурного наследия.

В Республике Татарстан по инициативе первого президента РТ М.Ш. Шаймиева, при поддержке

Министерства культуры Российской Федерации, с 2010 г. реализуется комплексный проект «Культурное наследие: остров-град Свяжск и древний Болгар». Проект предусматривает программу мер по сохранению и созданию современной музейной и туристической инфраструктуры этих объектов культурного наследия.

В рамках реализации проекта ведутся археологические раскопки Болгарского городища и Свяжска, с целью осуществления целенаправленных научных исследований, а также

изучения разрушаемого культурного слоя на местах производства работ по музеефикации и благоустройству территории памятников. Археологические работы осуществлялись под научным руководством Национального центра археологических исследований Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (с 1.01.2014 г. – Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ) с привлечением специалистов Казанского (Приволжского) федерального университета, Института археологии РАН и других научных и учебных учреждений. Кроме специалистов в исследованиях принимали участие студенты и школьники Татарстана и соседних регионов.

Обширные археологические раскопки на обоих памятниках дали интересный материал по истории их формирования и развитию материальной культуры Восточной Европы в эпоху средневековья. Исследования велись с широким применением современных методов изучения. Новые результаты были получены неразрушающими геофизическими и аэрокосмическими методами, позволившими локализовать монументальные каменные здания, находящиеся под толщей культурного слоя.

Важной частью комплексного исследования данных памятников является использование ГИС-технологий, на основе которых созданы управляемые базы данных. Одной из составляющих этой работы стали разработки по применению современных высокоточных методов фиксации с применением систем позиционирования и фотограмметрии. Цифровые технологии применялись и в создании 3D реконструкций хода ведения раскопок, а также в реконструкции объектов и исторической топографии исследуемых памятников.

Новую страницу в изучении открыли исследования предметов материальной культуры с помощью комплекса естественнонаучных методов, направленных на реконструкцию палеоэкологии, технологических особенностей изготовления средневековых изделий ремесла, а также изучение антропогенетики населения Болгара и Свияжска.

Широкие археологические раскопки и использование современных научных методов создают новые возможности в получении и обобщении данных о прошлом не только этих памятников, но и многих других синхронных объектов археологии Восточной Европы. Комплексный научный подход в научном изучении расширяет и историко-культурный потенциал памятников.

По предложению Национального центра археологических исследований Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, Института археологии РАН и Казанского (Приволжского) федерального университета в 2011 г. было принято решение о регулярном проведении научно-практического семинара «Междисциплинарные архео-

логические и естественнонаучные исследования памятников культурного наследия: Болгар и Свияжск).

Первый семинар, посвященный итогам полевых исследований 2011 года в Болгаре и Свияжске, проходил в 2012 г. в Казанском федеральном университете. В работе семинара приняло участие 25 человек из Казани и Москвы.

Второй семинар состоялся 22–23 февраля 2013 г. В нем приняли участие 62 человека из Казани, Москвы, Костромы, Симферополя. Основной темой обсуждения были вопросы, связанные с предварительными итогами археологических раскопок и изучения материальной культуры Болгара и Свияжска в 2012 г. Материалы этого семинара представлены в данном номере журнала в виде статей.

21–22 февраля 2014 г. в г. Казани прошел третий научно-практический семинар по итогам полевых исследований 2013 г. «Междисциплинарные археологические и естественно-

научные исследования памятников культурного наследия: Болгар и Свияжск», организованный Институтом археологии АН РТ, Институтом археологии РАН, Казанским (Приволжским) федеральным университетом, Министерством культуры РТ, Болгарским государственным историко-архитектурным музеем-заповедником. На семинар были приглашены участники археологических и естественнонаучных исследований, проходивших в 2013 г. на Болгарском городище и острове-граде Свияжск. В семинаре приняли участие 38 человек, являющихся сотрудниками Института археологии им. А.Х. Халикова, Института археологии РАН, Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева, Крымского филиала Института археологии НАНУ, Ульяновского государственного педагогического университета, Казанского (Приволжского) федерального университета и др.

Первым на семинаре был заслушан коллективный доклад Д.И. Хасанова, Б.М. Насретдинова и К.И. Бредникова «Результаты геофизических исследований на территории Болгарского городища». В 2013 г. на территории Болгарского городища были проведены исследования методами высокоточной магнитометрии, градиентометрии, производились площадные электроразведочные работы в модификации срединных градиентов, а также гравиметрическая съемка и георадиолокационная разведка разных участков городища. Была проведена сейсморазведка Болгарского городища и взяты образцы для археомагнитного датирования отопительной канной системы суфы XIV в. (раскоп СХСIV).

С интересом был прослушан доклад Д.В. Тишина, Д.К. Нургалиева и А.Г. Ситдиикова «Результаты радиуглеродного датирования образцов из раскопок Болгарского городища». В нем были изложены предварительные результаты данных радиуглеродного датирования из объектов Болгарского городища и синхронных памятников его округи.

О предварительных итогах использования геодезических методов и ГИС-технологий при проведении в 2013 г. полевых археологических исследований на территории Болгарского городища рассказал Д. Назипов в докладе, подготовленном совместно с А.В. Старовойтовым, Д.И. Хасановым и А.Г. Ситдииковым. Авторы поделились накопленным опытом полевого использования современного оборудования и обработки материала и в целом осуществления полевого ГИС-проекта.

В докладе С.Г. Бочарова и А.Г. Ситдиикова были представлены предварительные результаты археологических исследований на раскопах СХСI, CLXXXIX, расположенных с восточной стороны Бабьего бугра, и СХСVI, СХСIII, находившихся севернее Черной палаты. В ходе изучения этих районов были получены важные сведения о характере залегания культурных напластований и специфике их формирования, выявлены многочисленные жилые и хозяйственные постройки именьковского и болгарского времени. К крупным монументальным объектам, обнаруженным в раскопе СХСI, относится каменный мавзолей второй половины XIV в. с примыкавшим к нему обширным некрополем.

Предварительные результаты работ на раскопе CLXCIV подведены в коллективном докладе О.В. Лопана, А.Г. Ситдиикова, Т.Р. Губайдуллина и И.В. Волкова. На данном раскопе, расположенном южнее Малого минарета, зафиксирована каменная постройка размерами 8 x 8 м, вероятно, являющаяся общественным зданием

и имеющая внутреннюю отопительную канную систему.

В.Ю. Коваль и Д.Ю. Бадеев ознакомили участников семинара с результатами исследований многолетних раскопок средневекового рынка, расположенного с юго-запада от Соборной мечети. Были представлены новые материалы из раскопок CLXXIX и СХП 2013 г.

А.В. Лазукин и И.И. Елкина выступили с докладом, посвященным археологическим исследованиям на территории «Малого городка», где раскопками 2013 г. были сделаны разрезы рвов комплекса, а также изучены руины каменного мавзолея.

Доклад А.В. Беляева и А.И. Бугарчева был посвящен некоторым результатам археологических работ на территории Школьного переулка Болгарского городища (р. CLXVIII, 2012 г.) и анализу нумизматического материала из этого раскоПоволжская археология.

В серии выступлений были освещены проблемы изучения матери-

альной культуры средневекового населения Болгара и Свяжска. В своем докладе В.Ю. Коваль проанализировал свинцовые пломбы из раскопок болгарского базара, представив множество аналогий со средневековыми западноевропейскими текстильными пломбами. Д.Г. Мухаметшин доложил результаты изучения монет из раскопок рыночной площади Болгара по материалам, полученным в ходе работ 2011–2013 гг. А.А. Куклина выступила с докладом о результатах статистической обработки общebolгарской керамики из раскопа CLXXIX 2013 года. Отметим также интересное сообщение Ю.Д. Обухова о находке в раскопках Болгара сосуда из белого металла золотоордынского времени.

В числе выступлений, связанных с изучением различных аспектов ремесленного производства, нужно отметить доклады результатов применения ряда естественнонаучных методов. В выступлении С.И. Валиуллиной были представлены анализ стеклянных изделий Болгара (по материалам раско-

пок 2013 г.) и сведения об их микро-элементном составе, полученные специалистами в лабораториях Казанского федерального университета. Ю.А. Семькин рассказал о сырьевой базе средневековой металлургии железа в Волго-Свияжском междуречье. Р.Х. Храмченкова представила доклад о возможностях междисциплинарных исследований в определении сырьевых источников керамического производства средневекового Болгара. Данная тема была развита в сообщении В.Н. Бахматовой о минералогическом составе белоглиняной керамики Свияжска по данным петрографического, спектрального и рентгенофазового анализов.

Самостоятельным исследовательским направлением в выступлениях были доклады, рассматривающие вопросы палеобиологии Болгара и Свияжска. Л.В. Яворская изложила результаты изучения костных остатков животных в культурных слоях центральной части Болгарского го-

родища (по материалам раскопок CLXXIX и CLXСII). Исследованиям археозоологических материалов из раскопок Свияжска было посвящено сообщение Г.Ш. Асылгараевой. Обратил на себя внимание совместный доклад В.Е. Прохорова и Л.В. Мельникова, посвященный почвенным и растительным ассоциациям археологического комплекса «Болгарское городище».

Некоторые результаты антропологических исследований были изложены в докладах И.Р. Газимзянова на тему: «Население средневекового Болгара по данным краниологии (по итогам раскопок 2010–2013 гг.)» и Н.В. Харламовой «Одонтологическая характеристика антропологического материала XIII–XIV вв. из раскопок г. Болгара».

Необходимо отметить традиционно высокий уровень докладов, прочитанных на семинаре. Часть из них публикуется в настоящем номере нашего журнала.

Информация об авторах:

Беляев Александр Владимирович, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Российская Федерация); bav986@yandex.ru

Валиев Ренат Рафаилович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Российская Федерация); VRR80@yandex.ru

Ситдииков Айрат Габитович, доктор исторических наук, директор, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ; зав. кафедрой, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Российская Федерация); sitdikov_a@mail.ru

ISCIENTIFIC SEMINAR ON PROBLEMS OF INTERDISCIPLINE

RESEARCHES AT THE BOLGAR AND SVIYAZHSK

A.V. Belyaev, R.R. Valiev, A.G. Sitdikov

The publication covers the studies conducted in the territory of the Bolghar fortified settlement site and the island of Sviyazhsk in the framework of the complex project “Cultural heritage: the island-fortress of Sviyazhsk and ancient Bolghar” realization. Besides cultural resource management measures aimed at preserving these cultural heritage sites and establishing a modern museum and tourist infrastructure, comprehensive archaeological and natural science investigations have also been conducted. Archaeological excavations are

accompanied by selection of samples necessary to reconstruct the paleoecology and handicraft items production technologies. Anthropogenetic studies of the medieval population are underway. Geophysical and aerospace methods are used that allow localizing monumental stone structures without damage. Modern high-precision techniques of fixation by means of applying positioning and photogrammetric systems that make it possible to create 3D reconstructions are being actively instilled. The results of these studies have been discussed at annual scientific workshops held since 2011.

Keywords: the Middle Volga region, medieval urban settlements, the Bolghar fortifies settlement site, the island-fortress of Sviyazhsk, cultural heritage object, natural science research, scientific seminar.

About the Authors:

Belyaev Alexandr V. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; bav986@yandex.ru

Valiev Renat R. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; VRR80@yandex.ru

Sitdikov Ayrat G. Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Kazan (Volga region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420008, Republic of Tatarstan, Russian Federation; sitdikov_a@mail.ru

УДК 069.4

**ПЛАНИРОВКА ГОРОДСКОЙ ЗАСТРОЙКИ БОЛГАРА
В ПОЗДНЕЗОЛОТООРДЫНСКИЙ ПЕРИОД
(ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ПО
МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОВ
К ЮГО-ЗАПАДУ ОТ СОБОРНОЙ МЕЧЕТИ)**

© 2014 г. Д.Ю. Бадеев

Представлены результаты археологических исследований монументального сооружения, выявленного в центральной части Болгарского городища, в 150 метрах к юго-западу от Соборной мечети, в ходе работ 1989–1993, 2000 и 2011–2013 гг. Были зафиксированы кладки из сырцовых кирпичей и остатки деревянного настила. Находки большого количества торгового инвентаря и монет позволяют интерпретировать данное сооружение как городской базар. Авторами раскопок сооружение датируется 50–70-ми гг. XIV века. Конструктивные элементы сооружения, его внутренняя планировка позволяют предположить существования городского базара на перекрестке двух улиц. На наличие в данной части города уличной системы указывают и остатки двух кладок из сырцового кирпича, которые являлись уличной оградой (дувалом) и относились к слоям 30–40 гг. XIV века. В середине XIV в. на месте уличной ограды и прилегающих к ней усадеб возводится здание городского базара. Таким образом, удалось проследить динамику развития городской планировки Болгара в поздний золотоордынский период на участке к юго-западу от Соборной мечети.

Ключевые слова: Среднее Поволжье, позднезолотоордынский период, Болгарское городище, средневековая городская планировка, монументальное сооружение, городской базар.

С момента систематических археологических исследований Болгарского городища в 1938 г. накоплен значительный материал по благоустройству и городской планировке Болгара позднезолотоордынского периода – периода наибольшего расцвета города. Однако до сих пор «получено не слишком много сведений об уличной сети средневекового Болгара» (Баранов, 2001, с. 317). Во многом это связано с небольшой площадью раскопов, а также особенностями культурного слоя, который практически не сохраняет остатки деревянных конструкций мостовых и улиц. Среди прочих элементов городской планировки позднеор-

дынской эпохи можно выделить (рис. 1) **площади (вымостки):**

Раскоп 3 (1938–1939) – мостовая из хорошо подогнанных прямоугольных белокаменных плит (начало второй половины XIV в.);

Раскоп 17 (1949) – две вымостки из подтреугольных плит серой известковой цемянки с гипсовыми включениями (верхний горизонт IV слоя);

Раскопы 23, 25 (1950, 1951) – вымостка массивными известняковыми плитами (XIV в. до 1361 г.);

Раскопы III, IV, VII–IX, XIII, XIV (1964–1965) – вымостки из некрупных известняковых камней, щебня и глины (не ранее конца 30-х гг. XIV в.);

Раскоп CLXXXII (1981) – остатки вымостки из плотного слоя мелкодробленого туфа в растворе (середина XIV в.);

улицы:

Раскоп 19 (1950) – улица в направлении северо-восток – юго-запад (XIV в.)

Раскоп VII (1951) – остатки деревянной мостовой, проложенной южнее мечети. Имела ориентировку запад-восток (середина XIV в.)

Раскоп XXXVII (1970–1972) – по расположению жилищ удалось установить направление улиц – запад-восток (середина XIV в.)

Раскопы XXXVIII (1971) – улица в направлении запад-юго-запад – восток-северо-восток (не ранее первых десятилетий XIV в.).

Новые данные о городской планировке должны предоставить результаты широкомасштабных археологических работ 2010–2012 гг. на месте строительства Речного порта с функцией музея (раскопы CLI, CLVIII, CLIX, CLXI, CLXXXI) и работы, проводившиеся в непосредственной близости к западу от Соборной мечети (раскоп CLXXI).

Важным элементом центральной части городской планировки Болгара в позднезолотоордынский период выступает монументальное здание, выявленное в ходе археологических исследований 1989–1993, 2000 и 2011–2013 гг. (на момент данной публикации площадь исследований составила 1300 кв. м) в 100–150 м к юго-западу от Соборной мечети (рис. 2). Здание было представлено фундаментными рвами стен, стенами-перегородками из сырцовых кирпичей и деревянными конструкциями пола, которые от-

носились к внутренней планировке. Монументальное сооружение было интерпретировано его исследователями как здание городского базара, существовавшего в 50–70-х годах XIV в. (Кокорина, Полубояринова, Полякова, 1994, с. 22, 23; Баранов, Бадеев, Коваль, 2012, с. 158–171). Стены здания были ориентированы по осям СЗ–ЮВ и ЮЗ–СВ. Зафиксированная протяженность СВ стены, которая была выявлена полностью, составила 34 м. Исследования внутренней планировки сооружения позволяют предположить, что оно имело в плане квадратную форму, таким образом, площадь постройки могла составлять не менее 1156 кв. м. Размеры обнаруженной постройки оказываются сопоставимыми с Соборной мечетью (32 x 34 м). Учитывая внутреннюю планировку рынка, мы можем предполагать, что само здание рынка имело два проходных коридора (шириной чуть менее 4 м каждый), которые пересекались в центральной части постройки и были образованы четырьмя замкнутыми прямоугольными помещениями (торговые павильоны) размерами 1060 x 680 см, от которых сохранились лишь нижние ряды кладок из сырцового кирпича и отдельные белокаменные блоки, а также деревянные обугленные конструкции – лаги, доски пола, элементы перекрытий. Кроме того, по внутреннему периметру здания на расстоянии не более 240 см от стены также были зафиксированы кладка из сырцовых кирпичей и деревянный дощатый настил – места для ведения торговли. Передвижение внутри постройки могло осуществляться как по перпендикулярным коридорам, так и вдоль стен (расстояние между замкну-

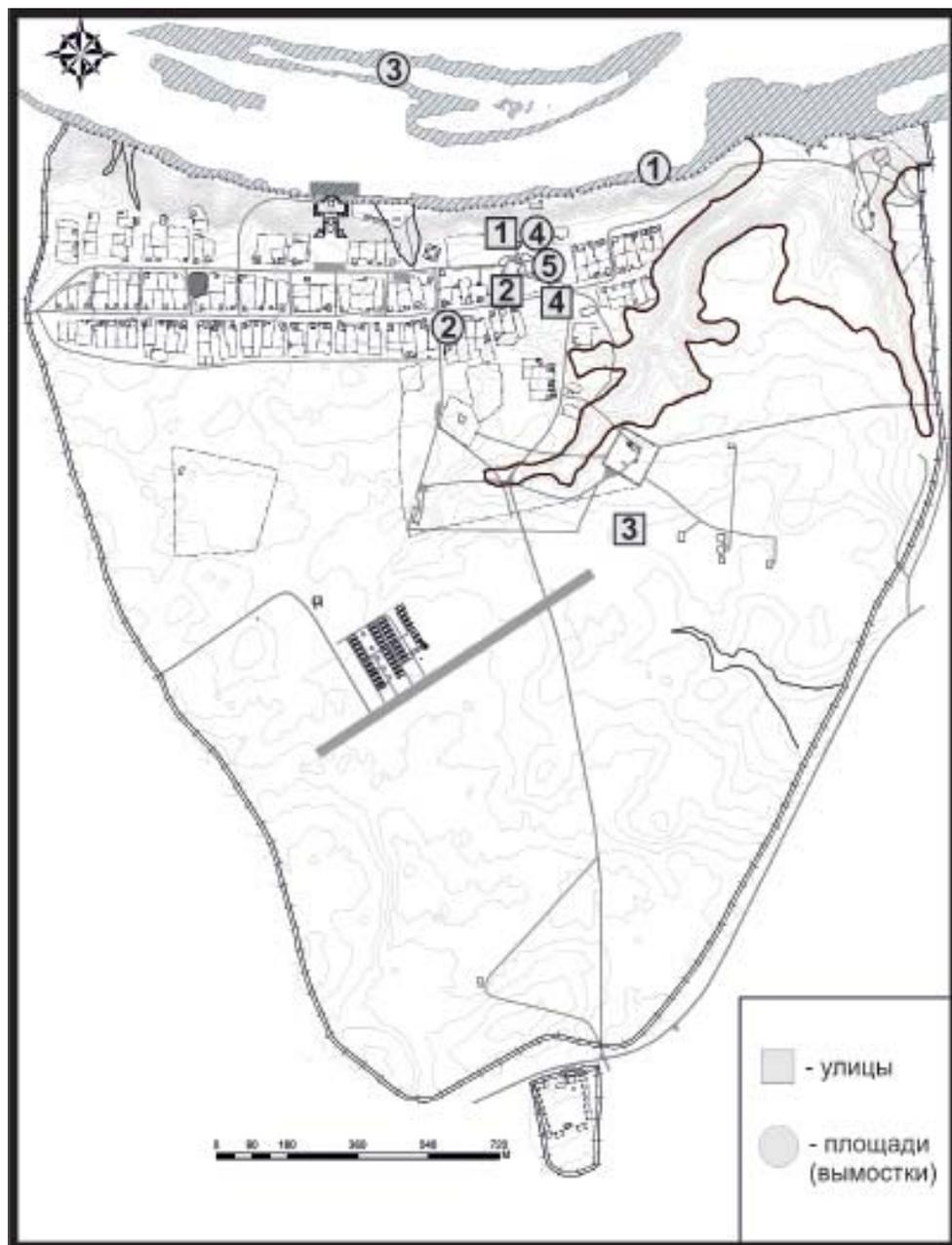

Рис. 1. Расположение элементов городской планировки позднеордынской эпохи на плане Болгарского городища (по Баранову В.С.).

Рис. 2. Место расположения раскопов и схема монументального сооружения на аэрофотоснимке.

тыми прямоугольными помещениями и местами для торговли у стен не превышало 250 см).

О существовании входа на территорию базара в северо-восточной стене, может указывать наличие двух кирпичных кладок¹, которые примыкали к фундаменту монументальной постройки под прямым углом и располагались на расстоянии 10 м от внешних углов северо-восточной стены (рис. 3)². Расстояние между кирпичными кладками достигало 12 м, ширина самих кирпичных кладок составляла 1 м. Кладки, в большинстве своем, сохранились на высоту до двух-трех кирпичей, использовались как целые (24 x 24 x 4 см; 25 x 25 x 5,5 см), так и битые кирпичи. В основании кладок располагались доски (шириной 12–20 см), скреплялись кладки песчано-глинистым раствором. Зафиксированная протяженность кладок с юго-запада на северо-восток достигала 15 м, при этом северо-восточные края кладок выявлены не были, так как уходили за границы раскопов. Кирпичные кладки имели с фундаментом базара одинаковое стратиграфическое расположение – в верхнем горизонте IV позднего золотоордынского слоя, а сами они были выявлены непосредственно под слоем разрушения кирпичных стен базара (Полубояринова, 1990; Полякова, 1991). Авторы раскопок предположили, что данные кирпичные конструкции могли яв-

ляться внутренними стенами выявленной монументальной постройки (Базара)³, дальнейший ход работ опроверг это предположение. Кроме того, между двумя зафиксированными кирпичными фундаментами располагались остатки деревянного настила, которые были представлены фрагментами двух обгоревших бревен и полосами «песчанисто-глиняного раствора» (ориентированы по оси СВ-ЮЗ); а также размещавшимися перпендикулярно им фрагментам обугленных досок (Кокорина, 2005, рис. 1). Несколько смущает ширина улицы (до 12 м), однако, если предположить, что на ней могли располагаться торговые ряды, что характерно для улиц, ведущих к базарам, то ее ширина не покажется такой уж значительной. Если же мы обратим внимание на расстояние между «полосами песчанисто-глиняного раствора» (возможно, это сырцовые кладки на подстилающих их деревянных бревнах, подобных внутренним конструкциям рассматриваемого сооружения), то оно будет сопоставимо с расстоянием внутренних проходных коридоров базара и составит около 4 м. Подобная ширина улицы представляется вполне приемлемой. О торговом характере улицы может говорить и ряд находок – чашечка весов и гирьки (4 шт.)⁴.

В ходе работ 2012, 2013 гг. (раскопы CLXXIX, CLXXVI) в нижнем

¹ Две кирпичные кладки, располагавшиеся параллельно друг другу, были зафиксированы в раскопах CVIII, CIX (1990 г.), CXIII (1991 г.), CXV (1992 г.), CXVIII (2000 г.) (см. соответствующие отчеты).

² Также стоит обратить внимание и на скопление цилиндрических замков именно в местах предполагаемых проходов в здании базара.

³ На момент исследований (1990 г.) было не ясно, с какой стороны от выявленного фундамента располагался внутренний объем монументальной постройки.

⁴ К сожалению, из отчетов 1992 г. и 2000 г. остается не понятным стратиграфическое расположение выявленных находок, возможно, они связаны с нижележащим слоем.

горизонте IV позднего слоя были выявлены два сооружения, которые представляли собой параллельные друг другу кладки из сырцового кирпича (поскольку в зазорах между кирпичами находился темный культурный слой, кирпичи могли быть уложены либо вовсе без раствора, либо на грязевом растворе), расстояние между двумя кладками составляло до 580 см. Сооружения были ориентированы по оси ЗСЗ–ВЮВ. Зафиксированная в раскопе CLXXIX (уч. А–В) протяженность кладки (кладка № 1) составила 16 м, далее к северо-западу эта кладка была прослежена в раскопе CLXXVI (2012 г.), таким образом, общая протяженность кладки в двух соседних раскопах составляла 29 м, причем концы ее уходили в борта раскопов. Кладка второго сооружения (кладка № 2) была зафиксирована лишь фрагментарно в раскопе CLXXIX (уч. Е)⁵. Ширина кладки № 1 в 3 кирпича составляла до 80 см. Кладка сохранилась на высоту до двух кирпичей (до 14 см). Перевязка кирпичей в кладке происходила только благодаря различиям в их размерах. Первоначальные размеры кирпичей не было возможным определить из-за их плохой сохранности, однако удалось зафиксировать максимально сохранившиеся размеры ряда кирпичей: 42–43

5 Кладка № 2 была зафиксирована на протяжении всего 5 м. В северо-западной части она была нарушена сооружением XIX в., в юго-восточной – подверглась сильным разрушениям и деформациям из-за просадки грунта в нижележащие ямы, а также нарушена поздними ямами. Однако слой, связанный со временем бытования и разрушения постройки (стены), был зафиксирован на всем протяжении трассировки улицы.

х 22–24 и 46 х 30 см при толщине 6,5–8 см, хотя встречались кирпичи и других форм, в т.ч. квадратные (22 х 20 см) и менее толстые (до 5 см) (Коваль, 2013, с. 56–58).

Особенностью кладки № 1 явилось то, что состояла она из двух частей, которые были сложены из различных по составу сырья сырцовых кирпичей: в северо-западной части кладки (кв. 14 и далее к СЗ от него, в т.ч. и на соседнем раскопе CLXXVI) были использованы кирпичи из зеленоватого суглинка, тогда как в юго-восточной части (кв. 21 и к ЮВ от него) – кирпичи из красновато-коричневого (рыжего) суглинка (рис. 5). Обе части кладки создавались одновременно и укладывались вперевязку. Возможно, это место фиксирует стык разных дворовладений, либо границу работы разных артелей строителей, пользовавшихся различным материалом.

Наилучший по сохранности участок кладки фиксировался на раскопе CLXXIX в кв. 13, 14. Здесь под юго-западным краем кладки на уровне -154/-159 см располагалась остатки доски длиной до 2 м, шириной до 16 см и толщиной до 3 см, превратившейся в тлен. Другие части сооружения сохранились хуже. Вероятно, выявленное сооружение является остатками ограды (дувала). По монетному материалу, происходящему из слоя разрушения сооружения, и по стратиграфии, оно может быть датировано первой половиной XIV в. Дувал проходил почти параллельно монументальным стенам позднейшего здания базара и совпадал с одним из центральных коридоров базара (рис. 4). Важно подчеркнуть, что если к северо-востоку от кладки № 1 еще встречаются ямы позднеордынской

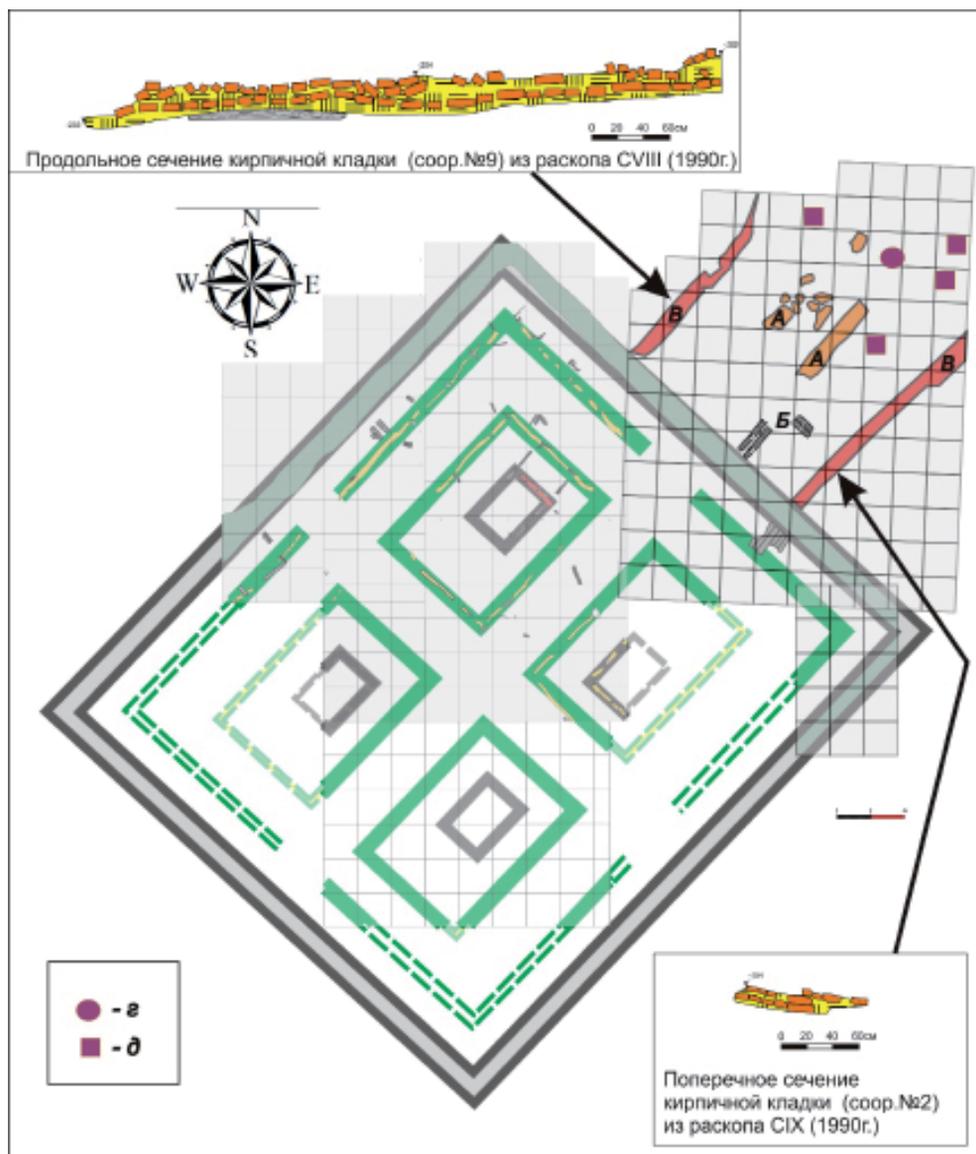

Рис. 3. Схема монументального сооружения (Базара) и кирпичных кладок у его северо-восточной стены.

Буквами на схеме обозначены:

- А* – кирпичные кладки; *Б* – фрагменты деревянных конструкций (бревна и настил) мостовой; *В* – «полосы песчанисто-глиняного раствора»;
- г* – чашечка весов; *д* – гирьки.

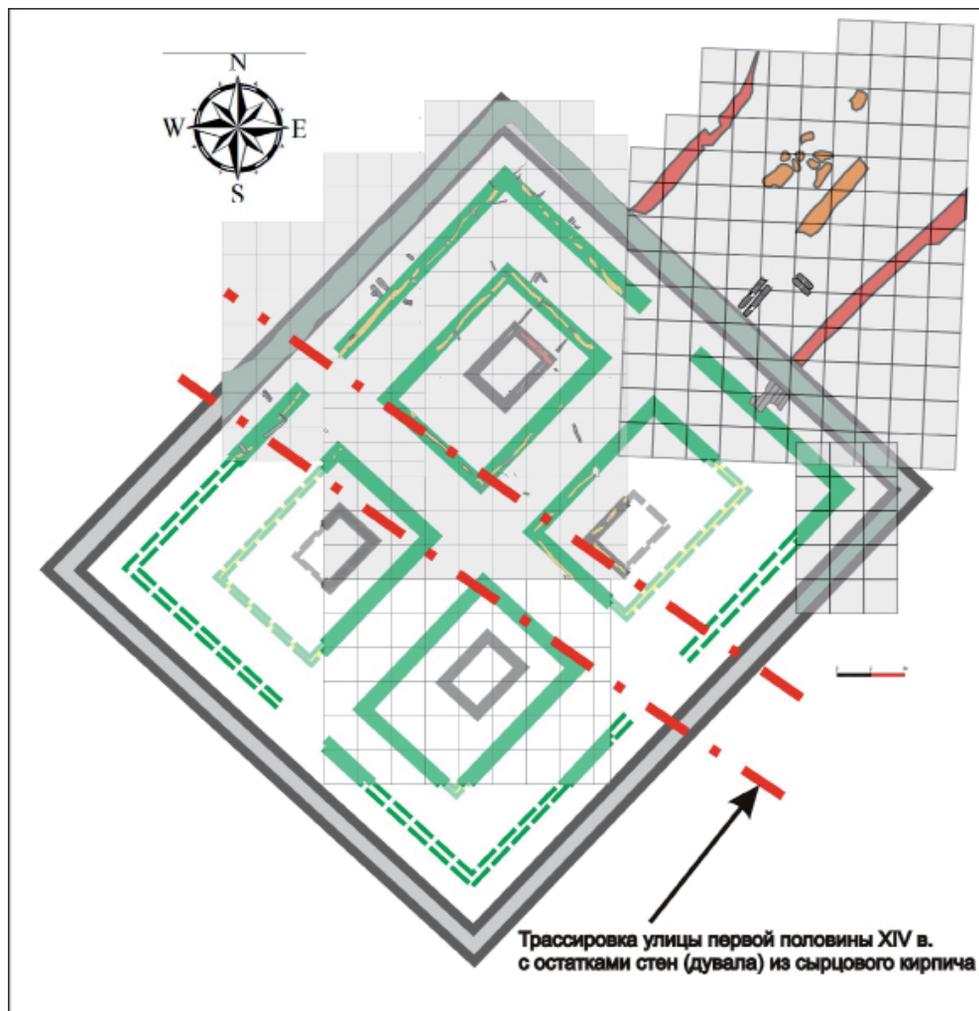

Рис. 4. Трассировка улицы первой половины XIV в. совмещенная со схемой монументального сооружения (базара).

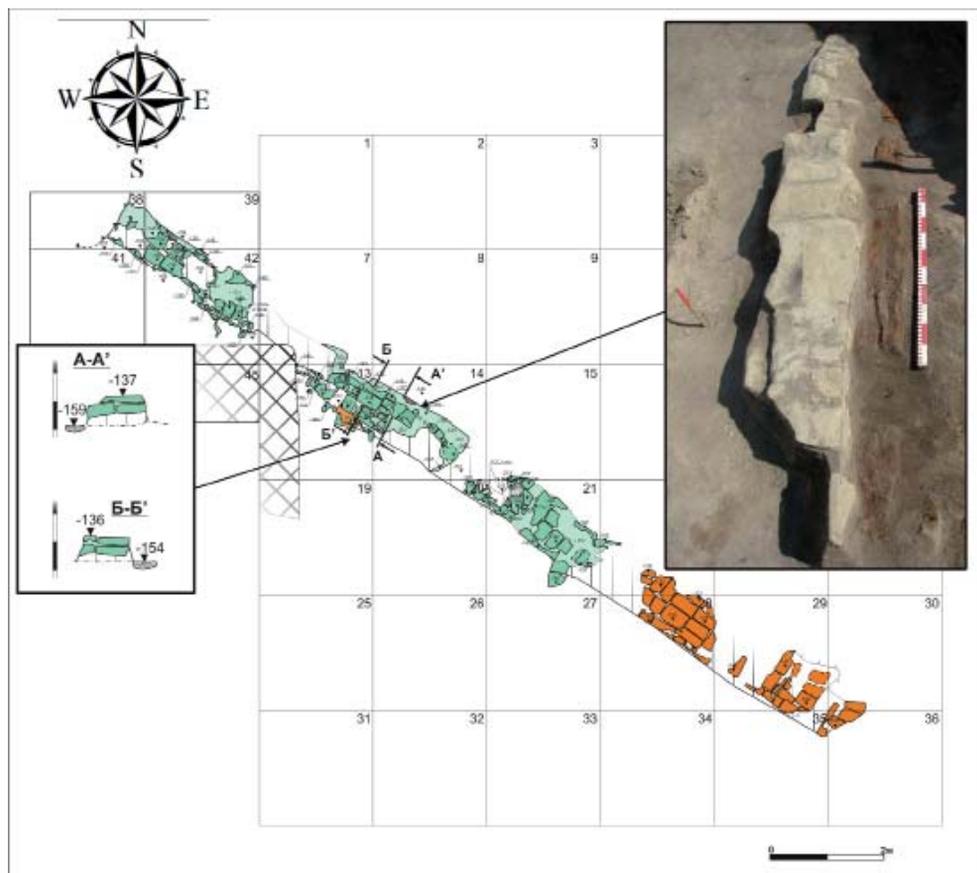

Рис. 5. Сырцовая кладка №1 (дувал) из раскопа CLXXIX (2012 г.).

эпохи, то к юго-западу от нее таких ям уже нет. Большинство из этих ям датируются 30–40-ми годами XIV в. и связано с существовавшей здесь стеклообрабатывающей мастерской (Полубояринова, 2006). Из заполнения ям происходит значительное количество стеклянных изделий (обломков перстней и бус), включая бракованные.

На примере болгарского базара мы можем наблюдать картину, характерную для восточных базаров, которые часто выступают элементами уличной застройки и располагаются непосредственно на пересечении улиц. Подобным образом устроены крытые базары в Стамбуле (Ич-Бедестен, 1461 г.), Самарканде (Чорсу, XV в.), Бухаре (Так-и Заргарон, 1586-1587 гг.) (Пугаченкова, 1976, с. 115), которые сохранились до наших дней. Говорить о том, что болгарский базар был перекрыт крышей, пока преждевременно, однако исключать такую возможность нельзя. В пользу существования перекрытия говорит и обнаружение железных решеток из завалов кирпича

внутри постройки, которые могли располагаться в световых окнах на крыше сооружения.

Таким образом, исходя из внутренней планировки рынка и выявленной ниже уличной ограды из сырцового кирпича, мы можем предполагать существование в позднезолотоордынский период двух улиц, одна из которых была ориентирована в направлении ЮЗ–СВ и выходила к Соборной мечети, появилась она не ранее 50-х годов. Другая, ориентированная по оси СЗ–ЮВ, существовала начиная с 30–40-х годов XIV в. Данная уличная планировка могла сложиться непосредственно в момент завершения работ над строительством Соборной мечети и возведением Болгарского базара, т.е. к 50-м годам XIV в. До этого времени, в первой половине XIV в., территорию к востоку от выявленной сырцовой ограды занимала усадьба (или ряд дворовладений), которая была связана с производством стеклянных изделий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов В.С. Вопросы благоустройства города Болгара и их археологическое изучение // Город Болгар: Монументальное строительство, архитектура, благоустройство. – М.: Наука, 2001. – С. 311–353.
2. Баранов В.С., Бадеев Д.Ю., Коваль В.Ю. Исследования остатков монументальной постройки к юго-западу от соборной мечети в Болгаре // Поволжская археология. – 2012. – № 1. – С. 158–171.
3. Коваль В.Ю. Отчет о работах на Болгарском городище в 2012 г. Москва, 2013 (раскоп CLXXIX) / Архив ИА РАН.
4. Кокорина Н.А., Полубояринова М.Д., Полякова Г.Ф. Исследования торгово-ремесленного квартала в центральной части Болгара (1989–1993) // Болгар и его округа: Тезисы докладов научной конференции, посвященной 25-летию БГИАЗ. – Болгар, 1994. – С. 22–23.
5. Кокорина Н.А. Ювелирная мастерская из Болгара // Древности Поволжья: эпоха средневековья (исследования культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды). – Казань: Школа, 2005. – С. 109–132.

6. Подубояринова М.Д. Стеклоделательная мастерская XIV в. в Болгаре // РА. – 2006. – № 4. – С. 152–158.

7. Пугаченкова Г.А. Зодчество Центральной Азии. XV век. – Ташкент: Изд-во им. Гафура Гуляма, 1976. – 116 с.

Информация об авторе:

Бадеев Денис Юрьевич, научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Российская Федерация); denisbadeev@mail.ru

**URBAN LAYOUT OF THE BOLGAR DURING THE LATE
GOLDEN HORDE PERIOD
(ACCORDING TO THE EXCAVATIONS SOUTHWEST OF THE
CATHEDRAL MOSQUE).**

D.Yu. Badeev

The results of the archaeological studies on a monumental building, identified in the central part of the Bolghar fortified settlement site, 150 meters southwest of the Cathedral Mosque, during the 1989–1993, 2000 and 2011–2013 works are presented. Adobe brick masonry and remains of wooden flooring have been recorded. Findings in the form of numerous a large number of commercial stock-in-trade items and coins allow interpreting this building as the city market. The authors of the excavations of the building date it back to the 50–70s of the 14th century. The structural elements of the construction and its internal layout suggest the existence of the city market at the intersection of two streets. The presence of street system in this part of the city is also indicated by the remains of two brickworks of mud bricks, which had served as a street fence (duval) and referred to layers of the 30–40s of the 14th century. In the mid-14th century, the building of the city market had been being erected in place of the street fence and the adjoining estates. Thus, the development dynamics of Bolghar urban planning in the Late Golden Horde period on the site southwest of the Cathedral Mosque could be traced.

Keywords: the Middle Volga region, the Late Golden Horde period, the Bolghar fortified settlement site, medieval urban layout, monumental construction, city bazaar.

REFERENCES:

1. Baranov, V. S. 2001. In *Gorod Bolgar. Monumental'noe stroitel'stvo, arkhitektura, blagoustroistvo (Town of Bolgar. Monumental Building, Architecture, Improvement)*. Moscow: "Nauka" Publ., 311–353 (in Russian).

2. Baranov, V. S., Badeev, D. Yu., Koval', V. Yu. 2012. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (1), 158–171 (in Russian).

3. Koval', V. Yu. 2013. *Otchet o rabotakh na Bolgarskom gorodishche v 2012 g. Moscow, 2013 (raskop CLXXIX) (Report on Archaeological Excavations at the Bolgar Hillfort in 2012 (Excavation Area CLXXIX))*. Archive of the Institute for Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

4. Kokorina, N. A., Poluboiarinova, M. D., Poliakova, G. F. 1994. In *Gorod Bolgar i ego okrug (Town of Bolgar and Its Environs)*. Bolgar: Bolgar State Historical and Architectural Museum and Preservation Area, 22–23 (in Russian).

5. Kokorina, N. A. 2005. In *Drevnosti Povolzh'ia: epokha srednevekov'ia (Issledovaniia kul'turnogo naslediiia Volzhskoi Bulgarii i Zolotoi Ordy (Antiquities of Volga Region: the Middle Ages (Research of the Cultural Heritage of Volga Bulgaria and Golden Horde))*. Kazan: "Shkola" Publ., 109–132 (in Russian).

6. Poluboiarinova, M. D. 2006. In *Rossiiskaia Arkheologiiia (Russian Archaeology)* (4), 152–158 (in Russian).

7. Pugachenkova, G. A. 1976. *Zodchestvo Tsentral'noi Azii. XV vek (Architecture of Central Asia. Fifteenth century)*. Tashkent: "Gafur Gulyam" Publ. (in Russian).

About the Author:

Badeev Denis Yu. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; denisbadeev@mail.ru

УДК 725.94

**МАВЗОЛЕЙ XIV ВЕКА
В ЮЖНОЙ ЧАСТИ БОЛГАРСКОГО ГОРОДИЩА
(РАСКОП CLXXIV 2012 Г.)**

© 2014 г. И.И. Елкина

Публикуются результаты археологических исследований остатков каменного мавзолея, обнаруженных в южной части городища Болгар в 2012 г. От здания сохранились лишь часть фундамента восточной стены на длину 2,7 м, северо-восточный угол, а также основания пилонов. Несмотря на сильную руинированность здания, удалось зафиксировать его форму, ширину и уровень заглубления не сохранившихся фундаментов по массивам плотно утрамбованной крошки и мелкого белого камня. Под фундаментами мавзолея был выявлен круглый в плане ров диаметром около 10 м., назначение которого пока неясно. Постройку можно датировать концом XIV в. Планировка здания в целом аналогична другим известным мавзолеям Болгарского городища. Внутри мавзолея были обнаружены захоронения не менее 9 индивидов в деревянных гробах, а вокруг здания выявлено наличие обширного кладбища.

Ключевые слова: Среднее Поволжье, золотоордынский период, городище Болгар, мавзолей, планировка, фундамент, ров, захоронения.

В июле–августе 2012 г. экспедиция Института археологии РАН совместно с Институтом истории им. Ш. Марджани АН РТ провела археологические раскопки на территории Болгарского городища, целью которых явилось обнаружение и изучение руин древнего каменного сооружения. Археологические работы явились частью масштабного проекта по комплексному изучению территории Болгарского городища, в котором приняли участие специалисты различных научных дисциплин.

Исследуемый участок площадью 500 кв. м. представлял собой холм высотой 1,5 м диаметром около 20 м, возвышающийся на равнинной местности в южной части Болгарского городища в 200 м к северо-востоку от Южных ворот. Вершина холма была

нарушена грабительской ямой диаметром 1,2 м и глубиной до 1,0 м, а на склонах читались контуры неглубоких траншей, ориентированных по сторонам света. В советский период территория вокруг холма ежегодно распахивалась.

До начала работ поверхность холма и прилегающая к нему территория были сильно задернованы, местами встречались небольшие обломки белого камня (известняка) без следов обработки, небольшие куски застывшего раствора, а также известковая крошка.

При снятии дерна были выявлены контуры известкового объекта (пятна?) округлой в плане формы. В ходе дальнейших работ стало ясно, что основную часть этого объекта (пятна) составляют выбросы извести

и мелкого белого камня, явившиеся результатом многократного и разновременного разрушения постройки. Сооружение оказалось практически полностью уничтоженным за прошлые века. Строительные блоки стен и камни фундаментов выломаны и, вероятно, пошли на вторичное строительство и изготовление извести.

При разборе завалов среди строительного мусора стали очерчиваться истинные габариты здания. Понижение поверхности во внутреннем объеме сооружения и вокруг него выявило большое количество могильных ям. Характерная планировка, а также наличие захоронений внутри и вокруг здания указали на то, что мы имеем дело с ритуальным сооружением – мавзолеем (рис. 1).

От здания уцелели лишь часть фундамента восточной стены на длину 2,7 м, северо-восточный угол, небольшой фрагмент внутреннего фасада восточной стены, а также основания пилонов. Остальные стены, включая фундаменты, не сохранились. Однако нам удалось зафиксировать форму здания, ширину и уровень заглубления не сохранившихся фундаментов по массивам плотно утрамбованной крошки и мелкого белого камня, заполнившим пространство фундаментных рвов в результате варварского разбора оснований стен. Заполнение фундаментных рвов визуально и по плотности заметно отличается от остального строительного мусора, что позволило полностью реконструировать планировку сооружения.

Мавзолей в плане представлял собой однокамерное каменное здание прямоугольной формы размерами 10,2 x 9,7 м, ориентированное длинными сторонами по оси Север–Юг со

смещением на 9° к западу. Внутреннее помещение здания было восьмиугольным. Его общая площадь составляет 49 кв. м. Длина в интерьере по оси Север–Юг – 7,8 м, по оси Запад–Восток – 7,5 м (рис. 2).

Для возведения мавзолея был заложен ленточный фундамент. С внешней стороны восточной стены сохранилась кладка основания фундамента здания (рис. 3).

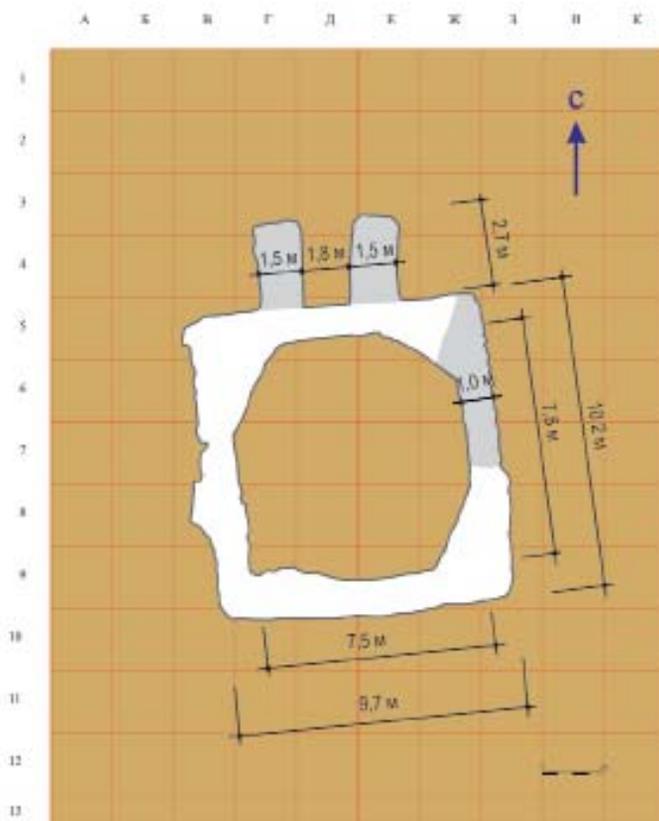
Основание представляет собой ряд грубо обработанных камней вытянутой формы размерами 45–50 x 20–30 см, плотно стоящих друг к другу под наклоном (под углом в 50–60 градусов вправо относительно вертикальной оси; см. рис. 4).

Камни поставлены всухую без использования раствора. Сверху кладка пролита известково-песчаным раствором. Раствор имеет розовато-серый оттенок, что указывает на наличие в нем примеси мелкотолченой обожженной глины. Со стороны внешнего фасада фундаментов стен пролив извести местами выходит за их пределы и фиксируется на дневной поверхности времени строительства мавзолея, на высоте 30–35 см от уровня материка. Подошва фундаментов заглублена на 10–15 см от поверхности материка. Таким образом, общая глубина закладки фундамента составляет 40–50 см от дневной поверхности того времени. Внутренний фасад фундамента стены имеет ровную гладкую поверхность, образованную тем же самым раствором.

Уцелевшие фундаменты северо-восточного угла и восточной стены сохранились на высоту до 0,8 м от уровня материка. Выше фундамент сохранился лишь частично и представляет собой забутовку камня не-

Илл. 1 Общий вид на раскоп CLXXIV с северо-востока. В центральной части раскопа находятся остатки каменного мавзолея. Фото.

Илл. 2. Раскоп CLXXIV. Остатки каменного основания мавзолея. Основные габариты. Схема.

Илл. 3. Раскоп CLXXIV. Остатки фундаментов мавзолея. Сохранившаяся часть основания восточной стены с горизонтом проливки известковым раствором. Вид с востока. Фото.

Илл. 4. Раскоп CLXXIV. Остатки фундаментов мавзолея. Фрагмент кладки основания восточной стены с горизонтом проливки известковым раствором. Фото.

Илл. 5. Раскоп CLXXIV. Профиль основания восточного пилона. Вид с запада. Фото.

больших размеров разных пород на известково-песчаном растворе с примесью мелкодробленого белого камня. Ширина фундамента восточной стены составляет 1,0 м.

Сохранившийся северо-восточный угол основания выявил конструктивную особенность строительства. Внутренняя поверхность стены с небольшим округлым поворотом в сторону угла и характерным наклоном внутрь позволяет предположить наличие тропов, начинающихся по углам практически от самого основания стены.

В северо-восточной части внутреннего объема мавзолея частично зафиксирована горизонтальная проливка извести толщиной до 2 см, вероятно, являющаяся полом мавзолея. Пролит извести находится на слое однородной темно-серой супеси.

Вход в мавзолей в виде выносного портала длиной 2,7 м был расположен с северной стороны. Сохранились основания двух мощных каменных пилонов шириной 1,5 м. Расстояние между пилонами составляет в среднем 1,8 м. Таким образом, общая ширина портала составляет 4,8 м.

Пилоны были приложены к стене и, вероятно, выкладывались позже основного объема мавзолея. Основания пилонов представляют собой забутовку фрагментов белого камня разных размеров на известковом растворе с содержанием песка и большого количества белокаменной крошки.

Подожвы пилонов находятся значительно выше глубины закладки стен мавзолея (на уровне дневной поверхности того времени) и покоятся на однородной темно-серой супеси. Примечательно, что эта супесь совершенно стерильна и в ней не за-

фиксировано ни одного артефакта. Аналогичная супесь была зафиксирована во внутреннем объеме мавзолея. Возможно, перед строительством сооружения была проведена общая планировка местности и эта супесь является насыпной (рис. 5).

В центре южной стены, с наружной стороны, зафиксировано небольшое округлое в плане расширение – возможно, здесь располагалась ниша (михраб?). Это расширение (небольшая пристройка?) стратиграфически фиксируется в восточном профиле контрольной бровки. Пристройка (?) шириной 80 см была приложена к стене. Ее основание находится на 25 см выше уровня материка (рис. 6).

Во время разбора строительных завалов во внутреннем объеме здания, а также в заполнениях некоторых могильных ям вокруг мавзолея были выявлены отдельные камни различных пород со следами обработки, куски застывшего известкового раствора, фрагменты лицевой штукатурки. Кроме того, были обнаружены единичные фрагменты кладок в виде грубо обколотых и слабо отесанных камней, скрепленных известковым строительным раствором. Полученный материал дополняет общую картину о способах и характере строительства мавзолея.

Для возведения стен мавзолея применялись различные породы камня: белый камень, туф, известковые доломиты. Довольно бесформенный, грубо обработанный камень различных размеров и форм (размер максимального обнаруженного фрагмента составляет 15 x 18 x 20 см) укладывался на толстый слой известково-песчаного раствора. Толщина швов между камнями достигает 3–4 см.

Снаружи здание было оштукатурено. Два довольно толстых фрагмента известкового раствора размерами 30 x 15 и 40 x 15 см и толщиной 2–3 см, представляющие собой лицевую поверхность здания, были обнаружены непо потревоженными на сохранившемся внешнем фасаде восточной стены. Кроме того, подобный толстый слой известки фиксировался на некоторых каменных фрагментах из завалов. На двух фрагментах штукатурки зафиксированы следы красной охры, что позволяет предположить наличие росписи на стенах.

Не исключено, что и внутри мавзолей был тоже оштукатурен. В завале строительного мусора и в заполнении могильных ям внутри мавзолея, встречались очень небольшие по размеру фрагменты белой штукатурки толщиной до 3 мм.

Среди обнаруженных типов строительных материалов следует отметить найденный, почти целый, красный обожженный кирпич квадратной формы (половая плитка?) размером (180) x 225 x 45 мм. На одной плоской стороне кирпича имеются продольные «канавки» шириной около 10 мм, обратная сторона гладкая. Несколько фрагментов красного кирпича были встречены при снятии дерна, в слое строительного мусора, в забутовке фундаментных траншей, а также в заполнении одного из погребений. Но эти находки единичны и очень мелкие. Поэтому допускаем, что в кладке мавзолея подобный материал не использовался. Однако нахождение кирпича возле постройки, возможно, не случайно. Мы очень слабо представляем изначальный внешний вид мавзолея и его интерьер, но предполагаем, что этим материалом мог быть выстлан

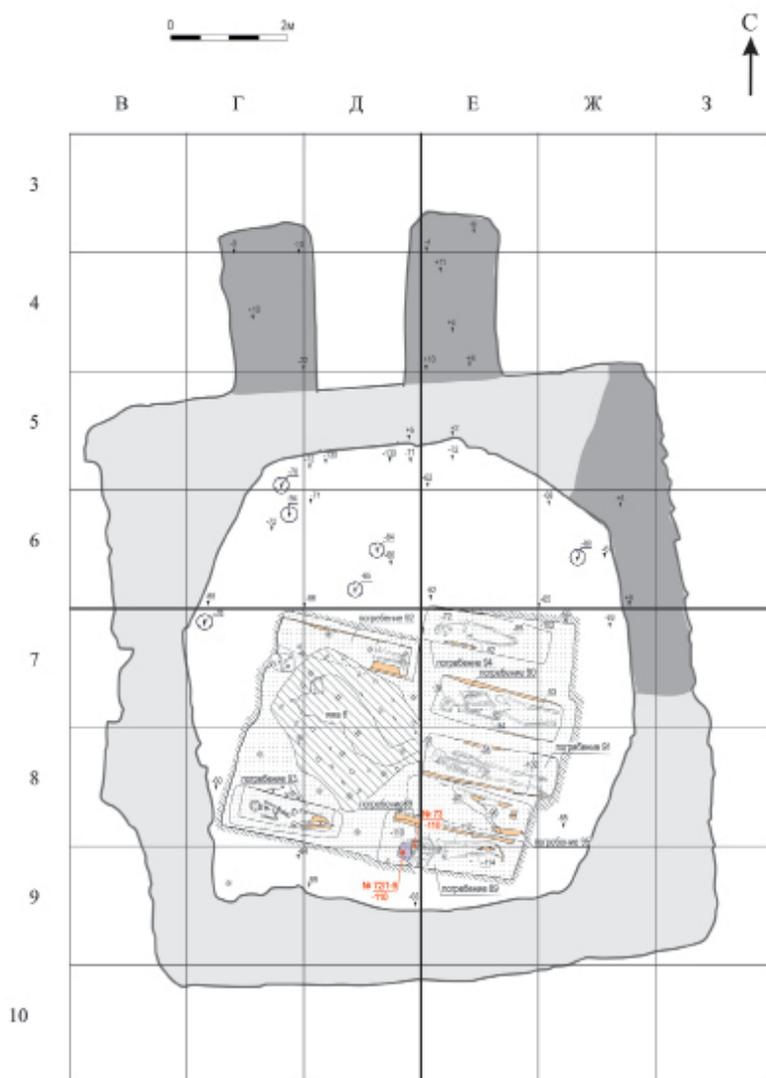
пол помещения. Следов известкового раствора на поверхностях кирпича не отмечено. Возможно, он укладывался «насухо» на песчаное основание.

Архитектурно-археологическое изучение руин погребальных памятников Болгара на протяжении многих лет, начало которых было положено в 1914 г. экспедицией под руководством С.И. Покровского (1915, с. 197 и сл.), в целом позволило понять общую объемно-планировочную структуру, характер и местные особенности возведения этих сооружений, частично реконструировать их первоначальный облик. В разные годы мавзолеи изучались исследователями С.И. Покровским, А.П. Смирновым, С.С. Айдаровым (2001, с. 33–50), Н.Д. Аксеновой (2001, с. 205 и сл.), В.С. Барановым, М.М. Кавеевым (2001, с. 176 и сл.) и др.

К настоящему моменту на территории Болгарского городища выявлено и изучено более 10 каменных мавзолеев. Все они располагаются в центральной, южной и юго-восточной частях городища. Значительную часть исследованных памятников составляют однокамерные квадратные или прямоугольные в плане каменные сооружения, ориентированные по сторонам света (иногда с небольшим отклонением, связанным с сезонным строительством) и имеющие выносной арочный вход-портал. Расположение портала относительно сторон света варьируется. Размеры таких построек не превышали 11 м по внешней стороне стены. По мнению многих исследователей, объемно-планировочная структура здания такого типа представляла собой четверик, переходящий в восьмерик при помощи тропов. Мавзолеи имели централь-

Илл. 6. Раскоп CLXXIV. Контрольная бровка Север-Юг. Возле фундамента южной стены зафиксировано расширение (пристройка?). Фото.

Илл. 7. Раскоп CLXXIV. Расположение захоронений внутри мавзолея. План.

ный внутренний полукруглый купол, часто снаружи перекрытый шатром. Кроме того, на территории городища имеются двухкамерные мавзолеи, а также мавзолеи, не имеющие портала. К наиболее ранним погребальным сооружениям на территории Болгарского городища относятся мавзолеи, возведенные в конце XIII – начале XIV вв. Остальные мавзолеи были построены в конце XIV – начале XV вв.

Опираясь на аналогии известных погребальных сооружений Болгара и данные, полученные в ходе археологических работ, можно с осторожностью предположить, что внешний облик исследуемого мавзолея представлял собой классическую конструкцию, традиционную для этого места и времени – восьмерик на четверике, перекрытый шатровым куполом, под которым располагался внутренний полукруглый купол. Конструктивный переход от четверика к восьмернику осуществлялся при помощи тропов, начинающихся практически от основания стен. Вход был оформлен выносным арочным порталом, расположенным с северной стороны.

Внутри мавзолея находились захоронения как минимум 9 индивидов (рис. 6). Большая грабительская яма повредила несколько захоронений. Два захоронения оказались полностью разрушенными, одно погребение нарушено частично.

Захороненные находились в гробах ящичного типа, о чем свидетельствует наличие неплохо сохранившихся фрагментов толстых досок гробовища и железных кованых гвоздей. Один гроб снаружи был обернут берестой. В отличие от древесины, сохранность костяков неудовлетворительная. Ве-

роятно, это связано с большим количеством извести в заполнениях могильных ям, которая неблагоприятно влияет на состояние костей.

В одном из захоронений оказалась женщина в многосоставном женском головном уборе, состоящем из нескольких текстильных предметов и 9 височных колец желтого металла. Остальные погребения безинвентарные.¹

Следует отметить, что захоронения внутри мавзолея смещены в сторону южной стены. Кроме того, обращает на себя внимание то, что ориентировка захоронений не соответствует ориентировке стен самого здания. В то же время направление захоронений совпадает с направлением могильных ям, находящихся вокруг мавзолея.

Изучение участка вне стен мавзолея выявило вокруг него наличие довольно большого кладбища. В раскоп попали более 90 грунтовых погребений. Несмотря на то что кладбище было мусульманским и сформировано вокруг мавзолея, исследование захоронений показало различные варианты погребальной обрядности. Подавляющее количество захоронений совершено по мусульманскому обряду. В то же время имеется достаточное количество захоронений с отклонениями от исламских традиций. Есть три погребения, совершенные по обряду кремации, два захоронения с жертвоприношениями животных, а

¹ Подробное описание погребений и погребального инвентаря внутри мавзолея рассматривается в публикации А.В. Лазукина.

также захоронения с остатками тризны и дарами умершему.²

Предположительно, открытое кладбище образовалось уже после возведения мавзолея. Следует отметить тот факт, что ни одна могильная яма не оказалась перерезанной фундаментами мавзолея.

Кладбище функционировало длительное время, даже тогда, когда мавзолей уже закончил свое существование и начал разрушаться. На поверхностях четырех могильных ям были зафиксированы остатки обкладок, выполненных из материала, связанного с разрушением мавзолея – крупных белокаменных обломков и довольно больших кусков застывшего известкового раствора. Кроме того, в засыпке некоторых захоронений содержится большое количество обломков белого камня разных размеров со следами раствора и кусков извести. Также следует отметить, что были зафиксированы два захоронения, находящиеся перед входом в мавзолей. Скорее всего, эти захоронения появились уже после того, как мавзолей перестал функционировать.

Горизонт поселения на исследуемом участке находится в переотложенном виде и стратиграфически он не выделен. На участке не зафиксировано ям и котлованов от жилых и хозяйственных построек. Однако не исключено, что в непосредственной близости от участка все же существовало поселение, предшествующее кладбищу. Возможно, в раскоп попала лишь периферийная часть поселения. Об этом свидетельствуют находки, выявленные в верхних пахотных сло-

² Исследование некрополя подробно рассматривается в публикации А.В. Лазукина.

ях участка, а также единичные находки в заполнении могильных ям. Среди находок имеются фрагменты керамической посуды, монеты, изделия из железа и цветного металла, кости животных.

Керамика в основном представлена фрагментами простой ремесленной общеполгарской посуды достаточно хорошего качества, относящейся к XIV в. Помимо массового керамического материала имеются 19 обломков импортной поливной посуды: фаянса, полуфаянса, полумайолики, а также фрагмент китайского селадона. Несколько фрагментов из них представляют узнаваемую продукцию гончарных мастерских Нижнего Поволжья, работавших во второй и последней третях XIV столетия.³

Индивидуальные находки представлены пятью медными и серебряными монетами (в т.ч. с тамгой «дома Бату»), свинцовыми грузиками-пломбами, ювелирными украшениями (медный перстень-печатка, пуговича-гирька, стеклянная бусина). Среди находок также имеются предметы бытового и хозяйственного назначения: ножи, оселки, железные замки и ключи, глиняные пряслица.

Особо следует отметить категорию находок, относящихся к ремесленному и железоделательному производству. Это многочисленные железные шлаки, крицы и разнообразный железный инструментарий. Наличие таких находок позволяет предположить, что в XIV в. здесь или рядом находилось поселение, являющееся частью торгово-ремесленного посада города.

Учитывая все вышеперечисленные факторы можно заключить, что

³ Осмотр коллекции импортной поливной керамики проведен В.Ю. Ковалем.

каменный мавзолей был построен в конце XIV в. возле (на месте?) бывшего ремесленного поселения. После возведения мавзолея вокруг него начинает формироваться обширное кладбище. По каким-то причинам сам мавзолей просуществовал недолго. Он начал разрушаться еще в момент функционирования кладбища. Следы его разрушения фиксируются в виде каменных обломков, фрагментов кладки и известковой крошки в заполнениях могильных ям, а также возведенных каменных конструкций над некоторыми захоронениями.

По периметру внешних сторон остатков стен мавзолея в материке были зафиксированы контуры рва округлой в плане формы, предшествующего строительству мавзолея. Его внешний диаметр составляет 11 м. Контуры мавзолея «вписаны» в контуры круглого рва и практически полностью совпадают с его границами (рис. 8).

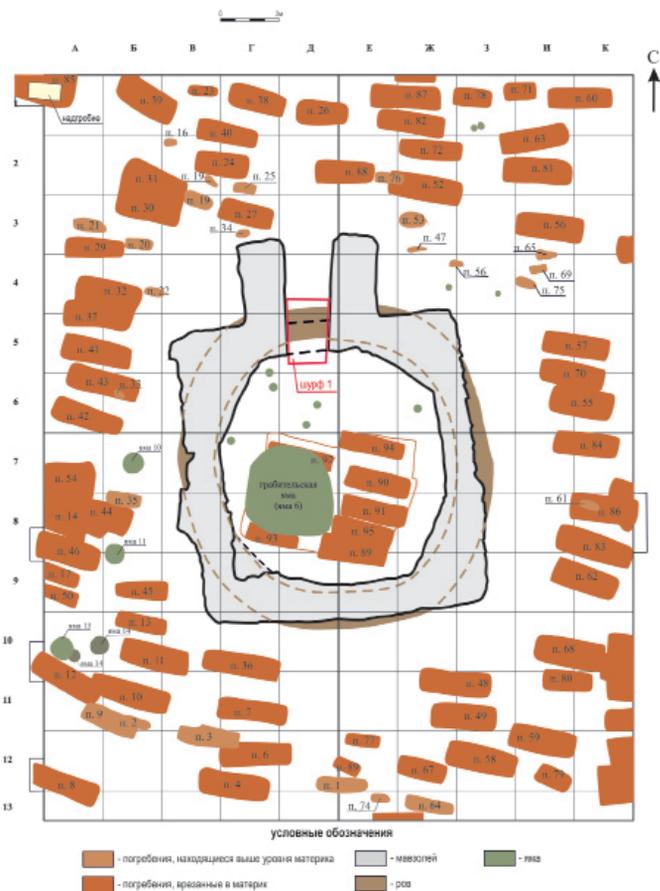
Для изучения рва был заложен шурф между пилонами, позволивший зафиксировать ширину и глубину его закладки (рис. 9).

Ров шириной 1,1 м имеет слегка наклонные вертикальные стенки и плоское дно. Общая фиксируемая глубина рва около 90 см (от подошвы пилонов до дна), ниже уровня материка ров заглублен на 40–45 см. Его заполнение представляет собой чередующиеся тонкие слои грязно-желтого песка и темно-серой супеси. Находки и следы от деревянных конструкций в заполнении рва отсутствуют, что затрудняет его датировку. Ров перекрыт известковой проливкой времени строительства мавзолея. При раскопках других мавзолеев Болгарского городища, сколько можно судить по

публикациям, эта особенность до сих пор не фиксировалась (мы полагаем нужным провести позднее подробный анализ архивных материалов).

Предназначение рва не ясно. Его форма, ровные, не оплывшие, практически вертикальные стенки указывают, что после того как ров вырыли, его практически сразу засыпали. Как вариант можно предположить, что первоначально предполагали выстроить мавзолей круглой в плане формы. Однако отметим, что на территории Болгарского городища нет ни одного погребального сооружения с подобной планировкой. Можно предположить также, что ров связан со строительством мавзолея неизвестным нам ритуалом очищения земли. В связи с этим напомним, что, несмотря на принятие ислама как основной религии, часть населения Волжской Болгарии в течение всего домонгольского периода и даже в золотоордынское время сохраняло язычество. Сам ислам в этот период тоже не существовал в «чистом» виде, формируясь как сложный сплав более древних местных традиций. К тому же население Болгара было этнически довольно пестрым и соответственно следует ожидать привнесения иных, более архаичных, неболгарских обычаев. Их следы, наряду с проявлениями местных языческих традиций, прослеживаются уже в особенностях погребального обряда ряда захоронений на кладбище вокруг мавзолея. Таким образом, можно предположить, что ров, обнаруженный под мавзолеем, имел сакральное значение и отражает рудиментарный обряд, непосредственно предшествовавший закладке здания.

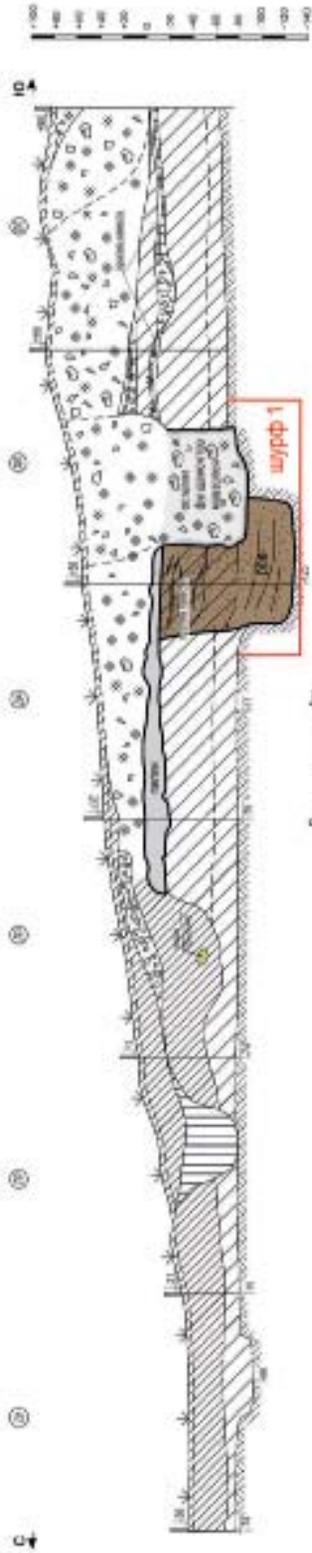
Однако есть и другая версия, также основанная на стратиграфических

Илл. 8. Раскоп CLXXIV. Сводный план выявленных объектов.

Илл. 9. Раскоп CLXXIV. Шурф 1. Восточный профиль. Вид с запада. Фото.

наблюдениях. Можно быть уверенным в относительной хронологии сооружений, но с абсолютными датами ситуация сложнее. Дело в том, что круглый ров врезан непосредственно в особую, вероятно, сознательно сделанную насыпь, зафиксированную под стенами и внутри мавзолея. Это мощный (до 65 см), совершенно стерильный (без единой находки) слой темно-серой гумусированной супеси. К сожалению, трудно судить о ее границах – многолетняя распашка изменила первоначальную конфигурацию, а сравнительно небольшой раскоп не дал возможности проследить, как далеко эта супесь распространяется.

Конечно, подсыпка грунта могла быть сделана непосредственно перед возведением каменного мавзолея, в качестве подготовительной планировки местности. Но допустимо предложить и совершенно иную интерпретацию, представив, что супесчаная насыпь и круглый ров представляли единый сакральный комплекс и служили объектом почитания задолго до отложения слоев ордынского времени и возведения мавзолея. Нельзя даже исключить (пусть с несколькими знаками вопроса), что место постройки мавзолея не было случайным, что его выбрали с учетом существования более раннего святилища.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Айдаров С.С.* Исследование и реставрация памятников монументального зодчества Болгара // *Город Болгар: Монументальное строительство, архитектура, благоустройство.* – М.: Наука, 2001. – С. 5–149.
2. *Аксенова Н.Д.* Археологическое изучение мавзолеев юго-восточной и южной частей города Болгара // *Город Болгар: Монументальное строительство, архитектура, благоустройство.* – М.: Наука, 2001. – С. 200–217.
3. *Баранов В.С., Кавеев М.М.* Археологическое исследование мавзолеев центральной части Болгарского городища // *Город Болгар: Монументальное строительство, архитектура, благоустройство.* – М.: Наука, 2001. – С. 176–199.

Информация об авторе:

Елкина Ирина Игоревна, научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Российская федерация); ira-elkina@yandex.ru

MAUSOLEUM OF THE XIV CENTURY IN THE SOUTHERN PART OF THE BULGAR SETTLEMENT (EXCAVATION TRENCH CLXXIV). RESEARCH 2012

I.I. Elkina

The results of archaeological studies on the remains of a stone mausoleum, discovered in the southern part of the Bulgar fortified settlement site in 2012 are published. The preserved remains of the building include only a 2.7-meter-long section of the eastern wall foundation, the northeast corner, and pylon bases. Despite a considerably ruined condition of the building, it was possible to fix its form, width and depth of the unpreserved foundations on the basis of the massifs consisting of tightly rammed crumbs and small-size white stones. Under the foundations of the mausoleum, a ditch of yet unclear purpose, round in plane, about 10 m in diameter, was uncovered. The construction can be dated to the late 14th century. The layout

of the building is in general lines similar to other known mausoleums of the Bulgar fortified settlement site. Inside the mausoleum, a burial of at least 9 individuals in wooden coffins was found, and around the building the presence of a large cemetery was discovered.

Keywords: the Middle Volga region, the Golden Horde period, the Bulgar fortified settlement site, mausoleum, layout, foundation, ditch, burials

REFERENCES:

1. Aidarov, S. S. 2001. In *Gorod Bolgar. Monumental'noe stroitel'stvo, arkhitektura, blagoustroistvo (Town of Bolgar. Monumental Building, Architecture, Improvement)*. Moscow: "Nauka" Publ., 5–149 (in Russian).
2. Aksenova, N. D. 2001. In *Gorod Bolgar. Monumental'noe stroitel'stvo, arkhitektura, blagoustroistvo (Town of Bolgar. Monumental Building, Architecture, Improvement)*. Moscow: "Nauka" Publ., 200–217 (in Russian).
3. Baranov, V. S., Kaveev, M. M. 2001. In *Gorod Bolgar. Monumental'noe stroitel'stvo, arkhitektura, blagoustroistvo (Town of Bolgar. Monumental Building, Architecture, Improvement)*. Moscow: "Nauka" Publ., 176–199 (in Russian).

About the Author:

Elkina Irina I. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; ira-elkina@yandex.ru

УДК 902: 393.1

**ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ НЕКРОПОЛЯ
В ЮЖНОЙ ЧАСТИ БОЛГАРСКОГО ГОРОДИЩА
(РАСКОП CLXXIV 2012 Г.)**

© 2014 г. А.В. Лазукин

Представлены результаты раскопок развалин мавзолея и прилегающего участка открытого кладбища возле Южных ворот городища Болгар в 2012 г. Некрополь датирован серединой XIV – первой половиной XV вв. Проведен анализ погребального обряда. Всего на данном участке было исследовано более 90 грунтовых захоронений в прямоугольных могильных ямах, из них 9 – в самом мавзолее. Основную часть составили погребения представителей исламизированного населения, захороненных с соблюдением мусульманских традиций, хотя при этом конструктивные особенности могил очень разнообразны. Но здесь же отмечены случаи погребений с отклонениями от этих традиций. Это частичная кремация умерших, захоронения с остатками «поминальной тризны» в виде развалов сосудов и остатков погребальной пищи, захоронения жертвенных животных, «дары умершему».

Ключевые слова: Среднее Поволжье, золотоордынский период, городище Болгар, Южные ворота, мусульманское кладбище, мавзолей, грунтовые захоронения, погребальный обряд.

В процессе комплексных археологических исследований в южной части городища (раскоп № 174) недалеко от его южных ворот были выявлены остатки каменного сооружения – мавзолея (рис. 1). Он оказался сильно разрушен, но удалось установить форму и габариты его основания¹. Возле мавзолея и в его внутреннем объеме исследованы захоронения в грунтовых могильных ямах, преимущественно прямоугольной в плане формы – всего 97 погребений (91 одиночные, 3 двойные). Из них: мужчины – 25 (25,7%); женщины – 23 (23,7%); дети и подростки – 39 (40,2%); не определены – 10 (10,3%).

¹ Архитектура мавзолея специально рассматривается в публикации И.И. Елкиной.

Верхний горизонт участка нарушен многолетней глубокой распашкой, поэтому не удалось выявить дневную поверхность открытого кладбища и проследить всю погребальную «цепочку», включающую мемориальный знак или другое оформление поверхности могилы, могильную яму и само захоронение. Отдельные разрозненные кости из разрушенных погребений встречались в пахотном слое, а самые верхние по уровню залегания (целые или частично нарушенные) костяки зафиксированы в основании пахотного горизонта, на глубине 25–30 см от поверхности. Захоронения на открытом участке кладбища совершены в грунтовых могильных ямах прямоугольной (большинство), овальной или квадратной в плане формы. Стенки ям отвесные или слабонаклонные,

Рис. 1. Раскоп CLXXIV: 1 – план; 2 – общий вид с запада на сохранившееся основание мавзолея и участок открытого кладбища.

иногда с небольшим подбоем в северной стенке, дно ровное. Глубина ям не превышает 1,0–1,2 м, детские погребения совершались в более мелких могилах (почти все захоронения детей и подростков зафиксированы в основании пахотного горизонта или в верхнем слое кладбищенского горизонта). Ориентированы ямы длинной стороной по линии З–В с незначительными «сезонными» отклонениями к северу или югу.

Захоронения по обряду ингумации составляют подавляющее большинство всех погребений, исследованных на раскопе CLXXIV – 96,9%. Значительная их часть совершена по мусульманскому обряду, в характерной позе – в вытянутом положении, с разворотом на правый бок, головой на запад, лицом к югу, руки плотно прижаты к телу (левая рука уложена на левый бок). Зафиксированы и нетипичные положения костяков. Например, в погребении № 72 руки умершего человека были перекрещены в области живота, в погребении № 88 костяк находился в скорченном положении – на правом боку, с подогнутыми ногами и руками, перекрещенными на животе. Череп скелета в захоронении № 5 был повернут глазницами на север, а его руки скрещены на животе. На север оказался повернут глазницами череп детского погребения № 71 (рис. 3: 2–5), а сам скелет лежал на левом боку.

Здесь же отмечены захоронения и с отклонениями от исламских традиций. По *обряду неполной кремации* совершены три погребения. Одно из них (№ 1) зафиксировано в основании современного пахотного горизонта и оказалось частично разрушено. Ориентировка западная. Костяк на-

ходился в вытянутом положении на спине, череп не сохранился, кости рук не прослежены. Поверхность костей сильно обуглена. Второе захоронение (№ 2) также неглубоко залегало от современной поверхности, и тоже оказалось нарушено поздней распашкой. Уцелели кости ног с обугленной поверхностью, перекрытые крупными обломками белого камня (рис. 2: 3). Значительно лучше сохранилось захоронение взрослого человека № 3 (рис. 4: 1). Погребение частично нарушено поздней распашкой, его верхний уровень перекрыт пахотным горизонтом и слоем дерна. На уровне +5/-5 см зафиксирован древесный тлен гробовища типа колоды, из толстых плах. Оно имеет прямоугольную в плане форму, длина его 206 см, ширина 52–54 см, высота до 23 см. Толщина северной стенки составляет 6–8 см, западная и восточная стенки не сохранились. Верхний уровень гробовища обуглен. Заполнение во внутреннем объеме – темно-серая супесь. С внешней стороны, рядом со стенками гробовища, отмечена серо-бурая супесь с пятнами грязно-желтого песка. Внутри зафиксирован скелет, ориентированный по линии оси З–В с отклонением к северу на 10°. Он находится в вытянутом положении, с легким разворотом на правый бок. Череп (сильно фрагментирован) повернут глазницами к югу, его нижняя челюсть касается левого плеча, кисти рук сложены в области живота. Колени ног сведены вместе. На поверхности многих костей, включая части лицевого скелета, отмечены обугленные участки. Во всех трех случаях кремации не был зафиксирован прокол грунта возле погребений, более того, около костей отсутствовали угольки

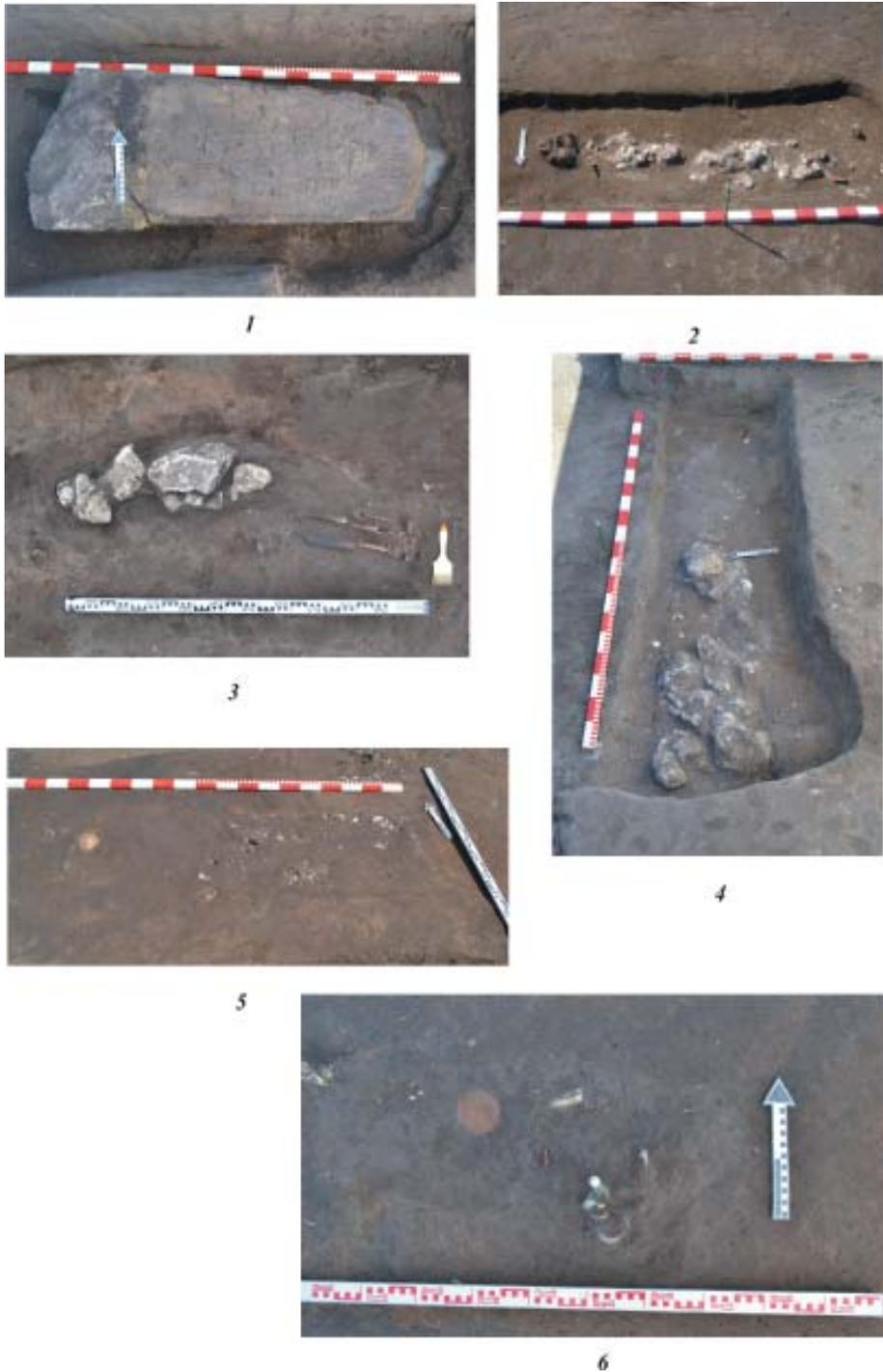

Рис. 2. Раскоп CLXXIV. Открытое кладбище. Элементы погребального обряда: 1 – надгильный знак in situ; 2, 5 – следы «погребальной тризны» в погребениях № 48 и № 13; 3 – каменное перекрытие над захоронением № 2; 4 – завал камней в погребении № 49; 6 – «дары умершему» в погребении № 52.

Рис. 3. Раскоп CLXXIV. Захоронения по обряду ингумации: 1 – двойное погребение (№№ 30-31); 2 – череп скелета в захоронении № 5 повернут глазницами на север; 3 – детское погребение № 71, уложенное на левый бок; 4 – погребение № 72 (руки скрещены в области живота); 5 – костяк в скорченном положении (захоронение № 88); 6 – погребение № 36 с остатками деревянного гроба.

Рис. 4. Раскоп CLXXIV. Отклонения от норм исламского погребального обряда: 1 – кремированные останки погребения № 3; 2 – жертвенное захоронение овцы в погребении № 46; 3 – захоронение кошки в ногах погребения № 38 (погребение на стадии расчистки).

погребального костра. Не исключено, что мы имеем случай кремации на стороне или «медленной кремации» с полным выгоранием мягких тканей лицевого скелета и поверхности тела.

Для участка кладбища, исследованного на раскопе CLXXIV, отмечены следующие элементы погребальной обрядности:

- надмогильные знаки – 1 (1,03%);
- каменные «обкладки» и др. конструкции из камня – 4 (4,1%);
- ямы с подбоем в северной стенке – 9 (9,2%);
- наличие ступеней и заплечиков в яме – 6 (6,1%);
- следы деревянных конструкций в могильных ямах – 3 (3,09%);
- захоронения в гробах/колодах (+гвозди) – 27 (5) или 27,8% (5,1%);
- следы «тризны» и дары умершему – 4 (4,1%);
- следы «культа огня» – 1 (1,03%);
- жертвоприношения животных – 2 (2,06%);
- погребальный инвентарь (сосуды) – 6 (2) или 6,1% (2,06%);
- текстиль в погребениях – 3 (3,09%).

Намогильный знак зафиксирован лишь в одном случае (уч. 1, кв. А1 и прирезка 1). Он представляет собой тщательно обработанную известняковую плиту в форме плоского параллелепипеда с остроконечным верхом и рельефным текстом в простой рамке на одной плоской стороне. Его длина 1,6 м, ширина основания 0,6 м, толщина 0,2 м. Нижняя часть знака (основание) не обрабатывалась (рис. 2: 1). Морфологически он относится к типу II памятников второй группы (Мухаметшин, Хакимзянов, 1987, с. 145) и датируется в пределах XIV в. Знак залегал лицевой стороной вверх

в основании современного пахотного горизонта, а один из его нижних углов оказался поврежден тяжелым плугом. Под мемориальным знаком прослежена могильная яма с разрозненными костями взрослого человека (погр. № 85). Вероятно, этот надмогильный знак изначально был установлен в западной части могилы (в изголовье), а после ее ограбления (поврежденья?) он упал в яму и позже был присыпан землей. Благодаря этому массивный знак уцелел в годы «охоты за камнем» и не разделил судьбу большинства памятников.

Каменные «обкладки» и др. конструкции из камня. На поверхности и в верхних слоях засыпки некоторых могильных ям зафиксированы обломки белого камня и куски известкового раствора, образующих подобие обкладки могильного холмика, всего в четырех случаях (4,1%). В захоронении № 67 возле западной стенки ямы на уровне -74/-110 см расчищены крупные обломки застывшего известкового раствора, один крупный фрагмент и несколько более мелких. Раствор белого цвета с добавками мелкого песка и б/к крошки. На лицевой поверхности видны следы выравнивания и заглаживания, возможно, это обломок из свода или стены мавзолея. Крупный обломок имел уплощенную форму и напоминал плиту аморфной формы толщиной 10–13 см. Он был установлен «на попа» в изголовье захоронения, в момент засыпки могильной ямы. Более мелкие обломки также тяготели к западной стенке могилы (рис. 7: 1). Появление каменных элементов в конструкции могилы можно связать как с сакральными причинами, так и с чисто практическими расчетами. Например, с целью

укрепления и уплотнения могилы в месте наибольшего ее проседания (в изголовье), и где, кстати, предполагается установка намогильного знака (?). В погребении № 49 крупные обломки белого камня залегали в верхнем уровне заполнения прямо над древесным тленом гроба (рис. 2: 4), а в захоронении № 2 камни перекрывали останки (рис. 2: 3).

Ямы с подбоем в северной стенке. Небольшой подбой в северной стенке могильной ямы отмечен в девяти случаях (9,2%), в неглубоких ямах в верхних горизонтах кладбища подбой не фиксировался.

Ступени и заплечики в могильной яме. Заплечики и ступени отмечены в шести случаях (6,1%). В погребении № 62 заплечики отмечены с южной, северной и западной сторон. Это «ступеньки» высотой более 40 см и шириной около 20 см. По одной невысокой, но широкой ступени отмечено в погребении № 12 (с южной стороны, см. рис. 6: 2), в погребении № 45 (в западной части), в погребениях №№ 42, 43 (в восточной части).

Следы деревянных конструкций. Сохранность дерева в слое была плохой, поэтому остатки конструкций из этого материала зафиксированы лишь в трех случаях (3,09%). Как правило, это были полосы темно-бурой супеси с остатками органического тлена. В погребении № 31, в юго-восточном углу могильной ямы, отмечены остатки деревянного кола диаметром около 6 см. Возможно, это остатки конструкции по укреплению стенок большой общей ямы двойного захоронения (погр. № 30 и 31). В захоронении 37 вдоль северной стенки ямы прослежена полоса древесного тлена шириной около 10 см. Это тоже может

быть элементом конструкции по укреплению сыпучих стенок.

Захоронения в гробах и колодах. В 27 случаях (27,8%) прослежены остатки деревянных гробов или колод в виде полосок древесного тлена и фрагментов древесины. Гробы ящичного типа прямоугольной или трапециевидной формы без перекрытия. Высота отдельных гробов превышает 40 см. В одном случае концы боковых досок значительно выступали за линию поперечных торцевых стен, что говорит скорее не о наличии гроба, а об укреплении боковых стен могильной ямы (погр. № 36). Отмечены и «нестандартные» изделия, как например, гроб в погребении № 36 (рис. 6: 4). В могильной яме длиной 2,4 м и шириной 0,5 м оказалось захоронение в гробу размером более 2,6 x 0,4 x 0,3 м. Гроб ящичного типа размером 2,4 x 0,4 x 0,35 м зафиксирован в погребении № 48. В погребении молодой женщины № 6 (2) гроб имел размеры 2,4 x 0,55 x 0,33 м, в детском погребении № 67 – 1,3 x 0,3 x 0,4 м, т.е. его высота превышала ширину. Как правило, к древесному тлену приурочены и находки железных четырехгранных гвоздей, но они использовались значительно реже (всего пять случаев или 5,1%).

Отдельного внимания заслуживают гробы ящичного типа из внутреннего объема мавзолея, где хорошо сохранилась древесина. Все они имеют прямоугольную в плане форму. Гробы сколочены из толстых досок или плах, шириной до 15 см и толщиной до 4 см. В отличие от захоронений на открытом участке кладбища, здесь отмечены перекрытия гробов типа плоских крышек или настилов. В качестве соединительного элемента

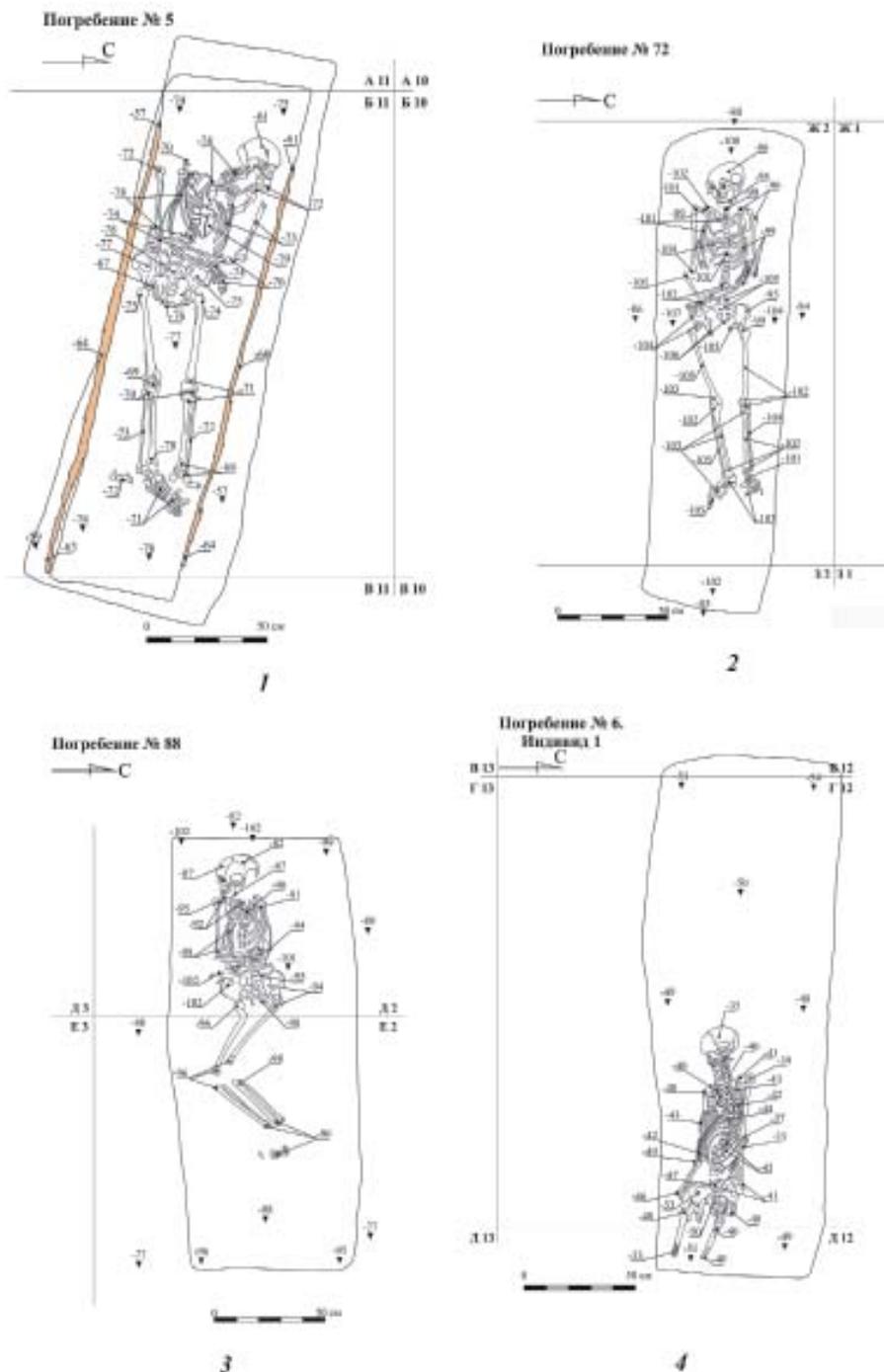

Рис. 5. Раскоп CLXXIV. Рисунки погребений: 1 – погребение № 5 (лицом на север, руки скрещены); 2 – захоронение № 72 (на спине, руки скрещены); 3 – скорченное погребение № 88; 4 – двойное захоронение № 6, индивид 1 с ампутированными конечностями (необычное положение в восточной части могильной ямы).

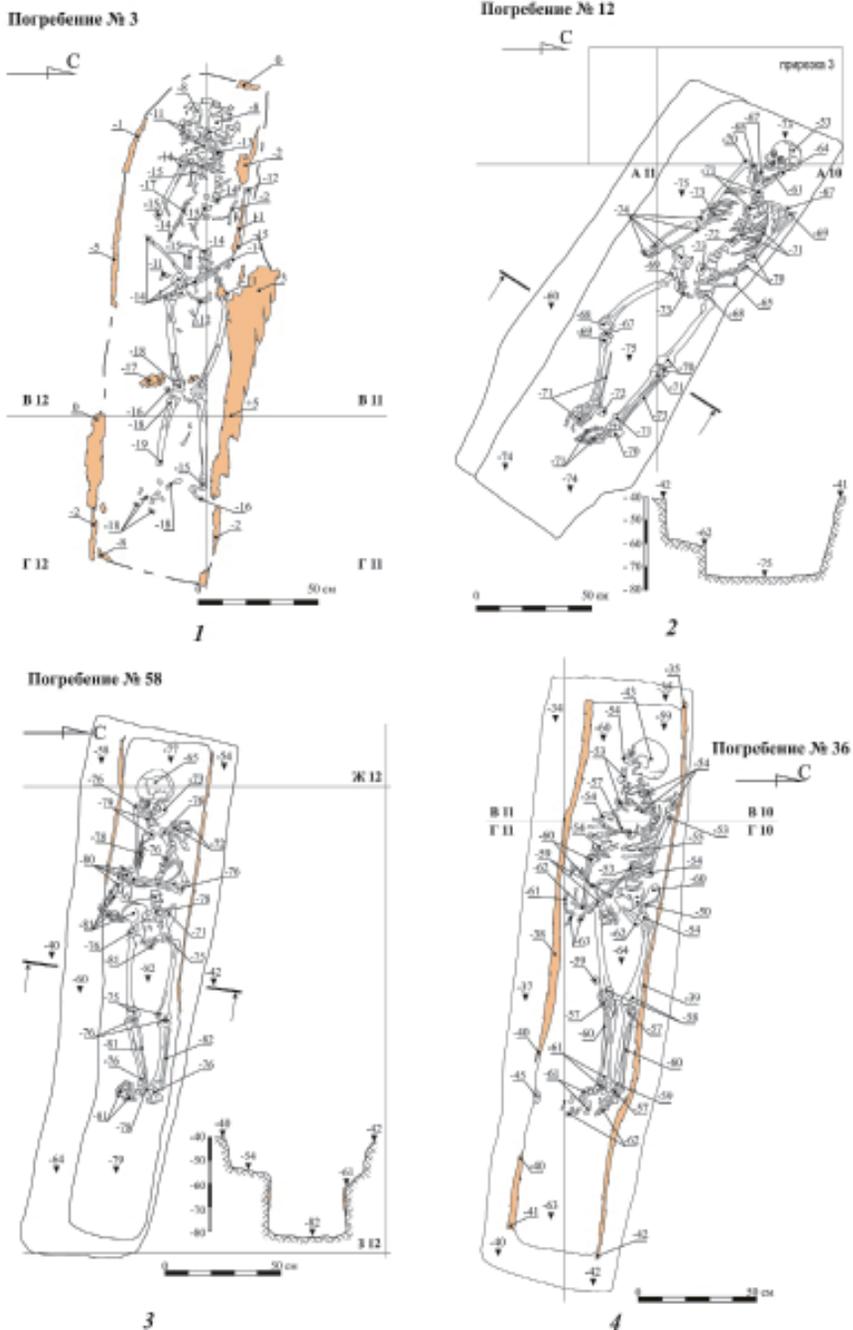

Рис. 6. Раскоп CLXXIV. Рисунки погребений: 1 – захоронение № 3 со следами кремации; 2–3 – погребения № 12 и № 58 в могильных ямах с заплечиками и ступенями; 4 – остатки деревянного гроба (конструкции?) в захоронении № 36.

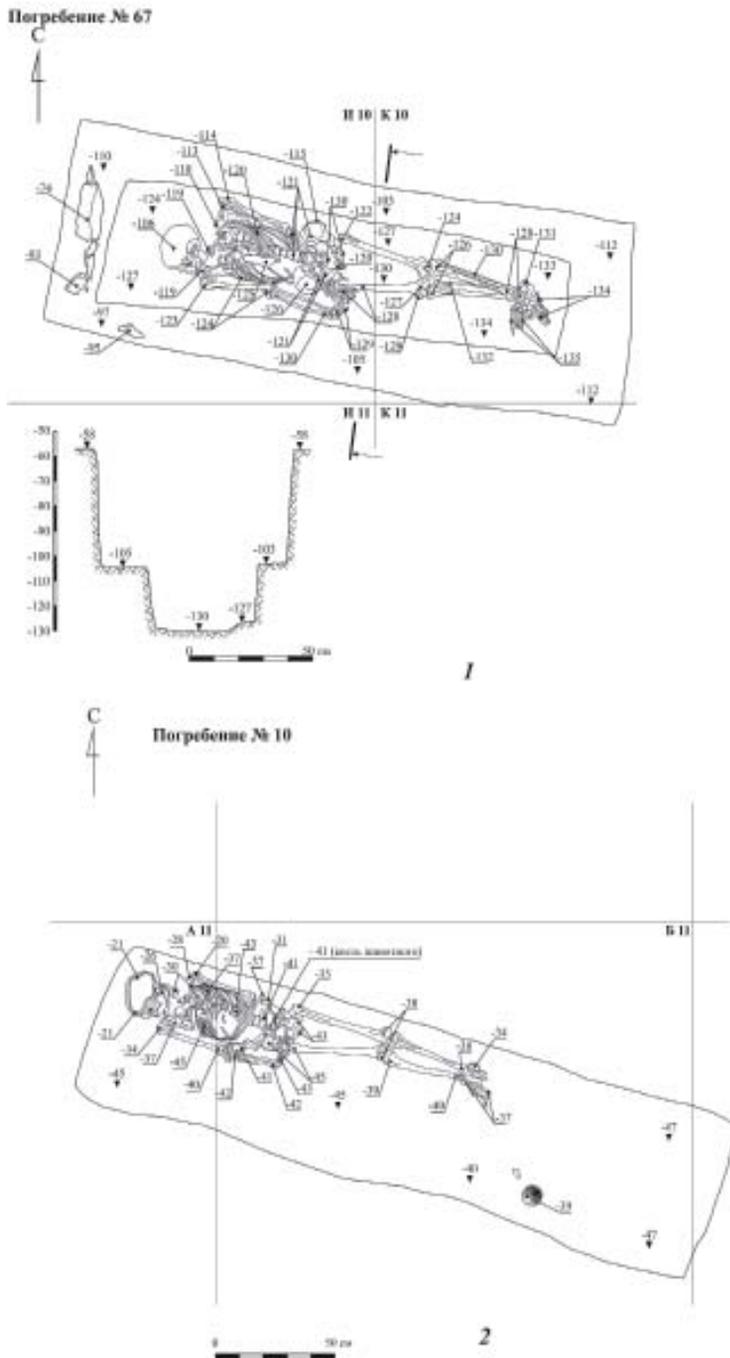

Рис. 7. Раскоп CLXXIV. Рисунки погребений: 1 – захоронение № 67 (профиль могильной ямы и камни в ее заполнении); 2 – длинная могильная яма погребения № 10 и следы «тризны» и «дары» рядом с костяком.

досок использовались кованые железные гвозди квадратного сечения с гранеными шляпками. Длина гвоздей от 7–8 до 10–12 см. Один гроб снаружи был полностью обернут берестой.

Следы «тризны» и дары умершему. Остатки заупокойной (поминальной) пищи в виде разрозненных костей животных и обломков керамической посуды отмечены в четырех случаях (4,1%). Все эти находки, как правило, приурочены к верхним слоям засыпки могильных ям. Например, в погребении № 6 (1) следы «поминальной тризны» залегали на отметке -20 см, а верхний уровень костей человека отмечен на отметке -35 см. Наиболее полное представление о захоронении со следами «тризны» получено при исследовании погребения № 48. Это захоронение взрослого человека (женщина?) в прямоугольной могильной яме. Яма ориентирована по оси З–В с незначительным (10°) отклонением к северу. Ее длина 2,4 м, ширина 0,7 м. Верхний уровень ямы зафиксирован на отметке -20 см, нижний – на отметке -94 см. Яма впущена в материк на глубину до 56 см (верхний уровень материка -38 см). С южной стороны, вдоль всей стенки могилы, тянется высокая «ступенька» шириной около 20 см. Ее верхний уровень зафиксирован на отметке -46/-49 см. Остальные стенки ямы слабонаклонные, дно имеет понижение в восточном направлении (перепад составляет 8 см). Заполнение ямы – серо-бурая супесь с комками бурого суглинка (материковые выбросы) в верхних слоях и песок в нижних. На уровне -30/-35 см в яме зафиксированы небольшого и среднего размера камни известняка/раствора, лежащие по всей длине могилы, кости животных и керамика. Это по-

рекрытие могильной ямы с остатками «тризны» (рис. 2: 2). Из могилы происходят кости КРС (7 фр.), МРС (10 фр.) и лошади (7 фр.). На отметке -32/-35 см, в восточной части могилы, находился развал сосуда. Он изготовлен на тяжелом гончарном круге из красной глины и имеет боковые ручки в виде трех «отростков». Аналогичные изделия характерны для Болгара золотоордынского периода (керамика XIX группы; см.: Кокорина, 2002, с. 309–310). Кроме того, в центральной части могильной ямы на этом уровне обнаружен небольшой фрагмент кашинного сосуда с синей поливой на одной стороне и поливой бирюзового цвета на другой и часть боковой стенки сероглиняного сосуда со штампованным орнаментом. Для его декорирования использовался штамп с изображением рыбы в вытянутой рамке. Захоронение совершено в гробу ящичного типа. Поволжская археология. Погребальный инвентарь при костяке не обнаружен.

Остатки «тризны» и «дары умершему» отмечены в погребении № 52. Захоронение взрослого человека (женщина 35–45 лет) в трапециевидной могильной яме. Яма ориентирована длинной стороной по оси З–В с небольшим (10°) отклонением к северу. Ее общая длина равняется 2,4 м, ширина в западной части 0,7 м, в восточной – 0,6 м. Верхний уровень ямы зафиксирован на отметке -54 см, нижний – на уровне -135 см. Стенки слабонаклонные, дно ровное. Заполнение в верхних слоях – серая супесь с пятнами грязно-желтого песка. На этом уровне зафиксированы находки фрагментов костей КРС (3 фр.), МРС (6 фр.), лошади (3 фр.) и керамики (в т.ч. донца кругового сосуда) (рис. 2:

б). В восточной части ямы на отметке -56 см обнаружен комплекс ювелирных украшений.

Все вещи этого комплекса выполнены из драгоценных металлов на высоком профессиональном уровне, в тончайшей ювелирной технике – скани, зерни, литье, гравировке (рис. 9: 1–10). Самую многочисленную группу украшений из комплекса составляют серебряные пластинчатые браслеты с несомкнутыми концами, украшенными стилизованными львиными мордами (тип А-16-1, по Г.Ф. Поляковой: 1996, с. 180, рис. 62: 2), всего семь экземпляров. Диаметр браслетов от 50 до 65 мм. Наружная поверхность их слегка выпуклая, с продольными краевыми бороздками. На уплощенных концах гравированные изображения львиных морд, переданные предельно схематично (рис. 9: 9–10). Декор браслетов формировался под влиянием малоазиатско-иранского (сельджукского) художественного стиля в поволжских ювелирных мастерских со второй половины XIII до XV вв. Из Сарая ал-Джадида происходят находки литейных форм для изготовления аналогичных браслетов. Известны находки таких браслетов в комплексах с монетами, что позволяет точнее определить время их бытования. Например, в составе золотого клада из Джукетау вместе с многочисленными ювелирными украшениями находились динары патанских султанов Индии чеканки 1340/41 г. (История татар, 2009, с. 205, 641).

Следующая по численности категория украшений из состава комплекса состоит из трех булавок с полусферическими головками, украшенными зернью и сканью. Их общая высота

составляет 57–65 мм, диаметр основания головки 12–13 мм, толщина иголки не превышает 1–1,5 мм. Головки полые, спаянные в местах соединения пластинок листового серебра. На их вершине припаян маленький шарик (рис. 9: 4–6). Аналогичные булавки, но без зерни на головке, известны среди древностей волжских болгар X–XII вв. Наибольшее распространение они получили во второй половине XII в. Подобные булавки или заколки предположительно имеют восточное происхождение, они формировались под киданьско-хакасским влиянием (Руденко, 2007, с. 85, рис. 80: 20).

Две серебряные с позолотой *коранницы* или амулетницы имеют размеры 22 x 17 x 7 мм и 22 x 18 x 6 мм. Они представляют собой маленькие полые коробочки из тонкого листового серебра. Лицевая сторона по периметру окантована бордюром из двух рядов тонкой перекрученной проволоки. Сверху и снизу от края лицевой стороны напаяны мелкие шарики, которые образуют по два треугольника вершинами к центру. По сторонам также имеются по одному треугольнику. В центре вставка из голубого камня размером около 3 x 3 x 3 мм (у одного изделия камень утрачен). На оборотной стороне сканный декор в виде двух волют. Они выполнены из тонкой перекрученной проволоки, припаянной к основе. Боковые стороны гладкие, соединительные швы тщательно запаены и заполированы. Коранницы имеют небольшое ушко для подвешивания диаметром около 4–5 мм (рис. 9: 1, 3). Они получили распространение в Волжской Болгарии еще с домонгольского периода, а в золотоордынское время были очень

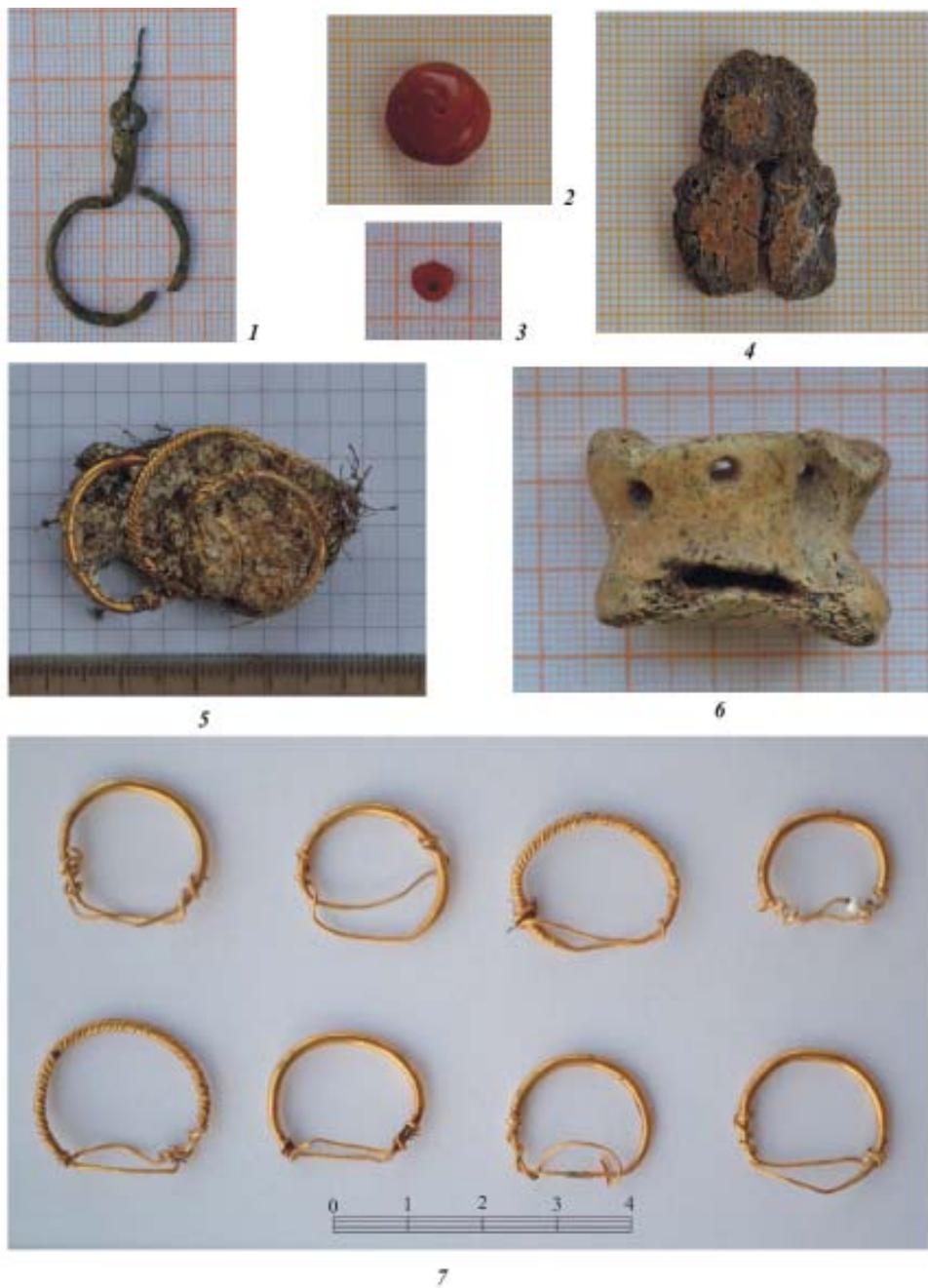

Рис. 8. Раскоп CLXXIV. Погребальный инвентарь: 1 – серьга № 35 (погребение 10); 2 – бусина № 42 (захоронение 43); 3 – бусина № 39 (погребение 37); 4 – костяной амулет «тэнгре» № 55 (захоронение 13); 5, 7 – височные кольца № 72/1–9 (погребение 89); 6 – кость с отверстиями (детское захоронение № 43).

Рис. 9. Раскоп CLXXIV. «Дары умершему» из погребения № 52: Комплекс ювелирных украшений № 56/1-14: 1, 3 – «коранницы»; 2 – подвеска из монеты; 4–6 – булавки; 7 – железный стержень с оплеткой; 8–10 – браслеты с гравированными изображениями.

популярны в высшей социальной среде (Валеева, 2008, с. 183).

Из серебряного дирхема хана Джанибека (1341–1357 гг.) изготовлена подвеска. Состояние монеты хорошее – она практически не имеет следов обращения. Изначально в монете было пробито небольшое отверстие для фиксации ушка, но потом, вероятно, ушко сломалось и для подвешивания использовалось проделанное отверстие (рис. 9: 2). Для датировки всего комплекса эта подвеска имеет значение «точки отсчета», поскольку остальные предметы датируются в очень широких хронологических рамках.

Непонятно назначение единственного предмета в составе комплекса из недрагоценного металла. Это фрагмент круглого железного стержня со следами оплетки на внешней стороне (рис. 9: 7). Его нахождение в комплексе может иметь случайный характер, возможно, он оказался в непосредственной близости к украшениям из заполнения могильной ямы.

Все предметы были компактно уложены в текстильный мешочек или просто завернуты в шелковую ткань. Ее следы сохранились в виде отпечатков текстиля на отдельных окисленных предметах и сильно минерализованных нитей. Шесть браслетов оказались сплетены между собой, а еще один, сломанный пополам, вставлен в этот «клубок».

Следы «культы огня». Следы кострища на поверхности могилы (пятно прокала с углем и золой) отмечены лишь в одном случае (1,3%) – в разрушенном захоронении № 51. Сохранилась западная часть могильной ямы, а ее восточная часть уничтожена распашкой. В центральной части со-

хранившегося участка на отметке -32/-35 см прослежено небольшое пятно прокала (на глубину до 5 см). Его размеры около 30 x 20 см. Рядом отмечено скопление керамики, костей крупных животных и два фрагмента железного шлака. Эти находки свидетельствуют о каких-то ритуальных действиях во время совершения погребения. Останки самого захоронения не выявлены. О «культе огня» косвенно свидетельствуют скопления угольков и пятна золы среди остатков «тризны» в некоторых погребениях, но не исключено, что они связаны с приготовлением погребальной пищи.

Жертвоприношения или ритуальные захоронения животных прослежены в двух случаях (2,06%). Первый – захоронение овцы, перекрывающей основное мужское захоронение (№ 46), выше его по уровню залегания (рис. 4: 2), второй – скелет кошки в ногах человеческого костяка (погр. № 38, рис. 4: 3).

Вещевой инвентарь в погребениях представляет собой исключение, и он зафиксирован лишь в шести захоронениях. В двух случаях это единичные сердоликовые бусины, вероятно, использованные вместо пуговицы-застежки на горловине одежды (рис. 8: 2, 3), еще в одном – медная серьга в виде перевернутого знака вопроса (рис. 8: 1). В детском погребении № 13 найден костяной амулет «тэнгре» (рис. 8: 4), а в захоронении ребенка № 43 обнаружена кость животного со следами сверления (рис. 8: 6). В погребении № 89, расположенном внутри мавзолея, обнаружены остатки текстильного головного убора и девять золотых височных колечек с напускной бусиной/ жемчужиной (рис.

8: 5, 7). В области шеи находилась маленькая сердоликовая бусинка.

К остаткам погребальных облачений можно отнести текстильные фрагменты из детского захоронения № 43.

Погребения в мавзолее. Во внутреннем объеме мавзолея, ближе к его южной стене, зафиксировано 9 могильных ям, расположенных в два ряда, плотно друг к другу. С северной стороны, напротив входа, оставалась свободная площадка для размещения участников похоронной процессии. В западном ряду, состоящем из четырех могильных ям (погр. №№ 92, 93, 96, 97), три захоронения нарушены грабительской ямой (яма 6), самое крайнее погребение с южной стороны (№ 93) уцелело. Захоронения восточного ряда (погр. №№ 89–91, 94–95) грабительская яма не затронула. Следует заметить, что ориентировка этих могильных ям (отклонение от оси З–В к северу составляет 10–12°) не соответствует ориентировке стен мавзолея, зато соответствует ориентировке могил открытого кладбища. Сохранность костяков всех непо потревоженных погребений очень плохая, что связано с присутствием большого количества известковой крошки в заполнении могильных ям. Однако для большинства случаев удалось зафиксировать особенности положения скелетов и их точную ориентировку. Захоронения безинвентарные. Исключение составляет самое крайнее погребение в восточном ряду (№ 89). Это захоронение взрослого человека (женщина 16–18 лет)². Умерший человек погребен в грунтовой могильной яме трапеще-

видной в плане формы. Длинной стороной она ориентирована по оси З–В с отклонением к северу на 10°. Длина ямы 2,15 м, ширина в западной части 0,75 м, в восточной – 0,55 м. Верхний уровень ямы зафиксирован на отметке -60 см, нижний – на отметке -117 см. Стенки ямы вертикальные, дно незначительно понижается в восточном направлении (перепад составляет 4–5 см). Заполнение – серая супесь с пятнами бурого песка и комочками суглинки, плюс большое количество известковой крошки и мелких обломков камня. По сторонам могильной ямы отмечен древесный тлен и фрагменты древесины от гроба, толщиной до 3 см. Гроб ящичного типа с плоской крышкой. Доски сколочены при помощи железных гвоздей квадратного и прямоугольного сечения с округлой граненой шляпкой. Длина гвоздей не превышает 8–10 см. На уровне -107/-110 см отмечены кости человека очень плохой сохранности. Костяк ориентирован черепом на запад, с незначительным отклонением к северу. Скелет находится в вытянутом положении на спине. Череп сильно фрагментирован, но установлено его положение глазницами к югу. Руки согнуты в локтях и скрещены в области живота – правая рука поверх левой. Ноги лежат прямо. В области черепа обнаружены остатки головного убора, состоящего из тканого платка, сеточки для волос и «внешнего чехла». Кроме того, в состав убора входили девять височных полуторооборотных колечек желтого металла. Их диаметр около 25 мм. Колечки изготовлены из круглой в сечении проволоки толщиной до 2 мм в центральной части, а ближе к окончанию она доходит до 1 мм. На двух самых больших коль-

² Комплекс антропологических исследований проведен с.н.с. НЦАИ Института Истории АН РТ И.Р. Газимзяновым.

цах проволока дополнительно была перекручена – тордированна. Тонкие концы закручены в 1,5–2,5 оборота по сторонам, а между ними крепилась бусинка (жемчужина). Только на одном экземпляре жемчужина сохранилась, на остальных их не было (рис. 8: 5, 7). Колечки «концентрировались» группами по 4 экз. возле висков и один экз. найден в области затылочной кости. Головной убор состоит из нескольких предметов (как минимум трех)³. Верхний предмет представляет собой шелковый платок с округлыми концами, контуры и центральная часть которого богато расшиты золотными нитями в прикреп. По контуру платка проходит растительно-геометрический орнамент шириной 7 см, состоящий из мелких элементов. Причем вышивка по двум сторонам платка идет по лицу, по двум другим – по изнанке. Орнамент центральной части состоит из 7 рядов кружков диаметром 1,2 см. Вышивка с обеих сторон связана с особенностями надевания этого головного убора. Платок складывался таким образом, что вся вышивка оказывалась на одной стороне и зрительно головной убор представлял собой сплошную вышивку. Наиболее близким аналогом этому головному убору является этнографический головной убор – головка, до недавнего времени широко распространенный в Поволжье. Следующий головной убор представляет собой сетку, сплетенную из золотных нитей. Головной убор, вероятно, аналогичен русским средневековым волосникам, но это просто сетка и у него нет очелья. Под сеткой непосредственно у головы находилась

шелковая ткань с полосатым орнаментом. Среди фрагментов текстиля и костного тлена, около позвонков шеи, найдена небольшая сердоликовая бусина. Она имеет бипирамидальную форму с 14 гранями. Отверстие для нити небольшое, диаметром всего 1 мм.

Большинство вещей из погребальных комплексов находят прямые аналогии среди древностей Болгара и других городов Среднего Поволжья золотоордынского периода. Вероятно, и кладбище активно функционировало именно в это время. После возведения мавзолея во второй половине – конце XIV в. вокруг него формируется открытое кладбище. Ни одна могильная яма кладбища не была нарушена фундаментами мавзолея, что свидетельствует о «очередности» их появления. Более того, могильные ямы захоронений № 26 и № 88 расположены напротив входа в мавзолей, вероятно, они появились уже значительно позже.

Исследование такого большого участка мусульманского кладбища довольно позднего времени (середина XIV – первая половина XV вв.) дает нам довольно сложную и пеструю картину погребальной обрядности (и она, кстати, сильно отличается от кладбища примерно этого же времени у «Ханской усыпальницы» (Ефимова, 1969, с. 64–74) и других могильников (Яблонский, 1987, с. 124–131). Процесс исламизации населения Болгара к этому времени давно завершился,

³ Первичное исследование и атрибутирование головного убора проведено И.И. Елкиной (ИА РАН).

что не исключало существования более древних погребальных традиций и влияния «извне».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Валеева Д.К.* Искусство города Болгара // Город Болгар: Культура, искусство, торговля. – М.: Наука, 2008. – С. 125–191.
2. *Ефимова А.М.* Кладбище у «Ханской усыпальницы» на Болгарском городище // Древности Восточной Европы. – М.: Наука, 1969. – С. 64–74.
3. *Измайлов И., Саттарова Л.* Архитектура и декоративно–прикладное искусство // История татар. – Т. III. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани, 2009. – С. 618–643.
4. *Кокорина Н.А.* Керамика Волжской Булгарии второй половины XI – начала XV веков. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани, 2002. – С. 3–383.
5. *Мухаметшин Д.Г., Хакимзянов Ф.С.* Эпиграфические памятники Болгара // Город Болгар: Очерки истории и культуры. – М.: Наука, 1987. – С. 143–157.
6. *Набиуллин Н., Хузин Ф.* Джукетау // История татар. – Т. III. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани, 2009. – С. 202–206.
7. *Полякова Г.Ф.* Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. – Казань, 1996. – С. 154–268.
8. *Руденко К.А.* Волжская Булгария в XI – начале XIII в.: поселения и материальная культура. – Казань: Школа, 2007. – С. 1–244.
9. *Яблонский Л.Т.* Некрополи Болгара // Город Болгар: Очерки истории и культуры. – М.: Наука, 1987. – С. 124–142.

Информация об авторе:

Лазукин Александр Викторович, научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Российская федерация); lazukin63@mail.ru

PRELIMINARY RESULTS THE RESEARCH IN THE NECROPOLIS IN SOUTHERN PART OF THE BOLGAR SETTLEMENT (EXCAVATION TRENCH CLXXIV) IN 2012

A.V. Lazukin

The results of excavations on architectural ruins of the mausoleum and adjacent open-air cemetery plot held near the Southern gate of the Bolghar fortified settlement site in 2012 are presented. The necropolis is dated to the mid-14th – first half of the 15th century. The funeral rite has been analyzed. A total of over 90 ground burials in rectangular grave pits were investigated, with 9 of them located in the mausoleum itself. The majority of burials belonged to representatives of Islamized population who had been buried in compliance with Muslim traditions, although the design features of the graves are rather diverse. However, cases of burials with deviations from these traditions were recorded. To these refer partial cremation of the dead, burials with remains of “funeral feasts” in the form of a disassembling of vessels and remains of funerary food, burials of sacrificial animals, and “gifts to the dead”.

Keywords: the Middle Volga region, the Golden Horde period, the Bolghar settlement site, Southern gate, Muslim cemetery, mausoleum, ground burials, funeral rite.

REFERENCES

1. Valeeva, D. K. 2008. In *Gorod Bolgar: Kul'tura, iskusstvo, trgovlia (The Town of Bolgar: Culture, Art, Trade)*. Moscow: "Nauka" Publ., 125–191 (in Russian).
2. Efimova, A. M. 1969. In *Drevnosti Vostochnoi Evropy (Antiquities of the Eastern Europe)*. Moscow: "Nauka" Publ., 64–74 (in Russian).
3. Izmailov I., Sattarova L. 2009. In Usmanov, M. (ed.). *Istoriia tatar s drevneishikh vremen v semi tomakh (History of the Tartars from the Earliest Days, in Seven Volumes)*. Vol. III. *Ulus Dzhuchi (Zolotaia Orda). XIII — seredina XV v. (Jochid Ulus (Golden Horde). 13th — middle 15th Centuries)*. Kazan: Institute for History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 618–643 (in Russian).
4. Kokorina, N. A. 2002. *Keramika Volzhskoi Bulgarii vtoroi poloviny XI — nachala XV vekov (Ceramics of Volga Bulgaria during the second half of the 11th — beginning of the 15th centuries)*. Kazan: Institute for History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).
5. Mukhametshin, D. G., Khakimzianov, F. S. 1987. In *Gorod Bolgar. Ocherki istorii i kul'tury (Town of Bolgar. Essays on History and Culture)*. Moscow: "Nauka" Publ., 143–157 (in Russian).
6. Nabiullin N., Khuzin F. 2009. In *Istoriia tatar s drevneishikh vremen v semi tomakh (History of the Tartars from the Earliest Days, in Seven Volumes)*. Vol. III. *Ulus Dzhuchi (Zolotaia Orda). XIII — seredina XV v. (Jochid Ulus (Golden Horde). 13th — middle 15th Centuries)*. Kazan: Institute for History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 202–206 (in Russian).
7. Poliakova, G. F. 1996. In *Gorod Bolgar. Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteishchikov (Town of Bolgar. Craft of Metallurgists, Smiths, Founders)*. Kazan, 154–268 (in Russian).
8. Rudenko, K. A. 2007. *Volzhskaia Bulgariia v XI — nachale XIII v.: poseleniia i material'naia kul'tura (Volga Bulgaria during the 11th — Beginning of 13th Century: settlements and material culture)*. Kazan: "Shkola" Publ. (in Russian).
9. Yablonsky, L. T. 1987. In *Gorod Bolgar. Ocherki istorii i kul'tury (Town of Bolgar. Essays on History and Culture)*. Moscow: "Nauka" Publ., 124–142 (in Russian).

About the Author:

Lazukin Alexandr V. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; lazukin63@mail.ru

УДК 737(470.41) «11/13»

НУМИЗМАТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ РАСКОПА CLXVIII БОЛГАРСКОГО ГОРОДИЩА

© 2014 г. А.И. Бугарчев, А.В. Беляев

В статье исследуются и систематизируются находки монет золотоордынского времени из раскопа CLXVIII в центральной части городища Болгар. Основные данные по нумизматическому материалу представлены в виде таблиц. Всего было найдено 40 монет – две серебряные и 38 медных. Из них к XIII в. относятся две монеты – одна серебряная (монетный двор Керман) и один медный фельс монгольского правителя Ирана Аргуна (монетный двор Йезд?). Остальные монеты были выпущены в период с 1320-х гг. до начала XV в. Они отчеканены на монетных дворах Болгар, Сарай, Сарай ал-Джадид, Гулистан и Крым. Эмиссии Болгара представлены десятью медными монетами, выпущенными между 720 и 736 г.х. и, предположительно, одной, наиболее поздней монетой начала 800-х гг.х.

Ключевые слова: Среднее Поволжье, золотоордынский период, городище Болгар, джучидская монета, пул.

Монетные находки на археологических объектах – это один из главных элементов как для хронологической атрибуции самого объекта, так и для понимания экономической ситуации в конкретное время в конкретном месте. Поэтому публикация найденного нумизматического материала является необходимым условием для проведения анализа исторического и экономического контекста.

В XXI веке были опубликованы почти полностью монетные находки с таких больших городищ как Водянское (Бельджамен) (более 1400 монет), Селитренное (Сарай) (более 4000 монет), Маджар (около 4000 монет) и некоторых других.

Нумизматический материал с Болгарского городища начал издаваться усилиями таких ученых как Светлана Алексеевна Янина и Герман Алексеевич Федоров-Давыдов. В 1950-е – 1960-е и в 1987 году ими было опубликовано сведения о более

чем 2000 монет (Янина, 1962, с.153; Федоров-Давыдов, 1987, с.188–204). Однако мы видим, что, в отличие от нижеволжских городищ, из Болгара продолжают ежегодно поступать серебряные и медные монеты. Например, только с «Рыночной площади» уже известно более 2000 экземпляров (устная информация от к.и.н. Д.Г. Мухаметшина), и исследования еще не завершены. Однако есть раскопы так сказать «закрытые», на которых работы уже закончились. К таким местам относится раскоп CLXVIII в Болгаре. Публикации небольшого нумизматического комплекса с данного археологического объекта посвящена представляемая статья.

Раскоп CLXVIII был заложен в центральной части городища, на проезжей части Школьного переулка. Площадь раскопа составила 496 кв.м. Работы носили охранно-спасательный характер и были обусловлены предстоящей срезкой грунта при стро-

ительстве новой асфальтовой дороги, ведущей к строящейся автомобильной стоянке. Раскоп был вытянут с востока на запад, с некоторым отклонением на юг. Для удобства работ раскоп был поделен на 12 секторов.

Данная территория городища привлекала исследователей в более раннее время (Хлебникова, 1987, с. 34–89).

В 2012 году, работая на раскопе CLXVIII, нам удалось зафиксировать точные границы раскопов LIII, LXV, LV, которые попадали в восточную часть исследуемого участка на секторы 2 и 3. Раскоп CLXVIII подтвердил данные, которые были получены в результате предшествующих исследований. Действительно, данная территория была заселена еще в домонгольское время, о чем свидетельствует наличие объектов и находок, связанных с этим слоем. Данный участок городища в начале XIII в. являлся окраиной древнего города, где проходили оборонительные сооружения. О слабой заселенности данного участка в домонгольский период также говорит слабая мощность слоя, хотя в некоторых участках он достигает 30 см. Слой насыщен углем и иногда переходит в прослойку угля, что, вероятно, связано с разгромом города в 1236 году. Находки незначительны и представлены в основном типичной домонгольской лошеной керамикой.

На раскопе часто встречался железный шлак, который выделялся местами в самостоятельную прослойку, что подтверждает итоги исследований 1949 и 1980 гг. Раскопом удалось локализовать западную границу металлургического района, которая проходила в 80-ти метрах от домонгольского укрепления. Данная граница прослеживается по распространению кричного шлака.

В золотоордынский период жизнь на данной территории городища стала более активной, что нашло отражение в мощности культурного слоя и количестве находок, принадлежащих к указанному периоду. Всего в раскопе было обнаружено около 85 объектов. Они отличаются разнообразием конструктивных особенностей. Объекты в раскопе представлены жилищами, полуземлянками, погребями, хозяйственными ямами различного назначения, а также остатками оград.

Вещевой материал с раскопа представлен большим количеством находок, среди которых фрагменты и целые формы круговой посуды, кашинная керамика, селадон, люстр, украшения из стекла, бронзы, бытовые и хозяйственные предметы из черного и цветного металла, кости и камня, а также небольшим количеством медных и серебряных монет.

Весь нумизматический комплекс представлен в таблице 1.

Таблица 1 Монеты из раскопа CLXVIII

№ п/п	№ по к/о*	Металл	Эмитент	Год, х.	МД	Вес, г	Примечание
1	128	AR	Не указан	(665-673)	Керман	1,02; 0,88 (3-й обломок не взвешен)	Разломана на 3 части. Сингатулина, №215
2	139	AR	Узбек	(727-728)	Сарай	1,24	Френ, №42
3	65	AE	Аргун	(683-690)	Йезд?	1,18	Монета Ирана
4	55	«»	Не указан	(720-е)	(Болгар)	0,92	Тамга в треуголь-нике, вариант не определяется
5	62	«»	«»	(720-е)	(Болгар)	1,03	Тамга в треуголь-нике, ножка с пра-вой перекадиной, вар. 3. Бугарчев-Петров, 2013
6-7	17; 46	«»	«»	(732-736)	Болгар	1,81; 2,64	2 экз. Тамга в звезде. О.с.** - Пул/Болгара
8-12	40; 43 А; 63; 94; 135	«»	«»	(732-736)	Болгар	1,52; 1,88; 0,90 (обломан); 1,86; 1,52	5 экз. Тамга в звезде. О.с. - Болгара/ пул
13	69	«»	«»	(73)4	Болгар	1,52	О.с. - Болгара/ пул
14	19	«»	«»	73 (7)	Сарай	1,36	Тип «лев-солнце»
15	29	«»	«»	(737)	Сарай	1,20 (с окислами)	Тип «лев-солнце»
16-23	18; 38; 6; 41; 56; 67; 70; 114; 149	«»	«»	(743-750)	Сарай ал-Джадид	0,77; 1,09; 1,31; 1,24; 1,54; 1,81; 1,07; 1,44	8 экз. Тип «двуглавый орел»

24	38 г	«»	«»	(744)	Крым	1,31 (с окислами)	Тип «двуглавый орел». Обломан
25-26	75; 76	«»	«»	(751-761)	Сарай ал-Джадид	2,25; 1,52 (обломан)	2 экз. Тип «цветок»
27	147	«»	«»	760	Сарай ал-Джадид	1,89	Тип «цветок»
28	52	«»	«»	76 (1?)	Сарай ал-Джадид	1,73	Тип «цветок»
29	112	«»	«»	(751-761)	(Сарай ал-Джадид)	1,79	Тип «цветок»
30	68	«»	Хызр	762	Гулистан	2,57	
31-32	43; 48	«»	Хызр	«766»	Гулистан	2,90; 2,96	2 экз.
33	129	«»	Хызр	?	Гулистан	2,54	Год не попал на поле монеты
34	14	«»	?	?	?	1,66	Н/ч «лук», 2-я половина XIV в.
35	12	«»	«Али Дервиш»	Не указан	Не указан	1,73	Начало XV в. ***
36	71	«»	?	?	?	2,27	Н/ч. Не ордынская?
37-40	32; 38 а; 38; 150В	«»	?	?	?	1,14; 2,72; 0,98; 2,80	4 экз. Неопределенные монеты

*Номер по коллекционной описи. ** О.с. – оборотная сторона. *** По статье Д.Г. Мухаметшина (2006).

Серебряные монеты. В сборе находятся всего два экземпляра. Наиболее интересной представляется находка монеты чекана Кермана. Ранее одним из авторов была составлена сводка находок одиночных экземпляров монетного двора Керман (Бугарчев, Степанов, 2003). По этой сводке точную паспортизацию имели только два экземпляра: один был найден около села Кокрять Ульяновской области, второй – на островах в окрестностях Болгара. Теперь нам известно место находки третьего экземпляра – это раскоп CLXVIII Болгарского городища. Время выпуска монет Кермана – период 665–673/1266–1275 гг. Вторая серебряная монета из этого раскопа – это данг с именем Узбек-хана Сарайского чекана. Экземпляр сильно корродирован, но достаточно уверенно может определяться как чекан 727–728/1326–1328 гг.

Медные монеты. Формально самым ранним является хулагуидский

фельс с именем ильхана Аргуна (683–690/1284–1291). Но, скорее всего, он попал на территорию городища не ранее 720-х гг.х., когда в денежном обращении Болгарского региона вновь появились медные пулы местного чекана. Медные монеты иранских городов изредка встречаются в сборах с археологических объектов Татарстана. По опубликованным материалам известны две находки с Джукетау – пулы с именами ильханов Газана и Абу Саида (Лебедев, Бугарчев, Гуманюнов, 2008, с. 43) и одна со Старорытвинского селища – «Абу Саид?» (Мухаметшин И., 2008, с. 25). На самом Болгарском городище были найдены три монеты Ирана XIII в. (без указания металла; Мухаметшин Д., 2001, с. 69).

Типы медных джучидских монет из данного раскопа представлены в таблице 2.

Таблица 2 Джучидские медные монеты из раскопа CLXVIII

Тип	Годы х.	Количество	Примечание
Тамга в треугольнике	720-е	2	(Болгар)
Тамга в звезде	732-736	8	Болгар
Лев-солнце	737-743	2	Сарай
Двуглавый орел	743-750	8	Сарай ал-Джадид
Двуглавый орел	744	1	Крым
Цветок	751-761	5	Сарай ал-Джадид
Хызр	762	4	Гулистан
Н/ч «Лук»	вторая половина 700-х гг.	1	
«Али Дервиш»	начало 800-х гг.	1	(Болгар)
Всего		32	

Рис. 1. Фототаблица (номера монет из фототаблицы соответствуют номерам из таблицы 1)

Главной отличительной особенностью данного сбора является полное отсутствие медных монет с именами багдадского халифа ан-Насир лиддини-Ллаха и монгольского канна Мунке, выпущенных в середине - второй половине XIII в. Самых первых пулов Болгарского чекана XIV в. найдено всего два экземпляра. Как было выяснено ранее, этот тип монет чеканился на раннем этапе денежной реформы в Болгарском регионе, в конце 720-х – до 732 г.х. (конец 1320-х – 1332 г.). Один экземпляр (№ 62 в коллекционной описи) относится к варианту 3 (разновидность «а») (Бугарчев, Петров, 2013, с. 218). По нашему предположению, пулы II типа вариантов 3 и 4 были первыми выпусками в эмиссии данного типа, то есть, чеканены во второй половине 720-х гг.х. Вариант второго экземпляра не определяется из-за плохой сохранности.

Следующий тип пулов Болгарского чекана – это восемь экземпляров 732–736/1331–1336 гг. с изображением тамги в пятиугольной звезде. Точную дату показывает только один пул с сохранившейся цифрой единиц «4», то есть 734 г.х. Остальные монеты могут быть датированы временем от 732 до 736 г.х. Из восьми пулов к варианту А (надпись о.с. – Пул/ Болгара) отнесены два экземпляра, к варианту Б (надпись о.с. – Болгара/ пул) – шесть экземпляров. Хотя восьми пулов данного типа недостаточно для статистической обработки, надо отметить, что количественное преобладание варианта Б над вариантом А сохранилось. На более массовом материале соотношение вариантов Б:А выявилось как 2:1 (Бугарчев, Петров, 2013, с. 227).

Далее хронологически следуют пулы монетного двора Сарай ал-

Джадид: с изображением льва и солнца – два экземпляра, с двуглавым орлом – восемь экземпляров, с цветком – пять экземпляров. Ранее уже было высказано предположение о том, что пулы с цветком с названием монетного двора Сарай ал-Джадид могли выпускаться на разных монетных дворах (Клоков, Лебедев, 2000, с. 121), в том числе и в Болгаре (Мухаметшин Д., 2006, с. 361). Надо добавить, что такое предположение можно распространить и на пулы со львом и солнцем и с двуглавым орлом.

Крымская монета с двуглавым орлом и дискусионной датой 744 г.х., написанной словами, нередко встречается на городище. Например, во время раскопок 1946–1958 гг. было найдено 13 пулов данного типа (Янина, 1962, с. 171). Три подобных экземпляра было найдено в Джукетау (Лебедев и др., с. 42, № 19).

К последующим годам можно отнести последние две атрибутированные монеты: пул с надчеканом «Натянутый лук» (надчекан датируется временем до 1390-х гг.; Мухаметшин Д., 2006, с. 364), а пул с надписью «Али Дервиш» датируется началом XV в. (Мухаметшин Д., 2006, с. 364).

Непрерывный чекан джучидских медных монет происходил со второй половины 720-х/1320-х гг. и до 762/1360–1361 гг. Возможно, в эти неполные 40 лет и проходило относительно активное денежное обращение в районе раскопа CLXVIII Болгарского городища.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бугарчев А.И., Степанов О.В. Редкие джучидские монеты XIII века // Нумизматика Золотой Орды. – Вып. 2. – Казань: Яз, 2012. – С. 60–65.
2. Бугарчев А.И., Петров П.Н. Этапы медного монетного обращения в Булгарском вилайате // Поволжская археология. – 2013. – № 1 (3). – С. 216–231.
3. Лебедев В.П., Бугарчев А.И., Гумаюнов С.И. Монетное обращение Джукетау по нумизматическим данным // Труды IV Международной нумизматической конференции. – М.: Нумизматическая литература, 2008. – С. 39–49.
4. Мухаметшин И.Д. Нумизматические находки из Старорытвинского (Трошаного) селища в фондах Болгарского музея-заповедника // Труды IV Международной нумизматической конференции. – М.: Нумизматическая литература, 2008. – С. 23–25.
5. Мухаметшин Д.Г. Разведочные работы археологической экспедиции Болгарского заповедника // Археологические открытия в Татарстане: 2000 год. – Казань: Мастер Лайн, 2001. – С. 68–70.
6. Мухаметшин Д.Г. Нумизматические материалы второй половины XIV–начала XVI века. К вопросу о казанской чеканке // Историко-археологические исследования Поволжья и Урала. – Казань: Школа, 2006. – С. 359–375.
7. Сингатуллина А.З. Джучидские монеты поволжских городов XIII века. – Казань: Заман, 2003. – 192 с.
8. Федоров-Давыдов Г.А. Денежное дело и денежное обращение Болгара // Город Болгар: Очерки истории и культуры. – Москва: Наука, 1987. – С.158–204
9. Френ Х.М. Монеты ханов Улуса Джучиева или Золотой Орды. – Санкт-Петербург, 1832. – 80 с.
10. Хлебникова Т.А. История археологического изучения Болгарского городища. Стратиграфия. Топография // Город Болгар: Очерки истории и культуры. — М.: Наука, 1987. — С. 32–89.
11. Янина С.А. Общий обзор коллекции джучидских монет из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах (1946–1958 гг.) // Материалы и исследования по археологии СССР. – № 111. – М., 1962. – С. 153–178.

Информация об авторах:

Бугарчев Алексей Игоревич, младший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Российская Федерация); abugar.61@rambler.ru

Беляев Александр Владимирович, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Российская Федерация); bav986@yandex.ru

NUMISMATIC MATERIALS FROM THE EXCAVATION TRENCH CLXVIII AT THE BULGAR SETTLEMENT

A.I. Bugarchev, A.V. Belyaev

The finds of coins of the Golden Horde period from excavation trench CLXVIII located in the central part of the Bulgar fortified settlement site are examined and systematized in the article. Basic data on the numismatic material are presented in the form of tables. All in all, 40 coins were found: two silver and 38 copper ones. Of these, two coins are dated to the

13th century: a silver one (mint of Kerman) and one copper fels of Argun, the Mongol ruler of Iran (mint of Yazd?). The remaining coins were issued in the period of the 1320s through to the early 15th century. They were minted at the Bulgar, Saray, Saray al-Jadid, Gulistan and the Crimea mints. Bulgar emissions are represented by ten copper coins issued between 720 and 736 CE and, presumably, one most recent coin of the early 800s CE.

Keywords: the Middle Volga region, the Golden Horde period, the Bulgar fortified settlement site, Juchid coin, pool.

REFERENCES:

1. Bugarchev, A. I., Stepanov, O. V. 2012. In *Numizmatika Zolotoi Ordyy (Golden Horde Numismatics)* 2. Kazan: "Yaz" Publ., 60–65 (in Russian).
2. Bugarchev, A. I., Petrov, P. N. 2013. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (1 (3)), 216–231 (in Russian).
3. Lebedev, V. P., Bugarchev, A. I., Gumaiunov, S. I. 2008. In *Trudy IV Mezhdunarodnoi numizmaticheskoi konferentsii (Proceedings of IV International Numismatic Conference)*. Moscow: "Numizmaticheskaya literatura" Publ., 39–49 (in Russian).
4. Mukhametshin, I. D. 2008. In *Trudy IV Mezhdunarodnoi numizmaticheskoi konferentsii (Proceedings of IV International Numismatic Conference)*. Moscow: "Numizmaticheskaya literatura" Publ., 23–25 (in Russian).
5. Mukhametshin, D. G. 2001. In *Arkheologicheskie otkrytiia v Tatarstane: 2000 god (Archaeological Discoveries in Tatarstan: 2000)*. Kazan: "Master-Line" Publ., 68–70 (in Russian).
6. Mukhametshin, D. G. 2006. In *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia Povolzh'ia i Urala: materialy III Khalikovskikh chtenii (Historical and Archaeological Studies in the Volga Region and Urals: Proceedings of III Khalikov Readings)*. Kazan: "Shkola" Publ., 359–375 (in Russian).
7. Singatullina, A. Z. 2003. *Dzhuchidskie monety povolzhskikh gorodov XIII v. (Jochid Coins in Volga Towns in 13th c.)*. Kazan: "Zaman" Publ. (in Russian).
8. Fedorov-Davydov, G. A. 1987. In *Gorod Bolgar. Ocherki istorii i kul'tury (Town of Bolgar. Essays on History and Culture)*. Moscow: "Nauka" Publ., 158–204 (in Russian).
9. Frähn, Ch. M. J. 1832. *Monety khanov Ulusa Dzhuchieva ili Zolotoi Ordyy (The Coins of the Khans of Jochi Ulus or Golden Horde)*. Saint Petersburg (in Russian).
10. Khlebnikova, T. A. 1987. In *Gorod Bolgar. Ocherki istorii i kul'tury (Town of Bolgar. Essays on History and Culture)*. Moscow: "Nauka" Publ., 32–89 (in Russian).
11. Ianina, S. A. 1962. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Proceedings and Research on the USSR Archaeology)* 111. Moscow, 153–178 (in Russian).

About the Authors:

Bugarchev Aleksey I. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; abugar.61@rambler.ru

Belyaev Alexandr V. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; bav986@yandex.ru

УДК 902:748

ХИМИЧЕСКИЙ СОСТАВ ГЛИН КАК ИНДИКАТОР СЫРЬЕВОГО ИСТОЧНИКА¹

© 2014 г. Р.Х. Храмченкова

В работе приведены результаты исследования химического состава неполивной керамики из раскопок Болгарского городища и глины, отобранной с современных месторождений керамического сырья, расположенных вблизи средневековых поселений. Были выявлены существенные различия по макро- и микроэлементному составу разных групп керамики. Разница макроэлементного состава определяется в значительной степени рецептурой керамического теста. Так, высокое содержание кальция соответствует добавке речной раковины, повышенное содержание кремния – добавке песка. Более интересная картина выявлена в ходе изучения так называемых «рассеянных элементов» (микроэлементов). Было выделено девять групп керамики с различным элементным набором. Две первые группы состоят из привозной керамики, остальные группы имеют достаточно выраженный элементный состав. Наибольшие вариации отмечены по содержанию хрома, ванадия и никеля. Такое же разнообразие микроэлементного состава наблюдается для глины с месторождений различной локализации, причем концентрация вышеперечисленных элементов в различной глине также значительно отличается. Таким образом, были выявлены элементы-маркеры, типичные для различных глин. Был проведен сравнительный анализ полученных данных для глинистого сырья и керамики. Результаты исследований показывают перспективность изучения элементного состава для определения локализации сырьевого источника керамического производства.

Ключевые слова: Среднее Поволжье, городище Болгар, средневековая керамика, химический состав, микроэлементы, источники керамического сырья.

Введение. Расширяющиеся возможности использования естественнонаучных методов в применении к археологическим проблемам выводят исследователей на новый уровень интерпретации и обобщения изучаемого материала. Это в полной мере можно отнести к керамическим находкам. Данный вид артефактов является не только самым многочисленным и объемным, но и самым информативным объектом. Причем керамика представляется благодатным материалом для привлечения широчайшего спек-

тра физико-химических методов изучения, включая термический, термолюминесцентный, рентгенофазовый, спектральный и другие анализы.

Необходимо отметить, что проведение археометрических изысканий не является самоцелью. Каждый вид анализа предполагает выявление информационных данных о различных характеристиках изучаемого объекта, таких как состав, структура, методы и технологии изготовления, время и место производства и т.д. Применение новых методов в исследовании

¹ Работа выполнена при поддержке ГРАНТА РФФИ НК 13-06-97050 «Сырьевые источники средневекового ремесленного производства г. Болгар и его округа»

археологических находок позволяет ученым выходить на решение важного вопроса о сырьевых источниках того или иного ремесленного производства, в том числе и керамического. В настоящей работе был исследован химический состав фрагментов неопливной керамики различных производственных центров Великих Болгар и глинистого сырья с последующим сравнительным анализом полученных результатов.

1. Химический состав археологической керамики. В анализируемую выборку вошли

85 фрагментов разнообразных керамических изделий: 70 сосудов и горшков, 10 сфероконусов, 2 котлов, 1 водопроводной и 1 дымоходной труб (табл. 1) из раскопов 2010–2011 гг. под руководством А.М. Губайдуллина, В.С. Баранова, А.Г. Ситдикова, М.В. Сивицкого, Р.Р. Валиева, В.Ю. Коваля. Распределение изделий по керамическим группам проведено В.Н. Бахматовой в соответствии с классификацией Т.А. Хлебниковой (1984). Несколько образцов представляют собой импортный материал.

Таблица 1. Перечень фрагментов керамических изделий, поступивших на исследование химического состава

№ п/п	ФРАГМЕНТ ИЗДЕЛИЯ	шифр
1	гончарный сосуд	2-21
2	красноглиняный сосуд (амфоры)	2-2
3	сосуд сероглиняный из Хорезма	1-12
4	сосуд XVI группы славяноидный	1-9
5	б/н	6/12
6	сосуд XIV группы красноглиняный	1-4
7	крышка	2-35
8	сосуд XVII суварской группы	1-7
9	горшок XIV группы, белоглиняный	2-53
10	рус горшок, сероглиняный	2-40
11	штамп. сосуд, сероглиняный.	2-23
12	сосуд VII/VIII группы («прикамско-приуральская»)	1-5
13	горшок XVI группы	2-43
14	горшок XVIII группы	2-45
15	горшок раков VII группы («прикамско-приуральская»)	2-51
16	горшок раков VII группы «прикамско-приуральская»	2-52
17	сосуд VII/VIII группы	1-15
18	котел XIX группы	2-46
19	сосуд, покрытый ангобом (импорт)	1-11
20	сосуд I общebolгарской группы	2-26

21	б/н	11
22	сосуд XVIII группы	1-6
23	сосуд (корчага) I общеболгарской группы	2-5
24	гонч сосуд XVII «сварской» группы	2-44
25	сосуд с прим дресвы и шамота	1-13
26	сосуд I общеболгарской группы, красноглиняный	2-25
27	сосуд I общеболгарской группы, коричневый	2-14
28	сосуд I общеболгарской группы	2-18
29	сосуд I общеболгарской группы, коричневый	2-15
30	сосуд (корчага) I общеболгарской группы, красноглиняный	2-6
31	горшок XIII «джукетауской» группы	2-57
32	гончарный сосуд	2-9
33	сосуд XIII «джукетауской» группы	3-8
34	труба водопроводная I общеболгарской группы	2-33
35	горшок с примесью дресвы или шамота (XI группы?)	2-48
36	сосуд I общеболгарской группы, коричневый	2-7
37	кружка I общеболгарской группы, красноглиняный	2-10
38	сосуд I общеболгарской группы, красноглиняный	2-24
39	сосуд XIII «джукетауской» группы	3-7
40	б/н	г34л3
41	горшок I общеболгарской группы, коричневый	2-12
42	сосуд коричневыйчаги I общеболгарской группы, коричневый	2-34
43	горшок XIV группы	2-56
44	гончарный сосуд	2-22
45	котел XIX группы	2-29
46	лепн. горшок с прим шамота (импорт)	2-50
47	сосуд (корчага) I общеболгарской группы	2-4
48	сфероконус красноглиняныйл лощеный	1-1
49	сфероконус красноглиняныйл лощеный	1-1внут
50	сфероконуса коричневый с лощением	1-18
51	сфероконус I общеболгарской группы, красноглиняный	2-39
52	сфероконуса красноглиняныйл с лощением	1-19
53	сфероконуса красноглиняныйл с лощениес	1-20
54	сфероконус I общеболгарской группы, красноглиняный	2-37
55	красноглиняный сосуд (амфоры)	2-3
56	сосуд I общеболгарской группы, коричневый	2-11
57	сосуд XIV д/рус группы сероглиняный	1-3
58	горшок I общеболгарской группы, красноглиняный	2-16

59	сосуд XIX группы	1-14
60	сосуд XIII «джукетауской» группы	3-6
61	сосуд I общеболгарской группы, красноглиняный	2-20
62	сосуд XIII «джукетауской» группы	3-5
63	горшок XIV группы	2-54
64	сосуд XIII «джукетауской» группы	3-4
65	горшок XIII «джукетауской» группы	2-27
66	крышка XIX группы	2-32
67	сосуд XIII «джукетауской» группы	3-3
68	сфероконус I общеболгарской группы, красноглиняный.	2-38
69	котел XIX группы	2-30
70	горшок XIII «джукетауской» группы	2-47
71	котел XIX группы	2-28
72	б/н	2-216
73	горшок XIV группы, гончарный	2-62
74	сосуд XIII «джукетауской» группы	1-8
75	сосуд I общеболгарской группы, коричневый	2-19
76	сфероконуса красноглиняный	1-17
77	сфероконуса красноглиняный с лощением	1-21
78	сосуд XIII «джукетауской» группы	3-9
79	б/н	2-201
80	горшок XIV группы	2-55
81	труба дым I общеболгарской группы	2-36
82	котел XIX группы	2-31
83	сосуд XIII «джукетауской» группы	3-1
84	сосуд XIII «джукетауской» группы	3-10
85	сосуд XIII «джукетауской» группы	3-2

Для определения химического состава образцов неполивной керамики Болгар был проведен количественный спектральный анализ¹.

¹ Сущность методики заключается в следующем. Навеска образца 25 мг сжигается из кратера угольного электрода в дуге переменного тока до полного испарения. Время экспозиции для легколетучих элементов – 30 сек при силе тока 8А, после чего часть диафрагмы перекрывается и образец дожигается при силе тока 18А. Спектр, получаемый на дифракционном спектрографе ДФС-458, регистрируется на фотопластинки ПФС-03. Рабочая решетка спектрографа №3 с 1800 шт/мм с разрешением 0,6 нм. Полученные спектрограммы фотометрируются на спектрофотометре МФ-2. Исследуемые образцы анализируются классическим методом 3-х эталонов. В качестве стандартов для анализа были использованы государственные стандартные образцы СДПС-1, СЧТ-2, СКР-3, МЩ-3 и стандарты предприятия. Проводимый анализ соответствует количественному анализу III категории точности. В таблице 2 приведены основные элементы, определяющие состав керамики. В таблице 3 приведен микроэлементный состав.

Таблица 2. Макроэлементный состав керамики Болгар (%)

шифр	MnO	TiO	P ₂ O ₅	CaO	Fe ₂ O ₃	Al ₂ O ₃	K ₂ O	MgO	Na ₂ O	SiO ₂	
1	2-21	0,08	0,77	0,44	8,6	4,01	12,1	2,4	3,3	0,45	57,8
2	2-2	0,09	0,67	1,96	7,8	4,01	11,3	2,5	1,5	0,78	53,5
3	1-12	0,02	0,9	0,73	7,4	4,65	15,9	2,2	1,3	1,58	46,2
4	1-9	0,12	0,82	3,52	15,5	6,47	13,1	1,17	3,69	0,71	54,12
5	6/12	0,06	1,4	5,38	3,04	6,15	18,8	2,54	2,28	2,02	58,51
6	1-4	0,36	1,07	8,16	3,33	7,69	14,9	2,66	1,12	2,39	57,53
7	2-35	0,09	1,02	0,71	2,78	5,07	18,5	2,66	3,23	4,03	57,14
8	1-7	0,03	1,15	1,72	2,14	4,29	11	2,18	1,02	1,38	62,04
9	2-53	0,03	1,08	2,56	2,18	4,54	18,7	2,39	1,92	1,89	55,16
10	2-40	0,06	1,28	0,81	1,23	6,72	15,9	1,17	2,13	1,56	66,67
11	2-23	0,11	1,17	0,82	8,45	4,08	16,4	3,45	4,59	3,31	57,78
12	1-5	0,04	1,04	0,95	14,5	5,04	18,2	1,87	3,71	1,12	53,52
13	2-43	0,07	1,18	1,31	12,8	4,5	15,3	1,05	2,38	0,33	58,85
14	2-45	0,11	1,16	2,39	11,6	4,29	19,7	1,13	2,72	0,39	51,38
15	2-51	0,22	1,02	0,76	8,34	5,11	17,3	1,44	2,68	0,58	52,61
16	2-52	0,11	1,19	1,92	12	6,15	15,3	0,79	3,66	0,46	57,74
17	1-15	0,04	0,84	10,9	9,38	5,36	14,2	1,56	2,21	0,59	55,03
18	2-46	0,12	0,58	1,88	21,2	3,67	8,13	1,07	2,1	0,4	57,8
19	1-11	0,11	1,29	1,72	7,35	5,65	16,6	2,72	3,57	2,34	57,78
20	2-26	0,08	1,39	0,98	7,14	7,86	20,8	2,48	2,63	2,3	54,12
21	11	0,07	1,24	2,68	7,56	5,47	21	1,04	3,12	0,59	56,94
22	1-6	0,08	0,97	8,05	6,09	4,71	14,8	2,12	2,21	1,05	59,16
23	2-5	0,03	1,09	1,74	2,01	3,65	15,5	2,24	0,59	1,87	59,92
24	2-44	0,03	1,19	1,76	2,29	5,33	16,5	1,33	1,45	1,31	55,64
25	1-13	0,07	1,2	4,58	2,77	8,12	19,2	1,71	4,17	1,25	56,93
26	2-25	0,14	1,11	0,63	2,65	5,43	23,6	3,21	2,55	1,04	57,64
27	2-14	0,09	0,95	1,94	2,43	5,71	16,9	2,12	3,33	2,28	62,06
28	2-18	0,11	1,06	0,8	1,37	3,93	14,7	1,99	1,67	1,44	50,61
29	2-15	0,04	1,13	0,72	1,96	5,93	17,4	2,48	1,53	1,58	63,13
30	2-6	0,1	1,35	1,63	1,58	5,94	16,1	1,94	2,64	1,87	57,79
31	2-57	0,07	1,14	0,59	1,38	5,11	18,3	1,09	2,55	1,61	62,06
32	2-9	0,07	1,16	0,98	2,03	6,82	22,1	1,63	3,57	2,59	58,85
33	3-8	0,11	1,25	0,55	2,05	6,15	15,5	3,14	4,42	1,17	61,84
34	2-33	0,08	1,06	0,37	3,15	6,58	16,4	1,33	2,47	3,31	57,78
35	2-48	0,23	1,19	2,04	1,57	10,7	14,6	1,12	2,97	0,62	59,92
36	2-24	0,06	1,1	0,44	1,39	7,44	15,3	1,94	2,42	2,45	47,47

37	2-7	0,08	1,15	1,1	2,12	5,82	18,6	1,82	3,61	1,74	63,64
38	2-10	0,08	1,25	0,64	1,96	6,29	19,2	1,88	3,49	2,13	63,13
39	з34л3	0,02	1,58	0,32	1,36	2,19	24,1	1,63	1,18	1,87	54,57
40	2-12	0,09	1,26	0,37	1,36	5,94	30,2	2,25	3,06	1,18	49,97
41	2-34	0,11	1,55	1,68	3,87	7,58	19,3	2,51	2,59	2,66	57,71
42	2-56	0,68	1,01	3,89	1,48	6,22	18,6	1,59	2,44	0,76	62,06
43	2-22	0,14	1,37	1,92	1,64	8,72	11,5	2,3	2,64	0,73	55,54
44	2-29	0,03	2,84	1,1	1,83	1,92	13,4	1,66	1,71	0,66	61,12
45	2-50	0,03	0,77	1,09	1,38	3,28	15,7	3,15	1,78	1,59	64,17
46	1-1	0,1	1,19	0,41	1,34	7,47	15,9	3,06	1,87	1,53	62,06
47	1-1внут	0,11	1,34	0,48	1,78	7,65	15,8	2,66	2,59	1,58	57,78
48	1-18	0,09	1,4	0,71	1,64	6,44	18,2	2,19	4,08	2,45	58,67
49	2-39	0,06	1,31	0,23	1,89	5,97	11,8	0,96	1,41	2,02	58,48
50	1-19	0,08	1,19	0,15	1,32	6,44	14,4	1,57	2,38	1,18	61,83
51	1-20	0,09	1,49	0,66	1,96	6,58	15,7	2,18	2,55	2,02	55,49
52	2-37	0,06	1,28	0,16	1,79	5,86	18,1	1,27	2,04	1,89	63,16
53	2-3	0,03	1,41	4,47	5,7	5,74	18,5	2,4	3,7	3,16	54,9
54	2-4	0,05	1,34	0,98	2,95	5,22	22,7	1,89	2,87	2,02	55,64
55	3-7	0,08	1,18	1,42	2,05	4,72	15,5	0,88	2,72	0,79	62,06
56	2-11	0,07	1,19	0,65	1,33	6,4	19,4	1,66	2,21	1,76	65,34
57	1-3	0,13	1,13	0,53	2,08	6,26	17,9	1,72	2,78	2,16	61,53
58	2-16	0,08	1,37	0,86	3,44	6,94	20,3	1,62	3,45	1,54	59,91
59	1-14	0,07	1,2	2,64	2,71	7,01	19,1	1,91	3,57	2,02	59,91
60	3-6	0,06	1,25	2,75	2,01	5,58	14	0,92	2,55	0,62	61,95
61	2-20	0,13	1,37	1,1	1,68	4,72	16,1	2,3	3,15	1,73	55,62
62	3-5	0,05	1,18	1,69	2,08	4,58	15,3	1,14	2,07	0,99	59,92
63	2-54	0,04	1,35	0,82	1,29	5,43	12,1	0,82	2,41	0,48	62,18
64	3-4	0,23	1,22	0,73	2,89	10,6	17,8	0,98	3,32	1,44	59,42
65	2-27	0,06	1,56	1,03	2,75	6,36	18,1	1,51	2,3	2,59	56,82
66	2-32	0,07	0,89	0,41	2,16	4,58	13,6	1,45	2,47	0,78	57,78
67	3-3	0,09	1,15	1,53	1,89	6,86	14,7	1,82	2,55	0,65	62,12
68	2-38	0,12	1,14	0,19	1,51	8,58	11,5	1,14	3,57	0,62	64,12
69	2-30	0,06	1,26	1,44	2,17	7,72	14,9	1,94	2,21	0,73	59,92
70	2-47	0,94	0,93	1,75	2,84	6,36	13,8	1,12	3,02	1,19	64,28
71	2-28	0,07	1,08	0,73	1,91	6,01	15,4	1,82	3,23	1,35	61,87
72	2-216	0,13	1,19	0,64	2,84	10,5	17,2	2,18	2,89	2,02	60,28
73	2-62	0,05	1,24	2,45	3,1	5,68	16	2,18	2,31	1,45	64,28
74	1-8	0,05	1,49	0,76	2,52	6,54	25	1,79	3,1	1,74	56,71

75	2-19	0,19	1,35	0,14	1,89	8,44	18,5	1,94	4,08	1,73	57,75
76	1-17	0,09	1,34	0,53	2,74	8,76	18,8	1,72	3,74	1,89	60,18
77	1-21	0,19	1,32	0,39	1,66	11,7	14,4	1,82	4,42	1,73	62,16
78	3-9	0,07	1,19	1,1	2,38	5,43	17,2	1,14	2,64	0,88	53,52
79	2-201	0,02	2,84	0,19	1,11	4,23	26	1,28	1,42	0,55	48,15
80	2-55	0,05	1,32	1,53	2,15	5,15	14,2	1,94	2,98	0,96	57,78
81	2-36	0,12	1,44	0,31	2,13	9,01	17,3	1,39	3,86	1,27	59,92
82	2-31	0,11	1,35	0,66	1,53	8,29	15,7	2,18	3,37	1,58	62,6
83	3-1	0,08	1,31	0,78	2,71	9,29	27,4	1,12	3,19	0,57	52,51
84	3-10	0,05	1,64	2,19	2,61	8,72	14,4	1,21	2,64	0,71	59,92
85	3-2	0,08	1,62	3,66	2,38	6,15	17,6	1,57	3,57	1,73	51,36

Результаты таблицы 2 ярко демонстрируют картину широкого разнообразия химического состава керамики. Наибольшие вариации характерны для кальция, алюминия, фосфора и железа. Это вполне объясняется технологией изготовления керамических изделий, при изготовлении которых использовались различные примеси и отощители.

Большую информацию для интерпретации можно извлечь при изучении микроэлементного состава (табл. 3). Для выявления элемента, который можно было выделить в качестве маркера, были построены диаграммы концентраций. Наиболее яркую картину можно наблюдать по концентрации хрома и ванадия (рис. 1).

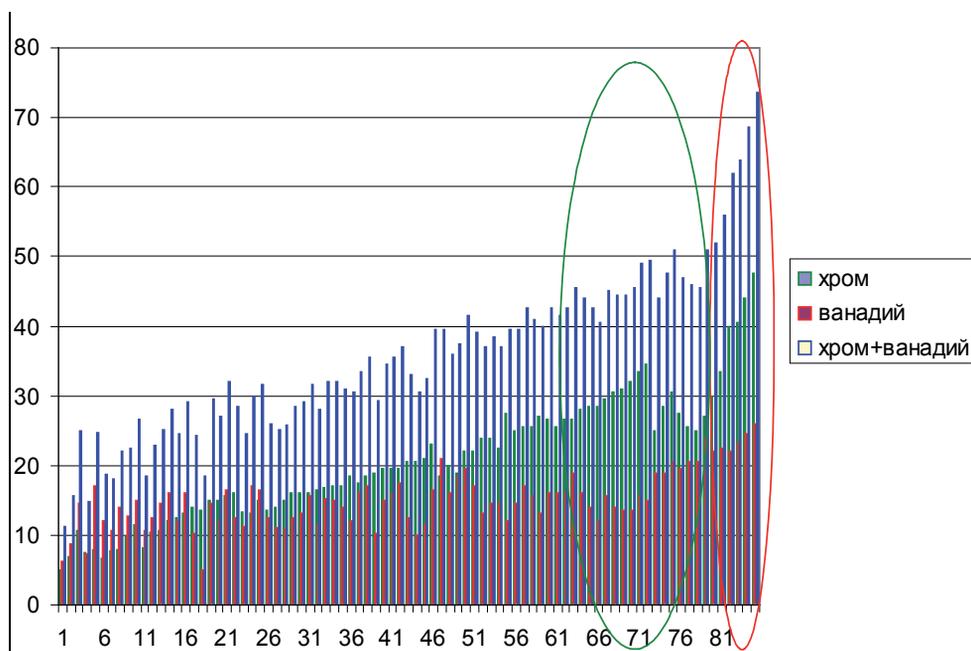

Рис. 1. Диаграмма концентраций хрома, ванадия и их суммы

Таблица 3. Микроэлементный состав керамики Болгар

		-4	-2	-3	Ba	Be	Bi	Co	Cr	Cu	Ga	Li	Nb	Ni	Pb	Sb	Sc	SnO	Sr	V	Y	Yb	Zn	Zr
1	2-21	0	0,57	6,1	5,5	2,4	0,9	1,4	5	5,4	1,9	4,9	0,8	2,6	124	0,9	0,8	3,7	2,5	6	1,5	2,8	0,72	1,4
2	2-2	0	0,34	5,4	3,0	1,9	0,8	1,6	7	4,5	1,0	4,0	0,7	3,0	33	0,8	0,8	4,4	2,0	9	1,1	2,5	0,51	1,1
3	1-12	0	0,38	9,9	5,2	2,6	0,8	1,7	11	6,5	1,2	6,3	1,3	4,8	2,7	0,8	1,4	3,6	2,8	15	2,4	3,0	0,64	1,0
4	1-9	0,1	0,12	7,9	5,0	1,8	0,8	1,5	7	4,7	1,3	4,1	1,1	3,9	2,9	0,8	1,0	4,3	4,4	7	1,7	2,5	2,15	1,0
5	6/12	0,1	0,53	17,8	5,9	2,0	0,7	1,8	8	5,0	1,7	4,5	1,3	3,2	3,2	1,6	1,2	4,1	3,6	17	2,0	3,1	1,09	1,8
6	1-4	0,4	0,36	13,7	4,0	1,6	1,0	1,1	7	7,6	2,0	3,8	1,3	2,4	4,3	1,4	1,0	4,4	3,4	12	1,2	2,2	1,45	1,6
7	2-35	0,2	0,41	6,9	3,3	2,0	0,6	1,6	8	7,0	2,4	4,2	1,4	5,1	2,6	1,5	1,1	2,7	2,1	11	1,7	2,5	0,37	1,6
8	1-7	0,1	0,29	5,8	3,6	1,9	0,9	1,2	8	3,6	0,7	3,4	1,0	3,2	1,5	0,9	1,2	3,6	2,7	14	1,9	2,3	0,64	2,1
9	2-53	0	0,29	23,2	5,4	2,1	4,1	1,6	10	4,2	1,5	4,5	1,1	5,9	1,9	1,2	1,1	3,0	2,0	13	2,3	2,5	0,67	1,3
10	2-40	0	0,51	8,2	3,5	1,8	1,7	1,8	12	4,8	1,7	3,9	1,4	5,0	1,9	1,2	1,1	3,4	2,1	15	1,7	1,5	0,56	2,0
11	2-23	0,1	0,42	3,5	5,7	1,9	0,7	1,3	8	3,5	1,0	3,7	0,9	3,0	2,0	1,3	1,1	3,0	3,5	11	1,6	2,8	0,49	1,6
12	1-5	0,1	0,43	6,1	3,7	2,1	1,1	1,7	10	3,2	1,3	3,4	0,8	4,8	2,5	1,5	1,1	3,7	2,7	13	1,7	2,9	0,36	1,2
13	2-43	0,2	0,63	7,3	2,1	1,9	1,0	1,5	11	4,7	1,4	3,4	0,8	3,2	2,2	1,4	1,2	3,8	2,3	15	1,3	2,4	0,52	1,3
14	2-45	0,1	0,56	6,3	3,7	1,9	0,8	1,2	12	5,4	1,3	3,2	0,7	2,9	1,7	1,1	1,2	3,6	3,3	16	2,0	2,8	0,97	1,2
15	2-51	0	0,56	3,4	5,3	2,0	1,0	1,7	13	4,5	1,2	3,3	0,7	5,5	1,5	1,1	1,1	3,4	3,5	12	2,3	3,0	0,63	1,2
16	2-52	0,1	0,32	3,9	12,0	2,1	1,0	1,2	13	7,6	1,2	3,6	0,8	4,4	1,1	1,0	2,0	2,5	14,1	16	2,8	3,5	0,86	1,7
17	1-15	0,2	0,53	9,3	5,2	1,7	0,9	1,8	14	6,4	1,2	3,7	1,0	5,7	3,1	1,3	1,1	3,9	3,3	10	1,9	2,5	1,35	1,6
18	2-46	0	0,45	5,7	5,3	1,7	0,9	0,9	14	7,4	0,9	3,3	0,2	3,3	1,0	0,7	0,6	3,0	4,9	5	0,8	1,2	0,92	1,1
19	1-11	0	0,12	3,7	6,0	1,9	0,8	1,6	15	2,7	1,2	3,9	0,9	4,9	1,9	1,2	1,4	2,9	3,2	15	1,7	3,2	0,46	2,4
20	2-26	0	0,57	17,3	5,2	2,0	0,8	1,8	15	4,3	2,1	4,0	1,2	5,2	2,3	1,5	1,3	3,0	3,0	12	2,1	2,8	0,62	2,4

21	11	0,3	0,26	6,1	5,0	1,9	1,0	1,3	16	3,4	1,3	3,9	0,9	3,9	3,3	1,2	1,3	4,1	3,2	17	1,8	3,4	1,08	1,3
22	1-6	0	0,24	6,9	6,4	1,8	1,0	1,6	16	7,1	1,3	2,8	1,0	4,4	2,2	1,5	1,4	3,3	4,0	13	1,1	2,4	1,19	1,5
23	2-5	0,1	0,54	4,8	5,2	1,5	0,8	1,4	13	5,0	1,6	2,8	1,1	4,6	2,4	1,5	1,0	3,2	2,6	11	1,9	2,8	0,31	2,5
24	2-44	0	0,75	7,2	4,8	2,3	0,9	1,7	13	5,2	1,8	4,2	0,9	3,8	1,9	1,4	1,6	3,7	2,8	17	2,7	3,2	1,10	1,9
25	1-13	0,1	0,20	7,4	6,2	2,4	0,9	2,2	15	5,6	2,0	3,4	1,5	5,1	2,9	0,8	1,7	4,2	3,9	17	2,6	3,0	1,95	1,8
26	2-25	0,2	0,42	21,5	3,7	2,1	0,9	1,7	14	5,5	2,6	3,9	1,4	4,1	2,6	1,1	1,4	4,0	1,9	13	2,0	2,7	0,56	2,0
27	2-14	0	0,28	3,6	3,3	2,0	1,0	2,3	14	3,7	0,9	3,4	1,0	6,0	1,2	0,9	1,3	2,7	2,8	11	1,3	2,4	0,33	2,3
28	2-18	0	0,57	4,9	2,5	1,8	0,9	1,9	15	5,7	1,5	4,7	1,3	6,4	2,1	1,5	1,1	3,2	2,1	11	1,5	2,5	0,51	1,7
29	2-15	0,1	0,21	7,6	4,3	1,7	1,1	1,7	16	15,7	1,6	4,2	1,1	5,7	3,0	1,2	1,4	3,6	2,0	13	2,5	3,1	1,09	2,4
30	2-6	0	0,60	6,9	5,2	1,8	0,9	1,8	16	5,4	1,6	3,7	1,4	5,8	2,6	1,2	1,6	3,2	2,7	13	2,1	3,1	0,44	1,9
31	2-57	0	0,33	7,0	3,2	1,8	1,1	2,3	16	5,2	1,4	3,9	1,1	5,6	2,0	1,4	1,5	4,0	1,4	16	2,5	2,5	0,70	2,3
32	2-9	0	0,31	9,4	4,6	2,3	0,7	2,3	17	4,3	1,3	3,7	1,4	5,9	1,5	0,9	1,5	3,8	2,6	12	3,1	2,9	0,44	2,3
33	3-8	0	0,35	7,0	4,9	1,8	0,8	1,8	17	6,8	2,3	4,9	1,2	7,2	1,7	0,7	1,6	2,5	2,2	15	1,7	2,5	0,68	2,2
34	2-33	0,1	0,33	8,4	3,5	1,8	0,8	2,4	17	6,2	2,1	3,6	1,4	7,2	2,6	1,4	1,6	2,8	1,5	15	2,8	2,8	0,64	2,2
35	2-48	0,1	0,59	5,4	6,0	2,4	1,1	2,8	17	9,8	1,8	3,7	2,1	7,0	1,9	1,2	2,2	2,9	3,2	14	2,7	3,0	1,70	2,0
36	2-24	0	0,28	12,8	3,1	1,7	0,8	1,9	19	5,7	2,2	4,1	1,2	6,3	2,8	1,0	1,3	3,9	1,8	12	1,5	2,2	0,50	2,0
37	2-7	0,1	0,45	8,2	4,4	1,9	0,8	2,2	18	5,3	1,8	4,4	1,1	7,6	2,3	1,1	1,6	3,3	2,6	16	2,2	2,9	0,58	2,1
38	2-10	0,1	0,59	16,4	4,0	1,9	0,9	2,8	19	18,0	2,0	5,0	1,5	8,1	2,4	1,3	1,5	3,5	2,0	17	2,6	3,2	0,90	2,1
39	2-34/3	0,1	0,64	27,0	2,3	2,1	0,8	1,9	19	4,0	3,4	17,5	1,0	4,2	3,4	1,6	1,2	4,7	1,9	10	2,0	3,1	0,54	1,7
40	2-12	0	0,14	14,4	4,2	1,9	1,0	2,2	20	5,7	2,2	3,7	1,3	6,5	2,5	0,8	1,5	3,1	2,5	15	1,9	3,0	0,42	2,1
41	2-34	0,1	0,34	7,8	4,9	1,9	0,6	1,9	20	5,1	1,3	3,6	1,3	6,8	1,9	1,3	1,7	3,3	2,9	16	2,7	2,7	0,59	2,6

42	2-56	0,1	0,51	5,6	4,0	1,7	1,5	1,8	2,0	6,3	1,3	3,5	1,5	5,3	1,8	1,4	1,4	3,3	2,7	1,8	2,3	0,79	1,6	
43	2-22	0,1	0,59	4,9	5,9	2,1	0,7	2,3	2,1	10,0	2,1	3,6	1,8	5,3	1,7	1,0	1,4	2,4	3,2	1,3	2,4	2,8	1,04	1,8
44	2-29	0,1	0,77	4,9	4,0	1,7	1,0	1,2	2,1	11,8	1,8	4,1	1,1	4,8	2,0	1,7	1,3	3,3	1,0	1,0	1,7	2,1	0,89	1,7
45	2-50	0	0,30	5,2	3,8	1,3	0,7	1,5	2,1	4,4	1,6	3,6	1,1	6,6	1,5	1,2	1,3	2,9	2,1	1,2	2,8	2,4	0,51	2,0
48	1-1	0,1	0,30	6,4	4,1	2,1	0,7	2,1	2,0	5,4	2,0	4,4	1,2	8,2	2,5	1,2	1,4	3,5	1,3	1,6	2,1	2,7	0,49	1,5
49	I - I внут	0,1	0,29	7,8	4,4	2,0	2,6	2,1	1,9	5,2	2,2	3,7	0,9	7,5	2,8	0,9	1,3	3,6	1,6	1,9	1,6	2,6	0,54	1,7
50	1-18	0,1	0,22	6,0	3,7	2,3	0,7	2,0	2,2	4,5	1,3	4,5	1,1	4,8	2,1	0,7	1,3	2,7	1,6	2,0	1,9	2,6	0,44	2,2
51	2-39	0,1	0,22	9,0	2,2	1,5	0,7	2,1	2,2	5,8	1,8	4,0	1,5	5,0	2,6	0,9	1,2	3,2	2,1	1,7	2,8	2,3	0,46	2,1
52	1-19	0,1	2,04	7,3	3,7	1,7	0,6	1,9	2,4	8,8	1,7	4,4	1,4	9,2	1,7	0,8	1,6	2,5	2,2	1,3	2,7	2,6	0,67	1,9
53	1-20	0,1	0,28	6,7	3,9	1,9	0,7	2,1	2,4	5,5	1,7	4,1	1,3	6,0	3,4	0,7	1,5	3,3	2,0	1,5	2,5	2,9	0,38	2,0
54	2-37	0	0,30	12,1	3,4	1,7	0,6	2,1	2,3	6,0	1,6	4,3	1,3	6,5	2,2	1,1	1,5	2,8	2,0	1,5	2,9	2,9	0,41	2,4
55	2-3	0	0,23	6,3	4,8	2,1	1,1	2,3	2,8	30,5	1,8	3,9	1,2	9,8	3,2	0,9	1,4	3,6	1,6	1,2	2,4	3,5	0,64	1,7
46	2-4	0	0,30	3,7	5,0	2,1	0,8	1,8	2,3	3,8	1,2	3,4	1,7	4,6	1,7	1,0	1,6	3,3	2,9	1,7	2,7	3,3	0,35	2,2
47	3-7	0,1	0,62	6,2	4,3	1,9	0,9	1,7	1,9	7,5	1,6	3,2	1,3	6,0	1,7	1,2	1,8	2,8	2,9	2,1	2,1	2,3	1,33	2,2
56	2-11	0,1	0,26	13,7	3,8	1,7	0,8	2,8	2,5	4,9	2,4	3,9	1,4	7,4	3,2	1,4	1,8	3,5	1,9	1,5	2,9	2,8	0,41	2,5
57	1-3	0,1	0,44	5,8	3,8	2,0	0,8	2,3	2,6	5,5	1,5	3,3	1,2	6,4	2,6	1,4	1,6	3,3	2,5	1,7	2,3	3,0	0,37	2,1
58	2-16	0,2	0,35	6,6	3,8	2,0	0,9	2,1	2,6	10,0	1,6	3,5	1,4	7,8	2,4	1,3	1,8	3,8	2,5	1,6	3,5	3,1	0,68	2,0
59	1-14	0,1	0,46	8,9	4,6	1,7	1,5	1,8	2,7	5,6	1,9	4,1	1,5	6,2	2,4	1,3	1,7	3,4	3,1	1,6	2,5	3,2	0,72	2,8
60	3-6	0	0,63	5,3	5,3	2,3	0,8	1,6	2,6	5,5	1,6	3,4	1,2	5,2	1,5	1,2	1,4	2,8	4,4	1,6	1,6	1,9	1,04	1,3
61	2-20	0	0,41	6,1	5,6	2,0	0,8	2,3	2,7	8,9	2,0	4,1	1,6	8,4	1,6	0,8	1,5	2,6	1,9	1,6	1,9	2,7	0,71	2,2
62	3-5	0,1	0,49	4,8	5,3	2,2	1,0	1,6	2,7	5,0	1,4	3,7	1,3	6,3	1,4	1,2	1,8	2,8	3,3	1,9	2,7	2,6	1,42	1,7
63	2-54	0,1	0,77	6,0	3,0	1,9	0,8	2,6	2,7	11,5	1,8	3,5	1,4	15,0	1,6	1,5	1,5	2,5	1,0	1,3	2,0	2,2	0,96	1,4

64	3-4	0	0,32	7,5	5,4	2,0	0,8	2,2	28	6,0	2,1	3,4	1,6	6,6	1,7	0,8	1,8	2,6	3,0	16	2,5	2,6	0,91	2,0
65	2-27	0	0,30	6,2	3,5	1,9	0,7	1,7	29	4,4	1,8	3,6	1,0	5,6	1,6	1,4	1,2	2,6	2,8	14	1,4	2,7	0,58	1,7
66	2-32	0,1	0,73	5,9	4,9	2,1	0,8	1,7	29	8,4	1,7	4,4	1,5	7,3	1,4	1,6	1,8	2,8	3,0	12	2,6	2,4	0,75	2,2
67	3-3	0	0,43	7,8	4,1	2,4	0,7	2,3	30	5,8	2,5	3,7	1,7	7,7	2,2	0,8	1,6	2,6	3,1	16	2,4	2,6	0,77	2,2
68	2-38	0,1	0,63	6,8	4,1	1,9	0,7	2,2	31	12,0	2,2	4,2	1,5	11,0	1,7	1,1	1,9	2,5	2,4	14	2,9	3,2	0,73	2,5
69	2-30	0,1	0,46	4,7	4,2	2,0	0,8	1,9	31	7,2	1,8	3,5	1,7	7,6	1,1	1,5	1,8	2,4	4,5	14	2,9	2,9	0,81	3,0
70	2-47	0	0,66	6,3	5,9	1,9	0,7	2,0	32	7,6	1,5	3,2	1,5	7,1	2,0	1,1	1,5	3,2	3,5	14	2,5	3,0	1,11	2,5
71	2-28	0,1	0,63	6,1	5,6	1,9	1,5	1,9	34	7,6	2,1	4,0	1,3	7,4	1,2	0,9	1,5	2,7	3,3	16	1,3	2,6	1,21	2,3
72	2-216	0	0,56	6,8	5,4	1,8	0,7	2,1	35	8,8	2,0	3,4	1,4	7,3	1,5	0,8	2,0	2,7	3,3	15	2,8	2,8	0,54	3,1
73	2-62	0,1	0,43	4,9	5,1	1,8	0,9	2,0	25	4,5	1,2	3,4	1,1	5,4	1,8	1,5	1,3	4,2	2,4	19	2,6	2,6	0,96	2,5
74	1-8	0	0,39	10,1	3,7	1,9	0,8	2,1	31	5,6	1,7	4,0	1,4	7,3	2,2	1,4	1,8	4,4	2,1	21	2,9	3,0	0,61	2,3
75	2-19	0	0,28	6,5	4,5	1,8	0,7	2,1	29	8,3	2,1	4,6	1,5	8,2	1,9	1,1	1,8	4,2	2,3	19	2,5	2,8	0,57	2,7
76	1-17	0,1	0,44	12,9	3,8	2,0	0,7	2,6	28	7,1	1,9	3,9	1,6	9,3	2,7	1,2	2,1	4,3	2,5	20	4,0	4,0	0,64	2,7
77	1-21	0	0,31	6,6	4,5	1,8	0,6	2,4	26	7,6	2,3	4,0	1,5	8,4	1,6	1,1	1,5	2,5	1,9	21	2,2	3,0	0,57	2,2
78	3-9	0	0,40	5,5	5,1	2,5	0,9	2,0	25	6,4	1,6	4,2	1,4	8,3	1,0	0,8	1,7	2,6	2,3	21	1,7	2,5	1,08	1,4
79	2-201	0,1	0,37	21,5	5,0	2,9	0,8	2,5	27	5,0	3,1	19,0	1,1	6,5	2,0	1,7	2,1	3,3	1,0	24	3,5	4,1	0,81	3,3
80	2-55	0	0,40	4,1	6,2	2,0	0,8	1,9	30	5,1	1,6	3,5	1,0	5,5	1,1	1,5	2,2	2,5	2,9	22	3,2	2,9	0,52	2,9
81	2-36	0	0,45	7,3	5,5	2,2	0,8	2,4	34	7,3	2,4	3,9	1,9	8,7	1,6	0,9	2,1	2,6	2,5	23	3,0	3,2	0,48	3,0
82	2-31	0	0,53	8,1	5,2	1,7	0,9	2,0	40	6,6	2,5	4,3	1,6	9,4	1,6	0,8	1,8	2,5	3,3	22	2,6	3,0	0,72	3,0
83	3-1	0	0,42	7,3	4,1	2,5	0,9	2,2	41	5,6	2,2	4,7	1,6	7,0	2,4	1,0	2,1	3,3	2,5	23	3,0	3,2	1,08	2,2
84	3-10	0	0,51	6,8	4,3	1,8	0,8	1,5	44	5,9	1,5	4,5	1,3	5,6	1,3	0,9	1,6	2,7	3,2	25	1,9	2,3	0,73	2,0
85	3-2	0,1	0,35	7,6	6,5	2,1	0,9	1,9	48	5,5	1,6	3,3	1,4	6,5	1,4	0,7	1,9	3,4	3,4	26	2,3	3,0	0,94	1,7

В таблице 3 образцы расположены по мере возрастания суммарной концентрации хрома и ванадия, поведение которых очень характерно для глин различного состава. Некоторые перестановки, внесенные с учетом макроэлементного состава, позволили выявить достаточно четкие группы керамики. Так, в конце таблицы выделяется группа (№№ 71–85) с повышенным содержанием хрома и ванадия. В нее вошли фрагменты трубы и сосуда I общеболгарской группы, фрагменты сосудов XIII («джукетауской») группы, горшка XIV группы, 3 котла XIX группы, а также два красноглиняных сфероконуса.

Характерно, что глины нефтеносных районов Татарстана имеют повышенное содержание этих двух элементов, т.к. хром и ванадий присутствуют в нашей нефти (Каюмова и др., 2007). Это позволяет сделать вывод о том, что керамические изделия последней группы были изготовлены именно в нефтеносном районе. Заметим также, что первые четыре образца этой группы отличаются более высоким содержанием олова, что свидетельствует о различных источниках сырья. Необходимо отметить, что для данных образцов наблюдается достаточное различие по алюминию. Это объясняется, скорее всего, спецификой технологии изготовления керамических изделий.

Образцы под номерами с 54 по 70 имеют повышенное содержание хрома, однако содержание ванадия в них меньше, чем в последней группе. Возможно, это также является показателем нефте- и/или битумоносности района отбора глины.

Часть сфероконусов (№№ 46–52) определенным образом выстроилась

в отдельную группу с очень схожим составом как макро-, так и микроэлементов. Для образца 1-1 (№ 46) была проанализирована внутренняя часть (№ 47). Из таблицы 3 можно заметить, что для образца характерно повышенное, по сравнению с основной частью образца, содержание серебра и висмута. Образец 1-19 имеет в своем составе более высокое содержание мышьяка – оно на порядок выше, чем во фрагментах других сфероконусов. Эти различия по микроэлементам можно объяснить веществами, содержащимися в сфероконусах. Более четкую и конкретную картину, возможно, даст хроматографический анализ.

Курсивом в таблицах 2–3 выделены образцы, сильно отличающиеся по одному или нескольким микроэлементам. Это номера 1, 2, 18, 19, 38, 39, 40 и 53, выделенные курсивом. Вероятнее всего, эти образцы являются импортными. Заметим также, что для фрагментов, проходящих под номерами 1–20, содержание хрома и ванадия невысокое, т.е. совершенно однозначно можно говорить о том, что эти изделия были изготовлены в других районах, нежели две нижние группы. Образцы под №№ 5–10 имеют в своем составе намного меньше кальция. Это можно объяснить как рецептурой и технологией, так и другим сырьевым источником.

Интересное наблюдение можно отметить для двух горшков 2-51 и 2-52 (№№ 15–16), изготовленных с примесью толченой раковины. Несмотря на то что оба изделия относятся к «прикамско-приуральской» группе, одно из них изготовлено в районе, воды которого насыщены стронцием и барием. Это видно из результатов та-

блицы 3 – содержание этих двух элементов отличаются в несколько раз. Как известно, в Татарстане есть водоносные пласты, характеризующиеся повышенным содержанием именно этих двух элементов (Гидрогеология СССР, 1970). К ним относятся некоторые южные районы, район Казани и др.

Таким образом, исходя из макро- и микроэлементного состава фрагментов керамики, можно выделить девять групп, характеризующихся определенными элементными соотношениями:

1. Фрагменты керамики с низким содержанием титана, хрома и ванадия и высоким содержанием кальция. Широкое разнообразие по микроэлементному составу свидетельствует о различных сырьевых источниках.

2. Содержание кальция 1–3%, содержание хрома 0,007–0,012% (№№ 5–10). Однако образцы данной группы достаточно сильно различаются по микроэлементам.

3. Содержание кальция 6,1–14,5%, содержание ниобия 0,0007–0,0012%. По-видимому, эта керамика с примесью раковины. Некоторые пробы отличаются разнообразием микроэлементного состава, т.е. происходят из различных сырьевых источников.

4. Два образца (№№ 24 и 25) имеют такое же низкое содержание ниобия, однако кальция в этих пробах мало – около 3%. Для этих образцов характерно высокое содержание ванадия – 0,017%.

5. Содержание кальция около 2%, содержание ванадия 0,011–0,013% (№№ 23, 26–30, 37, 44) – все I общеповолжской группы. Практически однородный микроэлементный состав, т.е. возможен один источник сырья.

6. Такое же содержание кальция, как и в третьей группе, однако содержание ванадия 0,016–0,021%. (№№ 31, 33–36, 39, 42, 43, 47). Очень близкий микроэлементный состав.

7. Группа похожа на предыдущую, однако содержание кальция несколько меньше – 2%, содержание хрома несколько больше – 0,019–0,025%, содержание ванадия также больше – 0,015–0,02%, а вот содержание мышьяка меньше. Практически вся группа – сфероконусы.

8. Повышенное содержание хрома – 0,026–0,035%.

9. Повышенное содержание хрома – 0,026–0,048% и ванадия – 0,019–0,026%.

Учитывая результаты анализа, первые две группы нельзя назвать объединением по единым характеристическим признакам – слишком большое расхождение как по основному, так и по микроэлементному составу. Это, судя по всему, привозная керамика. Курсивом выделены образцы, имеющие какое-либо аномальное содержание одного или нескольких элементов. Эти изделия, по-видимому, также привозные. 3–9 группы можно отнести к характерным, т.к. состав керамики каждой из них отличается единообразием.

Исходя из анализа химического состава фрагментов керамики можно сделать ряд выводов:

– керамические изделия Болгар отличаются широким разнообразием как в технологическом отношении, так и по сырьевому составу;

– выделяется несколько групп, имеющих характерный химический состав;

– имеется ряд образцов, химический состав которых

отличается от выделенных групп и, скорее всего, относящийся к импорту;

– часть керамических изделий была изготовлена в нефтеносных районах Татарстана;

– выделяется фрагмент сосуда, содержащий обломки раковин из региона, водоносные слои которого содержат стронций и барий.

2. Химический состав керамической глины. Для идентификации месторождений глин, которые были использованы ремесленниками Волжской Болгарии при изготовлении керамических изделий, и выявления места их локализации В.Н. Бахматовой были отобраны образцы керамических глин вблизи городов Волжской Булгарии с учетом предварительного анализа

данных геологических изысканий ЦНИИГеолнеруд по керамическому сырью. По отобранным образцам проведен комплекс исследований, включивший предварительную пробоподготовку, РФА, ДТА и ДТМА. Этот же комплекс аналитических мероприятий был выполнен для археологической керамики различных производственных центров Великих Болгар.

В таблице 4 приведен список образцов глины, отобранных вблизи городов Волжской Булгарии. Для проведения аналитических исследований был произведен отбор от образцов представительной навески, ее дробление и измельчение до состояния пудры.

Таблица 4. Список образцов глинистого сырья

№ п/п	№ пробы	Описание точки отбора
1	Г 7/1	Болгарское городище. Восточная окраина пос. Приволжский
2	Г 7/2	Болгарское городище. Окраина с. Ржавец
3	Г 7/3	Болгарское городище. Окраина с. Ржавец на берегу р. Волга
4	Г 10/1	Городище Старая Майна. Северная окраина современного с. Старая Майна, на берегу р. Волга
5	Г 10/2	Городище Старая Майна. Северная окраина современного с. Старая Майна, на берегу р. Волга
6	Г 10/3	Городище Старая Майна. Северная окраина современного с. Старая Майна, на берегу р. Волга
7	М 6/1	Полянское месторождение (Спасский район. с. Полянки). Зброшенный карьер, южный борт
8	М 6/2	Полянское месторождение (Спасский район. с. Полянки). Зброшенный карьер, северный борт
9	М 6/3	Полянское месторождение (Спасский район. с. Полянки). Зброшенный карьер, северный борт
10	М 6/4	Полянское месторождение (Спасский район. с. Полянки). Зброшенный карьер, северный борт
11	М 5/1	Базарноматакское месторождение. Зброшенный карьер на левом берегу р. Актай, южный борт
12	М 5/2	Базарноматакское месторождение. Зброшенный карьер на левом берегу р. Актай, северный борт

13	М 5/3	Базарноматакское месторождение. Зброшенный карьер на левом берегу р. Актай, южный борт, на контакте с вмещающими породами
14	М 5/4	Базарные матаки. Левый берег р. Актай, ниже по течению
15	М 5/5	Базарные Матаки. Левый берег р. Актай, у плотины
16	М 3/1	Сосновское месторождение. 500 м южнее д. Сосновка, в овраге
17	М 3/2	Окраина д. Сосновка
18	М 3/3	500 м от окраины д. Сосновка
19	Ш 1/	Биллярское городище. Окраина д. Шама
20	Б 4/1	Биллярское городище. Правый берег р. М. Черемшан
21	Г 6/1	Кожаевское селище. Правый берег р. Актай
22	Г 6/2	Кожаевское селище. Правый берег р. Актай. Выше по течению от т. Г 6/1
23	Г 6/3	Кожаевское селище. Правый берег р. Актай
24	Г 6/4	Кожаевское селище. Правый берег р. Актай
25	Г 6/5	Кожаевское селище. Левый берег р. Актай у моста
26	Г 5/1	Войкинское городище. Левый берег р. Актай
27	Г 5/2	Войкинское городище. Левый берег р. Актай
28	Г 5/3	Войкинское городище. Левый берег р. Актай
29	Г 3/1	Джукетауское городище. Окраина с. Данауровка. Левый берег р. Жукотинка
30	Г 3/2	Джукетауское городище. Окраина с. Данауровка. Правый берег р. Жукотинка. 50 м от т Г 3/1
31	Г 3/3	Джукетауское городище. Правый берег р. Жукотинка
32	Г 3/4	Джукетауское городище. Левый берег р. Жукотинка
33	Г 3/5	Джукетауское городище. Левый берег р. Жукотинка у впадения в р. Кама
34	М 2/1	Чистопольское месторождение. Окраина г. Чистополь
35	М 4/1	Алексеевское месторождение, восточный борт карьера
36	М 4/2	Алексеевское месторождение. Южный борт карьера
37	СГ1/1	Кашанское городище. Правый берег р. Кама у с. Сорочьи Горы
38	СГ 1/2	Кашанское городище. Правый берег р. Кама у с. Сорочьи Горы

40	М 8/1	Тетюшское местонахождение, северо-западная окраина Тетюш у коровника
41	М 8/2	Дорога на Буинск – 1 км от Тетюш. Заброшенный карьер
42	М 8/3	Дорога на Буинск – 1 км от Тетюш. Заброшенный карьер, северный борт карьера
43	Г 8/1	Богдашкинское городище, с. Богдашкино
44	Г 8/2	Богдашкинское городище, с. Богдашкино
45	Г 8/3	Богдашкинское городище, с. Богдашкино
46	М 7/1	С. Большие Тарханы, левый берег р. Тарханки
47	М 7/2	С. Большие Тарханы, левый берег р. Тарханки
48	М 7/3	С. Большие Тарханы, левый берег р. Тарханки
49	М 1/1	Восточнее станции Чепчуги. Между Чепчугами и Куркачами. Куркачинский карьер
50	М 1/2	Восточнее станции Чепчуги. Между Чепчугами и Куркачами. Куркачинский карьер
51	М 1/3	Восточнее станции Чепчуги. Между Чепчугами и Куркачами. Куркачинский карьер
52	Г 2/1	Д. Русский Урмат, левый берег ручья
53	Г 1/1	С. Камаево
54	Г 1/2	Иске-Казанское городище
55	Г ст. н/1	Старонохратское городище, левый берег р. Нохратки
56	Г ст. н/2	Старонохратское городище, левый берег р. Нохратки, 100 м от т. Г ст.н/1 на С-В
57	Г ст. н/3	Старонохратское городище, правый берег р. Нохратки
58	Г ст. н/4	Старонохратское городище, правый берег р. Нохратки, 150 м. от т. Г ст.н/3
59	Г ст. н/5	Старонохратское городище, правый берег р. Нохратки

Исследование химического состава глинистого сырья проводилось методом эмиссионного спектрального анализа, описание которого приводилось ранее. Для устранения влияния на интенсивность излучения паров воды, образцы глин просушивались в сушильном шкафу при температуре 105° С.

В таблицах 5 и 6 приведен макроэлементный и микроэлементный состав соответственно.

Таблица 5. Макроэлементный состав керамического сырья, %

№ п/п	шифр	MnO	TiO	P ₂ O ₅	CaO	Fe ₂ O ₃	Al ₂ O ₃	K ₂ O	MgO	Na ₂ O	SiO ₂
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1	м8/1	0,045	0,64	0,13	14,04	1,95	15,93	1,94	2,25	1,35	62,21
2	г7/1	0,059	0,73	0,2	1,22	3,86	10,87	2,18	1,3	0,9	79,94
3	г7/2	0,032	0,47	0,22	0,58	2,79	10,21	1,51	0,96	0,95	83,12
4	м8/2	0,066	1,09	0,08	9,83	3,2	30,85	1,88	2,87	1,38	49,21
5	г7/3	0,075	0,71	0,25	1,83	4,94	12,81	1,94	1,85	1,14	68,48
6	м8/Зж	0,067	0,81	0,16	1,41	8,37	24,37	1,63	3,85	1,29	60,18
7	г8/1	0,056	0,59	0,14	10,45	2,57	13,92	1,49	2,09	0,83	68,14
8	г10/1	0,04	0,5	0,23	1,74	3,23	9,26	2,12	1,17	1,18	81,49
9	г8/2	0,034	0,79	0,16	1,74	4,82	19,67	1,58	2,37	1,31	68,85
10	г10/2	0,052	0,65	0,14	0,94	3,2	12,76	2,12	1,3	0,97	78,83
11	г8/3	0,048	0,67	0,15	7,84	1,4	14,05	1,49	2,65	1,08	70,38
12	г10/3	0,047	0,59	0,16	4,89	4,52	13,42	1,76	1,13	0,91	73,95
13	м7/1	0,054	0,65	0,12	14,18	3,63	20,69	1,02	3,23	1,19	56,19
14	м6/1	0,039	0,53	0,23	2,92	1,4	15,27	1,94	1,6	1,65	74,78
15	м7/2	0,042	0,59	0,078	13,28	4,19	21,27	1,12	2,64	0,81	56,93
16	м6/2	0,04	0,79	0,22	4,89	4,91	15,83	1,85	1,59	1,02	70,63
17	м7/3	0,071	0,62	0,096	10,25	4,1	20,79	1,05	3,73	1,21	58,89
18	м6/3	0,049	0,81	0,16	4,02	1,79	15,16	1,43	1,47	1,24	74,21
19	м6/4	0,052	0,62	0,2	3,25	2,78	10,23	1,85	1,29	1,07	79,54
20	м1/1	0,041	0,62	0,12	0,93	4,94	17,55	1,08	1,53	1,08	73,07
21	м5/1	0,069	0,94	0,14	4,28	4,92	14,25	2,06	1,89	0,95	72,06
22	м1/2	0,039	0,81	0,14	1,17	5,03	20,74	1,48	1,96	1,07	68,84
23	м5/2	0,053	0,78	0,18	4,27	2,06	13,44	1,75	1,59	1,23	75,19
24	м1/3	0,051	0,65	0,11	1,15	4,13	19,43	1,49	1,78	1,12	71,37
25	м5/3	0,048	0,81	0,16	1,86	2,85	14,35	2,18	1,45	1,41	73,27
26	г2/1	0,054	0,52	0,14	1,32	2,69	19,06	1,31	2,15	1,37	71,84
27	м5/4	0,046	0,69	0,18	0,83	2,78	13,99	1,82	0,65	0,81	77,08
28	г2/2	0,064	0,85	0,082	11,78	3,62	21,78	1,18	3,47	0,89	57,31
29	г1/1	0,049	0,72	0,15	5,54	1,44	17,06	1,26	2,72	1,09	70,09
30	м5/5	0,051	0,73	0,16	4,11	3,55	14,92	1,94	1,47	1,23	68,48
31	г1/2	0,099	0,59	0,084	17,85	4,34	21,26	0,99	3,61	1,22	51,12
32	м3/1	0,051	0,82	0,15	0,74	4,92	14,55	1,97	0,82	0,71	77,03
33	гст.н./1	0,042	0,77	0,13	0,85	1,58	15,86	1,17	1,69	1,02	77,01
34	м3/2	0,037	0,69	0,18	0,57	3,23	11,54	2,19	0,34	0,76	81,36
35	м3/3	0,046	0,67	0,15	3,14	5,58	16,44	1,41	1,29	0,89	72,29
36	гст.н./2	0,045	0,87	0,11	1,19	4,79	22,71	1,06	2,98	1,37	66,19
37	гст.н./3	0,053	0,74	0,17	1,18	2,52	17,93	1,01	2,01	1,09	73,79
38	ш/1	0,043	0,86	0,15	2,97	3,33	15,03	1,69	1,44	0,93	74,75
39	64/1	0,078	0,80	0,14	0,95	4,97	18,14	1,39	3,23	1,06	70,62
40	гст.н./4	0,046	0,96	0,12	3,65	4,23	19,63	0,99	2,52	1,13	67,84
41	гст.н./5	0,053	0,68	0,19	0,73	2,27	17,75	1,16	1,71	0,69	74,89
42	г6/1	0,053	0,76	0,15	0,74	5,37	13,15	1,94	0,85	0,83	78,11
43	г6/2	0,054	0,63	0,16	1,11	4,94	15,34	1,76	0,89	0,78	75,97

44	м8/3кр	0,057	0,89	0,099	1,62	7,25	23,63	1,09	3,95	0,88	62,36
45	г6/3	0,068	0,88	0,18	0,99	3,31	14,01	2,72	1,19	0,82	77,04
46	г6/4	0,057	0,73	0,12	5,55	4,19	16,11	1,88	1,96	0,86	70,05
47	г6/5	0,065	0,88	0,16	4,65	3,82	13,81	2,19	1,43	1,26	72,69
48	г5/1	0,056	0,86	0,15	5,04	4,73	13,89	2,12	1,48	0,86	71,88
49	г5/2	0,094	0,64	0,2	1,14	2,24	14,85	2,03	1,27	1,09	77,06
50	г5/3	0,076	0,89	0,14	1,08	8,87	15,69	2,06	1,22	1,18	71,16
51	г3/1	0,064	0,73	0,14	4,19	3,65	13,48	1,69	1,52	0,93	74,85
52	г3/2	0,15	0,62	0,14	6,31	5,69	15,59	1,57	5,99	1,03	64,62
53	г3/3	0,062	0,73	0,18	4,43	3,44	15,67	2,06	2,13	1,16	70,74
54	г3/4	0,056	0,77	0,2	4,66	3,24	15,61	1,82	1,42	1,5	71,51
55	г3/5	0,05	0,63	0,23	0,78	4,41	14,96	1,69	0,81	0,98	76,65
56	м2/1	0,063	0,92	0,14	2,83	6,12	15,79	1,85	2,08	0,91	70,71
57	м4/1	0,071	0,82	0,15	1,74	4,08	13,42	1,94	1,28	0,79	77,18
58	м4/2	0,049	0,79	0,18	0,88	3,11	14,27	1,76	0,88	0,91	78,16
59	сг1/1	0,071	0,93	0,13	1,53	7,09	16,84	1,76	1,91	0,92	70,49
60	сг1/2	0,077	0,87	0,13	16,79	5,25	14,83	1,63	4,93	1,23	56,08

Изучение результатов эмиссионного спектрального анализа показало, что представленные в выборке образцы глин имеют достаточно разнообразный химический состав. Наибольшие отклонения наблюдаются по кальцию – от 0,83 до 17,85% и алюминию – от 9,26 до 30,85%. Максимально возможное содержание по-

левых шпатов ($K(Na)_2O \cdot Al_2O_3 \cdot 6 SiO_2$) в изученных глинах по присутствию калий-натриевого компонента составляет 30%, что является неплохим показателем для керамического сырья. Все полученные результаты хорошо согласуются с определенным фазовым составом сырья.

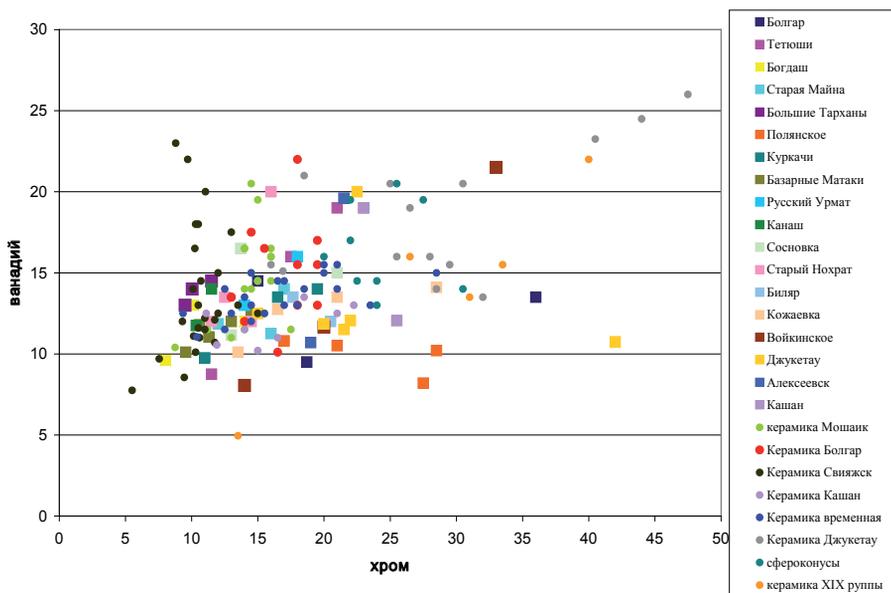

Рис. 2. Соотношение хрома и ванадия в глине и керамике.

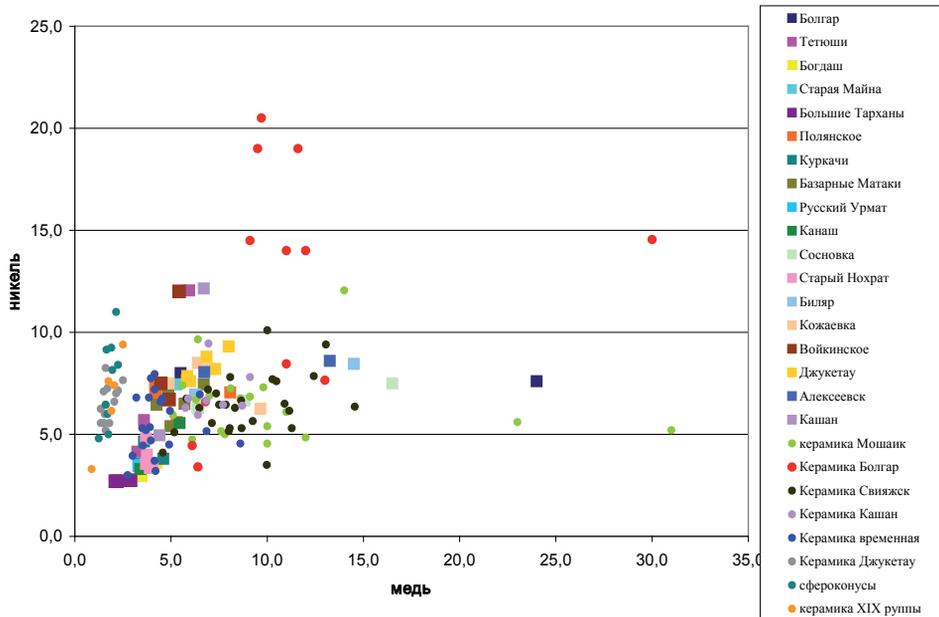

Рис. 3. Соотношение меди и никеля в глине и керамике.

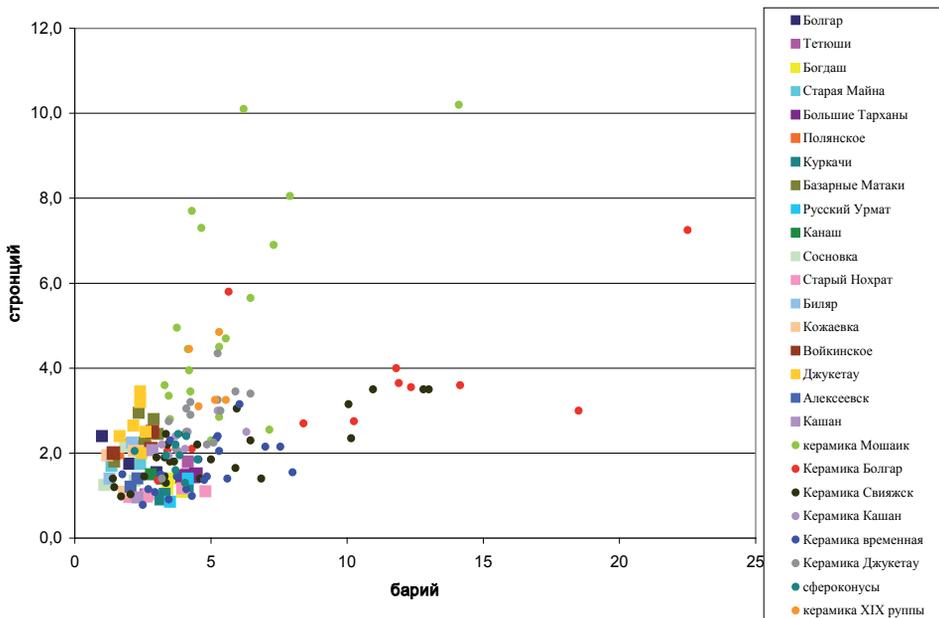

Рис. 4. Соотношение бария и стронция в глине и керамике.

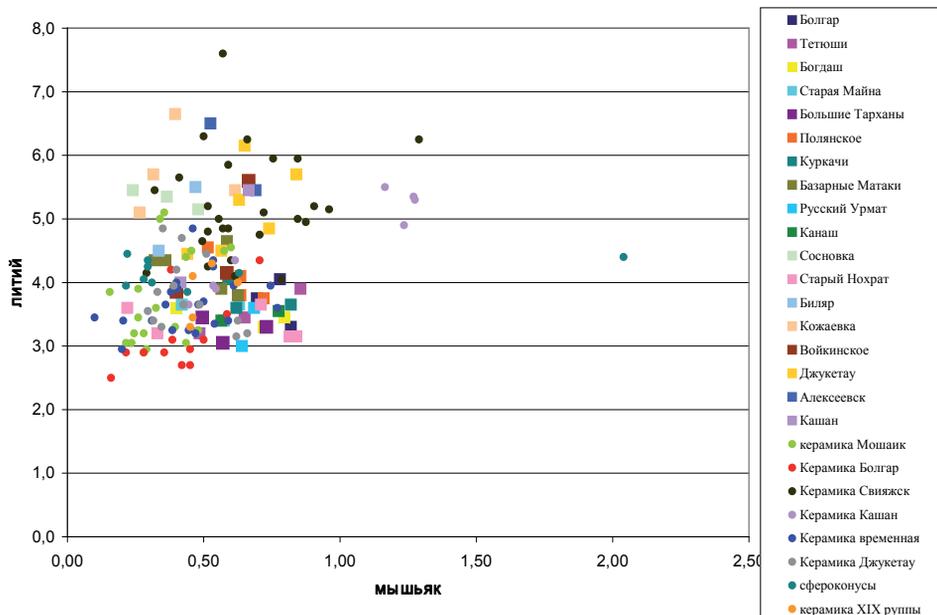

Рис. 5. Соотношение мышьяка и лития в глине и керамике.

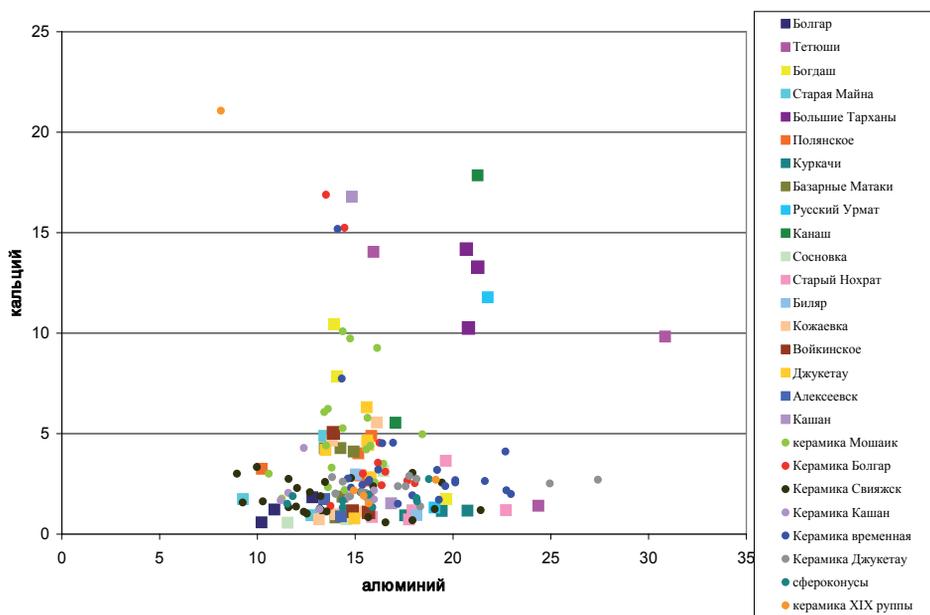

Рис. 6. Соотношение алюминия и кальция в глине и керамике.

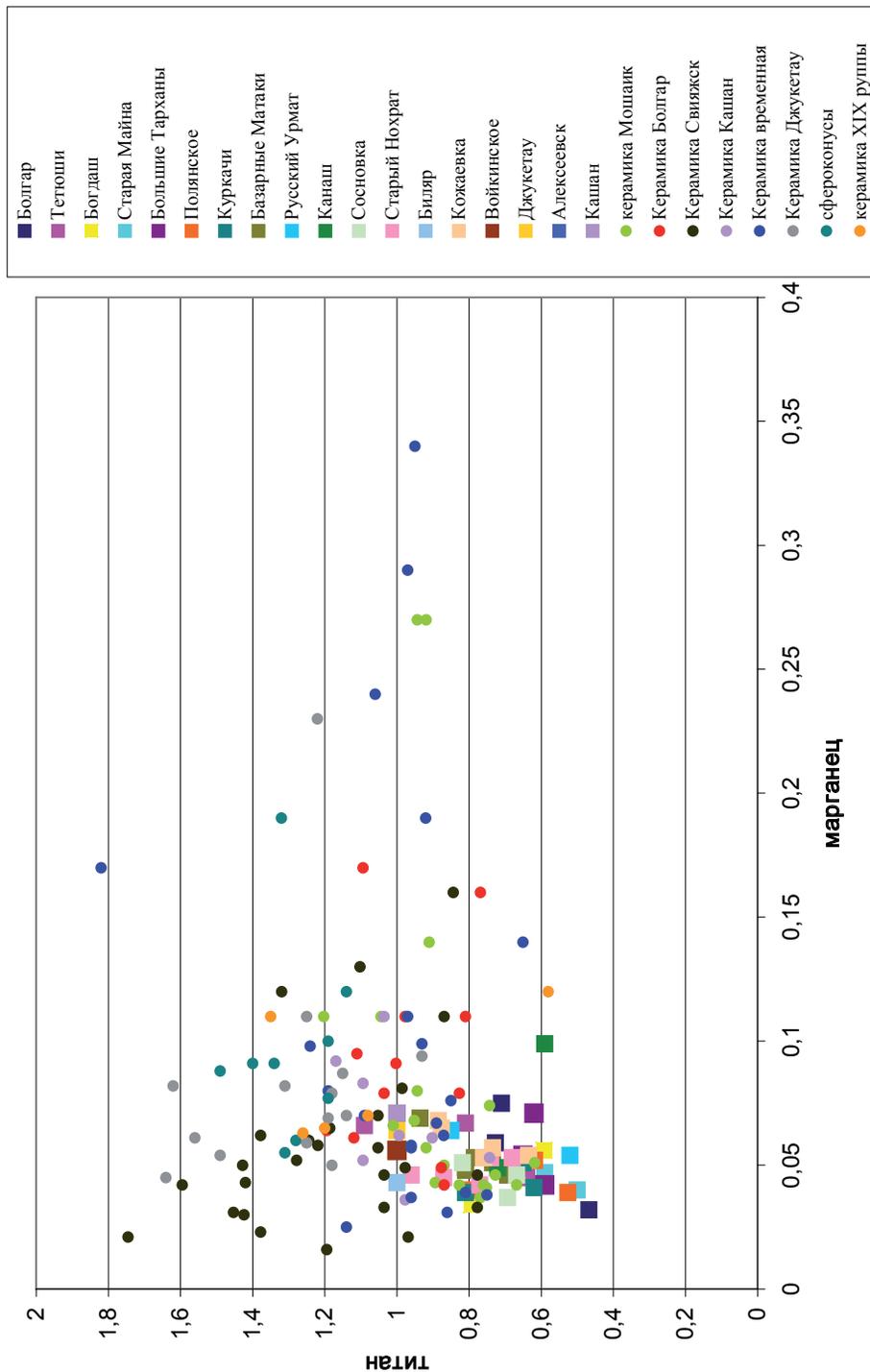

Рис. 7. Соотношение марганца и титана в глине и керамике.

23	м5/3	0,06	0,32	2,1	2,6	1,8	1,4	1,4	11	5,7	1,3	4,4	1,0	6,5	1,5	2,0	2,2	1,3	2,3	12	4,4	4,1	0,36
24	м5/2	0,03	0,57	2,4	2,4	1,7	1,4	1,3	10	5,0	1,2	3,9	0,9	5,4	1,7	2,5	2,7	0,7	3,0	10	1,5	3,7	0,45
25	м5/1	0,06	0,63	2,2	3,1	2,0	1,6	1,5	15	4,9	1,2	3,8	1,2	7,0	1,6	2,8	2,6	1,3	2,5	13	3,5	3,8	0,45
26	м5/4	0,02	0,59	2,8	1,5	1,4	1,9	1,4	11	6,7	1,3	4,7	1,2	7,5	1,8	2,1	2,4	0,9	1,8	11	2,7	2,8	0,29
27	м5/5	0,05	0,36	2,5	2,9	1,7	1,6	1,4	13	4,3	1,3	4,4	1,3	6,5	1,7	2,5	2,5	1,3	2,8	12	4,2	3,8	0,33
28	г2/1	0,03	0,69	2,9	3,5	1,8	1,2	1,4	14	3,4	1,1	3,6	1,0	3,5	1,1	1,9	2,7	1,2	0,9	13	4,0	3,7	0,36
29	г2/2	0,02	0,64	3,5	4,2	1,8	1,2	1,5	18	3,3	1,2	3,0	1,0	3,5	0,8	1,7	2,7	1,1	1,4	16	3,1	3,9	0,27
30	г1/1	0,02	0,78	2,5	3,2	1,6	0,9	1,4	10	3,4	0,9	3,6	0,9	3,3	1,0	1,9	3,4	1,1	1,4	12	3,0	3,4	0,32
31	г1/2	0,02	0,57	3,2	2,8	1,5	1,1	1,5	12	5,5	1,1	3,4	0,7	5,6	1,0	1,0	2,3	1,2	1,5	14	1,7	3,3	0,37
32	м3/1	0,04	0,48	2,9	2,2	1,8	1,7	2,7	14	16,5	1,6	5,2	1,5	7,5	1,8	1,8	2,4	1,4	1,4	17	3,5	3,6	0,77
33	м3/2	0,03	0,37	2,6	1,1	1,0	1,8	1,3	21	6,4	1,5	5,4	1,7	6,3	1,4	3,0	2,4	1,2	1,3	15	4,3	3,3	0,28
34	м3/3	0,04	0,24	2,3	1,9	1,9	1,7	1,4	13	8,8	1,6	5,5	1,2	6,7	2,0	2,2	2,2	1,2	2,2	11	3,1	3,9	0,42
35	гет.н./1	0,04	0,71	3,3	2,7	1,7	1,1	1,4	12	3,9	1,0	3,7	1,2	3,4	1,3	2,0	2,9	1,2	1,0	12	3,4	3,6	0,25
39	гет.н./2	0,03	0,22	3,7	4,0	1,7	1,3	1,5	16	3,7	1,4	3,6	1,2	3,6	1,3	0,9	2,5	1,5	1,2	20	2,7	3,9	0,27
36	гет.н./3	0,04	0,82	3,1	2,7	1,8	1,2	1,3	15	3,8	1,1	3,2	0,9	4,0	1,1	1,6	2,8	1,2	1,0	12	3,1	2,8	0,45
37	гет.н./4	0,02	0,33	3,5	4,8	1,9	1,1	1,7	23	3,7	1,5	3,2	1,5	4,8	1,3	1,1	2,6	1,4	1,1	19	3,5	4,5	0,57
38	гет.н./5	0,04	0,84	2,7	2,0	1,6	1,3	1,4	13	4,1	1,2	3,2	1,1	3,5	1,3	2,3	3,1	1,2	1,0	14	2,6	3,5	0,44
40	ш/1	0,04	0,34	1,9	2,1	1,8	1,7	1,6	21	6,3	1,6	4,5	1,4	7,0	1,9	2,7	2,5	1,0	2,3	12	3,2	4,1	0,49
41	64/1	0,03	0,47	2,7	1,3	1,6	1,8	2,3	18	14,5	1,8	5,5	1,2	8,5	1,7	2,6	2,7	1,5	1,4	14	2,9	3,4	0,75
42	г6/1	0,06	0,62	2,6	1,2	1,6	1,7	2,0	29	6,4	1,6	5,5	1,5	8,5	1,8	3,0	2,9	1,1	2,0	14	3,4	3,2	0,48
43	г6/2	0,07	0,32	2,2	2,2	1,5	1,8	2,0	21	7,0	1,5	5,7	1,8	8,2	1,8	2,2	2,7	1,3	2,1	14	4,0	3,6	0,44
44	г6/3	0,04	0,40	3,9	1,8	1,5	1,8	2,0	17	4,9	2,0	6,7	1,5	7,5	2,1	2,5	2,7	0,9	1,1	13	2,6	3,6	0,47
45	г6/4	0,03	0,27	1,6	2,5	1,9	1,6	1,8	14	9,7	1,4	5,1	1,2	6,3	1,5	2,3	2,4	1,3	2,1	10	3,4	3,9	0,54
46	г6/5	0,04	0,59	3,4	2,9	1,7	2,0	1,7	20	4,5	1,5	4,2	1,4	7,5	1,5	1,9	2,6	1,1	2,5	12	3,4	4,1	0,35
47	м8/3кр	0,08	0,41	2,2	2,8	2,0	1,6	1,7	24	4,3	1,4	3,2	0,9	13,1	1,3	1,7	2,6	1,7	1,0	20	2,4	3,6	0,47
48	г5/1	0,04	0,59	3,4	2,9	1,7	2,0	1,7	20	4,5	1,5	4,2	1,4	7,5	1,5	1,9	2,6	1,1	2,5	12	3,4	4,1	0,35

49	r5/2	0,04	0,67	2,5	1,4	1,7	1,7	1,7	14	4,9	1,5	5,6	1,3	6,7	1,7	3,1	3,0	1,0	2,0	8	2,7	3,7	0,42
50	r5/3	0,02	0,40	2,0	2,8	1,7	1,6	2,3	33	5,4	2,1	3,9	1,5	12,0	1,7	1,7	2,3	1,8	2,1	22	4,2	4,0	0,52
51	r3/1	0,04	0,74	1,9	2,2	1,8	1,9	2,0	20	5,8	1,7	4,9	1,2	7,7	1,3	2,6	2,5	1,0	2,7	12	2,1	3,7	0,49
52	r3/2	0,09	0,44	1,3	2,6	2,0	1,7	1,6	15	6,0	1,5	4,5	0,8	7,6	1,5	1,7	2,3	1,2	2,5	13	1,8	3,4	0,70
53	r3/3	0,05	0,84	2,4	2,4	1,7	2,5	1,6	22	7,3	1,7	5,7	1,2	8,2	1,9	3,6	3,7	1,1	3,2	12	2,4	3,9	0,94
54	r3/4	0,03	0,57	1,6	2,4	1,7	1,5	1,7	42	5,9	1,5	4,5	1,1	7,9	1,3	2,8	3,1	1,0	3,5	11	2,7	4,0	0,37
55	r3/5	0,04	0,63	1,7	1,7	1,7	1,8	2,0	22	8,0	1,8	5,3	1,2	9,3	1,4	3,0	3,0	1,3	2,4	12	3,1	3,6	0,61
56	m2/1	0,04	0,65	2,4	2,5	1,9	1,7	2,3	23	6,9	1,8	6,2	1,4	8,8	1,5	2,5	3,0	2,0	2,0	20	4,5	4,0	0,58
57	m4/1	0,06	0,53	2,7	2,3	1,2	1,6	2,1	22	13,3	2,0	6,5	1,3	8,6	1,7	2,5	3,4	1,2	1,4	20	3,4	3,5	0,71
58	m4/2	0,04	0,69	2,6	2,1	1,6	1,9	2,2	19	6,7	1,5	5,5	1,2	8,1	1,4	3,1	2,9	1,4	1,2	11	3,9	4,0	0,81
63	cr1/1	0,05	0,67	2,7	2,3	1,8	1,6	2,4	23	6,7	1,9	5,5	1,6	12,2	1,5	3,2	3,1	2,1	1,0	19	3,9	4,0	0,84
59	cr1/2	0,04	0,42	1,5	2,9	1,6	1,8	1,4	26	4,4	1,2	4,0	0,9	5,0	1,2	2,2	2,6	1,3	2,1	12	3,1	3,4	0,63

Концентрация = $S \times 10^{10}\%$

Интересную картину дает сравнительный анализ результатов исследования химического состава фрагментов неполивной керамики Болгара и глинистого сырья. В исследованиях учитывались также результаты анализов, проведенных в 2012 г. по керамическим артефактам из Свияжска, Мошаика и Кашана. На рисунках 2–7 приведены диаграммы сравнения.

Исходя из диаграмм соотношений основных элементов и примесей, можно сделать ряд выводов. Яркая демонстрация явной независимости в поведении элементного состава керамики Мошаикского и Болгарского городищ, а также так называемой временной группы, включающей фрагменты керамики разновременной привязки, наблюдается практически на всех диаграммах. Если для первого объекта это вполне закономерно, то для болгарской керамики очевидным становится факт того, что в исследованную выборку сырьевой источник этой керамики не вошел. Диаграмма хром-ванадиевых включений также показывает существование сырьевого источника, близкого к нефтеносным пластам, но не вошедшего в выборку 2012 г. Как было отмечено выше, барий-стронциевое соотношение является, скорее всего, маркером карбонатной составляющей (данный вид сырья не отбирался).

Любопытное поведение медно-никелевого соотношения керамики Джукетау и сфероконусов может свидетельствовать как о специфической технологической добавке, так и о материале, хранившемся в сосудах, фрагменты которых были исследованы.

Небольшим примером многофакторного анализа может служить диа-

грамма распределения содержания элементов в глине и керамике различного происхождения, приведенная на рисунке 8. В качестве образцов сравнения взяты глины: образцы с месторождений «Сосновка» (Биляр) и «Базарные Матаки», керамика: сфероконус общеповолжского типа, керамика XIX группы, «джукетауская» и из раскопов Кашана. По диаграмме

наблюдается очень большое сходство между глиной с месторождения «Сосновка» и керамикой из раскопов Кашанского городища и сфероконуса общеповолжского типа. Единственное небольшое различие наблюдается по содержанию натрия, калия и магния, что возможно объясняется добавкой в керамическую массу зольной компоненты.

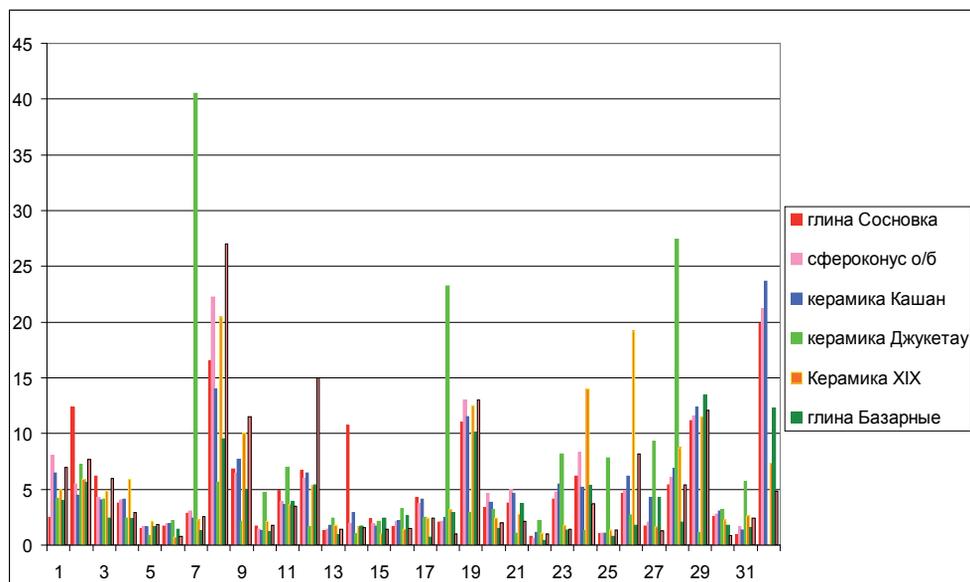

Рис. 8. Диаграмма содержания элементов (относительные единицы) в глине и керамике различного происхождения

В таблице 7 приведены содержания микроэлементов в почвах районов Республики Татарстан (Озол, 2004). Как видно из данных таблицы, существует определенное соотношение между концентрациями хрома и ванадия для каждого района. В грунтах Бугульминского, Елабужского, Менделеевского, Тетюшского, Тукаевского и Ютазинского районов содержание хрома превышает 120 мг/кг, а в почвах Высокогорского, Зеленодольского и Лаишевского районов наблюдается низкое содержание как

хрома, так и ванадия. Заметим также, что существуют и значительные различия по содержаниям остальных приведенных в таблице элементов.

Таким образом, вполне закономерным было бы проведение комплексного сравнительного статистического анализа, учитывающего весь спектр микроэлементного состава керамических фрагментов и образцов глин. Накопленный материал может служить основой для формирования базы данных по археологической керамике и керамическому сырью. Включение в

статистические исследования данных по всем проведенным видам естественно-научных исследований, безусловно, позволит создать полную картину, позволяющую по аналитическим данным выявить однозначный сырьевой источник.

Таблица 7. Содержание микроэлементов в почвах Татарстана (мг/кг)

район	Cu	Zn	Ni	Cr	V
Агрызский	29	63	57	98	84
Азнакаевский	46	70	95	132	105
Аксубаевский	28	69	52	88	86
Актанышский	39	68	75	115	92
Алексеевский	27	58	46	81	77
Алькеевский	18	49	33	66	62
Альметьевский	44	73	75	115	102
Апастовский	26	69	47	84	86
Арский	22	60	46	95	87
Атнинский	18	54	40	82	76
Бавлинский	34	58	67	108	92
Балтасинский	31	60	58	97	96
Бугульминский	34	62	76	124	96
Буинский	25	64	42	79	85
Верхнеуслонский	35	61	58	94	80
Высокогорский	14	45	31	64	60
Дрожжановский	23	71	40	82	91
Елабужский	27	61	54	123	85
Заинский	36	65	70	116	102
Зеленодольский	16	46	32	65	63
Кайбицкий	25	59	46	89	89
Камско-Устьинск	29	55	52	92	87
Кукморский	34	63	65	106	102
Лаишевский	14	39	27	60	54
Лениногорский	43	70	80	119	107
Мамадышский	38	70	73	116	103
Менделеевский	29	59	59	134	87
Мензелинский	40	60	65	112	94
Муслюмовский	36	53	71	117	95
Нижнекамский	32	53	54	106	85
Новошешминский	36	61	59	112	98
Октябрьский	26	59	51	99	88
Пестречинский	25	61	46	85	79
Рыбно-Слободский	27	59	55	96	89
Сабинский	33	56	54	105	96
Сармановский	39	65	88	117	112
Спасский	18	44	36	75	68
Тетюшский	28	56	87	141	96
Тукаевский	38	53	77	134	105
Тюлячинский	22	50	48	91	89
Черемшанский	38	62	67	110	105
Чистопольский	32	55	58	105	99
Ютазинский	46	61	93	136	108

Другим очевидным выводом по итогам сравнительного анализа элементного состава керамических фрагментов и гончарных глин является необходимость дальнейшего отбора и исследования сырьевых компонентов. Причем выборка должна включать как глину, так и другие составляющие шихты – карбонатную составляющую и песок.

Проведенные исследования дали обширный материал для дальнейших работ. Как показали исследования А.А. Озола (2004), каждая почва и

грунт имеют свой характерный набор микроэлементов, сравнимый с отпечатками пальцев у человека. Анализ керамических фрагментов показал существование таких же характерных наборов для различных групп керамики. Именно этот фактор позволяет говорить о перспективности направления изучения элементного состава археологических артефактов с целью его дальнейшей интерпретации и идентификации по отношению к сырьевым источникам.

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор выражает благодарность В.Н.Бахматовой за проведенный отбор и описание образцов, а также рецензентам за полезные замечания и конструктивную критику.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гидрогеология СССР. – Т. 13. – М.: Недра, 1970. – 1082 с.
2. Журухина Е.Ю., Храмченкова Р.Х. Стеклоделательные мастерские Киевского подола // Филология и культура. – 2012. – № 3 (29). – С. 226–234.
3. Каюкова Г.П., Киямова А.М., Нигмедзянова Л.З., Морозов В.И., Храмченкова Р.Х., Храмова Э.В. Превращения природных битумов при гидротермальных процессах // Нефтяное хозяйство. – 2007. – № 2. – С. 105–110.
4. Набиуллин Н.Г., Храмченкова Р.Х. Стекланные украшения Джукетау: Морфология и химический состав // Филология и культура. – 2013. – № 3 (33). – С. 240–244.
5. Озол А.А. Процессы полигенного нефтегазо- и рудообразования и их экологические последствия. – Казань: Плутон, 2004. – 430 с.
6. Ситдииков А.Г., Храмченкова Р.Х. Типология поливной керамики Казанского ханства и анализ ее элементного состава // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. – 2011. – № 3 (25). – С. 125–133.
7. Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Болгарии: (К вопросу об этнокультурном составе населения). – М.: «Наука», 1984. – 240 с.
8. Храмченкова Р.Х. Сравнительный анализ элементного состава глазурей средневековой поливной керамики // Археология и естественные науки Татарстана. Книга 4. – Казань: ООО «Фолиант», Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. – С. 307–321.

Информация об авторе:

Храмченкова Резида Хавиловна, кандидат физико-математических наук, зав. лабораторией, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (Казань, Российская Федерация); rezidahram@mail.ru

CHEMICAL COMPOSITION OF THE CLAYS AS INDICATOR RAW MATERIAL SOURCES

R.Kh. Khramchenkova

The paper presents the results of study on the chemical composition of unglazed pottery from the excavations of the Bulgar fortified settlement site and the clay, selected from the modern deposits of ceramic raw materials located near the medieval settlement sites. Significant differences in macro- and microelement composition of different groups of ceramics have been revealed. The difference in the macroelemental composition is largely determined by the ceramic fabric recipe. Thus, the high calcium content corresponds to the addition of river shells, the high content of silicon results from sand addition. A more interesting picture has been revealed in the course of studies of the so-called “trace elements” (microelements). Nine groups of ceramics with different elemental set have been distinguished. The first two groups consist of imported ceramics; other groups have demonstrated a rather pronounced elemental composition. The most notable variations are observed in chromium, vanadium and nickel content. Similar microelement composition variety has been observed in clays from deposits of different localization, while the concentration of the mentioned elements in a variety of clays also differs considerably. Therefore, marker elements typical of different clays have been identified. A comparative analysis of the data obtained for clay raw materials and ceramics has been conducted. The results demonstrate the potential of studying the elemental composition in order to determine the localization of the raw material sources for ceramic production.

Keywords: the Middle Volga region, the Bulgar fortified settlement site, medieval ceramics, chemical composition, microelements, sources of ceramic raw materials.

REFERENCES:

1. *Gidrogeologiya SSSR (Hydrogeology of the USSR)*. Vol. 13. 1970. Moscow: “Nedra” Publ. (in Russian).
2. Zhurukhina, E. Yu., Khramchenkova, R. Kh. 2012. In *Filologiya i kul'tura (Philology and Culture)* (3 (29)), 226–234 (in Russian).
3. Kaiukova, G. P., Kiiamova, A. M., Nigmedzianova, L. Z., Morozov, V. I., Khramchenkova, R. Kh., Khramova, E. V. 2007. In *Neftianoe khoziaistvo (Oil Industry)* (2), 105–110 (in Russian).
4. Nabiullin, N. G., Khramchenkova, R. Kh. 2013. In *Filologiya i kul'tura (Philology and Culture)* (3 (33)), 240–244 (in Russian).
5. Ozol, A. A. 2004. *Protsessy poligennogo neftegazo- i rudoobrazovaniia i ikh ekologicheskie posledstviia (Processes of Polygenic Oil and Gas- and Ore-Formation and their Environmental Consequences)*. Kazan: “Pluton” Publ. (in Russian).
6. Sitdikov, A. G., Khramchenkova, R. Kh. 2011. In *Vestnik Tatarskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta (Bulletin of Tatar State Humanitarian Pedagogical University)* (3 (25)), 125–133 (in Russian).
7. Khlebnikova, T. A. 1984. *Keramika pamiatnikov Volzhskoi Bolgarii: (K voprosu ob etnokul'turnom sostave naseleniia) (Ceramic Ware of the Volga Bulgaria Sites. On*

Supported by RFFR grant no. 13-06-97050 “Raw material sources for medieval craft production in Bolgar city and its neighborhood.

the question of ethnocultural composition of population). Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

8. Khrumchenkova, R. Kh. 2011. In *Arkheologiya i estestvennyye nauki Tatarstana (Archaeology and Natural Sciences of Tatarstan)* 4. Kazan: “Foliant” Publ.; Institute for History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 307–321 (in Russian).

About the Author:

Khrumchenkova Rezida Kh. Candidate of Physics and Mathematics. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; rezidahram@mail.ru

УДК 902

ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ГОРОДИЩЕ БОЛГАР (ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ)

© 2014 г. А.А. Гольева

В статье приведены первые результаты комплексных естественнонаучных исследований на городище Болгар, проведенных в 2011 г. Образцы для анализа отбирались сериями в виде вертикальных колонок из стенок раскопа. Были определены породы деревьев, использовавшихся при строительстве, состав сырцовых кирпичей и скрепляющего их раствора, а также генезис отдельных культурных слоев. Установлено, что развитие и функционирование городища имело возвратно-поступательный характер: периоды интенсивного обживания отдельных участков сменялись короткими этапами запустения. Во всех исследованных колонках почв с культурными слоями есть прослой, состоящие исключительно из фитолитов и кутикулярных слепков. Это может объясняться тем, что на участке были значительные по протяженности и мощности слои из навоза. Данный вывод дискуссионен и требует проведения дальнейших исследований.

Ключевые слова: Среднее Поволжье, городище Болгар, естественнонаучные исследования, культурные слои, древесные породы, кирпич, фитоциты.

На Болгарском городище в 2011 гг. параллельно с археологическими проводились естественнонаучные исследования, включающие в себя обзор стенок раскопа в полевых условиях, отбор образцов с проведением серий анализов в лаборатории. Подобного рода работы в Болгаре проводятся впервые, поэтому все выводы носят предварительный характер. Мы надеемся, что эти исследования будут продолжены и создана статистически значимая база данных, позволяющая реконструировать отдельные этапы бытования, специфику хозяйствования жителей городища.

Основной целью исследования являлось определить особенности систем хозяйствования, бытования и природопользования в период становления и функционирования Болгарского городища.

Для достижения поставленной цели был использован комплекс естественнонаучных методов, наиболее результативных на сегодняшний день в области археоботаники и археологического почвоведения: морфологический, ксилотомический (определение породы деревьев), химический (определение валового фосфора) и микробиоморфный.

Объекты исследования были сосредоточены в раскопе 162. Анализировались образцы из колонок почв и культурных слоев стенок раскопа, материал сырцовых кирпичей различного цвета и скрепляющего их раствора, а также древесина и древесные угли, выявленные в процессе проведения раскопок.

Представляется важным привести краткую характеристику использо-

ванных методов, их информационные возможности и ограничения.

Определение древесных пород. Республика Татарстан расположена в умеренном климатическом поясе. Это значит, что все многолетние растения имеют период покоя в зимние месяцы, то есть различную скорость нарастания древесины, что способствует формированию годичных колец. Важно, что деревья, принадлежащие различным ботаническим семействам, формируют специфический рисунок сочетания клеток и сосудов внутри годичного кольца. Рисунок отличается у различных родов растений, что позволяет использовать этот признак при диагностике древесины или древесных углей даже спустя длительный промежуток времени. Существуют определители древесных пород по особенностям рисунка годичных колец (Гаммерман и др., 1946, 107 с.).

Основным ограничением метода является тот факт, что определение породы, как правило, возможно, лишь в пределах родов, а иногда – семейств. Определение в пределах вида – исключение. Несколько характерных примеров: род – Тополь (*Populus*) включает виды: Тополь белый (серебристый), Тополь черный (пирамидальный), Тополь дрожащий (осина) и др. Они произрастают в разных экологических условиях, но формируют сходный рисунок древесины (Алексеев и др., 1997, с. 128–139). Род Сосна (*Pinus*) включает виды: Сосна обыкновенная, Сосна карликовая (кедровый стланник), Сосна крымская, Кедр сибирский и др. (Алексеев и др., 1997, с. 83–94), но рисунок древесины у всех деревьев будет один. А растения семейства розоцветных (*Rosaceae*) ввиду длительного природного и осо-

бенно антропогенного межродового скрещивания вообще устойчиво определяются лишь в пределах семейства.

Необходимо принимать во внимание и ограничение метода в связи с особенностями сохранности образцов. Наибольшая сохранность во времени характерна для древесного угля: он не поедается микрофлорой и имеет относительно жесткий каркас из обугленной целлюлозы. Сохранность древесины значительно ниже. Дерево может быть сплющено за счет давления вышележащих грунтов, разрушено микроорганизмами за период консервации в толще грунта, нельзя исключать и антропогенную деформацию дерева, когда оно сдавливалось в процессе эксплуатации, что иногда наблюдается для нижних венцов срубов, особенно если при строительстве используется не новая древесина, а части каких-то более ранних хозяйственных деревянных изделий или построек.

На сегодняшний день накоплен большой объем данных по характеру и типу использования древесины в прошлом как для отдельных регионов России, так и по хроноинтервалам. В основном эти данные касаются степной и таежной зон нашей страны (Гольева, 1999, 2005, 2009–2011 и др.). Материалы, полученные при работе в Болгаре (зона широколиственных лесов и лесостепи), важны, поскольку заполняют промежуточный интервал в создаваемой базе данных по специфике хозяйственного использования древесины в прошлом в разных регионах страны.

Химический анализ. Определение валового фосфора. Фосфор – биофильный элемент наравне с азотом, углеродом и кислородом. Опре-

деляющая роль в биогеохимии фосфора принадлежит живому веществу. Максимальные величины валового фосфора в почвах характерны для верхних гумусовых горизонтов, с глубиной содержание элемента в почве уменьшается. В итоге наблюдается аккумуляция фосфора в органогенной толще при минимальных величинах в минеральной. В почвы фосфор поступает за счет растительного опада и умершей почвенной фауны. В культурных слоях поселений к этим факторам добавляется еще фосфор из древесины, костей, пищевых остатков и бытовых отходов. Таким образом, поселенческие ландшафты содержат валовый фосфор значительно больше по сравнению с природными. Растворимость фосфора варьирует в зависимости от условий среды, форм соединений, наличия углекислоты и др. В то же время при любых значениях pH почвенных растворов могут существовать плохо растворимые (практически не растворимые) соединения фосфора, возможно химическое поглощение фосфатов ионами кальция, алюминия, железа с образованием малорастворимых форм.

Микробиоморфный анализ. Биогенные частицы. Микробиоморфы – микроскопические частицы, обладающие морфологической самостоятельностью и устойчивостью, – обязательный компонент природных и антропогенных систем. Они являются индикаторами особенностей функционирования почв и почвенно-ландшафтных систем.

Микробиоморфный метод включает ряд частных анализов: фитолитный, споро-пыльцевой, диатомовых водорослей, детрита, спикул, углей, кутикулярных слепков и др. Каждая

из этих частиц формируется при разложении конкретного вида органического объекта и в итоге является его «визитной карточкой». При комплексном подходе учитывается информационная роль каждого из них. Таким образом, микробиоморфный метод представляет собой совокупность частных анализов, проводимых по единой методике (Гольева, 2008).

Каждый вид микробиоморфа несет свою информационную нагрузку и играет определенную индикаторную роль, при этом сохранность частиц высока, что позволяет использовать метод при исследовании палеопочв и культурных слоев древних поселений. Но, поскольку работа идет с частицами малой размерности (менее 0,05 мм), информативность получаемых данных имеет достаточно общий характер. Например, можно уверенно определить древесный детрит и говорить об использовании древесины, но практически никогда нельзя диагностировать породу дерева. Органика животного происхождения (кожа, шерсть, волосы, шкуры, войлок и пр.) не имеет какого-либо прочного «скелета» в отличие от растительных волокон и под микроскопом определяется в виде крупных бесформенных сгустков аморфного облика. Другими словами, можно уверенно диагностировать наличие в прошлом на данном месте представителя животной органики, но идентифицировать его невозможно. Свою специфику имеют фитоциты – кремниевые копии растительных клеток. По индикаторной информативности морфологии фитоцитов все растения делятся на две группы. Опаловые образования растений первой группы не обладают характерной морфологией

для последующей их индикации в образцах почвы, то есть фитолиты в растениях формируются, но их форма не специфична. Фитолиты растений второй группы, наоборот, с высокой степенью достоверности можно идентифицировать при анализе почвенного материала. Именно эти формы фитолитов и являются основой фитолитного анализа. Иными словами, фитолитный анализ позволяет определять не все растения, которые использовались людьми, а только те из них, в которых эти фитолиты есть: все злаки (включая тростник и культурные формы), осоки (включая камыш), мхи, ряд разнотравья, в том числе сорную флору (крапиву, коноплю).

При всех ограничениях микробиоморфный метод достаточно информативен, поскольку становится возможным получать информацию в тех случаях, если никакими другими методами это сделать нельзя ввиду полной минерализации исходного материала. Комплексный подход, когда учитывается все разнообразие биогенных частиц в исследуемой фракции, позволяет с высокой долей вероятности реконструировать тип органического материала, если он использовался. Например, наличие кутикулярных слепков растений совместно с остатками корней является убедительным признаком того, что образец являлся дерниной или лесной подстилкой. В то же время наличие только кутикулярных слепков без корней позволяет сделать вывод о том, что растения на данном месте не произрастали, они были привнесены искусственно и это были только растения, а например, не дернина или лесная подстилка.

Анализы проводились в Институте географии РАН. Мацерация сдела-

на аналитиками Е.А. Агафоновой и И.В. Туровой. Аналитическое определение валового фосфора проведено И.В. Туровой.

Образцы отбирались сериями в виде вертикальных колонок. На раскопе 162 было отобрано три колонки образцов для сравнительного анализа полученных результатов и отдельно образцы из различных по цвету сырцовых кирпичей и соединяющего их раствора: 1) квадрат В1, ЮВ стенка; 2) квадрат В2, СВ стенка; 3) выборочно дополнительные (дублирующие) образцы из квадрата В2, СВ стенки.

Всего микроскопически просмотрено 39 образцов; в 9 образцах определено содержание валового фосфора; в 42 образцах определен состав древесных пород. Результаты исследования представлены в серии таблиц. В работе названия образцов приведены согласно полевой информации, а также указанной в надписях на пакетах с образцами.

Результаты исследования

Определение породы дерева. Всего было просмотрено 42 образца. Результаты работы показаны на рисунке 1. Количество образцов небольшое, это не позволяет считать выводы окончательными и статистически значимыми, но определенное представление о специфике использованной древесины получить можно.

Все встреченные породы деревьев произрастают в настоящее время на территории республики, что позволяет считать абсолютное преобладание местной древесины при строительных работах в Болгаре в прошлом. Среди исследуемого разнообразия пород (8 разновидностей, не считая кустарников) преобладают хвойные (сосна и ель), далее идут ива и тополь.

Скорее всего, эти деревья в основном использовались в хозяйстве и быту. Но если рассматривать более общие древесные породы, то можно отметить преобладание лиственных пород над хвойными. Наличие образцов березы и кустарников, как правило, связано с длительными масштабными рубками, когда коренные леса не успевают восстанавливаться и в хозяйстве начинают использоваться пионерные породы, то есть те, которыми зарастают вырубки.

Следует отметить, что встреченный состав древесных пород и особенно соотношение между ними не являются отражением состава древесины в окрестных лесах того времени. Это набор пород, выборочно использованный в бытовых и хозяйственных целях. Какие-либо корреляции между составом лесов и хозяйственным использованием древесины являются не корректными, особенно учитывая малое количество образцов в целом.

Продолжение подобных исследований позволит накопить статистически значимые результаты, что, в свою очередь, будет способствовать более полному пониманию природной обстановки времени функционирования города и особенностей хозяйственного уклада жителей.

Характеристика образцов по содержанию валового фосфора. Образец почвы из квадрата В2 северо-восточной стенки был отобран в качестве сравнительного фонового показателя. Данный слой являлся типичным поверхностным (гумусовым) горизонтом почвы. Следовательно, количество валового фосфора в этом образце соответствует нормальным значениям для природных объектов. Цифры выше этого значения указывают на

антропогенное искусственное добавление органики, т.е. это – культурные слои. Чем больше валового фосфора в образце, тем большая часть органического материала имела животный генезис. Преобладание разнообразного растительного материала имеет по валовому фосфору промежуточные значения между природными объектами и животной органикой.

В исследованных образцах из квадрата Б1 (юго-восточная стенка) самый нижний образец (110–115 см), определенный в поле как природный почвенный, содержит повышенное количество валового фосфора (рис. 2). Возможно, этап освоения территории начался несколько раньше, чем определено по археологическим данным, и этот слой отражает начальный период прихода людей на территорию нынешнего Болгара.

Выше (образец 105–110 см) количество валового фосфора резко возрастает – это типичный КС¹, хотя в полевых условиях он морфологически не выделялся. Над ним залегает слой 100–105 см. Количество фосфора в нем минимально среди всей колонки из данного квадрата. Оно соответствует природным значениям. Возможно, был период запустения, когда доминировали природные значения, но не исключен вариант искусственного привноса минерального материала, практически не содержащего фосфора (глина, песок, щебень и т.п.). Перемешивание материала культурного слоя с минеральным мелкоземом снижает количество биофильного элемента (фосфора). Для уточнения выводов о генезисе толщи сделан микробиоморфный анализ.

¹ Здесь и далее КС – культурный слой.

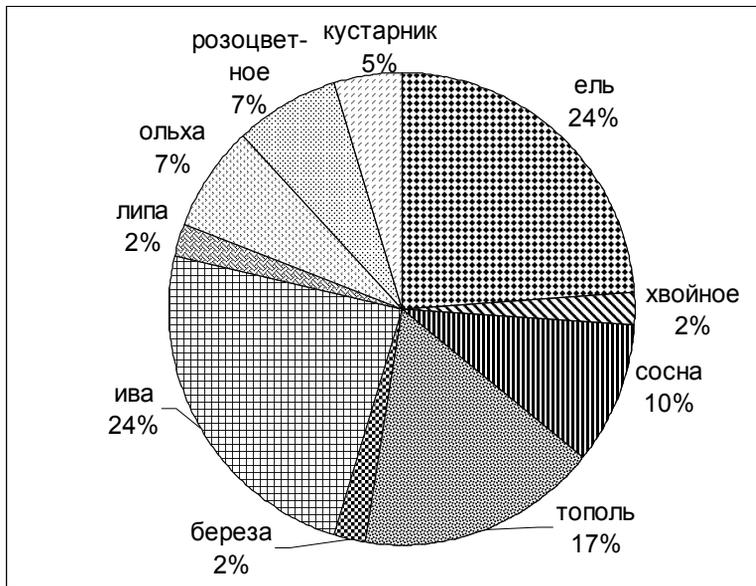

Рис. 1. Распределение древесины по породам

Рис. 2. Распределение валового фосфора. Квадрат Б1, ЮВ стенка

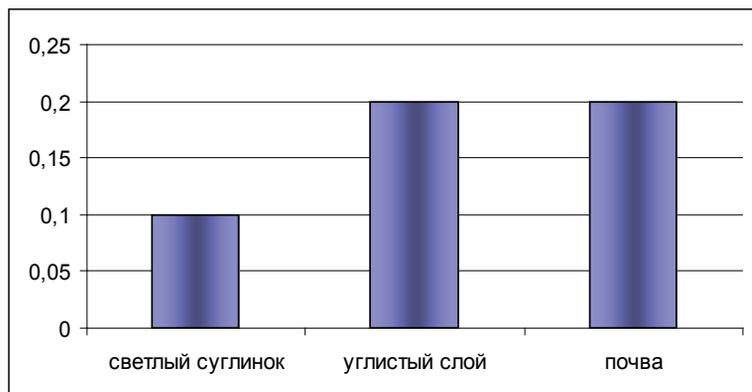
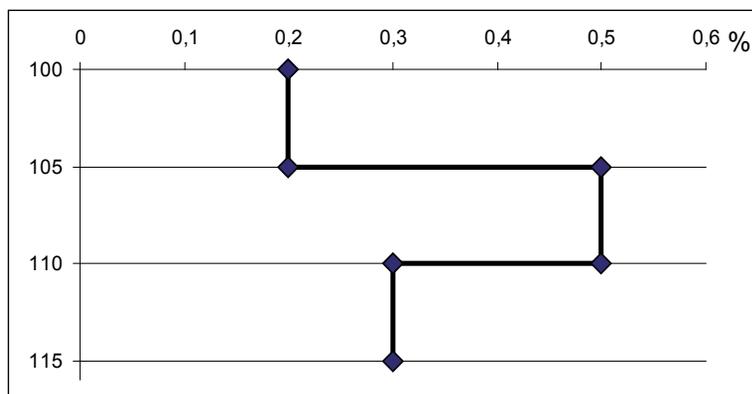

Рис. 3. Содержание валового фосфора (%) в образцах из квадрата В2, СВ стенка

Колонка образцов из квадрата В2 (северо-восточная стенка) не имеет явно выраженных максимумов (рис. 3). Фосфора в целом немного, при этом в верхнем образце (светлый суглинок) количество этого элемента минимально, т.е. основным компонентом в данном слое является не органическая, а минеральная составляющая. В этом случае возможны те же объяснения, что и для верхнего образца из предыдущей колонки.

Вне почвенных колонок рассматривались образцы из различного по цвету кирпича сырца (зеленый и красный), чтобы определить есть ли зависимость между цветом кирпича и количеством валового фосфора в нем. Так же для сравнения был взят образец раствора, скрепляющего кирпичи (рис. 4). Согласно полученным данным, именно в растворе количество фосфора максимально, т.е. в него добавлялась какая-то разновидность животной органики. В сами кирпичи органическая масса добавлялась, но, вероятнее всего, она имела растительное, а не животное происхождение.

Во всех спорных случаях для получения более определенного вывода необходимо проведение независимого анализа, каковым является микробиоморфный.

Микробиоморфный анализ.

Результаты анализа представлены в таблицах 1, 2 и рисунках 5–8. В почвенных колонках есть слои, где количество фитоцитов оказалось аномально большим – выше нормы для природных объектов в 15–20 раз. Поэтому для почвенных колонок графическое изображение общего количества фитоцитов дано дважды: в первом случае показаны данные по всем образцам, на втором графике приведе-

ны значения только для образцов, где фитоцитов менее 1000 в стандартном объеме просматривания. Такая подача материала позволяет вначале увидеть контраст содержания фитоцитов в разных слоях, а потом детальнее изучить распределение фитоцитов в остальных образцах.

Таблица 1 показывает соотношение различных компонентов биоморфной фракции, она имеет полуколичественный характер, на рисунках приведено содержание и распределение кремниевых частиц биогенной природы в количественных параметрах, а также соотношение долей различных групп фитоцитов. Ниже приводится описание образцов, выводы отдельно по каждому образцу и по просмотренной колонке образцов в целом.

В таблице 2 отражено соотношение различных фитоцитных ассоциаций – биоценологических групп. Также показаны количество и доля других кремниевых микробиоморф (панцири диатомовых водорослей, спикулы губок), если они присутствовали в образцах.

Раскоп 162 (кв. Б1, ЮВ стенка; рис. 5).

0–10 см, КС. Образец содержит очень много обугленного детрита, преобладает древесный. Много аморфной органики и фитоцитов. В фитоцитном комплексе высока доля мхов и разнотравья (26 и 46% соответственно). По 1% содержится форм, характерных для культурных злаков и сорной флоры.

Вывод по образцу: в целом состав микробиоморфной фракции образца характерен для культурного слоя, проработанного процессами почвообразования. Обилие обугленного древесного детрита позволяет предполо-

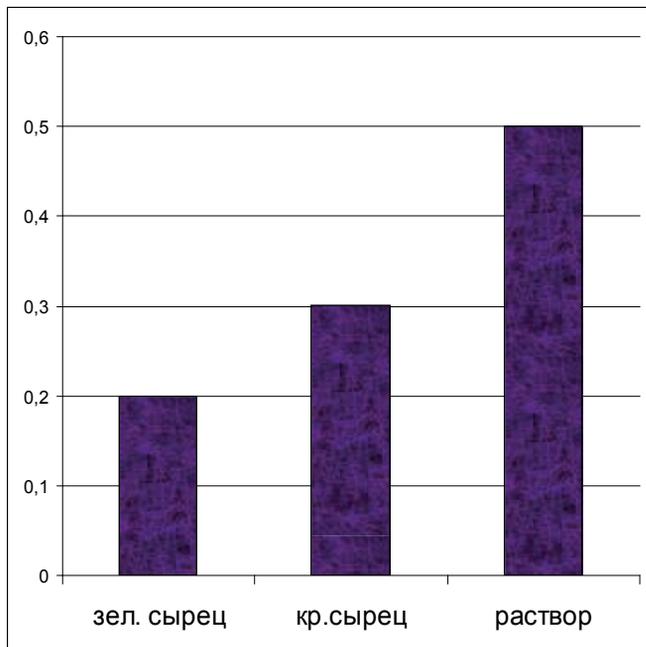
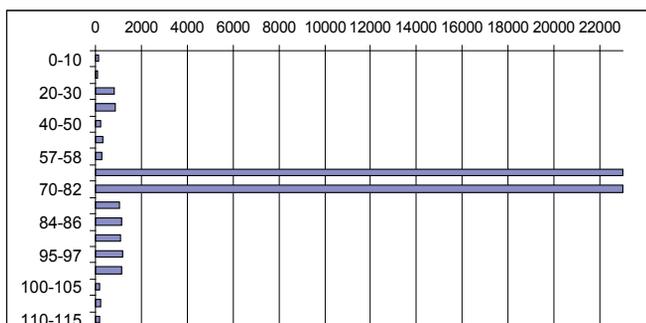
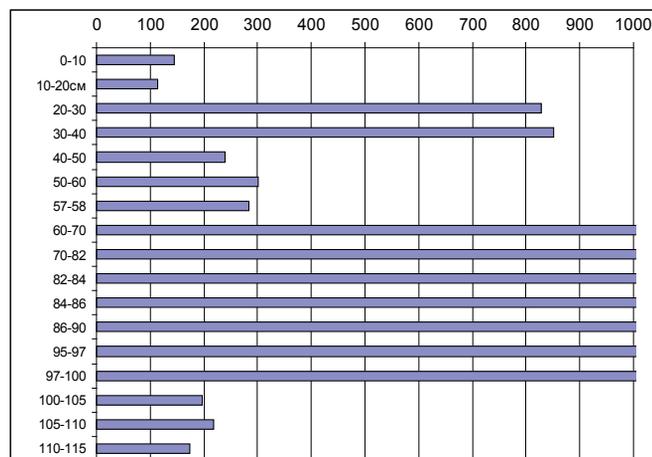

Рис. 4. Содержание валового фосфора (%) в сырцовых образцах и скрепляющем растворе

Рис. 5. Количество фитолитов. Раскоп 162 (кв. Б1, ЮВ стенка). 1. Общее количество фито-литов (шт.).

2. Количество фито-литов без учета слоев 60 – 100 см

жить, что почвообразование началось после какого-то пожара или в почву с какой-то целью вносилась зола.

10–20 см, КС. Состав фракции сходен с вышеописанной для образца 0–10 см. Основным отличием является то, что большая часть частиц не имеет признаков обугливания. В слое единично присутствуют также пыльцевые зерна.

Вывод по образцу. Наличие пыльцы в толще может быть связано с тем, что этот слой был на определенном этапе поверхностным или вся толща (0–20 см) когда-то перемешивалась. Малая доля в этом слое обугленных частиц позволяет считать, что данный слой формировался без пожаров.

20–30 см, КС. В образце много детрита, аморфной органики, фитолитов. В фитолитном комплексе в основном различные травы и мхи (33 и 32% соответственно).

Вывод по образцу. Слой является типичным культурным слоем, где находились различные травы.

30–40 см, КС. Состав образца в целом сходен с вышеописанным. Скорее всего, генезис тот же.

Вывод по образцу. Это такой же культурный слой, как и вышележащий.

40–50 см, КС. Образец выделяется большим количеством обугленного древесного детрита, фитолитов и кутикулярных слепков, также обугленных. Единично присутствует пыльца трав.

Вывод по образцу. На данном месте было что-то из древесины (строение?), которое сгорело. Кроме дерева, здесь были травы, которые также сгорели. На остывшие угли осела пыльца, и, вероятно, выросли травы, то

есть после пожара участок некоторое время был открыт.

50–60 см, КС. Основным отличием данного образца от предыдущего является отсутствие обугленных частиц и большее количество пыльцевых зерен.

Вывод по образцу. Слой, безусловно, был поверхностным, здесь росли травы, т.е. это была дернина (двор?).

57–58 см, черный прослой. Образец выделяется обилием крупных обугленных частиц травянистого детрита, фитолитов, кутикулярных слепков, также обугленных. В фитолитном комплексе высока доля мхов и разнотравья, есть формы, характерные для сорной флоры (31, 42 и 2% соответственно).

Вывод по образцу. Слой является сгоревшей травянистой дерниной.

60–70 см, КС. Основным компонентом фракции являются фитолиты и кутикулярные слепки. Содержание остальных компонентов мало и незначимо. Среди фитолитов относительно высока доля обломков, т.е. процесс формирования фитолитов не был завершен.

Вывод по образцу. Подобный состав микробиоморфной фракции встречается только в двух случаях: 1) образцах навоза, когда животные потребляют молодую траву. Отсутствие других компонентов позволяет предположить, что это был лошадиный навоз или мелкого рогатого скота. 2) второй вариант – на данном месте был значительный по объемам склад сена.

70–82 см, КС. Состав образца полностью совпадает с вышележащим слоем 60–70 см. Следовательно, они имеют единый генезис.

Вывод по образцу. Здесь было или скопление навоза копытных животных или крупный склад сена.

82–84 см, черный прослой. Образец обогащен крупными остатками обугленного травянистого детрита, фитолитов, кутикулярных слепков, много аморфной органики, корней.

Вывод по образцу. Слой является сгоревшей травянистой дерниной. При этом сама дернина образовалась на КС с обилием растений или на навозе.

84–86 см, бурый слой. Образец содержит большое количество древесного и травянистого детрита, обилие фитолитов, аморфной органики, корни трав. В небольшом количестве есть кутикулярные слепки.

Вывод по образцу. На данном месте была растительная масса (травянистая и древесная), которая в основном разлагалась естественным образом или был навоз.

86–90 см, черный слой. Содержит большое количество крупного обугленного травянистого детрита, много фитолитов и кутикулярных слепков, которые также обуглены. Есть корни трав. В составе фитолитов преобладают формы, характерные для лугового разнотравья.

Вывод по образцу. На данном месте была хорошо сформированная травянистая дернина, которая сгорела.

95–97 см, бурый слой. Содержит много древесного детрита и обилие фитолитов. В малых количествах есть кутикулярные слепки и пыльцевые зерна трав.

Вывод по образцу. Возможно, данный слой когда-то был поверхностным (об этом свидетельствует наличие пыльцевых зерен). Обилие древесного детрита указывает, что

слой – разложившаяся древесина. Большое количество фитолитов позволяет предположить, что здесь могли храниться травы или было перекрытие.

97–100 см, дернина (?). Состав фракции сходен с описанной для вышележащего образца 95–97 см. Отличие состоит в отсутствии кутикулярных слепков и пыльцевых зерен, а также существенно меньшей размерности детрита. Среди большого количества фитолитов 4% приходится на культурные злаки.

Вывод по образцу. Слой не определяется как поверхностный дерновый. Присутствие фитолитов культурных злаков позволяет предположить, что это – остаток пахотного горизонта.

100–105 см, КС (?), почва (?). Содержание всех частиц велико. Также можно отметить наличие пыльцевых зерен и корней трав.

Вывод по образцу. Слой можно охарактеризовать как поверхностный или регулярно перемешиваемый, потому что только при этих условиях возможно присутствие пыльцевых зерен и относительно большое количество фитолитов.

105–110 см, почва (?). Основным отличием этого образца от вышележащего является увеличение количества фитолитов при отсутствии пыльцевых зерен.

Вывод по образцу. Возможно, вся толща 100–110 см формировалась одновременно за счет распашки. При этом данный образец был нижней частью пахотного горизонта, а слой 100–105 см – верхней. Единственное, что можно сказать определенно – слой не является чисто почвенным, это антропогенно преобразованная толща.

110–115 см, почва. В образце много детрита, аморфной органики, фитолитов. Единично присутствуют спикула губки и обломок панциря диатомовой водоросли. В малых количествах есть пыльцевые зерна трав.

Вывод по образцу. Слой на этапе своего формирования был поверхностным или же, как и предыдущий, является нижней частью древнего пахотного горизонта. В последнем случае присутствие гидрофильной биоты (спикулы и диатомовые) объяснимо, поскольку пашня поливалась водой. В ином случае можно говорить как о древнем аллювиальном генезисе самой породы, так и об искусственном привносе этих частиц при освоении участка.

Вывод по исследованной колонке.

Всю колонку можно охарактеризовать как серию различных по интенсивности КС. С определенной долей условности почвой, вернее, ее поверхностным горизонтом, можно считать самый нижний из рассмотренных образцов (110–115 см).

Вышележащие слои отражают различные этапы обживания участка: менее интенсивные на начальных этапах и более интенсивные впоследствии. Большое количество фитолитов даже в самом нижнем из рассмотренных образцов не типично для нижних горизонтов почв. Оно возможно лишь в случаях погребенных поверхностей и при распашке, когда за счет регулярного перемешивания слоя и добавлении золы или навоза происходит равномерное распределение значительных количеств фитолитов по всей толще пахотного слоя.

Выделяется толща 60–82 см. Это, вероятнее всего, склад сена или навоз жвачных животных. На этом слое

расположен горизонт сгоревшей травянистой дернины (слой 57–58 см), т.е. был период какого-то запустения, забрасывания участка, и все заросло травами. Далее дернина была сожжена и процесс формирования КС продолжился.

Различные по цвету прослой в толще КС связаны с различиями в истории жизни города. Черные слои образовывались в результате пожаров, в то время как бурые отражают период, когда органическая масса разлагалась естественным образом.

Раскоп 162 (кв. В2, СВ стенка; рис. 6).

12; дерн, огород верх. Образец обогащен всеми формами, характерными для поверхностных горизонтов почв: детритом, аморфной органикой, фитолитами, кутикулярными слепками. Детрит, особенно древесный, и фитолиты обуглены. Есть целые и обломки панцирей диатомовых водорослей, корни трав, гифы почвенных грибов. Фитолитов очень много, состав комплекса сложный, большинство форм обуглены.

Вывод по образцу. Это типичный поверхностный горизонт. Обилие фитолитов и обугленность большинства частиц позволяют считать, что огород удобрялся золой. А значительное количество диатомовых указывают, что огород поливался стоячей водой из открытых источников.

11; ТСС+огор.низ. Состав фракции практически идентичен вышележащему образцу 12. Единственным незначительным дополнением является единичное присутствие пыльцевых зерен трав.

Вывод по образцу. Однотипность состава, типичная для огородных или пахотных горизонтов из-за регулярно-

го перемешивания толщи. Это создает гомогенность всего агрогенного горизонта. Присутствие пыльцевых зерен в нижней части огородного горизонта также нормально именно за счет перемешивания (переворачивания) слоя в процессе обработки.

10; СС+угли. Образец обогащен обугленным древесным детритом и фитолитами. В небольших объемах присутствует аморфная органика, есть малое количество спикул губок и панцирей диатомовых водорослей. Состав фитолитного комплекса сложный. Можно отметить наличие форм, характерных для тростника и культурных злаков (4 и 3% соответственно).

Вывод по образцу. Слой однозначно является КС. Скорее всего, здесь горело что-то из дерева. Большое количество фитолитов позволяют предположить, что помимо дерева были (горели) и травы, включая тростник (перекрытие? подстилка?). Не исключено, что здесь был навоз.

9; СС слой 4 поздний. Слой содержит большое количество обугленного древесного детрита и фитолитов. Много аморфной органики. В фитолитном комплексе высока доля мхов и разнотравья (36 и 44% соответственно).

Вывод по образцу. Это КС, где горела древесина и мхи с травами. Возможно, мхи попали в образец вместе в древесиной.

8; СС+зеленоватый слой. В образце преобладает крупный обугленный древесный детрит. Много аморфной органики, фитолитов, есть кутикулярные слепки, единично – пыльцевые зерна и корни трав. В фитолитном комплексе единично присутствуют формы, характерные для культурных злаков.

Вывод по образцу. Данный слой можно охарактеризовать как поверхностный, вероятнее всего, это была дернина по пашне.

8; Зеленоватый прослой слоя 4. Детрита мало, он мелкий и обугленный, есть аморфная органика, единичные пыльцевые зерна и фитолиты. Состав фитолитов в целом сходен с таковым для вышележащего образца 8. Отсутствуют кутикулярные слепки.

Вывод по образцу. Вероятнее всего, оба образца имеют единый генезис. Данный слой можно рассматривать как нижнюю часть предыдущего слоя, то есть они формировались одновременно за счет общих процессов, вероятнее всего, пахотных.

7; СС+угли, слой 4 ранний. Образец содержит большое количество очень крупного обугленного древесного детрита, аморфной органики, много корней. Кроме этого, в образце много фитолитов и кутикулярных слепков, которые также обуглены. Состав фитолитного комплекса сложно-составной, много разных форм, в том числе культурные злаки и сорная флора (3 и 2% соответственно).

Вывод по образцу. На данном месте горели древесина и различные травы. Возможно, было какое-то хранилище сена, поскольку обилие кутикулярных слепков указывает на то, что здесь находились крупные части растений, а не прошедшие через пищеварительный тракт, как в образцах навоза.

6; Песок. Образец представляет собой исключительно скопление фитолитов и кутикулярных слепков аналогично образцам 60–70 и 70–82 см в предыдущей колонке. Содержание других компонентов незначимо.

Вывод по образцу. Вывод для этого образца аналогичен с выводами для

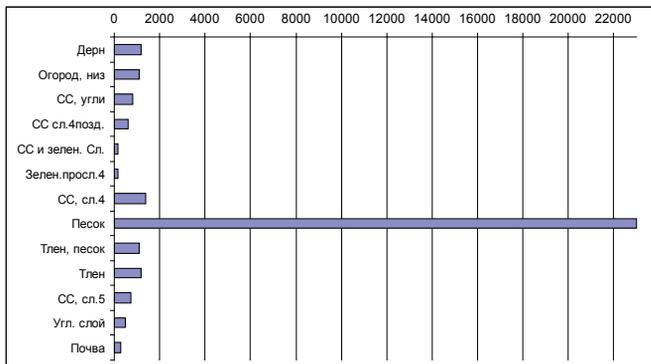
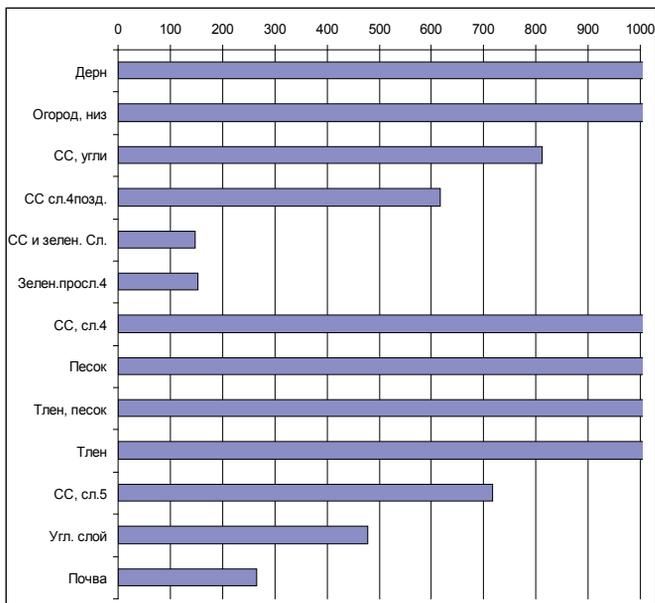
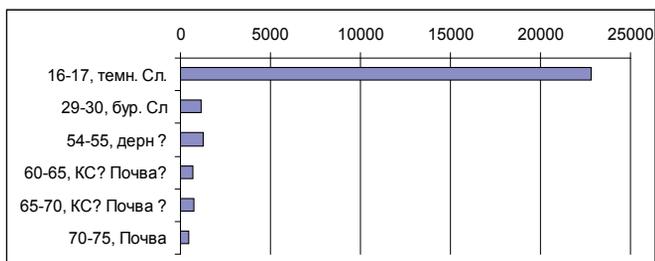

Рис. 6. Количество фитолигов. Раскоп 162 (кв. В2, СВ стенка) .
1. Общее количество фитолигов (шт.).

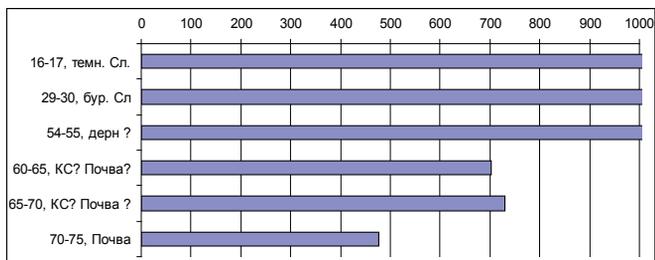

2. Распределение фитолигов в образцах, где их менее 1000 штук на фиксированный объем

Рис. 7. Количество фитолигов. Раскоп 162 (кв. В2, СВ стенка, дублирующая колонка).
1. Общее количество фитолигов (шт.).

2. Количество фитолигов без учета верхнего образца (шт.)

таких же образцов. Здесь был склад сена или навоза копытных животных.

5; Тлен+песок. В образце мало детрита, он мелкий, но при этом очень много фитолитов; есть кутикулярные слепки. В фитолитном комплексе высока доля мхов (44%), встречаются культурные злаки (2%).

Вывод по образцу. Слой создан за счет навоза. Не исключено, что некоторые частицы попали в слой из вышележащего слоя, но подобное явление вряд ли было значительным, учитывая различия в качественном составе фитолитов. Это самостоятельный КС, который формировался независимо от выше- и нижележащих слоев.

4; Тлен. Образец выделяется обилием травянистого детрита и фитолитов с кутикулярными слепками. В составе фитолитов много различных форм, включая культурные злаки (3% от общего количества). Много мхов (43%).

Вывод по образцу. Образец является разложившейся травянистой подстилкой, где помимо трав использовались и мхи в больших объемах.

3; СС, слой 5. Образец содержит много крупного обугленного древесного детрита, в составе которого есть частицы хвойных и лиственных деревьев. Очень много фитолитов. В фитолитном комплексе основная часть представлена разнотравьем.

Вывод по образцу. Это культурный слой. Возможно, здесь находилось что-то из древесины (постройка?), которая сгорела. Обилие трав может быть связано с постройкой – это или какое-то складирование трав внутри, или они использовались в качестве покрытия крыши. Учитывая отсутствие кутикулярных слепков, можно предположить, что речь идет о кирпи-

че-сырце, в котором в значительных объемах использовался навоз.

2; Углистый слой. В образце много обугленного травянистого детрита. Древесный также присутствует, но в значительно меньших объемах. Очень много фитолитов, кутикулярных слепков. Все частицы обуглены. Среди фитолитов высока доля разнотравья и мхов (30 и 40% соответственно).

Вывод по образцу. Слой является сгоревшей травянистой дерниной. Здесь росли мхи и травы.

1; Почва; Образец содержит аморфную органику, фитолиты, немного мелкого детрита. В малых количествах есть спиккулы губок и кутикулярные слепки трав. В фитолитном комплексе помимо лугового и лесного разнотравья присутствуют формы, характерные для тростника/камыша и культурных злаков (по 1% каждой).

Вывод по образцу. Данный слой можно охарактеризовать как бывшая верхняя часть исходной почвы, которая была преобразована человеком. Присутствие фитолитов культурных злаков позволяет предположить, что на начальных этапах освоения участок мог распахиваться под пропашные культуры. Этим можно объяснить присутствие спиккул и фитолитов гидрофильной флоры – поле поливалось речной водой. Если нет никаких признаков возможной распашки, значит, эти травы были привнесены человеком в процессе освоения и заселения территории.

Вывод по исследованной колонке. Вся исследованная колонка несет признаки антропогенной проработки, т.е. здесь нет почвы в чистом виде. Даже самый нижний образец, определенный в поле как почва, не является ею, а отражает начальный период фор-

мирования культурного слоя. Скорее всего, на начальных этапах участок распахивался.

На этом слое расположена прослойка сгоревшей дернины. Возможно, между периодом распашки (или периодом первоначального освоения) и последующим этапом интенсивного заселения был небольшой (3–5 лет) перерыв, когда участок зарос травами. Возможно, с целью удобства обживания трава была сожжена.

Вся остальная исследованная толща – разнообразные по генезису культурные слои, для которых характерно использование значительных объемов трав и древесины, навоза копытных животных.

Можно отметить оба образца 8 как возможный пахотный этап в развитии участка, причем без внесения навоза. Верхний из этих образцов (СС+зел.с.) – это, скорее всего, дернина на заброшенной пашне. То есть фиксируется некоторый период ослабления антропогенного прессинга на исследуемой территории.

Чередование слоев со сгоревшей древесиной со слоями без нее, позволяет предположить, что на участке регулярно возводились какие-то постройки, которые горели, короткое время участок был помойкой, но потом строения восстанавливались. Обилие фитолитов с кутикулярными слепами позволяет предположить, что на определенных этапах постройки использовались под хранение трав.

Раскоп 162 (кв. В2, СВ стенка, дублирующая колонка; рис. 7).

16–17 см, темный прослой. По своему составу образец полностью совпадает с образцами 60–82 см из первой колонки и образцом № 6 (песок) из второй рассмотренной колонки:

кроме обилия фитолитов и большого количества кутикулярных слепков, других частиц практически нет.

Вывод по образцу. Это или слой навоза, или спрессованное сено. Малая мощность слоя по сравнению с первой колонкой позволяет предположить, что здесь периферия этих отложений, где их мощность была мала.

29–30 см, бурый прослой. Содержание всех частиц велико: много бурого (не обугленного) древесного детрита, фитолитов, есть кутикулярные слепки трав и, единично, пыльца сосны. Среди фитолитного комплекса высока доля мхов.

Вывод по образцу. Возможно, здесь было что-то из древесины (постройка?), а также большое количество различных трав и мхов (подстилка?). Следов пожара (обугливания) не выявлено, т.е. вся органика разлагалась естественным путем. Пыльца может указывать на то, что постройка была не закрыта (навес?) или пыльцевые зерна осели, когда строение рухнуло или было сломано.

54–55 см, дернина? Образец характеризуется обилием фитолитов. Есть крупный травянистый детрит, гифы почвенных грибов и относительно большое количество обломков панцирей диатомовых водорослей. Среди фитолитного комплекса высока доля лугового разнотравья.

Вывод по образцу. Слой, определенный в поле предположительно как дернина, таковым не является. Это настил из травы, который перепревал, поскольку пронизан грибным мицелием. Наличие панцирей диатомовых позволяет предположить, что слой поливался речной (озерной) водой. То, что панцири диатомовых раздроблены, свидетельствует о привносе воды

и ее иссушении на данном месте, т.е. воды непосредственно здесь не протекали. Диатомовые водоросли разрушались в процессе разложения растений.

60–65 см, КС? почва? В образце много фитоцитов, травянистого и древесного детрита, есть аморфная органика. В фитоцитном комплексе высокая доля различных злаков. Детрит в основном обуглен.

Вывод по образцу. Образец является типичным культурным слоем, это не почва. Слой формировался за счет привноса золы, растительной органики, различных трав, что является типичным признаком КС.

65–70 см, КС? почва? Образец большое количество крупного обугленного травянистого детрита, фитоцитов, аморфной органики. Фитоциты также обуглены. В составе фитоцитного комплекса преобладают различные злаки.

Вывод по образцу. Слой является не почвой. Это культурный слой, где горели (сжигались?) древесина и травы. Некоторые виды органики разлагались естественным образом. Выявленное большое количество частиц биогенной природы не типично для почв, оно характерно для КС.

70–75 см, почва. Образец обогащен корнями, аморфной органикой, фитоцитами. Единично встречаются кутикулярные слепки трав. Есть корродированные спикеры губки. Детрита немного, он мелкий. В фитоцитном комплексе преобладают формы, характерные для трав и злаков, но относительно высокая доля хвойных (13% от общего количества).

Вывод по образцу. Этот образец по своему составу можно характеризовать как самый верхний исходной

почвы, практически дернина. Скорее всего, слой отражает начальные этапы освоения территории – сведение лесов. Присутствие спикеры может быть связано как с древнеаллювиальным прошлым этой территории, так и с тем, что люди для своих целей в процессе обживания участка использовали речную воду, т.е. вода здесь не протекала, а была привнесена искусственно.

Вывод по исследованной колонке. Таким образом, все просмотренные образцы являются культурными слоями поселения и отражают различную степень освоения участка – от начального (образец 70–75 см), до полностью урбанизированного – остальные образцы. Какие-либо периоды длительного запустения, когда могли доминировать природные процессы, не выявлены.

Вся толща характеризуется большим количеством фитоцитов, т.е. весь период функционирования поселения растения (древесина и травы) и их производные (например, навоз) активно использовались.

Особо хочется отметить слой 15–17 см, полностью состоящий из фитоцитов. Подобные слои являются большой редкостью. Более того, эти слои есть во всех рассмотренных колонках, хотя и разной мощности. Следовательно, на участке был (были?) значительные по протяженности и по мощности слои из навоза копытных животных или сена. Учитывая практически полное отсутствие травянистого детрита, первое предположение кажется более вероятным.

Отдельные образцы (рис. 8).

Сырец (зеленый). Содержание детрита мало, много аморфной органики; количество фитоцитов среднее,

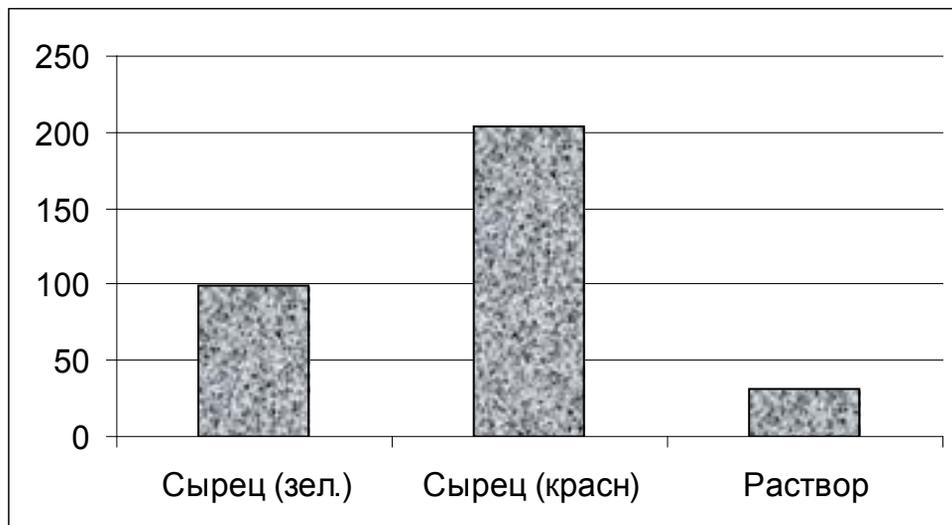

Рис. 8. Количество фитолитов в образцах из кирпича-сырца и скрепляющем растворе (шт.)

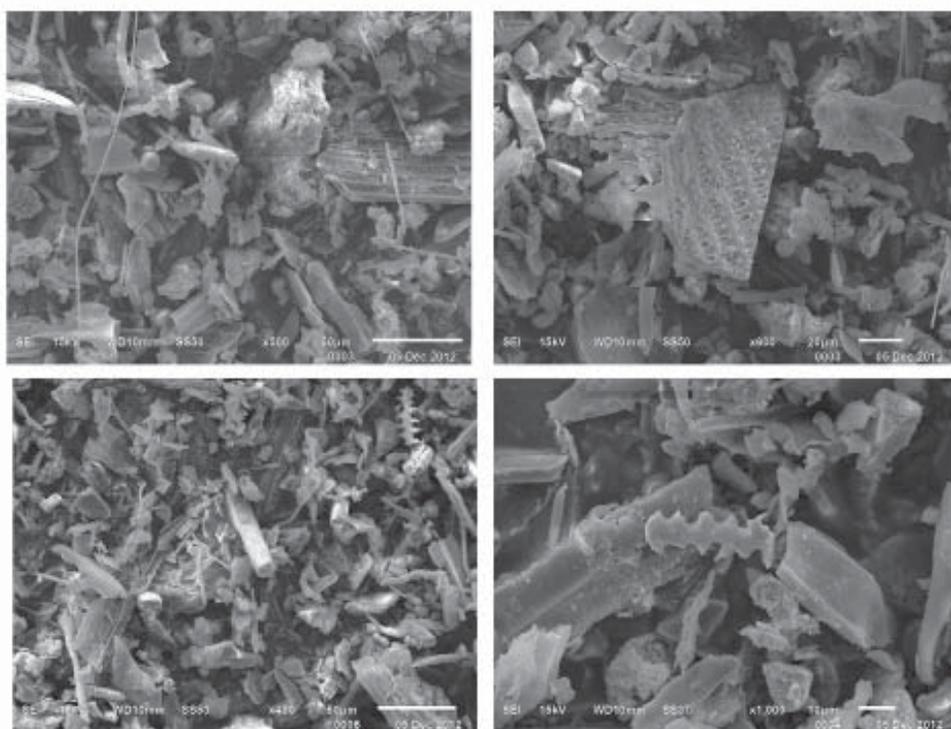

Рис. 9. Серия фотографий из слоя «песок», показывающих разнообразие и обилие фитолитов

единично встречены спикулы губки, целый панцирь диатомовой водоросли и кутикулярные слепки и пыльцевые зерна трав.

Вывод по образцу. Отсутствие детрита и наличие спикул губок и диатомовой водоросли хорошей сохранности позволяют предположить, что в массу добавлялась не растительная сечка, а речной (озерный) ил. Относительно высокое количество аморфной органической массы не противоречит данному предположению, поскольку ил, как правило, обогащен аморфной органикой.

Сырец (красный). Образец содержит большое количество крупного детрита (травянистого и древесного), много фитолитов, есть аморфная органика, кутикулярные слепки и пыльца трав в небольших объемах. В пыльцевом спектре преобладают формы, характерные для лугового разнотравья.

Вывод по образцу. В сырец однозначно добавляли растительную

массу – сечку луговых трав. Наличие большого количества древесного детрита можно объяснить тем, что древесину (опилки, стружки?) также добавляли в состав сырцовых масс, но возможны и иные объяснения, связанные с технологией производства. Присутствие пыльцевых зерен трав позволяет предположить, что сырцовую массу готовили летом, когда цвели травы и пыльца попала в массу вместе с другими микрочастицами.

Раствор. Образец содержит небольшое количество аморфной органической массы, мало мелкого детрита и фитолитов. Количество фитолитов статистически незначимо, но можно отметить относительно высокую долю хвойных (32% от общего количества).

Вывод по образцу. В раствор не добавлялась органика. Наличие всех частиц случайно. Возможно, сам раствор готовился на какой-то подстилке из лапника.

Таблица 1. Сравнительное полуколичественное содержание микробиоморф

Глубина, см; № по арх. описи	Хар-ка образца	Детрит	Аморф. орг.	Спик. губок	Диат. водор.	Фитолиты	Кутикул слепки	Другие частицы
Раскоп 162 (кв. Б1, ЮВ стенка)								
0-10	КС	+++	+++	-	-	+++	-	-
10-20	КС	+++	+++	-	-	+++	-	Пыльца – ед.
20-30	КС	+++	+++	-	-	+++	-	-
30-40	КС	+++	+++	-	-	+++	-	Корни, гифы
40-50	КС	+++	+++	-	-	+++	+++	Пыльца – ед.
50-60	КС	+++	+++	-	-	+++	+++	Пыльца ++
57-58	Черный прослой	+++	++	-	-	+++	+++	-
60-70	КС	+	+	-	-	+++	+++	-

70-82	КС	+	+	-	-	+++	+++	-
82-84	Черный прослой	+++	+++	-	-	+++	++	Корни
84-86	Бурый слой	+++	+++	-	-	+++	+	Корни
86-90	Черный слой	+++	+++	-	-	+++	+++	Корни
95-97	Бурый слой	+++	+	-	-	+++	+	Пыльца +
97-100	Дернина (?)	+++	+++	-	-	+++	-	-
100-105	КС (?) почва (?)	+++	+++	-	-	+++	-	Пыльца +, корни +++.
105-110	Почва	+++	+++	-	-	+++	-	-
110-115	Почва	+++	+++	Ед.	Ед.	+++	-	Пыльца +
Раскоп 162 (кв. В2, СВ стенка)								
12	Дерн, огород верх	+++	+++	-	+	+++	++	Корни, гифы
11	ТСС+огор. низ	+++	+++	-	+	+++	++	Пыльца - ед.
10	СС+угли	+++	++	+	+	+++	-	-
9	СС слой 4 поздний	+++	+++	-	-	+++	-	-
8	СС+зеленый слой	+++	+++	-	-	+++	+	Пыльца - ед., корни +++
8	Зеленоватый сл. 4	+	++	-	-	+++	-	Пыльца - ед.
7	СС+уг. слой 4 ранний	+++	+++	-	-	+++	+++	Корни +++
6	Песок	+	+	-	-	+++	+++	-
5	ГЛ+песок	+	+	-	-	+++	+	-
4	Глен	+++	+	-	-	+++	+++	-
3	СС+ слой5	+++	+	-	-	+++	-	-
2	Уг. слой	+++	+	-	-	+++	++	-
1	Почва	++	+++	+	-	+++	+	-
	Сырец (зел.)	+	+++	Ед.	Ед.	++	Ед.	Пыльца - ед.
	Сырец (кр.)	+++	++	-	-	+++	+	Пыльца +
	Раствор	+	++	-	-	+	-	-

Раскоп 162 (кв. В2, СВ стенка, дублирующая колонка)								
16-17	Темный прослой	+	+	-	-	+++	+++	-
29-30	Бурый прослой	+++	+	-	-	+++	+	Пыльца ++
54-55	Дернина?	++	++	-	++	+++	-	Гифы
60-65	КС? Почва?	+++	++	-	-	+++	-	-
65-70	КС? Почва?	+++	++	-	-	+++	-	-
70-75	Почва	++	++	Ед.	-	+++	+	Корни

Примечание. Крестиками показано сравнительное содержание микробиоморф: +++ много; ++ средние; + мало; Ед. – единично; - отсутствуют.

Таблица 2. Распределение отдельных групп фитолитов (%)

Образец	Всего (шт./%)	Спикул// Диагом. (шт./%)	Фитол. (шт./%)	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Раскоп 162 (кв. Б1, ЮВ стенка)													
0-10	145/100	-	145/100	46	14	8	8	3	1	-	1	26	-
10-20	113/100	-	113/100	42	14	9	6	2	-	-	-	27	-
20-30	828/100	-	828/100	33	8	7	9	7	1	-	2	32	-
30-40	852/100	-	852/100	41	1	6	13	5	2	-	1	31	-
40-50	239/100	-	239/100	38	-	7	17	3	4	-	1	30	-
50-60	302/100	-	302/100	40	-	5	16	4	3	-	1	31	-
57-58	284/100	-	284/100	42	-	3	19	-	3	-	2	31	*
60-70	По 23000/100	-	По 23000/100	28	1	-	17	3	5	-	1	30	14
70-82		Распределение аналогично слою 60-70см											
82-84	1064/100	-	1064/100	42	-	2	25	3	1	-	-	20	7
84-86	1157/100	-	1157/100	35	11	7	23	4	3	-	-	15	-
86-90	1096/100	-	1096/100	44	-	1	28	2	3	-	-	18	4
95-97	1179/100	-	1179/100	26	-	2	19	1	3	*	2	34	13
97-100	1128/100	-	1128/100	33	15	9	21	3	4	-	-	13	-
100-105	196/100	-	196/100	47	5	22	23	-	-	*	-	1	2
105-110	219/100	-	219/100	49	10	9	10	5	-	*	-	17	-
110-115	173/100	1*/1/*	171/100	41	26	10	10	5	-	1	-	7	-
Раскоп 162 (кв. В2, СВ стенка)													
12	1172/100	-//18/2	1154/98	37	20	3	13	4	2	2	1	18	-
11	1110/100	-//20/2	1090/98	40	18	2	15	5	2	2	-	16	-
10	812/100	4*/8/1	800/99	37	10	4	6	5	3	6	-	18	11
9	616/100	-	616/100	44	7	3	3	3	4	-	-	36	-
8	147/100	-	147/100	48	12	8	17	3	1	1	-	10	-
8	153/100	-	153/100	50	10	10	18	2	1	1	-	8	-

7	1371/100	-	1371/100	31	11	2	7	4	3	-	2	34	6
6	23000/100	-	23000/100	30	3	2	15	3	5	-	1	28	12
5	1094/100	-	1094/100	20	5	5	10	13	2	-	-	44	1
4	1183/100	-	1183/100	20	17	3	6	3	3	-	-	43	5
3	717/100	-	717/100	48	8	22	21	-	-	-	-	-	1
2	478/100	-	478/100	30	5	10	15	-	-	-	-	40	-
1	265/100	7/3//	258/97	60	8	10	15	-	1	1	-	5	-
Сырец (зел.)	99/100	2/2//1/1	96/97	39	27	20	11	-	-	1	2	-	-
Сырец (кр.)	204/100	-	204/100	50	8	18	22	1	-	*	1	-	-
Раствор	31/100	-	31/100	52	32	6	10	-	-	-	-	-	-
Раскоп 162 (кв. В2, СВ стенка, дублирующая колонка)													
16-17	22800/100	-	22800/100	30	3	3	6	3	3	2	1	32	14
29-30	1140/100	-	1140/100	21	16	3	5	2	3	*	-	43	5
54-55	1250/100	-//30/2	1220/98	66	7	2	19	1	-	2	-	3	-
60-65	702/100	-	702/100	49	8	22	20	-	-	-	-	-	1
65-70	730/100	-	730/100	47	7	23	22	-	-	-	-	-	1
70-75	476/100	4/1//	472/99	51	13	13	19	-	-	-	-	2	2

Примечания.

1. Цифрами показаны следующие растительные ценозы: 1 – двудольные травы; 2 – хвойные; 3 – лесные злаки; 4 – луговые злаки; 5 – степные злаки; 6 – культурные злаки; 7 – тростник/камыш; 8 – сорная флора; 9 – мхи; 10 – неизвестные или фрагментарные не диагностируемые частицы.

2. Значком * показаны частицы, содержание которых составляет менее 1% от общего количества.

Итоговые выводы

Древесина. При строительстве использовалась местная древесина. Лиственные породы преобладают; можно говорить о масштабных вырубках в регионе.

Сырцовые кирпичи. Сырцовые кирпичи различной окраски имеют разный генезис. Зеленый сырец, скорее всего, создавался при добавлении речного (озерного) ила. В красный сырец специально добавляли растительную массу – сечку луговых трав. Не исключается примесь древесных фрагментов (опилки, стружки?). При-

сутствие пыльцевых зерен трав позволяет предположить, что сырцовую массу готовили летом, когда цвели травы, и пыльца попала в массу вместе с другими микрочастицами. Раствор создавался за счет значительных добавок животной органики, но не навоза (молочная сыворотка, моча и т.п.).

Почвы и культурные слои. Погребенных почвенных горизонтов, не затронутых антропогенным преобразованием, нет. Даже самый нижний образец, определенный в поле как почва, отражает период освоения зе-

мель человеком. Возможно, в тот период участок распахивался. На этом слое расположена прослойка сгоревшей дернины. Наиболее вероятно, что между периодом распашки (или периодом первоначального освоения) и последующим этапом интенсивного заселения был небольшой (3–5 лет) перерыв, когда участок зарос травами. Скорее всего, трава была сожжена с целью удобства последующего обживания.

В образцах из почв наиболее интересным является присутствие слоев с аномально высоким количеством фитолитов: слой 60–80 см из квадрата Б1 (определенный в поле как культурный слой); образец 6 (песок) из квадрата В2; слой 15–17 см в дублирующей колонке квадрата В2 (отмеченный при описании как темный прослой). Образцы отбирались на анализ независимо друг от друга разными исследователями, поэтому они имеют различные названия. Объединяющее их обилие фитолитов выявилось только при исследовании, т.е. результаты получены независимо друг от друга, что подтверждает неслучайный их характер. Дальнейшее обсуждение результатов выявило, что, несмотря на различное название в полевых условиях, по археологическим данным все эти слои определяются как «песок». Дан-

ные наших исследований позволяют усомниться в этой трактовке генезиса образцов, поскольку пески или не содержат фитолиты вообще, или их количество крайне мало.

Заключение. Согласно полученным данным, развитие и функционирование городища имело возвратно-поступательный характер, т.е. периоды интенсивного обживания сменялись короткими этапами некоторого ослабления антропогенного прессинга.

Чередование слоев со сгоревшей древесиной со слоями без нее, указывает, что на участке регулярно возводились какие-то постройки, которые горели, потом восстанавливались. Обилие фитолитов с кутикулярными слепками позволяет предположить, что на определенных этапах постройки использовались под хранение трав.

Во всех трех колонках почв есть слои, состоящие исключительно из фитолитов и кутикулярных слепков. Единственно возможное объяснение обнаруженному феномену: на участке был (были?) значительные по протяженности и по мощности слои из навоза копытных животных. Полученный вывод дискуссионен, требует проведения дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев Ю.Е., Жмылев П.Ю., Карпухина Е.А. Деревья и кустарники. Энциклопедия природы России. – М.: Изд-во АБФ, 1997. – 592 с.
2. Гаммерман А.Ф., Никитин А.А., Николаева Т.Л. Определитель древесин по микроскопическим признакам с альбомом микрофотографий. – М., Изд-во АН СССР, 1946. – 348 с.
3. Гей А.Н., Мальшев А.А., Антипина Е.Е., Гольева А.А. и др. Палеоэкология Северо-Западного Кавказа (Работы Северо-Западной археологической экспедиции

в 2001 г.) // Историко-археологический альманах. – № 8. – Армавир; М., 2002. – С. 74–106.

4. Гольева А.А. Исследование древесных остатков и углей из погребений эпохи бронзы могильника Манджикины-1 // Могильник Манджикины-1 – памятник эпохи бронзы – раннего железного века Калмыкии (опыт комплексного исследования) / Отв. Ред. Е.В. Цуцкин, Н.И. Шишлина. – М.; Элиста, 1999. – С. 55–59.

5. Гольева А.А. Информационные возможности определения пород по углям и древесине в археологических исследованиях // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. – Вып. 2. – М., 2005. – С. 300–309.

6. Гольева А.А. Микробиоморфные комплексы природных и антропогенных ландшафтов: генезис, география, информационная роль. УРСС. – М., 2008. – 240с.

7. Гольева А.А. Древесина в погребальной обрядности народов эпохи бронзы Оренбуржья // Материалы международной конференции «Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы». 12–15 мая 2009 г. Оренбург: Изд-во Оренбургского Государственного Педагогического Университета, 2009а. – С. 78–83.

8. Гольева А.А. Использование древесины на полуострове Абрау в древности // ABRAU ANTIQUA. Результаты комплексных исследований древностей полуострова Абрау. – М.: Гриф и К., 2009б. – С. 181–194.

9. Гольева А.А. Древесина в домостроительстве центра Москвы // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. – Вып. 6. – М.: Институт археологии РАН, 2010. – С. 278–298.

10. Гольева А.А. Анализ древесины из кургана 2 // В.Р. Эрлих. Святилища некрополя Тенгинского городища II, IV в. до н.э. – М.: Наука, 2011а. – С. 196–203.

11. Гольева А.А. Древесина в ритуальной обрядности курганов могильника Филипповка I // Естественно-научные методы в изучении Филипповского I могильника. Коллективная монография / МИАР. – № 14. – М.: ТАУС, 2011б. – С. 40–46.

12. Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Краева Л.А., Мещеряков Д.В., Турецкий М.А., Халяпин М.В., Хохлова О.С. Шумаевские курганы. – Оренбург, 2003. – С. 203–238.

Информация об авторе:

Гольева Александра Амуриевна, доктор географических наук, ведущий научный сотрудник, Институт географии РАН (г. Москва, Российская Федерация); golyeva@yandex.ru

NATURAL SCIENTIFIC RESEARCH AT THE BOLGAR SETTLEMENT (THE FIRST RESULTS)

A.A. Golyeva

The article presents the first results of the comprehensive scientific research conducted on the Bulgar fortified settlement site in 2011. Samples for analysis were selected in the form of series of vertical columns from excavation walls. The species of trees used in the construction, the composition of the mud bricks and the bonding mortar, as well as the genesis of individual cultural layers have been identified. It has been found out that the settlement development and functioning had been reciprocating in nature: periods of intense habitation of its individual sections were followed by short stages of desolation. In all investigated soil columns with the cultural layers there are streaks consisting solely of phytoliths and cuticle casts. A possible explanation of the phenomenon may be that the plot was covered with

layers of manure of significant length and capacity. This conclusion is debatable and requires further research.

Keywords: the Middle Volga region, the Bulgar fortified settlement site, natural science research, cultural layers, tree species, mud brick, phytoliths.

REFERENCES:

1. Alekseev, Yu. E., Zhmylev, P. Yu., Karpukhina, E. A. 1997. *Derev'ia i kustarniki. Entsiklopediia prirody Rossii (Trees and bushes. Encyclopedia of the Nature of Russia)*. Moscow: "ABF" Publ. (in Russian).
2. Gammerman, A. F., Nikitin, A. A., Nikolaeva, T. L. 1946. *Opredelitel' drevesin po mikroskopicheskim priznakam s al'bomom mikrofoto grafii (Classifier of Woods using the Microscopic Characteristics with the Album of Micro Photographies)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
3. Gei, A. N., Malyshev, A. A., Antipina, E. E., Gol'eva, A. A. etc. 2002. In *Istori ko- arheologicheskii almanah (Historical-Archaeological Almanac)* 8. Armavir; Moscow, 74–106 (in Russian).
4. Gol'eva, A. A. 1999. In *Mogil'nik Mandzhikiny-1 — pamiatnik epokhi bronzy — rannego zheleznogo veka Kalmykii (opyt kompleksnogo issledovaniia) (The Burial Ground Mandzhikiny-1 — a monument of the Bronze — Early Iron Age of Kalmykia (experience of complex research))*. Moscow; Elista, 55–59 (in Russian).
5. Gol'eva, A. A. 2005. In *Arkheologiia Podmoskov'ia: Materialy nauchnogo seminara (Archaeology of the Moscow Region: Materials of the Seminar)* 2. Moscow: Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology, 300–309 (in Russian).
6. Gol'eva, A. A. 2008. *Mikrobiomorfnye komplek sy prirodnykh i antropogennykh landshaftov: genesis, geografiia, informatsionnaia rol' (Microbiomorphic Complexes of the Natural and Anthropogenic Landscapes: genesis, geography, informational role)*. Moscow: "Editorial URSS" Publ. (in Russian).
7. Gol'eva, A. A. 2009. In *Problemy izucheniia kul'tur rannego bronzovogo veka stepnoi zony Vostochnoi Evropy (Problems of Study of Early Bronze Age Cultures from the Steppe Zone of Eastern Europe)* Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 78–83 (in Russian).
8. Gol'eva, A. A. 2009. In *ABRAU ANTIQUA. Rezul'taty kompleksnykh issledovani i drevnostei poluostrova Abrau (ABRAU ANTIQUA. Results of complex investigations of the Abrau Peninsula antiquities)*. Moscow: "Grif i K" Publ., 181–194 (in Russian).
9. Gol'eva, A. A. 2010. In *Arkheologiia Podmoskov'ia: Materialy nauchnogo seminara (Archaeology of the Moscow Region: Materials of the Seminar)* 6. Moscow: Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology, 278–298. (in Russian).
10. Gol'eva, A. A. 2011. In Erlikh, V. R. *Svatilishcha nekropolia Tenginskogo gorodishcha II, IV v. do n.e. (The Sanctuaries of the Necropolis of Tengi Hillfort 2nd, 4th Centuries BC)*. Moscow: "Nauka" Publ., 196–203. (in Russian).
11. Gol'eva, A. A. 2011. In *Estestvenno-nauchnye metody v izuchenii Filippovskogo I mogil'nika (Natural Methods in Studying Philippovka I Burial Ground. Proceedings and Research on Russian Archaeology)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Rossii (Materials and Research of Russian Archaeology) 14. Moscow: "Taus" Publ., 40–46 (in Russian).

12. Morgunova, N. L., Gol'eva, A. A., Kraeva, L. A., Meshcheriakov, D. V., Turetskii, M. A., Khaliapin, M. V., Khokhlova, O. S. 2003. *Shumaevskie kurgany (The Shumaevka Burial Mounds)*. Orenburg, 203–238 (in Russian).

About the Author:

Golyeva Alexandra A. Doctor of Geographical Sciences. Institute of Geography, Russian Academy of Sciences. Staromonetny Lane, 29, Moscow, 119017, Russian Federation; golyevaaa@yandex.ru

УДК 666.3/7

**О СВЯЗИ ТЕХНОЛОГИИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ
ОБЩЕБОЛГАРСКИХ КЕРАМИЧЕСКИХ СОСУДОВ
С ИХ ФУНКЦИОНАЛЬНЫМ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕМ:
ХАРАКТЕРИСТИКА ФОРМОВОЧНЫХ МАСС (ПО МАТЕРИАЛАМ
ИССЛЕДОВАНИЙ БОЛГАРСКОГО ГОРОДИЩА 2011-2012 ГГ.)¹**

© 2014 г. В.Н. Бахматова, А.А. Куклина

В статье представлены результаты исследования одной из технологических ступеней болгарского гончарства – приготовления формовочных масс. Предметом изучения явилась общеболгарская керамика Болгарского городища золотоордынского периода из раскопок 2011–2012 гг. Были отобраны четыре основные функциональные группы керамики: кухонная, тарная, столовая, техническая. Исследование проводилось с целью выявления зависимости гончарной технологии от функционального назначения керамических изделий. При анализе материалов была использована комплексная методика – синтез традиционных археологических и естественнонаучных методов (технико-технологический анализ по методу А.А. Бобринского, петрография, рентгенографический фазовый анализ). Исследования показали, что разное функциональное предназначение форм керамики порождало и различные подходы к их изготовлению. В большинстве случаев специальные рецепты отсутствовали, но может быть прослежена некоторая дифференциация при выборе сырья для изготовления сосудов различного назначения. В перспективе предполагается детальное исследование ступеней, связанных с отбором и добычей сырья, а также конструирование полового тела и способы придания сосудам прочности (сушка и обжиг).

Ключевые слова: Среднее Поволжье, золотоордынский период, городище Болгар, общеболгарская керамика, гончарная технология, формовочные массы, синтез археологических и естественнонаучных методов.

Гончарство является одним из древнейших ремесел в истории развития производительных сил человека. Технология изготовления пригодной в быту керамической посуды менялась на протяжении многих веков. В различные периоды у разных этнических групп существовала определенная традиция изготовления сосуда. В случае с общеболгарской керамикой золотоордынского периода существования Волжской Болгарии мы имеем дело с развитой технологией производства, сформировавшейся в комплексе навыков, характеризующих ремесленный уровень керамического производства. Керамика I общеболгарской группы, по классификации Т.А. Хлебниковой, составляет большую часть массового материала практически всех памятников Волжской Болгарии и является определенным маркером материальной культуры волжских болгар (Хлебникова, 1984,

¹ Исследование выполнено при поддержке программы К(П)ФУ «Создание и внедрение новых методов изучения археологических объектов по датированию и реконструкции древних городищ Болгара и Острова-града Свяжск».

1988). Многообразие форм этой посуды велико: горшки, кувшины, кружки, кубки, миски, корчаги и др.

Изготовление любого предмета происходит по отработанной технологии, которая и должна обеспечить надлежащую функциональность предмета. Целью данной работы стало выявление зависимости технологии изготовления сосуда от его функционального назначения. Изготовление керамического сосуда – достаточно сложный технологический процесс, растянутый во времени. Технология изготовления сосуда включает в себя несколько стадий и ступеней (Бобринский, 1978, с. 14; 1999, с. 9–11; Цетлин, 2012, с. 51). В данной статье мы остановимся на первой, подготовительной, стадии, а именно на ступени составления формовочных масс, косвенно уделим внимание и стадиям отбора исходного сырья, его добыче и обработке. Целью данной работы стало выявление зависимости технологии изготовления сосуда от его функционального назначения. Основные задачи исследования: определение качества и состава исходного сырья, выявление и состав искусственных примесей, вычисление концентрации примесей, выявление рецептов формовочных масс.

К общим вопросам в изучении I группы керамики Болгарского городища обращались многие исследователи. Были изучены вопросы, связанные с морфологией, происхождением, технологией изготовления этой группы керамики (Хлебникова, 1984; Васильева, 1993; Кокорина, 2002 и др.). В контексте исследования формовочных масс наиболее интересны работы И.Н. Васильевой. Ею были проведены обширные работы по изучению гон-

чарной технологии в Волжской Болгарии. При исследовании технологических особенностей общеболгарской керамики она отмечала дифференцированность в отборе глин для сосудов разного назначения в золотоордынский период, а также неоднородность формовочных масс и различные типов начинков, выделены характерные рецепты глиняного теста для различных групп керамики Болгара (Васильева, 1988, с. 125–126). Однако наличие зависимости состава формовочной массы от функционального назначения сосудов общеболгарской группы детально не рассматривалось.

Методические основы и источниковая база. Формовочная масса складывается непосредственно из базового вещества (в нашем случае это глина), и привнесенных или содержащихся в ней добавок, предназначенных повысить или понизить физические свойства базового источника. Основными примесями в общеболгарской керамике являются песок, органическая добавка в виде навоза и реже шамот. Две последних являются заведомо искусственно привнесенными, а кварцевый песок может содержаться в формовочной массе, как в виде естественной примеси, так и в виде искусственного отощителя. Основная трудность – определение естественной и искусственной примеси в формовочных массах.

В основу работ по данному исследованию было положено сохранение традиционных подходов изучения непаливной керамики с использованием результатов естественнонаучных методов. Для выявления зависимости технологии изготовления сосудов от их функционального назначения были выбраны следующие методы: техни-

ко-технологический анализ по методу А.А. Бобринского (Бобринский, 1978), оптико-микроскопическое исследование шлифов и рентгенографический анализ образцов керамики. В исследовании не ставилась задача выявления преимуществ или недостатков того или иного подхода. Каждый метод ценен и решает свои узкие задачи.

Первоначально был совершен отбор образцов для проведения аналитического изучения. Выборку составили фрагменты посуды I общеболгарской группы, формы которых возможно реконструировать. Все материалы были взяты из коллекций, происходящих из раскопов Болгарского городища 2011 и 2012 гг.², и относятся к IV (золотоордынскому) слою в стратиграфической шкале напластований культурного слоя Болгарского городища (Город Болгар, 1996, с. 308). Все образцы были подразделены по формам в соответствии с классификацией Т.А. Хлебниковой (1988, с. 54–102). Было дано краткое морфологическое описание. Выборочные материалы из общей выборки были отправлены для проведения аналитических исследований.

Технико-технологический анализ 87 образцов общеболгарской керамики был проведен одним из авторов настоящей статьи в Лаборатории «История древней керамики» ИА РАН под руководством и при консультативной помощи Ю.Б. Цетлина. Для этого использовался бинокулярный микроскоп МБС-10, дающий увеличение от

8 до 56 крат. Основная часть материала рассматривалась при увеличении 16х и 32х. Это позволяло зафиксировать включения различных примесей, размером от 0,1 мм, и оценить их примерное количество, а также определить характер примеси: естественная или искусственная.

Также для определения вида и концентрации примесей использовались экспериментальные образцы керамики, которые создавались на базе Лаборатории с 60-х гг. При определении характера песчаной примеси (естественная или искусственная) использовались следующие признаки: размерность, степень окатанности, концентрация (не менее 1: 5) и «чистота» включений. Последний признак подразумевает отсутствие частичек глины на поверхности включения и незамутненность.

Для определения вида органической примеси в образцах были привлечены экспериментальные образцы с навозом в различной концентрации и разных состояниях (сухом и влажном).

При рассмотрении результатов исследования образцов аналитическими методами самыми информативными в связи с поставленной задачей оказались результаты рентгенографического анализа³ и оптико-микро-

² Болгарское городище, исследования 2011–2012 гг.: раскоп 156 (В.С. Баранов, М.В. Сивицкий), раскоп 162 (В.Ю. Коваль, В.С. Баранов), раскоп 168 (А.В. Беляев, Р.Р. Валиев), раскоп 172 (А.М. Губайдуллин, Р.Р. Валиев).

³ Рентгенографический анализ был проведен ст. инж. Г.М. Ескиной на базе литологической лаборатории кафедры минералогии и литологии Института геологии и нефтегазовых технологий Казанского федерального университета (ИГиНГТ КФУ) под руководством д.г.-м.н. В.П. Морозова, к.г.-м.н. Н.И. Наумкиной в составе группы рентгенографического анализа Аналитико-технологического сертификационного испытательного Центра ФГУП «ЦНИИгеолнеруд».

скопического исследования шлифов (петрография)⁴.

Рентгенографический фазовый анализ – метод исследования минерального (фазового) состава горных пород, руд и продуктов их технологической переработки на основе рентгеновских дифракционных методов. Качественный анализ предусматривает выявление и диагностику всех раскристаллизованных фаз пробы. Выявляются и диагностируются фазы, содержание которых в пробе выше 0,3–0,5% (Зевин, Завьялова, 1974, с. 18). Используемые в данной работе дифрактометры⁵ снабжены управляющими компьютерами и программным обеспечением. Предварительно образцы прошли следующую пробоподготовку: откалывание предварительной навески, ее дробление и измельчение до состояния пудры, приготовление рентгенографических препаратов. Съёмка препаратов на дифрактометре проводилась в диапазоне брегговских углов 3–40° по 2 Θ , шаг сканирования углов – 0,02°, скорость – 1°/мин, ток

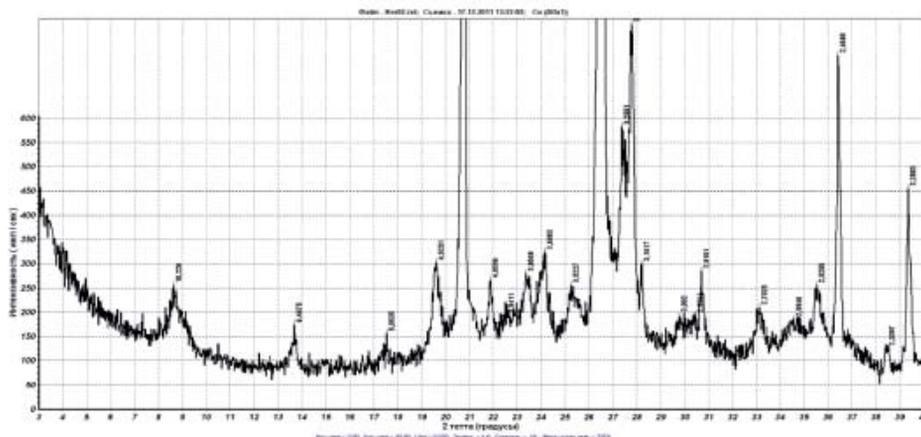
на трубке 20 мА, напряжение 30 кВ, излучение – CuK α ; Полученные в результате рентгенографической съёмки дифрактограммы расшифровывались. Процесс расшифровки заключался в их компьютерной обработке. В качестве базы данных использовалась международная картотека рентгенографических стандартов PDF-2. Идентификация кристаллических фаз осуществлялась стандартным способом – путем сопоставления полученных экспериментальных значений межплоскостных расстояний и относительных интенсивностей с эталонными значениями. В конечном результате был получен минеральный состав каждого исследуемого образца (рис. 1, 2).

Петрография – наука о классификации горных пород, которая построена на детальном описании минералогического состава, структурно-текстурных особенностей, химического состава. Смежной наукой, направленной на изучение процессов образования горных пород, является петрология (Геологический словарь, т. II, 1955, с. 138).

Результатам петрографии было уделено особое внимание, потому что среди междисциплинарных подходов этот метод по сей день является основным в изучении керамики. Основные задачи петрографических исследований очень схожи с задачами исследования формовочных масс археологической керамики – диагностика порообразующих, второстепенных, аксессуарных и вторичных минералов, определение количественно-минералогического и химического состава, определение истории и условий формирования горных пород, а керамика, по сути, является примером

⁴ Оптико-микроскопическое описание шлифов было проведено к.г.-м.н. А.М. Месхи на базе Аналитико-технологического сертификационного испытательного Центра ФГУП «ЦНИИГеолнеруд» и к.г.-м.н. А.Н. Кольчугиным на базе литологической лаборатории кафедры минералогии и литологии Института геологии и нефтегазовых технологий Казанского федерального университета (ИГиНГТ КФУ) под руководством д.г.-м.н. В.П. Морозова.

⁵ Для качественного рентгенографического исследования образцов керамики были использованы следующие дифрактометры: D8 ADVANCE (фирма Bruker Axs, Германия), ДРОН 3 (ООО НПП «Буревестник», Россия) и XRD-7000 (Shimadzu, Япония).

d, Å	Минерал	d, Å	Минерал	d, Å	Минерал
10.226	Реликты слюд+мусковит	3.805	Альбит	2.910	Микроклин
6.467	Микроклин	3.688	Альбит	2.702	Гематит
5.053	Мусковит	3.523	Альбит	2.595	Реликты слюд
4.525	Мусковит	2.255	Микроклин	2.525	Гематит
4.25	Кварц	2.20	Альбит	2.464	Кварц
4.059	Альбит	3.00	Микроклин	2.339	Альбит

Рисунок 1: Расшифровка дифрактограммы и определение минерального состава на примере образца 1-2 «Фрагмент керамического сосуда (горшка) I общеболгарской группы красного цвета с лощением, орнаментированный». Дифрактометр XRD-7000 (Shimadzu, Япония).

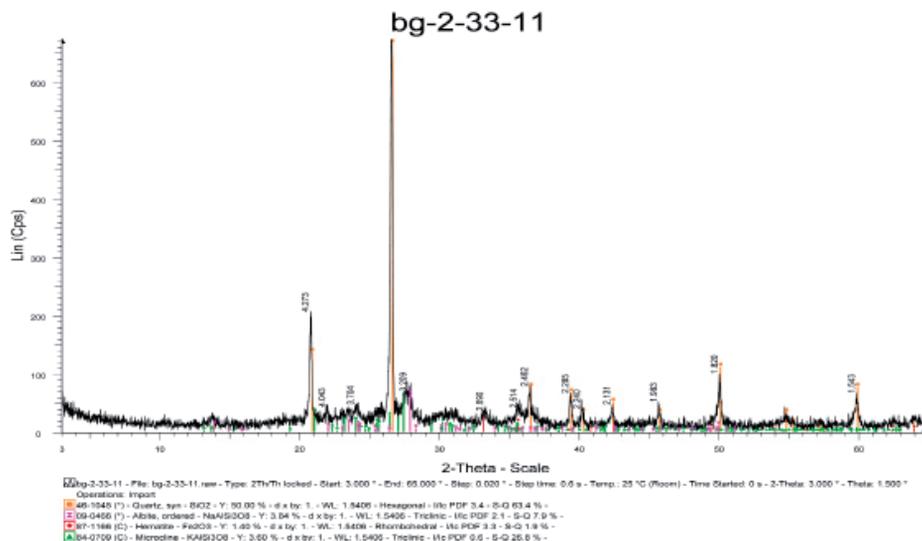

Рисунок 2: Расшифровка дифрактограммы и определение минерального состава (кварц, полевые шпаты, гематит, аморфная фаза) на примере образца 2-33 «Фрагмент стенки трубы водопроводной I общеболгарской группы». Дифрактометр D8 Advance.

искусственно созданного силиката (Зах, 1999, с. 3–9).

Использование метода петрографии в изучении неполивной керамики позволяет дополнить сведения о рецептурах формовочных масс общеболгарской керамики. Петрография обладает множеством методик. В нашем исследовании применен основной метод – это оптико-микроскопическое описание образцов керамики в шлифах под поляризационным микроскопом. Шлиф представляет собой тонкую пластинку толщиной около 0,03 мм, клеенную канадским бальзамом между предметным и покровным стеклами. Метод оптико-микроскопического изучения шлифов древней керамики стал активно использоваться в археологических исследованиях еще с середины XX в. (Круг, 1965, с. 146–152; Круг, Четвериков, 1961, с. 35–44 и др.).

Петрографический анализ шлифов образцов общеболгарской керамики Болгарского городища осуществлялся в литологической лаборатории кафедры минералогии и литологии. Интерпретация результатов была сделана авторами настоящей статьи. Описание шлифов производилось при помощи поляризационного микроскопа «ПОЛАМ Л-213м». Анализ шлифов включал определение минерального состава образцов, их структуры и текстуры. При этом обращалось внимание на количество связующего и обломочного материала, в частности оптически аморфного и тонкокристаллического материала, обломочных, карбонатных и других зерен, присутствующих в шлифе, их форму, размер, распределение по площади шлифа, пространственную ориентировку. Для описания обломочной

компоненты шлифов была использована следующая калибровочная шкала: алевритовая размерность – 0,01–0,1 мм. (тонкоалевритовая – 0,01–0,05 мм; крупноалевритовая – 0,05–0,1 мм); песчаная размерность – 0,1–2 мм (мелкопесчаная – 0,1–0,25 мм; средне – 0,25–0,5 мм; крупнопесчаная – 0,5–1 мм).

Данные оптико-микроскопического изучения шлифов корректировались результатами рентгенографического анализа, что нашло отражение в общем описании.

При анализе результатов описания был использован опыт применения петрографии в изучении археологической керамики С.Ю. Внукова. Им был сформирован комплекс диагностических признаков, по которым возможно сравнить образцы между собой (Внуков, 2006, с. 28–30). Из них были выбраны наиболее приемлемые для сравнения образцов общеболгарской группы керамики:

- характеристика базиса (цементной основы) – цвет, морфология, минеральный состав (по возможности);
- процентное соотношение базиса (цементной основы) и обломочного материала;
- наличие и процентное содержание среди обломочного материала микропримеси (алевритовая размерность до 0,1 мм);
- морфология и размеры зерен микропримеси (алевритовая размерность до 0,1 мм);
- характер распределения микропримеси в объеме шлифа (алевритовая размерность до 0,1 мм);
- минеральный состав и процентное содержание каждого минерала в объеме микропримеси (алевритовая размерность до 0,1 мм);

– наличие и процентное содержание среди обломочного материала макропримеси (песчаная размерность от 0,1 мм);

– морфология и размеры зерен макропримеси (песчаная размерность от 0,1 мм);

– характер распределения макропримеси (песчаная размерность от 0,1 мм) в объеме шлифа;

– минеральный состав и процентное содержание каждого минерала в объеме макропримеси (песчаная размерность от 0,1 мм);

– наличие порового и пустотного пространства в объеме шлифа;

– морфология и размер пор;

– характер распределения пор в объеме шлифа.

Интерпретация данных петрографии осуществлялась следующим образом. Первоначально были рассмотрены результаты по каждому образцу отдельно и были выделены показатели для сравнения из предложенного нами списка. В соответствии с полученными результатами обозначились варианты формовочных масс по выделенным диагностическим признакам. Затем образцы рассматривались внутри своей морфологической груп-

пы и определялись соотношения естественных и искусственных примесей в керамике, минеральный состав примесей, наличие примесей органического происхождения, а также общие соотношения глины и примеси для сосудов в каждой группе (табл. 2).

Морфологическое описание керамики. Всю неполивную керамику I общеболгарской группы по функциональному назначению можно разделить на две большие подгруппы: посуда и техническая керамика. Посуда, в свою очередь, подразделяется на столовую (миски, кружки, тарелки, кувшины, кубки и др.), кухонную (горшки, котлы), тарную (корчаги, тарные кувшины). К технической керамике можно отнести дымогарные и водопроводные трубы, сфероконические сосуды, светильники, пряслица, копилки, туваки, рыболовные грузила. Для исследования были отобраны следующие виды технической и посудной керамики – горшки, кувшины, кружки, корчаги, сфероконические сосуды, дымогарные трубы. Это четыре основные функциональные группы посуды – кухонная, тарная, столовая, техническая. Общая выборка составила 284 фрагментов сосудов (табл. 1).

Таблица 1. Выборка исследованных образцов керамики I общеболгарской группы Болгарского городища.

Тип сосудов по функциональному назначению	Количество образцов, подвергнутое морфологическому описанию	Количество образцов, подвергнутое технико-технологическому изучению формовочных масс	Количество образцов, подвергнутое исследованию аналитическими методами
Горшки (кухонная посуда)	104	18	7
Корчаги (тарная посуда)	71	21	11
Кружки (столовая посуда)	47	16	0
Кувшины (столовая посуда)	33	18	1
Сфероконусы (техническая керамика)	15	5	10
Керамические дымогарные и водопроводные трубы (техническая керамика)	14	9	5
Всего:	284	87	36

Кратко все отобранную керамику можно охарактеризовать следующим образом.

Горшки – это сосуды красного и коричневого цветов с характерным нагаром. Лощение чересполосное, обжиг зачастую сквозной. Черепки по структуре плотные, звонкие. Толщина стенок от 0,6 до 0,7 см (рис. 4: 1–4, 6–14; 8:7; 6: 9).

Кувшины представлены сосудами различных типов и размеров, хорошего качества со сквозным обжигом, чересполосным лощением. Преобладает красный цвет сосудов (рис. 8: 1–6, 9, 11–14).

Кружки – это сосуды коричневого, красного и серого цветов со сквозным обжигом, зачастую со сплошным лощением. По структуре черепки звонкие, плотные. Толщина стенок варьирует от 0,3 до 0,5 см (рис. 4: 5; 5: 1–13; 8: 8–10).

Корчаги представлены сосудами красного и коричневого цветов, со сквозным и неравномерным обжигом, с сетчатым и чересполосным лощением. Орнаментация: параллельные линии, нанесенные гребенкой, отпечатки гребчатого штамповолжская археология. Черепки по структуре зачастую рыхлые с пустотами. Сосуды плоскодонные и широкогорлые, с толщиной стенок 0,7 до 1,7 см (рис. 6: 1–8).

Дымогарные и водопроводные трубы представлены изделиями цилиндрических форм разного диаметра. Дымогарные трубы имеют характерный нагар серого или черного цветов и характерную линейную орнаментацию. Водопроводные трубы обычно меньшего диаметра и часто не имеют орнаментации. Черепки тех и других

по структуре плотные. Толщина стенок варьирует от 0,8 до 1,5 см.

Сфероконусы – это красноглиняные сосуды специфических форм с лощением или без лощения с внешней стороны, с плотным черепком в изломе и с толщиной стенок от 1,3 до 2 см (рис. 7: 1–5).

Результаты технико-технологического анализа. Составление формовочных масс является четвертой ступенью в подготовительной стадии в изготовлении керамического сосуда (Бобринский, 1978, с. 18; Цетлин, 2012, с. 51).

По результатам исследования было выделено две основные добавки, использовавшиеся при приготовлении формовочных масс для общеполгарской посуды – это мелкий песок и органика (скорее всего, навоз во влажном состоянии). Концентрация и той и другой примеси колеблется от 1: 3 до 1: 5 (1 часть примеси на 3–5 частей глины). На основе глины и этих компонентов всего было выделено пять рецептов смешанных и несмешанных формовочных масс (рис. 3).

К несмешанным массам можно отнести однокомпонентный рецепт, в основе которого лежит низкопластичная глина без искусственных примесей, двухкомпонентный состав на основе глины с добавлением минеральной примеси в виде песка. Введение в глину подобного рода минеральных добавок понижает линейную и объемную усадку этой массы, что ведет к уменьшению растрескивания изделий во время сушки, а также увеличивает сопротивляемость резким перепадам температур (Цетлин, 2012, с. 69). В разряд несмешанных формовочных масс относятся также двухкомпонентные составы с добавлением органиче-

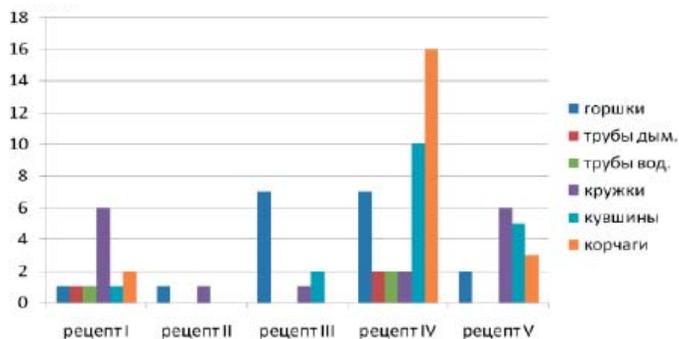

Рисунок 3: Соотношение рецептов формовочных масс для разных групп сосудов по данным технико-технологического анализа.

- Рецепт I: среднежесткая глина-навоз
- Рецепт II: среднежесткая глина-навоз
- Рецепт III: среднежесткая глина-навоз
- Рецепт IV: высокожесткая глина-навоз
- Рецепт V: высокожесткая глина без искусственных примесей

Рисунок 4: Керамика Болгарского городища. Р. CLXXII, сл. IV: 1-4, 6-14 горшки, 5 кружка.

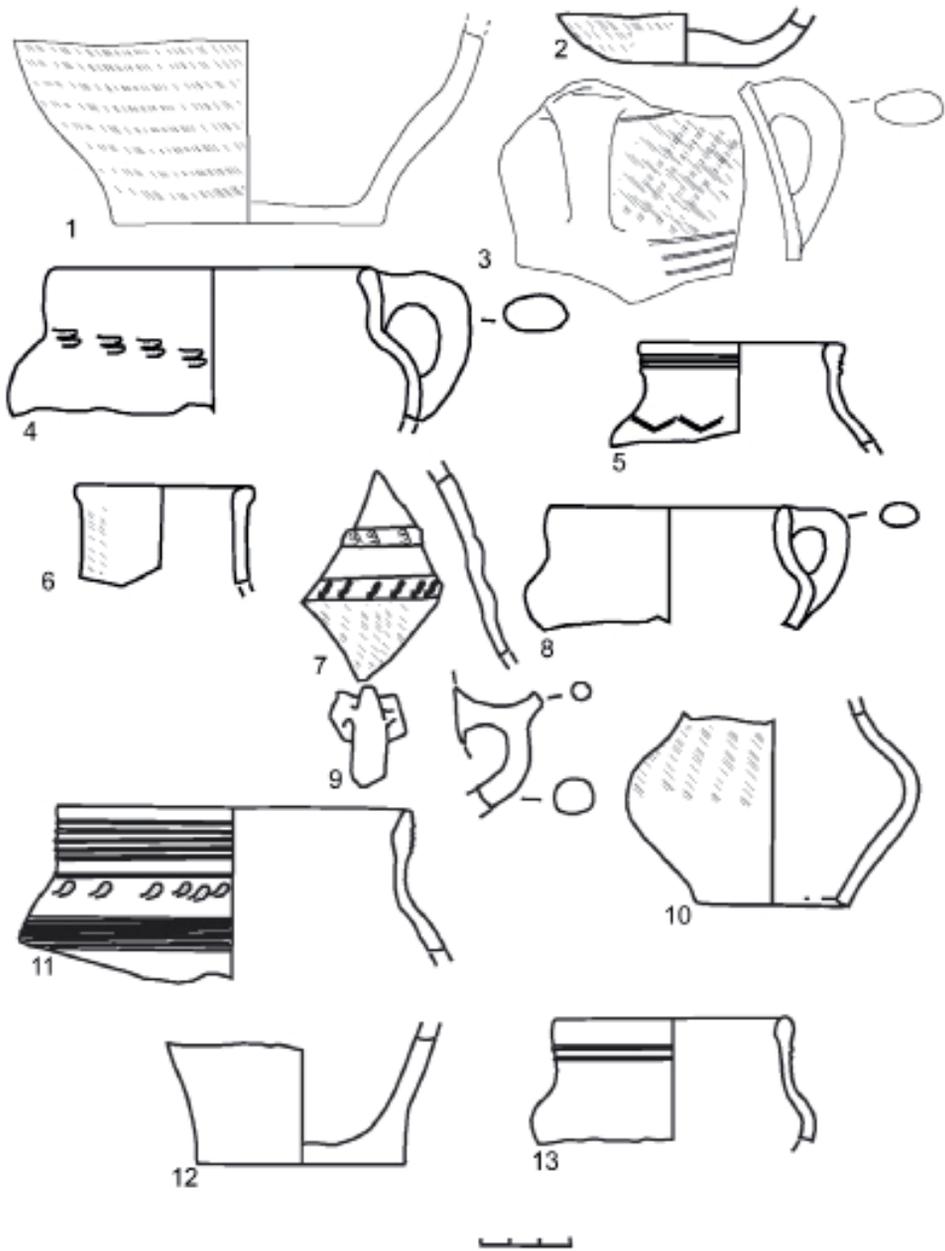

Рисунок 5: Керамика Болгарского городища. Р. CLXXII, сл. IV: 1-13 кружки, кубки.

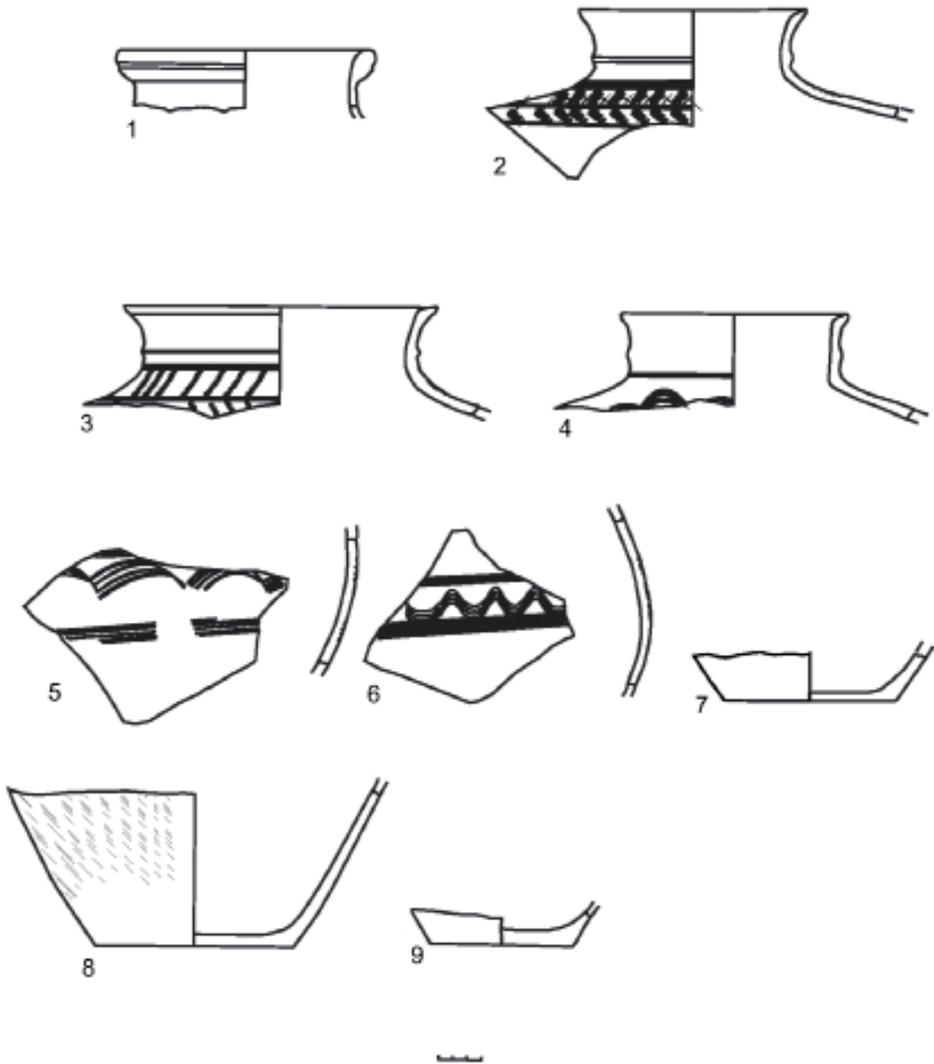

Рисунок 6: Керамика Болгарского городища. Р. CLXXII, сл. IV: 1-8 корчаги, 9 горшок.

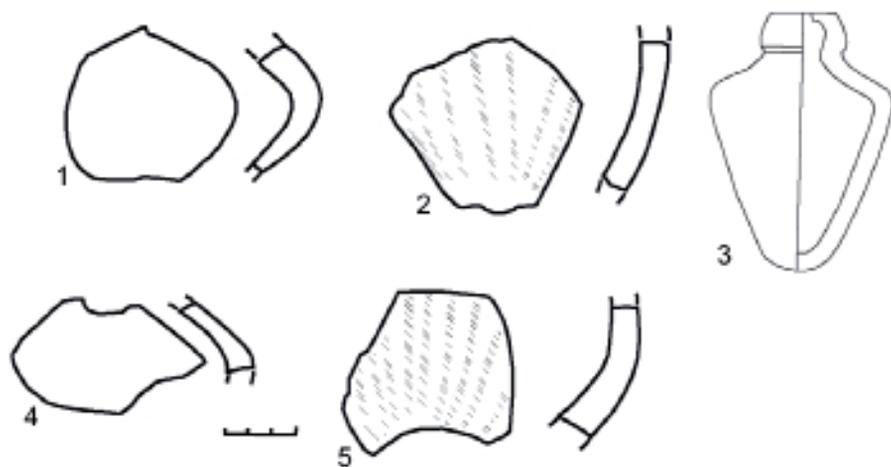

Рисунок 7: Керамика Болгарского городища. Р. CLXXII, сл. IV: 1-5 сфероконусы.

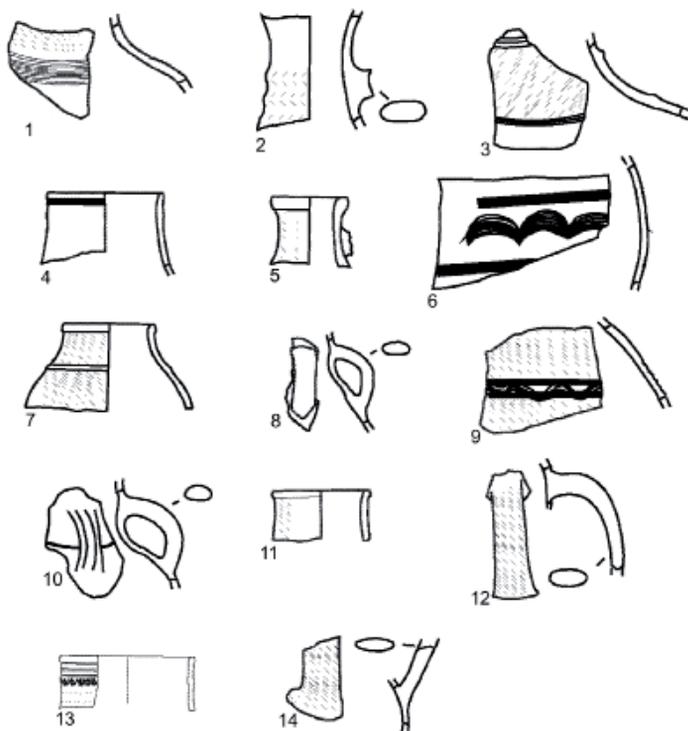

Рисунок 8: Керамика Болгарского городища. Р. CLXXII, сл. IV: 1-6, 9, 11-14 кувшины, 7 горшок, 8,10 кружки.

ского вещества, в нашем случае навоза домашних животных: среднепластичная глина и навоз, низкопластичная глина и навоз. Такие формовочные массы обладали способностью приобретать камнеподобное состояние еще во время сушки (Цетлин, 2012, с. 70). Введение этой примеси в формовочные массы настолько мало, что не было возможности определить, навоз каких животных использовался болгарскими гончарами для замешивания глиняного теста.

В классе смешанных формовочных масс выделен только один рецепт на основе среднепластичной глины с добавлением песка и навоза. Данная формовочная масса может относиться ко II уровню смешанности разных видов неглинистых компонентов, при использовании одного и того же исходного сырья (Цетлин, 2012, с. 74). Возможно, здесь присутствует и III уровень смешанности формовочных масс. Он проявляется в присутствии в формовочной массе минеральных компонентов разной размерности. Некоторые из этих компонентов встречаются в природе в готовом виде. В данном случае это песок, который является как микропримесью исходного глинистого источника, так и в более крупную фракцию добавляется для придания изделиям известных свойств.

Большинство перечисленных рецептов в разной степени характерны для всех предложенных функциональных групп общеполгарской керамики. Формовочные массы для сфероконусов, горшков, корчаг, кружек и кувшинов тонкие или очень тонкие (т.е. размер естественных примесей не превышает 1 мм, чаще всего до 0,5 мм). Для труб – средние или гру-

бые (естественные примеси, такие как известняк и бурый железняк, – до 5 мм).

По степени пластичности количественно выделяются низкопластичные глины (56 из 87 образцов – 64,4%). Степень пластичности определялась исходя из количества тонкозернистого песка (так называемого «пылевидного», менее 0,1 мм) и степени пористости черепка.

Для горшков самыми распространенными рецептами оказались: среднепластичная глина+песок+навоз (7 из 18 фрагментов – 38,8%) и низкопластичная глина+навоз (7 из 18 – 38,8%). Для кружек – низкопластичная глина без искусственных примесей (6 из 16 – 37,5%) и среднепластичная глина+навоз (6 из 16 – 37,5%). Для кувшинов – низкопластичная глина+навоз (10 из 18 – 55%) и низкопластичная глина без искусственных примесей (5 из 18 – 27,7%). Для корчаг – низкопластичная глина+навоз (16 из 21 – 76,1%). Для сфероконусов использовалась низкопластичная запесоченная глина, преимущественно с добавлением небольшого количества органики, вероятно, выжимки из навоза.

Предполагается, что для более крупных сосудов использовались в основном низкопластичные глины с навозом (корчаги и кувшины). Для небольших сосудов – среднепластичные глины с навозом или с навозом и песком. Для керамических труб глина, видимо, специально не очищалась (не просеивалась и т.д.) от грубых примесей, в качестве добавки использовался навоз.

Анализ результатов петрографии. В соответствии с выделенными диагностическими признаками

было определено несколько вариантов формовочных масс, выраженных в общей таблице. Все признаки были выделены в четыре основные группы. Каждая группа выражена буквенным или цифирным обозначением (табл. 2). Различные соотношения внутри

групп признаков в итоге выразились в своеобразных формулах-рецептах формовочных масс по результатам петрографического описания и рентгенографического анализа. Рассмотрим отдельно формовочные массы в каждой функциональной группы.

Таблица 2: Группы петрографических признаков для сравнения.

Пример петрографической формулы образца 2-36: АФ1-П-1-Г (X-Y-Z-G)	
Базисное вещество (цементная основа) – X	
АФ+К1	Аморфная и тонкокристаллическая фаза: исходное глинистое вещество, т.к. фиксируются реликты слюды, реликты глины. Присутствует тонкодисперсный гематит
АФ+К2	Оптически аморфное вещество с участками тонкокристаллической фазы: исходное глинистое вещество, т.к. фиксируется измененный смектит
АФ+К3	Аморфная и тонкокристаллическая фаза: исходное глинистое вещество, т.к. фиксируются реликты слюды, реликты глины. Присутствует тонкодисперсный гематит. Тонкокристаллический материал представлен тонкими игольчатыми зернами аутигенного мусковита менее 0,01 мм.
АФ1	Оптически аморфное вещество: исходное глинистое вещество, т.к. фиксируются реликты слюды или измененный смектит, а также фазы тонкодисперсного гематита
АФ2	Оптически аморфное вещество, минеральный состав установить невозможно, нет реликтов слюды, фиксируются фазы тонкодисперсного гематита
АФ3	Оптически аморфное вещество, минеральный состав установить невозможно, гематит не фиксируется
Соотношение в обломочной компоненте алевритовой и песчаной размерности (%) – Z	
1	90:10
2	70:30
3	50:50
4	100:0
5	75:25
6	80:20
7	60-65:35-40
8	80-85:15-20
9	85:15
10	85-90:15-10
11	95:5
12	40:60
13	15:80
14	0:100
Поровое пространство (морфология, текстура и текстура пор) – G	
А	Равномерно развито в пространстве шлифа, изометричные или слабовытянутые поры
Б	Равномерно развито в пространстве шлифа, удлиненные вытянутые в одном направлении поры
В	Неравномерно развито в пространстве шлифа, изометричные или слабовытянутые поры
Г	Идентифицировать не удалось (дефект шлифа?)
Д	Неравномерно развито в пространстве шлифа, игловидные и вытянутые поры, а также извилистые или с равными кривыми, отсутствие другой пористости
Общее соотношение обломочной компоненты и базового вещества – Z	
I	1:7
II	1:3
III	1:2,3
IV	1:1,6
V	1:5,6
VI	1:4
VII	1:5,7
VIII	1:3,4
IX	1:5

Таблица 3: Фото шлифов керамических труб.

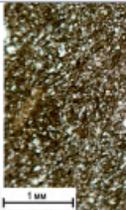
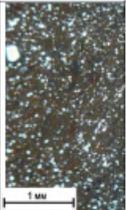
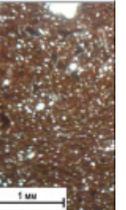
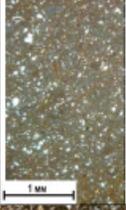
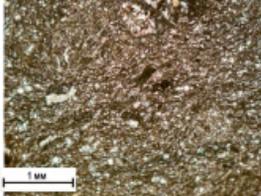
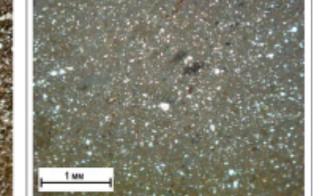
Шифр	Формула	Фото в одном никеле	Фото в скрещенных никелях	Шифр	Формула	Фото в одном никеле	Фото в скрещенных никелях
2-33	АФ2-III-11-Г			2-36	АФ1-II-1-Г		
168-1	АФ+КЗ-VII-?-А			168-4	АФ+КЗ-VII-?-А		
168-6	АФ+КЗ-VII-?-А						

Таблица 4: Фото шлифов кухонной посуды (горшки).

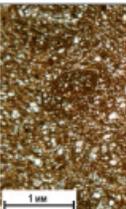
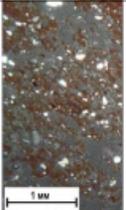
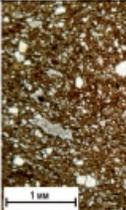
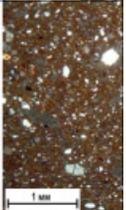
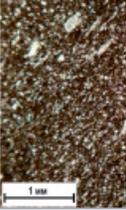
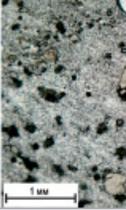
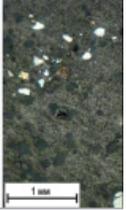
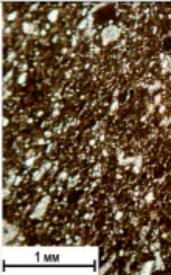
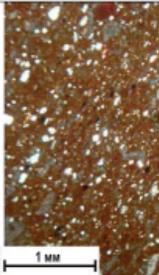
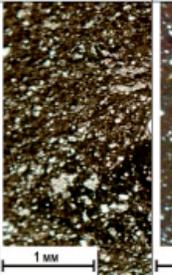
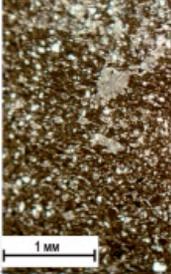
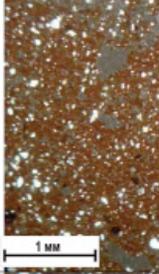
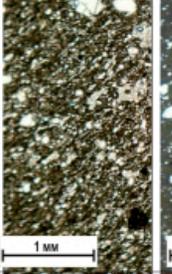
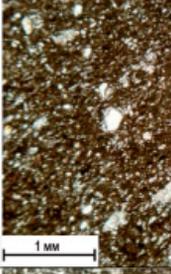
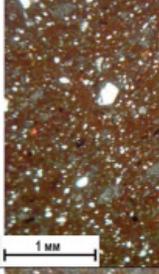
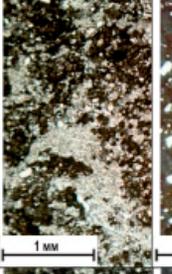
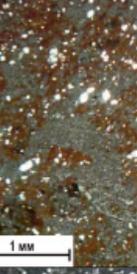
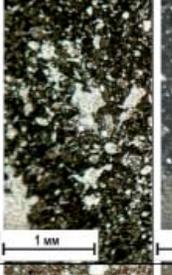
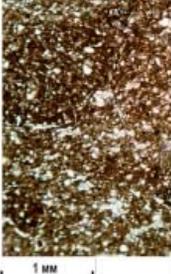
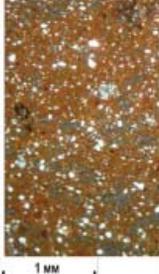
Шифр	Формула	Фото в одном никеле	Фото в скрещенных никелях	Шифр	Формула	Фото в одном никеле	Фото в скрещенных никелях
1-2	АФ+К1-II-4-Б			2-19	АФ2-II-1-В		
2-11	АФ1-II-3-Г			2-16	АФ1-II-2-В		
2-12	АФ2-III-8-В			2-15	АФ2-I-14-Д		

Таблица 5: Фото шлифов сфероконических сосудов.

Шифр	Фото в одном николе	Фото в скрещенных николях	Шифр	Фото в одном николе	Фото в скрещенных николях
1-17 АФ+К1-IX-6-А			1-18 АФ3-III-9-В		
1-19 АФ1+VIII-6-А			1-20 АФ3+VIII-1-А		
1-21 АФ2+VIII-9-А			2-37 АФ2-VI-Г		
2-38 АФ1-VI-11-А			2-39 АФ2-III-10-А		
6 АФ1-IV-7-А			7 АФ1-II-?-А		

Горшки. Большинство образцов имеют общее соотношение формовочных масс, близкое к 1: 3 (варианты II-III), один образец имеет соотношение 1: 7 (вариант I) (табл. 2). Важно четко разграничить естественную и привнесенную примесь обломочной компоненты. Как правило, обломочная примесь имеет естественное происхождение и является неотъемлемой от глины микропримесью, если она плохо калибрована и неравномерно окатана, частицы имеют размер менее 0,1 мм. Калибровка зерен свыше 0,3–0,4 мм не характерна для природных ассоциаций и может свидетельствовать об их искусственном добавлении в глиняное тесто (Внуков, 2006, с. 146). Таким образом, алевритовая и тонкоалевритовая фракции с размером зерен 0,02–0,07 являются микропримесью исходного сырьевого источника. Зерна плохо калиброваны и имеют угловатую или полуокатанную форму, равномерно распределены в объеме шлифа. Цементная составляющая образца имеет следующие характеристики: оптически аморфное вещество с присутствием тонкокристаллических и тонкодисперсных фаз гематита, реликтов слюд и реликтов глин, указывающих на исходный глинистый источник сырья (Белоусова, Михина, 1972, с. 205–206). Тонкоалевритовая и алевритовая размерность базисного вещества по минеральному составу представлена кварцем (90–97%), полевыми шпатами (3–10%), единичными игловидными чешуйками мусковита, зернами рудных минералов (пирита).

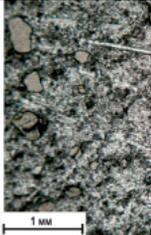
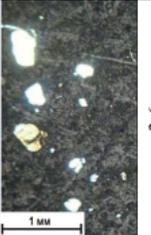
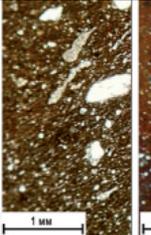
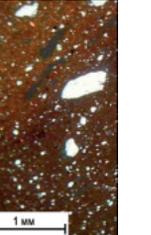
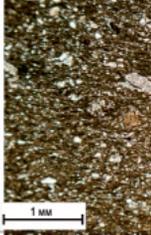
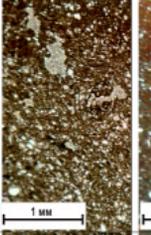
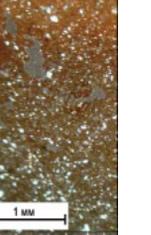
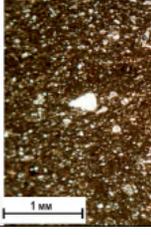
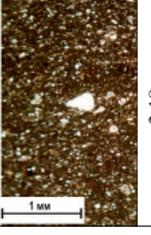
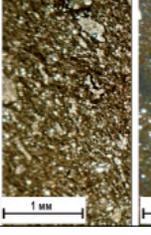
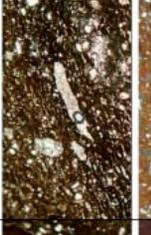
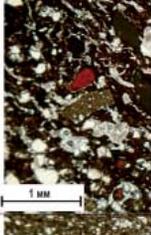
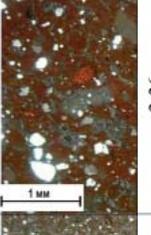
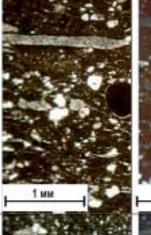
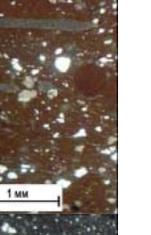
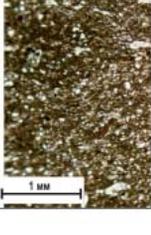
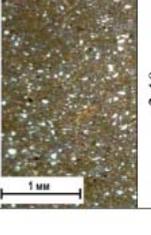
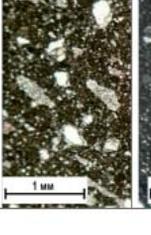
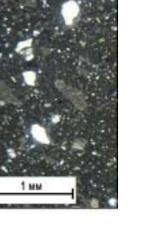
Сложнее определить характер примеси песчаной размерности 0,1–0,3 мм. Соотношение алевритовой и песчаной размерности в образцах

разное, в большинстве случаев алевритовая составляющая является подавляющей. Песчаная размерность, составляющая меньшинство (10–30% всей обломочной части образца) или в виде единичных зерен размером 0,1–0,2 мм, равномерно распределенная в объеме шлифа является естественной (табл. 4: обр. 1-2, 2-12, 2-16, 2-19). Мономинеральную песчаную фракцию, составляющую половину всей обломочной компоненты с размером частиц 0,2 мм, окатанной и полуокатанной формы можно с большой долей вероятности назвать искусственно привнесенной (табл. 4: обр. 2-11). Песчаная фракция, составляющая абсолютное большинство в обломочной части и 10% от всего объема образца, с равномерно распределенными полуокатаными зёрнами размером до 0,3 мм можно с большой долей вероятности назвать естественной (табл. 4: обр. 2-15).

Минеральный состав песчаной компоненты представлен преимущественно кварцем (95–100%), иногда обломками горных пород – 5% (табл. 4: обр. 2-15) и обломками кремнистых пород – 2% (табл. 4: обр. 2-12).

Пустотное и поровое пространство в образцах выражено слабо или не фиксируется из-за дефекта шлифа (табл. 4: обр. 2-11). В части образцов фиксируются изометричные или слабо вытянутые поры, неравномерно развитые в объеме образца размером до 0,25 мм, образовавшиеся, вероятно, в результате испарения влаги (табл. 4: обр. 2-16, 2-19). Другая группа образцов характеризуется неравномерно развитыми в образце однонаправленно ориентированными вытянутыми порами длиной от 0,7 до 2,5 мм, образовавшимися в результате разложе-

Таблица 6. Фото шлифов тарной (корчаги) и столовой посуды.

Шифр	Шифр Формула	Фото в одном николе	Фото в скрещенных николах	Шифр	Шифр Формул а	Фото в одном николе	Фото в скрещенных николах
2-5	АФ3-VI-13-Д			2-6	АФ1-V-1-Д		
2-7	АФ+К1-III-6-Б			2-9	АФ+К1-V-9-Д		
2-14	АФ1-II-5-А			2-18	АФ+К2-II-6-В		
2-20	АФ1-VI-11-А			2-24	АФ1-IV-2-А		
2-25	АФ2-III-3-А			2-26	АФ2-IV-12-А		
2-34	АФ1-III-4-А			2-10	АФ1-II-7-Д		

ния какой-то примеси, возможно, органической (табл. 4: обр. 1-2, 2-12). В одном образце (табл. 4: обр. 2-15) поровое пространство представлено игловидными пустотами, неравномерно распределенными, длиной до 1 мм. Наличие в другом образце (табл. 4: обр. 2-16) игловидных чешуек мусковита, правда алевритовой размерности, позволяет предположить, что данные пустоты образовались в результате выгорания именно мусковита. Мусковит здесь и в последующих случаях является естественным включением в глинистом веществе, так как встречается он в виде единичных зерен и входит в состав многих осадочных пород, в том числе и глин.

Рецепты формовочных масс кухонной посуды общеполгарской группы не отличаются особым разнообразием. В основе использовалась ожелезненная глина, насыщенная кварцевым песком, мусковитом, полевыми шпатами, с включениями зерен рудных минералов алевритовой и песчаной размерности. В качестве отощителя иногда в небольших количествах применялся кварцевый песок с включениями полевых шпатов и обломков кремнистых и горных пород, органических материалов. Общее соотношение примеси и основного источника близко к 1:3.

Корчаги. Рецепты формовочных масс по общему соотношению тарной посуды имеют большее разнообразие: 1:3 варианты II-III (табл. 6: обр. 2-7, 2-14, 2-18, 2-25, 2-34), 1:4 вариант VI (табл. 6: обр. 2-20, 2-5), 1: 5,6 вариант V (таблица 6: обр. 2-6, 2-9), 1:2 вариант IV (табл. 6: обр. 2-24, 2-26). Среди обломочного материала повсеместно присутствует тонкоалевритовая, алевритовая и крупноалевритовая фрак-

ции, составленные изометричными, равномерно развитыми в шлифе, полуокатанными и угловатыми зернами 0,02–0,07 мм. Данная размерность составляет от 15 до 95% всей обломочной компоненты и является неотъемлемой микропримесью в составе цементной основы. Цементную основу в большинстве случаев составляет оптически аморфное вещество, в одном случае с включением тонкокристаллического материала (таблица 6: обр. 2-9). Наличие реликтов слюд, измененного смектита указывает на исходный глинистый источник с включением тонкодисперсного гематита. Минеральный состав алевритовой компоненты цементной основы сложен кварцем – 70–100%, в большинстве случаев – полевыми шпатами – 5–15%, иногда игловидными чешуйками мусковита – 35% (табл. 6: обр. 2-6, 2-25, 2-26, 2-20), в одном случае – обломками кремнистых пород – 15% (табл. 6: обр. 2-34).

Песчаная и мелкопесчаная фракция присутствует во всех образцах тарной посуды. Определить ее природу также достаточно сложно. Минеральный состав песчаной фракции этой категории посуды более разнообразен, чем в предыдущей группе. Кроме общераспространенных минералов кварца и полевых шпатов здесь достаточно часто присутствуют окатанные обломки аргиллитов – до 5% (табл. 6: обр. 2-5, 2-6, 2-7, 2-14, 2-25), обломки кремнистых пород – до 3–15% (табл. 6: обр. 2-24, 2-25, 2-26), единичные зерна рудных минералов, скорее всего, пирита (табл. 6: обр. 2-20, 2-25), игловидные и таблитчатые чешуйки мусковита (табл. 6: обр. 2-5, 2-24). Песчаная размерность с полуокатанными зернами кварца, кремнистых

пород и полевых шпатов 0,1–0,25 мм, обломками аргиллитов до 0,3 мм, рудных минералов и чешуек мусковита является микропримесью базового источника (табл. 6: обр. 2-9, 2-14, 2-5, 2-18, 2-20, 2-25, 2-26, 2-7). Песчаную компоненту, состоящую из окатанных и полуокатанных зерен кварца, отчасти полевых шпатов и обломков аргиллитов размером 0,3–0,7 мм, возможно считать искусственной примесью в глиняном тесте, но ее доля настолько мала и зерна плохо калиброваны (от 10 до 30% всей обломочной компоненты), что в данном случае эта размерность представляет собою естественные макро- и микропримеси в исходном сырьевом источнике (табл. 6: обр. 2-24, 2-5, 2-6). Присутствие такого специфического минерального агрегата, как аргиллит, можно считать неким маркером глинистого источника⁶.

Пустотное и поровое пространства, как и в группе кухонной посуды, развиты слабо и представлены в большинстве случаев изометричными или слабовытянутыми порами размером до 0,25 мм, иногда неравномерно распределенными в объеме образца. Природа их появления вполне понятна – это пустоты, образовавшиеся в результате испарений влаги во время обжига (табл. 6: обр. 2-7, 2-14, 2-18, 2-20, 2-24, 2-25, 2-26). Также можно отметить образец с присутствием игловидных пустот 2,5–3 мм – резуль-

тат обжига примеси, вероятнее всего, мусковита (табл. 6: обр. 2-5). Также отмечены два образца с вытянутыми извилистыми по форме порами размером 0,6–0,7 мм, нередко с рваными краями с темно-серой каймой (табл. 6: обр. 2-6, 2-9). Данные поры, вероятно, образовались в результате разложения органической примеси во время обжига изделий.

Таким образом, рецепты формовочных масс для изготовления крупных сосудов для хранения также не отличались разнообразием и очень схожи с рецептурой для производства кухонной посуды. Но можно отметить тот факт, что для изготовления этой посуды выбиралась другая, по качественным характеристикам менее пластичная, глина, в которой кроме алевритовой фракции кварца, полевых шпатов, мусковита содержалась песчаная фракция рудных минералов (пирита), кремнистых пород, обломков аргиллитов. К базовому сырью изредка, в малых количествах, добавлялись органическая примесь и кварцевый песок с включениями полевых шпатов. В общем соотношении глинистого вещества и отощителя одного рецепта отметить нельзя, но большинство образцов тяготеет к соотношению 1: 3. Рецепт замеса теста для каждой партии, по-видимому, зависел от качества выбранной глины.

Столовая посуда (табл. 6: обр. 2-10). Общее соотношение базового материала и обломочной компоненты – 1: 3. Обломочная компонента представлена алевритовой и песчаной размерностями в соотношении 60% : 40%. Угловатые и полуокатанные зерна алевритовой размерности равномерно распределены в объеме шлифа и являются микропримесью исходного сы-

⁶ Аргиллиты – группа твердых, камнеподобных глинистых пород, не размокающих в воде, образующихся из глин и глинистых осадков в результате уплотнения, дегидратации и цементации последних при диагенезе или в начальной стадии метаморфизма (Геологический словарь, т. I, 1955, с. 46).

рьевого источника. Минеральный состав данной фракции представлен на 90–95% кварцем, на 5–10% полевыми шпатами и редкими игольчатыми и таблитчатыми чешуйками мусковита. Кроме алевритовой фракции в оптически аморфной цементной основе фиксируются фазы реликтов слюд и тонкодисперсного гематита, что указывает на изначально глинистый источник сырья.

Мономинеральная, кварцевая по составу, песчаная фракция, неравномерно распределена и представлена изометричными поукатанными и окатанными зернами 0,2–0,4 мм. Возможно, она является искусственно привнесенной в формовочную массу. Поровое пространство представлено слабо и развито неравномерно. Единичные извилистые, рваные по морфологии поры размером до 0,6 мм образовались в результате выгорания органической примеси в процессе обжига изделия.

Рецепт формовочной массы этого образца столовой посуды очень похож на рецепты кухонной посуды (горшков). Формовочная масса также сложена из насыщенного кварцем, полевыми шпатами, чешуйками мусковита алевритовой размерности глинистого источника с минимальной добавкой кварцевого песка и органических добавок. Общее соотношение рецепта – 1: 3.

Сфероконические сосуды. По общему соотношению формовочных масс эта разновидность керамики имеет несколько вариантов (табл. 2): часть имеет соотношение 1: 3 вариант III (табл. 5: обр. 1-18, 2-39, 7), 1: 3,4 вариант VIII (табл. 5: обр. 1-19, 1-20, 1-21), 1:4 вариант VI (табл. 5: обр. 2-37, 2-38), 1:5 вариант IX

(табл. 5: обр. 1-17), 1:2 вариант IV (табл. 5: обр. 6). Обломочная компонента сложена частицами алевритовой и песчаной размерности. Большинство обломочного материала составляет равномерно развитая в объеме шлифа алевритовая и тонкоалевритовая фракция, сложенная угловатыми и полуокатанными зернами 0,01–0,07 мм. Она занимает 80–95% всей примесной компоненты и является естественной микропримесью в базовом источнике. Минеральный состав этой размерности таков: кварц – 80–98%, полевые шпаты – 2–15%, игловидные чешуйки мусковита – до 5% (табл. 5: обр. 1-18, 1-20, 2-37, 2-38, 6), обломки кремнистых пород – до 5% (табл. 5: обр. 1-21, 2-39, 6), обломки горных пород (амфибол) – до 5% (табл. 5: обр. 6, 7), зерна рудных минералов до 5% (табл. 5: обр. 1-21, 6, 7). Песчаная фракция развита в значительно меньшей степени и сложена окатанными и полуокатанными зернами 0,1–0,3 мм, равномерно распределенными в объеме шлифа. По минеральному составу в большинстве случаев на 100% зерна представлены кварцем (табл. 5: обр. 1-17, 1-19, 1-21, 2-37, 2-38, 6, 7), редко встречаются единичные зерна полевых шпатов (табл. 5: обр. 1-18), рудных минералов (табл. 5: обр. 1-20), обломки кремнистых пород и аргиллитов (табл. 5: обр. 2-39). Эта фракция также является естественной микропримесью в составе базового источника.

Цементная основа сложена оптически аморфным веществом иногда с включением пятен тонкокристаллического материала. Наличие фаз реликтов слюд, реликтов глин указывает на исходный глинистый источник сырья. Кроме описанной выше обломочной

компоненты базис характеризуется наличием фаз тонкодисперсного гематита.

Пустотное пространство развито слабо и представлено равномерно распределенными изометричными пораами до 0,3 мм. Данные пустоты, вероятно, являются результатом испарений влаги во время обжига.

Таким образом, рецепты формовочных масс сфероконических сосудов состояли из отбора подходящего, более тонкого, сырья с соотношением от 1: 3 до 1: 5. Характеризовалось оно наличием кварцевой, полевошпатовой примеси с включением чешуек мусковита, зерен пирита, амфибола алевритовой и тонкоалевритовой размерности. В одном случае фиксируется аргиллит песчаной размерности (табл. 5: обр. 2-39), что может указывать на разность сырьевых источников. Специфика форм и не вполне ясное предназначение этих сосудов требуют отдельного технологического исследования.

Керамические трубы (водопроводные и дымогарные). В соотношении формовочных масс наблюдаются две пропорции (табл. 2): 1: 3 варианты II и III (табл. 3: обр. 2-33 (дымогарная труба), 2-36), 1: 6 вариант VII (табл. 3: обр. 168-1, 168-4, 168-6). В первой пропорции обломочный материал представлен алевритовой и песчаной размерностью. Алевритовая фракция составляет 90–95% всей примесной компоненты. Зерна угловатые или полуокатанные плохо калиброванные от 0,02 до 0,07 мм. Минеральный состав обычен – кварц 80–90%, полевые шпаты – 10–20%, единичные чешуйки мусковита и обломки кремнистых пород. Песчаная фракция минимальна – 5–10% всего обломочного мате-

риала – и представлена зернами 0,1–0,2 мм. Минеральный состав схож с составом алевритовой фракции: кварц – 90–100%, обломки кремнистых пород – 5–10%, единичные зерна рудных минералов. Исходя из перечисленных признаков, обе фракции являются микропримесью в составе базового источника сырья. Цементная основа сложена оптически аморфным по структуре веществом. В составе его фиксируются фазы реликтов слюд, что указывает на его глинистый состав. Также фиксируются тонкодисперсные фазы гематита. Поровое пространство под микроскопом неразлично.

Ко второй пропорции относятся только дымогарные трубы (табл. 3: обр. 168-1, 168-4, 168-6). Она составляет соотношение 1: 6, и в ней также присутствуют алевритовая и песчаная фракции, сложенные из угловатых и полуокатанных, плохо калиброванных зерен. В минеральном составе обеих фракций, кроме уже привычных кварца, полевых шпатов и кремнистых пород, были идентифицированы частицы комковидных окатанных глинистых агрегатов буро-коричневого цвета. Шамотом эти зерна назвать нельзя, так как эта фракция слишком мала 0,1–0,4 мм. Скорее всего, можно предположить факт добавления в формовочную массу очень небольшого количества глины в сухом виде.

Цементная основа сложена из оптически аморфного и тонкокристаллического материала. Минеральный состав оптически аморфного вещества под микроскопом определить невозможно, в нем четко фиксируются фазы реликтовой слюды и гематита, что указывает на исходный ожелезненный глинистый источник. Минеральный состав тонкокристаллическо-

го материала представлен аутигенным мусковитом. Поровое пространство в этих образцах представлено слабо и неравномерно и выражено в изометричных порах до 0,1 мм.

Формовочные массы керамических труб не отличаются единством, также невозможно выявить общую традицию, свойственную всем изделиям этой категории. Не наблюдается особой традиции и в выборе сырья и его подготовке. Это могли быть и тонкие, и среднепластичные глины, насыщенные кварцполевошпатной обломочной компонентой. Хотя в нескольких предложенных образцах дымогарных труб все-таки присутствует некая традиция добавления в формовочную массу сухой глины. Для более обоснованных выводов нужно расширение выборки обоих видов керамических труб.

Заключение. Таким образом, в результате исследования было выделено несколько рецептов формовочных масс, представляющих общebolгарскую группу керамики в массиве керамики волжских болгар. Они имеют как смешанный, так и несмешанный характер. В качестве основного сырья использовалась глина, достаточно часто насыщенная микропримесями в виде кварца, реликтов слюд, мусковита, полевого шпата. В качестве отошителей использовались песок и навоз домашних животных. Стандартным соотношением примесной компоненты и глины можно считать соотношения от 1: 3 до 1: 5, за редким исключением – 1: 2, 1: 7 или 1: 6. Основной примесной компонентой является кварцевый песок в виде естественной примеси в базовом источнике и редко как искусственного отошителя. Именно такая формовочная масса годилась

для конструирования пригодных в быту керамических сосудов различного назначения. Практически все встреченные рецепты в той или иной степени проявляются в формовочных массах различных функциональных групп. Исключение составляют формовочные массы некоторых образцов керамических труб, в которые добавлялась сухая глина. Нельзя исключать влияние различной функциональной нагрузки труб: дымогарные трубы или трубы для отвода воды и канализации. Наряду с этим были отмечены тенденции в отборе основного источника глины для некоторых категорий сосудов (корчаг, сфероконусов). Для разных по функциональному назначению сосудов выбиралась различная по физико-техническим характеристикам глина. При изготовлении проанализированных нами керамических изделий использовалась глина из разных источников.

Результаты, полученные в ходе исследований, подтвердили необходимость более детального изучения гончарной технологии, касающейся отбора, добычи и подготовки сырья. Выявленные аналитическими методами некоторые минералы (аргиллиты, пирит, кремнистые агрегаты и др.) могут служить некими маркерами для разных источников сырья.

Таким образом, в ордынский период рецепты формовочных масс не отличались разнообразием. Гончары, по всей видимости, стремились к отбору глин подходящего качества, не требующих специальных добавок. Сырье было несовершенным, и порой гончары вынуждены были доводить его до определенного технологического стандарта. Исследования показали, что гончарный процесс в Болгаре зо-

лотоордынского времени становился все более унифицированным, и не было нужды разрабатывать специальные рецепты для изготовления определенных типов керамики.

Анализ формовочных масс – это только одна ступень данного исследования, предстоит провести анализ последующих технологических стадий гончарного производства: конструирование начина и полого тела сосуда, просушка, обжиг изделий. В исследовании формовочных масс также наметились перспективы по определению видов органического сырья, а для более основательных выводов необходимы расширение выборки образцов, ассортимента сосудов, непо-

средственная работа с источниками сырья.

*Авторы выражают благодарность за предоставление материалов коллективу исследователей Болгарского городища: к.и.н. В.С. Баранову, М.В. Сивицкому, к.и.н. В.Ю. Ковалю, А.В. Беляеву, к.и.н. Р.Р. Валиеву, к.и.н. А.М. Губайдуллину; за исполнение анализов и предоставление их результатов ст. инж. Г.М. Ескиной, д.г.-м.н. В.П. Морозову, к.г.-м.н. Н.И. Наумкиной, к.г.-м.н. А.М. Месхи, к.г.-м.н. А.Н. Кольчугину; за оказание консультативной помощи и организацию исследований к.ф.-м.н. Р.Х. Храмченковой, д.и.н. Ю.Б. Цетлину.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. – М.: Наука, 1978. – 272 с.
2. Белоусова О.Н., Михина В.В. Общий курс петрографии. – М., 1972. – 344 с.
3. Васильева И.Н. О технологии производства неполивной керамики Болгарского городища // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности. – М.: Наука, 1988. – С. 103–151.
4. Внуков С.Ю. Причерноморские амфоры 1 в. до н.э. 2 в. н.э. – Ч. 2. – СПб.: Изд-во «Алетейя», 2006. – 320 с.
5. Геологический словарь: А-Л / Под общей ред. А.Н. Криштофовича. – Т. I – М.: Государственное научно-техническое издательство литературы по геологии и охране недр, 1955. – 445 с.
6. Геологический словарь: М-Я / Под общей ред. А.Н. Криштофовича. – Т. II. – М.: Государственное научно-техническое издательство литературы по геологии и охране недр, 1955. – 445 с.
7. Зах В.А. О некоторых методах изучения древней западносибирской керамики // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – Вып. 2. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН (Институт проблем освоения Севера Сибирское отделение РАН), 1999. – С. 3–9.
8. Зевин Л.С., Завьялова Л.Л., Количественный рентгенографический фазовый анализ. – М.: Недра, 1974. – 182 с.
9. Круг О.Ю. Применение петрографии в археологии // Археология и естественные науки. – М.: Наука, 1965. – С. 146–152.
10. Круг О.Ю., Четвериков С.Д. Опыт применения петрографических методов к изучению керамики Боспорского царства // Советская археология. – 1961. – № 3. – С. 35–44.

11. План Болгарского городища с раскопами. Стратиграфическая шкала и описание раскопов на городище // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. – Казань, 1996. – С. 306–313.

12. *Хлебникова Т.А.* Керамика памятников Волжской Болгарии (к вопросу об этнокультурном составе населения). – М.: Наука, 1984. – 238 с.

13. *Хлебникова Т.А.* Неполивная керамика Болгара // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности. – М.: Наука, 1988. – С. 7–102.

14. *Цетлин Ю.Б.* Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. – М.: ИА РАН, 2012. – 384 с.

Информация об авторах:

Бахматова Вера Николаевна, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Российская Федерация); lyna-87@yandex.ru

Куклина Анна Александровна, аспирант, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Российская Федерация); kuklinanna@mail.ru

CONCERNING RELATIONSHIP BETWEEN PRODUCTION TECHNOLOGY OF CERAMIC VESSELS AND THEIR FUNCTIONAL PURPOSES: CHARACTERISTIC OF THE PASTES (ACCORDING TO INVESTIGATIONS AT THE BOLGAR SETTLEMENT 2011–2012)

V.N. Bakhmatova, A.A. Kuklina

Results of research in the mode of preparing molding compositions as one of technological stages in Bulgar pottery production are presented in the article. The subject of study was the common Bulgar ceramics from the Bulgar settlement site of the Golden Horde period (2011–2012 excavations). Four basic functional groups of ceramics were selected: kitchen, transportation, tableware, technical items. The study was conducted with the aim of identifying the dependence of pottery technology on the pottery functional purpose. While analyzing the materials, a complex methodology has been applied: a synthesis of traditional archaeological and natural science methods (A.A. Bobrinsky's technical and technological method, petrography, X-ray phase analysis). The studies have shown that different functional forms of pottery had generated a variety of approaches to their manufacture. In most cases, special recipes were absent, but a certain differentiation could be traced in the choice of raw materials for the manufacture of vessels for different functional purposes. A further detailed study of the stages associated with raw materials selection and extraction, as well as that of the vessel hollow body design, and the methods of vessel strengthening (drying and firing) are in prospect.

Keywords: the Middle Volga region, the Golden Horde period, the Bulgar fortified settlement site, common Bulgar ceramics, pottery technology, molding compositions, synthesis of archaeological and natural science methods.

REFERENCES:

1. Bobrinskii, A. A. 1978. *Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Istochniki i metody izucheniia (Pottery-making of Eastern Europe. Sources and Methods of Study)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Supported by the Kazan (Volga Region) Federal University Program "Creation and introduction of new methods of archaeological monuments research on the basis of dating and reconstruction of the Bolghar fortified settlement and the island-fortress of Sviyazhsk ancient sites."

2. Belousova, O. N., Mikhina, V. V. 1972. *Obshchii kurs petrografii (General Course of Petrography)*. Moscow (in Russian).
3. Vasil'eva, I. N. 1988. In *Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoi deiatel'nosti (Town of Bolgar. Essays on Handicrafts)*. Moscow: "Nauka" Publ., 103–151 (in Russian).
4. Vnukov, S. Yu. 2006. *Prichernomorskie amfory I v. do n.e. — II v. n.e. (Pontic Amphorae of the 1st Century B.C. — the 2nd Century A.D.)*. Part 2. *Petrografiia, khronologiia, problemy torgovli (Petrography, Chronology, Trade Issues)*. Saint Petersburg: "Aleteiia" Publ. (in Russian).
5. Krishtofovich, A. N. (ed.). 1955. *Geologicheskii slovar' (Geology dictionary) I. A-L (A—L)*. Moscow: "Gosudarstvennoe nauchno-tehnicheskoe izdatel'stvo literatury po geologii i okhrane nedr" Publ. (in Russian).
6. Krishtofovich, A. N. (ed.). 1955. *Geologicheskii slovar' (Geology Dictionary) II. M-Ia (M—Ya)*. Moscow: "Gosudarstvennoe nauchno-tehnicheskoe izdatel'stvo literatury po geologii i okhrane nedr" Publ. (in Russian).
7. Zakh, V. A. 1999. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography) 2*. Tyumen: Institute for Problems Development of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 3–9 (in Russian).
8. Zevin, L. C., Zav'ialova, L. L. 1974. *Kolichestvennyi rentgenograficheskii fazovyi analiz (Quantitative X-ray Phase Analysis)*. Moscow: "Nedra" Publ. (in Russian).
9. Krug, O. Yu. 1965. In *Arkheologiia i estestvennye nauki (Archaeology and Natural Sciences)*. Moscow: "Nauka" Publ., 146–152. (in Russian).
10. Krug, O. Yu., Chetverikov, S. D. 1961. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology) (3)*, 35–44 (in Russian).
11. Plan Bolgarskogo gorodishcha s raskopami. Stratigraficheskaiia shkala i opis' raskopov na gorodishche (Plan of the Bolgar settlement with excavations. Stratigraphic scale and inventory of the excavation trenches at the site). 1996. In Fyodorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteishchikov (Town of Bolgar. Craft of Metallurgists, Smiths, Founders)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History, Academy of Sciences of Tatarstan, 306–313 (in Russian).
12. Khlebnikova, T. A. 1984. *Keramika pamiatnikov Volzhskoi Bolgarii (k voprosu ob etnokul'turnom sostave naseleniia) (Ceramics of the Volga Bulgaria Monuments. (on Ethno-Cultural Composition of Population))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
13. Khlebnikova, T. A. 1988. In Fyodorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoi deiatel'nosti (Town of Bolgar. Essays on Handicrafts)*. Moscow: "Nauka" Publ., 7–102. (in Russian).
14. Tsetlin, Yu. B. 2012. *Drevniaia keramika. Teoriia i metody istoriko-kul'turnogo podkhoda (Ancient Ceramics. Theory and Methods of Historical and Cultural Approach)*. Moscow: Institute for Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

About the Authors:

Bakhmatova Vera N. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; lyna-87@yandex.ru

Kuklina Anna A. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; kuklinanna@mail.ru

Заметки

О КЛАДЕ РУССКИХ МОНЕТ XV–XVI ВВ., ОБНАРУЖЕННОМ В КАЗАНСКОМ КРЕМЛЕ 4 МАЯ 1909 Г.

© 2014 г. Х.М. Абдуллин

Публикуются недавно обнаруженные автором новые сведения о ранее мало известном научной общественности кладе серебряных монет XV–XVI вв., найденном на территории Казанского кремля в 1909 г. Источником информации являются переписка казанского губернатора, хранящаяся в Национальном архиве Республики Татарстан, а также отчеты Императорской археологической комиссии. Описываются обстоятельства находки клада, его экспертизы и дальнейшей судьбы. Раскрываются механизмы государственного регулирования оборота ценных находок на территории Казанской губернии. Установлено, что клад был отправлен в Императорскую археологическую комиссию, а затем возвращен и передан на хранение в Церковно-археологическое общество при Казанской епархии. По документам последнего следует искать данные о местонахождении монет после 1913 г.

Ключевые слова: Казанская губерния, Казанский кремль, клад, монеты XV–XVI вв., Императорская археологическая комиссия, Церковно-археологическое общество при Казанской епархии.

Изучая отчеты казанского губернатора о найденных кладах и предметах древности за 1909 г., мы обнаружили переписку о находке 4 мая 1909 г. клада русских монет XV–XVI вв. в Казанском кремле. В частности, нас привлек тот факт, что на общеизвестной карте Казанского кремля с обозначением раскопов, шурфов, мест наблюдений и случайных находок отсутствовало упоминание об этом кладе (Ситдинов, 2006, с.166). Выяснив, что наиболее подробно проблема случайных находок на территории Казанского кремля в дореволюционный период была разработана в неопубликованном докладе Н.Ф. Калинина «Археология Казанского кремля за 30 лет Советской власти» от 24 октября 1949 г., мы обратились к этому

источнику. Однако, как выяснилось, и Н.Ф.Калинину не было известно о существовании данного клада (Архив ИЯЛИ. Ф. 8, оп. 1, д. 298, л. 1-21об.). Дальнейшее знакомство с содержанием переписки о кладе монет позволило понять, почему данная находка до сих пор оставалась вне поля зрения научного сообщества.

11 мая 1909 г. казанский полицмейстер обратился к губернатору с рапортом за № 6984 а, в котором доложил обстоятельства находки клада древних монет в Казанском кремле. Полицмейстер, в частности, отмечал, что клад был найден 4 мая 1909 г. при производстве земляных работ возле здания Духовной консистории в Казанском кремле. На глубине двух с половиной аршин около водопроводных

труб рабочие нашли 284 единицы серебряных монет величиной в четверть копейки – «часть с надписью на татарском языке и часть с каким-то изображением, времен Иоанна Грозного». «Находчиками» клада в протоколе пристава 1-й части города были указаны рабочие Казанского общества водоснабжения крестьянин Спасского уезда Мошаконской волости деревни Аннинных Салман Архип Егоров, крестьянин Нижегородской губернии Васильсурского уезда Троицкой волости деревни Сосновки Илья Борисов, крестьянин Лаишевского уезда Селенгушской волости деревни Шали Нури-Ахмед Якупов и крестьянин того же уезда Державинской волости и села Иван Кириллов (НА РТ. Ф. 1, оп. 4, д. 3885, л. 1-1об.).

Из рапорта также видно, что по каким-то причинам пристав оставил клад монет на хранение у казначея Архиерейского дома, хотя обычной практикой была конфискация находки с представлением ее полицмейстеру. В свою очередь, полицмейстер был обязан отправить находку в распоряжение губернатора, а из канцелярии губернатора – на экспертизу в Императорскую археологическую комиссию (ИАК).

Следуя букве закона, губернатор все же уведомил ИАК о находке клада татарских и русских монет XVI в. при проведении водопроводных работ в Казанской крепости, добавив, что находка осталась на хранении у казначея Архиерейского дома. В свою очередь, отслеживая ситуацию по случайным находкам в рамках империи, ИАК обратила внимание казанского губернатора на статью в газете «Новое Время» от 28 мая 1909 г. (№ 11927). Газета отмечала, что при

рытье канавы в крепости из земли был извлечен рог, наполненный мелкими серебряными монетами листовидной формы (около 150 штук) времен «хана Мамай», и эти монеты как дар города поступят в городской музей. В связи с этими новыми обстоятельствами ИАК обратилось к казанскому губернатору с просьбой о подробном расследовании всех обстоятельств дела и присылке монет, «так как ни архиерейский дом, ни город не имеют права завладеть настоящими случайными находками, которые по закону подлежат представлению в Императорскую археологическую комиссию на Высочайшее воззрение» (НА РТ. Ф. 1, оп. 4, д. 3885, л. 3-3об.).

Как видно из документов, монеты от казначея Архиерейского дома были переданы на хранение в Церковно-археологическое общество Казанской епархии. Председатель общества епископ Алексей переслал в канцелярию губернатора данный клад монет. В сопроводительном письме от 14 февраля 1910 г. епископ отмечал, что пересылает не 200, а 196 монет, «потому что четыре монеты при разборке разломались» (НА РТ. Ф. 1, оп. 4, д. 3885, л. 12). Однако священнослужитель не объясняет судьбу остальных 84 монет, зафиксированных в протоколе полицейского пристава, на это обстоятельство не обращают внимания и в канцелярии губернатора, и в ИАК.

22 апреля 1910 г. казанский губернатор был извещен Археологической комиссией, что последняя возвращает клад русских серебряных монет XV–XVI вв., найденный в прошлом году в Казани, и просит передать его по принадлежности под расписку (НА РТ. Ф. 1, оп. 4, д. 3885, л. 27). Дальнейшая судьба монет проясняется из переписки

ски канцелярии губернатора с одним из находчиков клада Нури-Ахматом Якуповым. Спустя несколько лет после обнаружения клада, он обратился к властям с просьбой о выдаче полагающейся ему как «находчику» 1/3 стоимости монет (НА РТ. Ф. 1, оп. 4, д. 3885, л. 30-30 об.). В прошении Н.-А.Якупова подтверждается и факт находки клада в «рожке», о чем писала газета «Новое время», и о чем не упоминалось в рапорте полицмейстера. Как оказалось, после получения монет из Археологической комиссии 10 мая 1910 г. клад был направлен обратно к председателю Церковного историко-археологического общества Казанской епархии, куда Н.-А.Якупову и предлагалось обратиться за получением вознаграждения (НА РТ. Ф. 1, оп. 4, д. 3885, л. 32-32 об.).

Таким образом, судьбу клада с 1913 г. следует далее проследить по материалам Церковного историко-археологического общества Казанской епархии. Тот факт, что клад с момента своего обнаружения находился на хранении в структурах Казанской епархии, может служить объяснением того, что информация о нем осталась не известной ученому сообществу Казани.

Другой вопрос, требующий прояснения, – характер клада. Он в какой-то мере проясняется благодаря ежегодному отчету ИАК, в котором находили отражение все известные комиссии находки: «284 экземпляра русских серебряных монет (псковских и новгородских денег XV века и великих князей московских Иоанна III и Иоанна IV, чеканенные до 1547 г.), найденные в 1909 г. при раскопке земли в г. Казани, в Кремле, около здания духовной консистории, на глубине около 1,80 м., в коровьем роге» (Отчет, 1913, с. 225). Однако, как видно из документов, Археологическая комиссия получила для экспертизы не все монеты клада. Возможно, татарские (джучидские) монеты были именно среди тех 84-х монет, судьба которых неизвестна. С другой стороны, под русскими монетами могли пониматься в том числе и монеты Ивана III с татарскими надписями (например, «Ибан», «деньга города Москвы»), как в аналогичном кладе русских серебряных монет XV в., найденном 4 сентября 1878 г. при рытье канавы для водопроводной трубы возле тротуара здания военного училища, напротив крыльца Кафедрального собора в Казанском кремле¹.

¹ Описан действительными членами ОАИЭ А.Ф. Лихачевым и В.К. Савельевым (ИОАИЭ. Т. II. – Казань, 1880. – С. 112–120; ИОАИЭ. Т. I. – Казань, 1879. – С. 66–68, 107–109). Казанским губернатором Н.Я. Скарятиным 31 октября 1878 г. 81 экземпляр из этих монет передан в дар Музею ОАИЭ (ИОАИЭ. Т. I. – Казань, 1879. – С. 88).

ЛИТЕРАТУРА

1. Доклад Н.Ф. Калинина «Археология Казанского кремля за 30 лет Советской власти» от 24 октября 1949 г. / Архив ИЯЛИ. – Ф. 8. – Оп. 1. – Д. 298.
2. Известия Общества археологии, истории и этнографии Казанского университета. – Том I. – 1878 г. – Казань, 1879. – 145 с.
3. Известия Общества археологии, истории и этнографии Казанского университета. – Том II. – 1879 г. – Казань, 1880. – 293 с.
4. О найденных древностях, кладах и проч. предметах, имеющих археологическое значение. (1909–1913) / НА РТ. – Ф. 1. – Оп. 4. – Д. 3885.
5. Отчет Императорской археологической комиссии за 1909 и 1910 гг. – СПб., 1913. – 289 с.
6. *Ситдиков А.Г.* Казанский кремль: историко-археологическое исследование. – Казань: «Фолиант», 2006. – 288 с.

Информация об авторе:

Абдуллин Халим Миннуллович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Российская Федерация); Xalimabd@mail.ru

CONCERNING THE HIDDEN TREASURE OF RUSSIAN COINS OF THE XV–XVI CENTURIES DISCOVERED AT KAZAN KREMLIN ON MAY, 4TH, 1909

Kh.M. Abdullin

New data, recently discovered by the author, on the hoard of 15–16th-century silver coins previously little known to the scientific community, which had been found in the territory of the Kazan Kremlin in 1909, are published. Correspondence of the Governor of Kazan, kept in the National Archives of the Republic of Tatarstan, as well as reports of the Imperial Archaeological Commission serve as information sources. The circumstances of the hoard discovery, its examination, and subsequent fate are described. The mechanisms of state regulation of precious finds circulation in the territory of Kazan Gubernia (Province) are revealed. It has been established that the hoard had been sent to the Imperial Archaeological Commission, and later returned and deposited with the Church Archaeological Society of Kazan diocese. The documents of the latter may serve as a source of information about the whereabouts of the coins after 1913.

Keywords: Kazan Province, the Kazan Kremlin, hoard, 15–16th-century coins, the Imperial, Archaeological Commission, the Church Archaeological Society of Kazan diocese.

REFERENCES

1. Kalinin, N. F. 1949. *Arkheologiia Kazanskogo kremlia za 30 let Sovetskoi vlasti (Kazan Kremlin's Archaeology during 30 years of Soviet Authority)*. Archive of the Institute for Language, Literature and History. Fund 8. Inv. 1, dossier 298 (in Russian).
2. *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii Kazanskogo universiteta (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan University)*. Vol. I. 1878 g. 1879. Kazan (in Russian).

3. *Izvestiia obshchestva arkhologii, istorii i etnografii Kazanskogo universiteta (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan University)*. Vol. II. 1879 g. 1880. Kazan (in Russian).

4. *O naidennykh drevnostiakh, kladakh i proch. predmetakh, imeiushchikh arkhologicheskoe znachenie. (1909–1913) (Concerning Finds of Antiquities, Hidden Treasures, etc., Having Archaeological Value)*. Scientific Archive of the Republic of Tatarstan. Fund 1. Inv. 4, dossier 3885. (in Russian).

5. *Otchet Imperatorskoi arkhologicheskoi komissii za 1909 i 1910 gg. (Report of Imperial Archaeological Commission for 1909 and 1911)*. 1913. Saint Petersburg (in Russian).

6. Sitdikov, A. G. 2006. *Kazanskii Kreml': istoriko-arkheologicheskoe issledovanie (Kazan Kremlin: Historical and Archaeological Study)*. Kazan: "Foliant" Publ. (in Russian).

About the Author:

Abdullin Khalim M. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Xalimabd@mail.ru

Критика и библиография

УДК 903.24, 903.25

**РЕЦ. НА: БОГАЧЕВ А.В., ФРАНЦУЗОВ Д.А. КОСТЮМ ПРАБОЛГАР
СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ: КОНЕЦ VII – НАЧАЛО X В.
(САМАРА: СГТУ, 2012. 350 С.)**

© 2014 г. Н.А. Лифанов

В рецензии анализируются методические и источниковедческие аспекты представленного в монографии А.В. Богачева и Д.А. Французова исследования костюма раннесредневекового скотоводческого населения Среднего Поволжья. Данный аспект материальной культуры рассматривается авторами книги на базе письменных, изобразительных и вещественных данных. Однако следует отметить, что информация привлеченных к анализу письменных источников в целом оказалась недостаточной для характеристики кочевнического костюма, в частности, ничего не сообщает об одежде раннесредневековых болгар Среднего Поволжья. Изобразительные источники более информативны, но авторы не воспользовались всей их совокупностью, проигнорировав многие важные материалы. Также авторами книги был отброшен и значительный массив археологических данных, а анализ использованных материалов был сделан весьма поверхностно и небрежно. Отнесение большинства рассмотренных в книге археологических памятников к праболгарам (болгарам) является субъективным и ничем не аргументировано. Исследование во многом вторично, основано на более ранних работах А.В. Богачева, в нем повторяются его ошибки и заблуждения, уже получившие негативную оценку специалистов. Автор рецензии приходит к выводу, что предпринятое А.В. Богачевым и Д.А. Французовым исследование было выполнено на невысоком методическом уровне, недостаточном, чтобы считать рассматриваемую монографию качественной научной работой.

Ключевые слова: Среднее Поволжье, раннее средневековье, VII–X века, кочевники, ранние болгары, тюрки, костюм, украшения.

Вышедшая в свет уже более года назад монография А.В. Богачева и Д.А. Французова не получила еще объективной оценки в профессиональных кругах. Между тем тематика, к которой обратились ее авторы, всегда вызывала и, очевидно, далее будет вызывать интерес как среди археологов, так и широкой публики, ищущей наглядных «живых» картин прошлого,

воспроизведенных специалистами-профессионалами.

Костюмологическая проблематика в настоящее время разрабатывается целым рядом российских археологов, чьи работы были внимательно изучены авторами. Степень изученности демонстрируется ими во вводной части исследования, в которой публикации С.А. Яценко, А.В. Мастыковой и

З.В. Доде обильно цитируются целыми страницами.

Позиционируя свою работу как междисциплинарную (с. 46, 48¹), А.В. Богачев и Д.А. Французов в качестве ее источников используют как письменные (нарративные), так и изобразительные (визуальные) и вещественные (археологические) материалы, предлагая процедуру синтеза извлекаемых из них данных (с. 45–46, 49).

Массив используемых в монографии сведений средневековых авторов о костюме восточноевропейских народов закономерно разбит на блоки: «Европейские и кавказские источники» и «Исламские авторы». Основу первого составляют цитаты из Феофана Исповедника, императоров Маврикия и Константина VII Багрянородного (с. 53–54), остальные авторы упоминаются лишь вскользь. Теме, заявленной в заглавии книги, т.е. костюму собственно болгар, соответствует только краткая и совершенно неинформативная цитата из «Стратегикона»². Остальные две, столь же малозначительные, касаются

¹ Здесь и далее ссылки на страницы и иллюстрации без указания авторства и года издания даются для рассматриваемой монографии.

² Непонятно, почему А.В. Богачев и Д.А. Французов не проанализировали в качестве источников своей работы «Именник болгарских канов», напрямую свидетельствующий о таком «элементе костюма» болгар, как прическа (авторы воспринимают костюм в весьма расширенной трактовке – см. с. 6), и связываемый с ним пассаж из 11 главы «Истории страны Алуанк» Мовсеса Каланкатуаци о прическах подданных Джебун-хакана. Эти данные лишь упоминаются в составе ци-

инных кочевников (аваров и печенегов).

Большая часть второго блока посвящена «Рисале» Ахмада ибн Фадлана. Скрупулезные наблюдения этого автора охватывают в том числе и детали одежды встреченных им представителей различных народов юго-востока Европы, однако к волжским болгарам относится лишь одно его замечание, констатирующее ношение ими шапок (с. 59). Авторы монографии, очевидно стремясь восполнить этот пробел, привлекают цитаты из источников, характеризующих костюмы, быт и обычаи других этносов: огузов, печенегов, башкир, русов, и даже самих путешествующих арабов. Сведения остальных цитируемых в данном разделе исламских авторов (ал-Истахри, ал-Идриси, Ибн Русте, ал-Гардизи) информативны примерно в той же степени: ни цельного, ни даже отрывочного впечатления о костюме ни одного из описываемых ими народов не дает, к сожалению, никто.

Анализ письменных сообщений по заявленной теме объективно демонстрирует неутешительную картину. Тем не менее, А.В. Богачев и Д.А. Французов пытаются дезавуировать ее интересным умозаключением: если-де тот или иной элемент костюма не упомянут средневековыми путешественниками, то это, по мнению авторов, означает его широкую распространенность, обыденность в описываемой среде, недостойную внимания наблюдателя (с. 61–63, 158). В результате категоричный вывод: «костюм волжских болгар был

таты из статьи С.А. Плетневой в историографическом разделе монографии (с. 40).

фактически идентичен костюму гуззов, печенегов и башкир» (с. 63) – делается исключительно на основании отсутствия каких-либо источниковых данных³.

Этот принцип применяется авторами монографии и в частном случае: описание эпизода в огузском кочевье (с. 56) позволяет им заявить о принципиальном отсутствии практики ношения огузскими женщинами штанов и нижнего белья (с. 62, 152). На наш взгляд, это единичное наблюдение должно быть серьезно подкреплено сведениями иных, например этнографических, источников по костюму тюркских народов (в книге прокламируется единство их костюмного комплекса) с учетом и климатических реалий, описанных ибн Фадланом.

Попытка систематизации источниковых данных (табл. 1, с. 62–63) не приводит к какому-либо положительному результату: «прослеживаемые» сходства и различия определяются лишь разрозненностью сведений. Так, «своеобразие» болгарского костюма «составляет» лишь упомянутая выше шапка, почему-то не отмеченная ибн Фадланом у других народов. Остальные его «элементы» – суть подарки, привезенные арабской миссией⁴.

³ Данный прием, при котором сходство и различия между явлениями устанавливаются не по наличию характерных признаков, а по отсутствию данных для фиксации либо не фиксации таковых, использован в книге не единожды. При помощи подобной логики «доказать» можно вообще что угодно.

⁴ Авторы явно не утрудили себя выяснением значений некоторых терминов: так, «савад» – почетное одеяние халифского двора, фактически дублирующее упоминаемый там же «почетный халат», а «материя пай-баф» – ткань, произво-

В результате авторами констатируются только некоторые особенности одеяния русов, отличающие их костюм от кочевнического. С другой стороны, подмечается, что одежда русов «в целом ряде элементов» повторяет одежду кочевников-тюрок и арабов (с. 62). Сходство, несомненно, имеется: для костюмов всех этих народов (как вообще для абсолютного большинства народов Евразии) свойствен такой «ряд элементов», как верхняя и нательная одежда, а также обувь.

Здесь следует также указать на некоторые встреченные в книге утверждения, якобы основанные на данных письменных источников, однако не имеющие соответствий среди них. Так, на с. 8 указывается на происхождение Кубрата как «потомка одного из знатных тюркютских родов»⁵. Дважды (с. 8, 15) приводится искаженный перечень кочевых народов из «Церковной истории» Захарии Ритора, не ясно на каком основании включенных С.А. Плетневой в «гуннский союз и империю Атиллы». Это или крайне сомнительно (в отношении хазар и болгар), или прямо противоречит историческим фактам (в отношении авар).

Второй массив данных, привлекаемых А.В. Богачевым и Д.А. Французовым к характеристике костюма волжских «праболгар», – источники изобразительные – значительно объемнее как количественно, так и качественно. Все приведенные авторами монографии изображения уже введе-

дившаяся в г.Нишапур (Абу Абдаллах ал-Мукаддаси, с. 323).

⁵ Эта же фраза встречается и в иных сочинениях А.В. Богачева (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998, с. 12; 2013, с. 43).

ны в научный оборот и в той или иной мере проанализированы специалистами по древнему костюму. Это серьезно облегчило работу: дало возможность свободно цитировать публикации Л.И. Альбаума, В.П. Даркевича, З.В. Доде, М.Г. Магомедова, Ю.А. Мотова, С.А. Яценко, не слишком отвлекаясь на самостоятельный анализ. Исключение составляет параграф 2.2.1, посвященный главным образом изображениям на пластинах из Шиловского могильника. Эти уникальные произведения искусства, метко поименованные Д.Г. Савиновым «энциклопедией тюркского мира» (Савинов, 2002), действительно с точки зрения специального анализа костюма рассматриваются впервые. Авторами монографии были внимательно разобраны мелкие детали резных изображений, уточнен ряд элементов одежды «шиловских лучников»⁶, что позволило сопоставлять их с иными источниками данного блока (с. 68–70). Результаты этого сопоставления оказываются более презентабельны, нежели в случае с данными нарративного происхождения. Во всяком случае, в отличие от последних, визуальные памятники дают относительно целостное представление о костюме изображенных на них людей.

Недоумение, однако, вызывает сам подбор источников. Наиболее информативными среди привлекаемых изображений оказались образы пред-

ставителей элиты Западного и Восточного Тюркских каганатов: именно они изображены и на фресках Афрасиаба, и на рельефах погребальных лож из Китая. Если авторы монографии ставили своей задачей анализ костюма тюркской этнокультурной общности, то почему не был задействован весь корпус изображений тюрок, включающий многочисленные петроглифы и статуи⁷? Какова роль в реконструкции костюма болгар образа всадника с постсасанидского блюда? Каков вообще смысл в сопоставлении его с остальными материалами, кроме констатации заимствованного у В.П. Даркевича вывода о «проникновении моды восточных кочевников в Иран» (с. 89)?

Информативность материалов с территории Хазарского каганата (пластины из Чир-Юрта и коцкий ковш), которые хоть в некоторой мере можно связать с болгарами, оказывается сравнительно невелика. В этой связи неясно, почему авторы пренебрегли другими многочисленными изображениями людей с памятников салтовомаяцкой культурной общности (Плетнева, 1962, рис. 6; Степи, 1981, рис. 50: 1; Нахапетян, 1994, рис. 5; Флерова, 1997, табл. X: 6–7; 2001, рис. 10: 3; 16б; 18: 1; 24в; приложение: рис. 5; Аксенов, 2001, рис. 1). Не были привлечены к анализу и неоднократно опубликованные изображения с сосуда А2 из Надь-Сент-Миклошского клада: с одной стороны, принадлежность его к кругу древностей Хазарии

⁶ Изображенным на пластинах из Шиловки воинам-копейщикам авторы безапелляционно в тюркской принадлежности отказывают, меж тем как их вооружение, доспехи и тактика боя абсолютно идентичны зафиксированным петроглифами Алтая (Горбунов, 1998, с. 112–114).

⁷ Это, кстати, могло бы решить проблему якобы, по мнению авторов (с. 152), отсутствующих изображений женского тюркского костюма. Таковое представлено, например, на «кудыргинском валуне» (Гаврилова, 1965, с. 19–20).

вполне допустима (Флерова, 2001, с. 102–107), а с другой – место его находки не противоречит позиции авторов по использованию аварских материалов.

Наконец, совершенно неприемлемо игнорирование авторами как произведений искусства Дунайской Болгарии эпохи Первого царства и византийских изображений болгар (Ваклинов, 1977, с. 98–103; Дончев, 1978, с. 204–209; Димитров, 1987, обр. 33; фото-вкладка рядом со с. 241; Флерова, 2001, рис. 14: 3; 26: 3; Станилов, 2005, с. 206, 231, 235; Рашев, 2008, с. 212–214, 226–227, табл. СXXXI; LXXXV; СXXXVII; CXL), так и специальных исследований по болгарскому костюму этого периода (Хрисимов, Петров, 2012, там же литература по проблеме).

Привлечение в рассматриваемой монографии этнографических источников, видимо, стоит расценить как запоздалую реакцию на ремарку В.С. Флерова по поводу подзаголовка монографии Р.С. Багаутдинова, А.В. Богачева и С.Э. Зубова «У истоков истории татар Волго-Камья» (1998): в этой книге о татарах действительно нет ни слова (Флеров, 1999, с. 233). Спустя 15 лет А.В. Богачевым, вероятно, было решено продемонстрировать «связь времен». Однако результат выглядит, по меньшей мере, странно. С одной стороны, весь раздел 2.3 – не более чем краткий реферат двух глав книги Н.И. Воробьева, уместный, скорее, в студенческой курсовой работе. С другой – само сопоставление представленного в табл. 7 (с. 100) в крайне примитивизированном виде этнографического костюма казанских татар с обрывочными сведениями Ахмада ибн Фадлана весьма показательно.

«Совпадения» обнаруживаются лишь на самом общем уровне, а «различия» обусловлены отсутствием сведений о том или ином «элементе» у авторов книги. Татарский костюм содержит все «элементы», за исключением арабских «бурнуса», «материи пайбаф» и «савада». Очевидно, что если бы такое же сравнение данных ибн Фадлана проводилось с народными костюмами, например, башкир, казахов или ногаев, то показало бы идентичную картину.

Поверхностный обзор А.В. Богачевым и Д.А. Французовым охарактеризованных выше категорий исторических источников объясняется, по всей видимости, их вспомогательной позицией по сравнению с источниками «базовыми». В качестве таковых выступают для авторов археологические материалы.

Истории накопления этого базового материала посвящен раздел 1.2 монографии. В нем демонстрируется гигантский объем археологических данных⁸, которые могли бы послужить источниками рассматриваемого исследования. Впрочем, авторы подходят к ним весьма избирательно, полагая в основу так называемый «этно-историко-культурный контекст работы» (с. 45), долженствующий

⁸ Перечень исследований при этом отнюдь не полон, проигнорированы данные о раскопках ряда сезонов на могильниках: Больше-Тарханский I (Халикова, 1972), Усть-Курдюм (Максимов, 1981), Игимский, Чишминский (Казаков, 1978), Лебяжинский (Сташенков, Турецкий, 1999), Бобровка I (Скарбовенко, 2001), Тургенево, Автозавод (Казаков, Семькин, 2003), Осиновка IV (Бражник, 2003), Шелехметь II (Лифанов, 2005а), Малая Рязань I (Лифанов, Зубов, 2011).

«явиться регулятором использования тех или иных методов и приемов анализа традиционного костюма» (с. 18). Именно «болгарский контекст» (так в тексте. – *Н.Л.*) исследования требует исключения из источникового массива «отдельных комплексов» (с. 105). Тем самым из него выпадают памятники «венгерского» круга (Больше-Тиганский и Чишминский могильники, погребения у 116 км и у с. Немчанка). Не устраивают авторов монографии и могильники, оставленные смешанным «болгаро-прикамским» населением (Танкеевский, Тетюшский, Игимский, Хрящевское погребение). В результате массив потенциальных археологических источников работы сокращается примерно втрое. Впрочем, памятники «типа Больше-Тарханского могильника» авторам тоже «по целому ряду причин, главным образом источниковедческого свойства»⁹ не нравятся и «использовались... в меньшей степени» и «выборочно»¹⁰ (с. 36–37, 105), на деле ограничиваясь лишь материалами раскопок эпонимного некрополя В.Ф. Генингом в 1957 г. и 1960 г.

⁹ Причины эти они видят в низком качестве отчетности по раскопкам 1950–1960 гг. (с. 105). С этим утверждением можно согласиться лишь в отношении материалов Кайбельского могильника (Сташенков, 2003, с. 324–325); отчеты же В.Ф. Генинга и Е.А. Халиковой о раскопках I Больше-Тарханского могильника, хранящиеся в архиве ИА РАН, выполнены как минимум не хуже, чем отчеты самого А.В. Богачева. Данные «причины» не объясняют и игнорирование костюмных материалов из погребений Автозаводского могильника (Казаков, Семькин, 2003), надлежащим образом раскопанных и опубликованных.

¹⁰ Критерии этого «выборочного» подхода авторами не приведены.

Помимо него «базовыми» для А.В. Богачева и Д.А. Французова остаются лишь могильники с территории Самарской Луки (Выползово I, Рождественно III, Новинки I–III, Шелехметь II, Осиновка III, Брусяны II–IV, Малая Рязань I–II, одиночный курган Брусяны II, одиночные погребения на гор. Лбище и у с. М. Рязань) и в относительной близости от нее (могильники Шиловский, Березовский, Урень II, Старомайский I, погребение № 7 кургана 7 могильника Просвет I). По всей видимости, именно эти памятники авторы считают «оставленными собственно ранними тюркоязычными кочевниками-болгарами (еще не метисированными прикамско-приуральскими уграми)» (с. 36) и, соответственно, подходящей источниковой базой для исследования.

Однако детали этой якобы «чистой» материальной культуры «болгар» не дают основания для столь категоричного вывода. Так, признаки смешения с носителями приуральских культур признаются как для Больше-Тарханского I могильника (Казаков, 1992, с. 53), так и для «новинковского» населения Самарской Луки (с. 35; Богачев, Зубов, 2008, с. 353)¹¹. Для погребения из могильника Просвет I авторы монографии не только не исключают «ранневенгерской» атрибуции, но даже предлагают закрепить за

¹¹ В этой связи следует указать на детали поясного набора с изображениями животных из Новинок II 13/2 (Матвеева, 1997, рис. 59: 2–3; Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998, рис. 15: 3) с аналогиями в погребениях культур лесного Прикамья (Голдина, 1985, табл. XIII: 41–42; Голдина, Водолаго, 1990, табл. XXVI: 31–32, XXXIV: б/н справа внизу), что как минимум указывает на направление контактов «новинковцев».

серьгами из этого комплекса термин «мадьярские», придавая ему «именно этническую нагрузку» (с. 133). Присутствует в «тюрко-болгарском» массиве и культурный компонент, связываемый со средневековыми аланами (Богачев, Зубов, 2008, с. 350).

Отрицать нетюркские компоненты в составе выделенного ими «тюрко-болгарского» массива А.В. Богачев и Д.А. Французов, очевидно, не могут. Соответственно, игнорирование ими «танкеевских» и «венгерских» памятников оказывается изначально несостоятельным: абсолютную изоляцию этносов и культурных общностей от своих соседей на территории Восточноевропейской равнины невозможно представить даже теоретически.

Аккумулированные за последнее столетие археологические данные с раннесредневековых памятников лесостепного Поволжья позволяют решать практически любые исследовательские задачи, связанные с выявлением межкультурных и межэтнических взаимодействий, в том числе и на материале деталей костюма. Авторы рассматриваемой монографии отбросили эту возможность вместе с большей частью потенциальной источниковой базы.

Кроме того, этим простым субъективным решением из анализа оказались исключены все костюмные комплексы населения Волжской Болгарии второй половины IX–X вв. Если учесть, что подавляющее большинство рассматриваемых в монографии изобразительных источников не выходит своей верхней границей за рамки VIII в. (за исключением, пожалуй, только коцкого ковша), то для характеристики позднего этапа существования костюма волжских болгар языче-

ского периода остается единственный памятник – «Рисале» Ахмада ибн Фадлана. Репрезентативность его сведений для данной темы исследования рассматривалась выше. Под вопросом оказывается и принципиальная возможность их сопоставления с «чистыми болгарскими» археологическими материалами – ибн Фадлан общался с болгарскими уже «танкеевского» периода. То же, и в куда большей степени, касается этнографических сведений о народном костюме казанских татар.

Значительный объем в рассматриваемой монографии занимает классификация элементов «археологического костюма» (раздел 3.1), проводимая в соответствии с традиционным «иерархическим» принципом членения материала¹². Она мало изменилась по сравнению с книгой 1998 г. (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998, глава 2)¹³, будучи лишь дополнена данными Больше-Тарханского I могильника, не входившего в область исследования 15-летней давности, и некоторых памятников, опубликованных в 2000-х гг.

Обновленной выглядит только классификация височных подвесок (серег): в нее были добавлены одни

¹² Заметим, что на с. 46–48 рассматриваемой книги этот принцип авторами подвергался критике.

¹³ «Перекочевали» даже ошибки: неверные указания на иллюстрации (на с. 109 для «шарнирных пряжек «типа II» вместо «рис. 36, 5» указано «рис.35, 5»; на с. 113 ссылка на рис. 36, 37 дана на объект, не соответствующий «типу I отдела В» поясных накладок; на с. 115 перепутаны ссылки для браслетов «подтипа I-Б» и «типа II») и слабости в грамматике («трапецевидные» пряжки на с. 110) (см. Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998, с. 92, 96, 98).

объекты¹⁴ и исключены другие: серьги трех типов, представленных в погребении Новинки II 4/2, А.В. Богачев считал для «болгар» слишком архаичными и «удревнил» комплекс до VI в. (с. 105–106; более подробно см.: Богачев, 2011, с. 227)¹⁵.

Некоторым объектам места в классификации не нашлось: как и в монографии 1998 г., в нее не были включены пряжка и накладки железного поясного набора из Малой Рязани 10/1 (табл. LXV). Из заново привлекаемых к анализу комплексов туда не «вписались» пряжка из Шелехмети II 11/4 (табл. ХСIX: 16)¹⁶, накладки и наконечники ремней из Березовки I

¹⁴ К сожалению, это расширение классификационной схемы не сопровождается рисунками или ссылками на публикации: читателю придется самостоятельно изыскивать, какие серьги соответствуют подтипам А и Е типа I (с. 114–115).

¹⁵ Это положение отнюдь не бесспорно: «калачиковидные» серьги встречаются в материалах Северного Кавказа VIII в. (Гавритухин, Малашев, 1998, с. 66–67). Кроме того, расположение и ориентировка данного захоронения, совпадающие с погребением № 1 того же кургана (Матвеева, 1997, с. 16, рис. 15), допускают незначительный хронологический разрыв между ними. В пользу датировки комплекса Новинки II 4/2 VIII столетием свидетельствует ритуальное разрушение костяка погребенной женщины, идентичное распространенному в «новинковской» среде, но не отмеченное для кочевников более ранних эпох. Браслеты из данного захоронения также находят соответствие в «новинковских» материалах.

¹⁶ На с. 148 авторами она походя отнесена к «бруснянским» поясным наборам. Сравним ее морфологию (описание и более качественные изображения см.: Бражник, Кирсанов, Лифанов, 2000, с. 191, рис. 4: 23; Лифанов, 2001а, с. 166, рис. 1: 1) с характеристикой «бруснянских» пряжек (с. 126–127; Богачев, 1992,

2/1 (табл. I: 1, 5–8, 11–13) и пряжки из Больше-Тарханского I могильника (Генинг, Халиков, 1964, табл. XVII: 2–3). Все поясные накладки с последнего памятника без учета их морфологии (и в нарушение заявленного авторами на с. 106 «формально-типологического» принципа) суммарно объединены в один «тип XIII» (с. 112).

Классификация бус в монографии опирается на схему В.Б. Ковалевской. Однако, если в последней приведены линейные размеры рассматриваемых объектов, то что означают и как соотносятся между собой термины «небольшой», «средний», «большой», «крупный» и «сравнительно крупный» (с. 120–121) у А.В. Богачева?

Лишь крайне расширенной трактовкой костюма можно объяснить включение авторами в классификационную схему предметов, не имеющих никаких приспособлений для фиксации на теле: «коробочек-футляриков»¹⁷, зеркал и пинцетов. При этом, однако, в работе не упомянуты факты ношения изучаемым населением на поясе кошельей¹⁸, сумок¹⁹ и огнив (Генинг, Халиков, 1964, с. 44; Бражник, Кирсанов, Лифанов, 2000, с. 192).

с. 155–157), несложно убедиться в отсутствии какого-либо их соответствия.

¹⁷ Классификация данной категории объектов практически дословно, но без ссылки на авторство была позаимствована из текста, написанного С.Э. Зубовым (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998, с. 130).

¹⁸ Прекрасной сохранности кожаный кошель был обнаружен раскопками О.И. Бражник на Осиновском IV могильнике в 2002 г.

¹⁹ Деталью такой сумки является железная пластина из Шелехмети II 11/4 (табл. ХСIX: 13; Комар, 2010а, с. 182).

Классификация материалов делалась, по заявлению авторов монографии, «достаточно дробной» для того, чтобы «в дальнейшем максимально точно определить место и функцию того или иного элемента убора в системе костюмного комплекса» (с. 106). Насколько оправдано такое дробление, демонстрирует раздел 3.2.

Из 7 страниц подраздела, посвященного «убранству линии пояса», «месту и функции» поясных наборов уделены лишь два абзаца, в которых констатируется, во-первых, значение их как маркеров воинского отличия (с. 122–123) и, во-вторых, расположение их на поясе погребенных (с. 129)²⁰. Остальной объем в нем занимают заимствованные по большей части из более ранних работ А.В. Богачева рассуждения о «геральдических», «аварских», «шиловских», «бруссянских», «сибирских» и «салтовских» поясах²¹. Весьма специфичные воззрения А.В. Богачева на генезис и хронологию поясных гарнитур I тыс. н.э. уже становились объектом обсуждения специалистами (Гавритухин, 2000; Гавритухин, 2001б; Комар, 2010а, с. 169–171), здесь стоит обратить внимание лишь на частные моменты.

²⁰ Ременные гарнитуры авторами не разграничиваются на поясные, портупейные и сбруйные (с. 106) даже при наличии достоверных сведений об их расположении в погребальном комплексе.

²¹ Связь этих дефиниций с выделенными в разделе 3.1 типами ременных пряжек, накладок и наконечников, также, как и в монографии 1998 г., можно угадать лишь по упоминаниям погребальных комплексов, в которых они встречены. Типологический состав той или иной группы поясов читателю предстоит определять самостоятельно.

Так, на с. 126 гарнитуры из Бруссян II 14/4²² (табл. XIX: 1–2) и Бруссян III 1/1²³ (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998, табл. XVII: 4–5; XIX: 1–6, 8–10) отнесены к «бруссянской» группе. На с. 128 они же рассматриваются уже как «салтовские», а на с. 130 и с. 133 к «раннесалтовским» относятся также серьги «шиловского» этапа, датированного А.В. Богачевым второй половиной VII в. (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998, с. 155, 161). В результате возникает ситуация, при которой авторам стоило бы внятно изложить свое понимание ранних этапов салтово-маяцкой культурной общности, видимо, серьезно отличающегося от общепринятого.

«Нетривиальная» логика отличает и пассаж с датировкой «сибирского» пояса из Бруссян II 34/2²⁴ началом VIII в. (с. 127; Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998, с. 163). Бытование подобных поясов на территории Сибири было, очевидно, весьма длитель-

²² В тексте, как и в монографии 1998 г. (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998, с. 162), ошибочно стоит 14/5.

²³ Понимание ситуации осложняется тем, что в комплексе из Бруссян III наличествовали как минимум три комплекта деталей ремней, относимых к конской узде (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998, с. 128; Богачев, Зубов, 2003, с. 38). О каком из них идет речь?

²⁴ Отнесение этого нарядного пояса к погребению «воина-дружинника» (с. 148) возможно только при игнорировании остального материала данного комплекса, состав которого не вызывает сомнений в принадлежности его к женской субкультуре: зеркало, бронзовые серьги бусы, напрядло, пинцет) (Лифанов, 2001б, с. 193). В могиле близ с. Нечунаево (Степной Алтай) подобный пояс находился в погребении ребенка (Уманский, Неверов, 1982, с. 178–179).

ным (Бараба..., 1988, с. 83). Однако, А.В. Богачевым для определения их хронологической позиции выбирается единственный объект (серьга из п.4 к.12 могильника Преображенка III) с максимально ранней датой. Между тем, судя по игнорируемым автором сибирским и салтовским аналогиям, пояс из Брусян относится, вероятнее всего, к концу VIII в. (Лифанов, 2005б, с. 27–30, 33, 36). Не противоречит этому и дата серег из данного комплекса (таб. XLII – 3; Распопова, 1980, с. 112–113).

Более всего претензий вызывает авторская интерпретация украшений из Брусян II 2/1 (табл. X). А.В. Богачев и Д.А. Французов видят лишь одно направление поиска соответствий этим поясным наконечникам и серьге – аварские захоронения Центральной Европы (с. 124, 130), делая из этого далеко идущие выводы. Некоторое расширение круга аналогий дает иную картину. Так, цветочный орнамент наконечников и пуговиц из Брусян II 2/1 находит соответствия не только в указанных материалах Карпатской котловины «II средне-аварского» периода, но и в Восточной Европе – в Вознесенском комплексе (Степи, 1981, рис. 4а: 31, 34, 36–37), п. 5 могильника Директорская Горка (Абрамова, 1982, рис. 2: 12–16, 36), к. 66а могильника Чир-Юрт (Магомедов, 1983, рис. 21: 2–3)²⁵. Декор этих ременных украшений принадлежит к кругу византийских влияний, синхронных для кочевников обоих регионов (безотносительно дискуссии об абсолютных датах горизонтов Игар-

Озора и Вознесенки; см.: Гавритухин, 2001а, с. 150; 2005, рис. 1: 170–183, 229–234а; Комар, 1999, с. 115–117; 2006, с. 94). То же касается и серьги: аналогии ей находятся не только среди аварских материалов, но и у дунайских болгар, в Поднепровье, Крыму, Северо-Восточном Причерноморье и Северном Кавказе (Крым, 2003, табл. 39: 9, 12, 13; 73: 16; Рашев, 2008, табл. LXXX; Албегова, Верещинский-Бабайлов, 2010, с. 110–111), где они датируются концом VII – первой половиной VIII вв. Происхождение серег данного типа определяется как «средиземноморско-византийское» (Kazanski, 2013, p. 816, fig. 26: 1–2).

Прямое влияние авар на культуру средневожского «новинковского» населения, по всей видимости, вообще следует исключить: оно не фиксируется даже для территориально близкого к ним региона Северного Причерноморья (Комар, 2006, с. 71). Очевидно, историю юного представителя аварской знати (с. 146), попавшего на Самарскую Луку в результате неких дипломатических контактов (с. 150), А.В. Богачеву стоит оставить для очередного своего авантюрно-фантастического романа.

Проблему наличия у скотоводов «новинковцев» обувных ремней с соответствующими гарнитурами (с. 136) следует, очевидно, решать в тесной связи с появлением в этой среде стремян. Распространение их на территории Восточной Европы в последней четверти VII столетия сопровождалось постепенным исчезновением традиции ременного крепления обуви на ноге (Комар, 2010б, с. 108–109).

Лишь к самому раннему этапу существования «новинковского» на-

²⁵ Представлены предметы этого круга и в «новинковском» к.2 Брусян IV (табл. LI: 6, 10), к аварам авторами не относимом.

селения на Самарской Луке (Лифанов, 2005б, с. 36, табл. 1) относится пряжка «агафоновского» облика из к. 2 Брусян IV (табл. ЛП: 5), которая, судя по размерам и более ранней аналогии (Иессен, 1965, с. 174, 179, рис. 31), могла бы быть интерпретирована как обувная. Однако этот этап уже характеризуется наличием восьмеркообразных стремян (Лифанов, 2005б, рис. 1). Остальные перечисленные авторами комплексы относятся к еще более позднему времени. Ни в одном из них пряжки или «предметы», которые могли бы атрибутироваться как детали обувных ремней, не встречены в паре. Все это вызывает сомнения в наличии у «новинковского» населения традиции ношения обуви с ремненным бандажом и позволяет с большим доверием отнестись к их интерпретации в качестве средства «обезвреживания» покойного²⁶.

В итоге же в тексте раздела 3.2 за пространными рассуждениями о том, где на теле погребенного человека находился (или мог находиться) тот или иной предмет, исчезает связь с заявленной на с. 106 целью проведения подробной классификации материала. Последняя, по сути, остается не востребованной. Выделенные в ходе ее типы объектов упоминаются лишь для серег (с. 130–133, 145–146, 148–149), причем исключительно в хронологическом аспекте.

От степени информативности результатов классификационной процедуры напрямую зависит выделение

²⁶ На железной пряжке у левой стопы погребенного в п. 4 к. 11 Шелехмети II сохранился отпечаток грубой ткани (Бражник, Кирсанов, Лифанов, 2000, с. 192), вероятно, свидетельствующий о заворачивании погребенного в саван.

А.В. Богачевым и Д.А. Французовым «археологических костюмов праболгар»: «аварского» и «тюркско-болгарского». Охарактеризованы оба крайне схематично и отличаются лишь декоративными элементами, коим а-ргіогі приписываются свойства этнокультурных маркеров²⁷. Костюм «рядового общинника» вообще не имеет каких-либо характерных признаков (с. 150–151). «Тюркско-болгарские» женский и детский «археологические костюмы» оказываются у авторов практически идентичны соответственно женскому и детскому «тюркскому костюму» (с. 152–153) в соответствии лишь с отмеченным выше «принципом» выявления сходства явлений на основании отсутствия источниковых данных.

Привлечение к анализу иных категорий источников ситуации не меняет. Несмотря на долгие рассуждения о «совстречаемости» «элементов костюма» в различных источниках (с. 154–160), описание облика «праболгарина»²⁸ (с. 161), напротив, чрезвычайно лаконично. Образ последнего оказался практически идентичен «портретам» восточных тюрок,

²⁷ Сомнительность жесткой этнической специфики (и, как следствие, сопоставления с нарративными данными) пояса и серег из Брусян II 2/1 была продемонстрирована выше. В еще большей степени это касается остальных рассматриваемых в монографии артефактов данных категорий. Их «болгарский контекст» не обосновывается авторами вообще. Точно так же бездоказательно по субъективно выбранному единичному признаку определяются имущественное и социальное положение погребенного: «пояс = богатый человек = дружинник» (с. 145).

²⁸ Составляющее, по сути, итоговый вывод по всей монографии.

на базе которых и был, собственно, авторами «сконструирован». Археологические данные, будучи представлены при анализе лишь на категориальном уровне, не демонстрируют какой-либо специфики «средневожского праболгарского костюма», а «выделенные» выше «археологические костюмы» в итоге никак не соотношены с представленными на изобразительных памятниках (с. 163). Поставленная на с. 46 задача синтеза источниковых данных оказалась не выполненной.

Последний раздел монографии, посвященный «цене и ценности» элементов костюма «праболгар», тематически обособлен по отношению к основному ее тексту. Сопоставление же данных о ценах на скандинавских рынках конца эпохи викингов (т.е. XI в.) с данными Ахмада ибн Фадлана и распространение вывода о цене бусины на материалы погребений VIII – первой половины IX вв. не может вызвать ничего, кроме недоумения: экономическая и политическая ситуация в эти периоды была принципиально различной. Ответ на вопрос о том, можно ли соотносить между собой без надежных на то оснований обрывочные сведения, «разбросанные» на протяжении 300-летнего периода, остается на совести авторов.

В заключение стоит обратиться к более общей проблеме. Так, раннесредневековое население Среднего Поволжья, костюмные комплексы которого являются объектом исследования в рассматриваемой работе, обобщенно именуется авторами «праболгары» (или, как вариант, просто «болгары»). Содержание этого термина в книге не раскрывается; авторы как само собой

разумеющееся полагают его этническую природу (с. 8).

Оставив в стороне острую дискуссию об этнической принадлежности рассматриваемых в работе археологических материалов, заметим лишь, что их однозначно болгарская атрибуция на сегодняшний день прокламируется практически исключительно самим А.В. Богачевым, не будучи в той же мере разделяема специалистами по кочевническим древностям I тыс. н.э.

Более актуальным представляется иной вопрос: каковы основания для единой этнической интерпретации рассматриваемых в монографии памятников? Самим А.В. Богачевым еще в начале 1990-х гг. был поставлен вопрос о принадлежности их к различным археологическим культурам (Богачев, 1990). Более того, этим автором постоянно подчеркивается гетерогенность материальной (а судя по погребально-поминальной обрядности, и духовной) культуры их носителей (с. 144; Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998, с. 170–171; Богачев, 1998, с. 89–92; 2000, с. 206–207; Богачев, Зубов, 2008, с. 349–356). Конечно, он вправе предположить наличие у этих кочевников единого болгарского этнического самосознания, однако это требует от него дополнительной источниковедческой аргументации, которая пока отсутствует²⁹.

²⁹ Вероятно, уместной в этой связи представляется сентенция Л.Т.Яблонского: «чем меньше археолог ориентируется в теории современной этнологии, тем чаще и увереннее он использует в своих реконструкциях всякого рода этническую номенклатуру, пусть и почерпнутую из древних письменных источников» (Яблонский, 2007, с. 39).

Подводя итог рецензии, остается отметить, что рассматриваемая монография отнюдь не «закрывает» проблематику костюма раннесредневековых кочевников Средневожской лесосте-

пи, оставив будущим исследователям массу интереснейших задач и послужив своего рода «образцом» в отношении работы с источниками.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абрамова М.П.* Новые материалы раннесредневековых могильников Северного Кавказа // *СА.* – 1982. – № 2. – С. 135–155.
2. *Аксенов В.С.* Редкий тип бляшек-амулетов из Верхнесалтовского катакомбного могильника // *Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма): Материалы III Международной археологической конференции.* – Т. 2. – Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 2001. – С. 132–140.
3. *Албегова З.Х., Верецинский-Бабайлов Л.И.* Раннесредневековый могильник Мамисондон: результаты археологических исследований 2007–2008 гг. в зоне строительства водохранилища Зарамагских ГЭС. – М.: Ин-т Археологии РАН; ТАУС, 2010. – 492 с.
4. *Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э.* Праболгары на Средней Волге. У истоков истории татар Волго-Камья. – Самара: СРФ «Полдень. XXII век», 1998. – 286 с.
5. *Бараба в тюркское время.* – Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1988. – 176 с.
6. *Богачев А.В.* Археологические культуры ранних болгар на Средней Волге // *Вопросы этнической истории Волго-Донья и проблема бургасов: Тезисы к межобластной научной конференции, 23–27 января 1990 г.* – Пенза, 1990. – С. 10–12.
7. *Богачев А.В.* Процедурно-методические аспекты археологического датирования (на материалах поясных наборов IV–VIII вв. Среднего Поволжья). – Самара, 1992. – 207 с.
8. *Богачев А.В.* Кочевники лесостепного Поволжья V–VIII вв. Учебное пособие к спецкурсу. – Самара: Изд-во СамГПУ, 1998. – 108 с.
9. *Богачев А.В.* Кочевники лесостепного Поволжья V–VIII веков н.э. // *История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье.* – М.: Наука, 2000. – С. 189–215.
10. *Богачев А.В.* Славяне, германцы, гунны, болгары на Средней Волге в середине I тыс. н.э. – Саарбрюккен: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 340 с.
11. *Богачев А.В.* Средневековье Самарского Поволжья // *Средневековье. Великое переселение народов (по материалам археологических памятников Самарской области).* – Самара, 2013. – С. 5–66.
12. *Богачев А.В., Зубов С.Э.* Конь в погребальной практике праболгар Среднего Поволжья // *Краеведческие записки.* – Вып. XI. – Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 2000. – С. 33–45.
13. *Богачев А.В., Зубов С.Э.* К вопросу об этнокультурной компоненте праболгар Среднего Поволжья VII–VIII вв. // *Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья.* – Самара: Файн Дизайн, СОИКМ им. П.В. Алабина, 2008. – С. 350–362.

14. *Бражник О.И.* Погребальный обряд грунтовой части Осиновского IV могильника (по результатам исследования 2001 г.) // Археология Урала и Поволжья: итоги и перспективы участия молодых исследователей в решении фундаментальных проблем ранней истории народов региона: Материалы XXXV Урало-Поволжской археологической студенческой конференции, посвященной 450-летию вхождения марийского края в состав России. 5–8 февраля 2003 г. – Йошкар-Ола, 2003. – С. 135–138.

15. *Бражник О.И., Кирсанов Р.С., Лифанов Н.А.* Исследование Шелехметского II курганно-грунтового могильника в 1999 г. // Краеведческие записки. – Вып. IX. – Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 2000. – С. 188–198.

16. *Ваклинов С.* Формиране на старобългарската култура VI–XI век. – София: Наука и изкуство, 1977. – 463 с.

17. *Гаврилова А.А.* Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М.; Л.: Наука, 1965. – 145 с.

18. *Гавритухин И.О.* К дискуссии о хронологии раннесредневековых древностей Поволжья // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма): Тезисы докладов III Международной археологической конференции 14–18 марта 2000 г. – Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 2000. – С. 25–32.

19. *Гавритухин И.О.* Хронология «среднеаварского» периода // Степи Европы в эпоху средневековья. – Т. 2. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2001а. – С. 45–162.

20. *Гавритухин И.О.* Об «основаниях» и основном в дискуссии // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма): Материалы III Международной археологической конференции. – Т. 2. – Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 2001б. – С. 259–265.

21. *Гавритухин И.О.* Хронология эпохи становления Хазарского каганата (элементы ремесленной гарнитуры) // Хазары. Евреи и славяне. – Т. 16. – М.; Иерусалим: Мосты культуры / Гешарим, 2005. – С. 378–426.

22. *Гавритухин И.О., Малашев В.Ю.* Перспективы изучения хронологии раннесредневековых древностей Кисловодской котловины // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии): Материалы II Международной археологической конференции. – Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 1998. – С. 28–86.

23. *Генинг В.Ф., Халиков А.Х.* Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник). – М.: Наука, 1964. – 201 с.

24. *Голдина Р.Д.* Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. – Иркутск: Изд-во Иркутского университета, 1985. – 280 с.

25. *Голдина Р.Д., Водолаго Н.В.* Могильники неволинской культуры в Приуралье. – Иркутск: Изд-во Иркутского университета, 1990. – 176 с.

26. *Горбунов В.В.* Тяжеловооруженная конница древних тюрок (по материалам наскальных рисунков Горного Алтая) // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1998. – С. 102–128.

27. *Димитров Д.* Прабългарите по Северното и Западното Черноморие. – Варна: Книгоиздателство «Георги Бакалов», 1987. – 303 с.

28. *Дончев С.* Восточные параллели Преславского и Мадарского всадников и сведения о европейских гуннах // У истоков творчества. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 203–212.
29. *Иессен А.А.* Раскопки большого кургана в урочище Уч-Тепе // МИА. – № 125. – М.; Л.: Наука, 1965. – С. 153–194.
30. *Казаков Е.П.* Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. – М.: Наука, 1978. – 130 с.
31. *Казаков Е.П.* Культура ранней Волжской Болгарии. – М.: Наука, 1992. – 335 с.
32. *Казаков Е.П., Семькин Ю.А.* Исследование новых памятников раннеболгарского времени в Ульяновском Поволжье // Из археологии Поволжья и Приуралья. – Казань, 2003. – С. 118–142.
33. *Комар А.В.* Предсалтовские и раннесалтовский горизонты Восточной Европы (вопросы хронологии) // Vita Antiqua. – № 2. – Київ, 1999. – С. 111–136.
34. *Комар А.В.* К вопросу о дате и этнокультурной принадлежности шилловских курганов // Степи Европы в эпоху средневековья. – Т. 2. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2001. – С. 11–44.
35. *Комар А.В.* Перещепинский комплекс в контексте основных проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII – нач. VIII в. // Степи Европы в эпоху средневековья. – Т. 5. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2006. – С. 7–244.
36. *Комар А.В.* К дискуссии о хронологии раннесредневековых кочевнических памятников Среднего Поволжья // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы межэтнических контактов и межкультурного взаимодействия). – Самара: ООО «Офорт», 2010а. – С. 169–206.
37. *Комар А.В.* Детали обуви восточноевропейских кочевников VI–VII вв. // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки: Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Гали Федоровны Корзухиной (Санкт-Петербург, 10–16 апреля 2006 г.). – СПб.: Нестор-История, 2010б. – С. 94–115.
38. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. – М.: Наука, 2003. – 533 с.
39. *Лифанов Н.А.* Новые формы украшений новинковского населения // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма): Материалы III Международной археологической конференции. – Т. 2. – Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 2001а. – С. 166–169.
40. *Лифанов Н.А.* Об этнокультурном составе новинковского населения // Самарский край в истории России: Материалы юбилейной научной конференции. – Самара: Файн Дизайн, 2001б. – С. 193–196.
41. *Лифанов Н.А.* Исследование селища Ош-Пандо-Нерь и Шелехметского II могильника в 2001–2002 гг. // Краеведческие записки. – Вып. XII. – Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 2005а. – С. 67–80.
42. *Лифанов Н.А.* К вопросам периодизации и хронологии памятников новинковского типа // Степи Европы в эпоху средневековья: Сборник научных работ. – Т. 4. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2005б. – С. 25–40.
43. *Лифанов Н.А., Зубов С.Э.* Раскопки могильника Малая Рязань I в 2009–2010 гг. и некоторые вопросы изучения памятников новинковского типа на Самар-

ской Луке // Салтово-маяцька археологічна культура: 110 років від початку вивчення на Харківщині. Збірник наукових праць. – Харків: Видавець Савчук О.О.; ОКЗ «Харківський науково-методичний центр охорони культурної спадщини», 2011. – С. 50–56.

44. *Магомедов М.Г.* Образование Хазарского каганата. – М.: Наука, 1983. – 225 с.

45. *Максимов Е.К.* Находка раннеболгарских погребений близ Саратова // Из истории ранних булгар. – Казань, 1981. – С. 108–110.

46. *Матвеева Г.И.* Могильники ранних болгар на Самарской Луке. – Самара: Самарский университет, 1997. – 226 с.

47. Абу Абдаллах ал-Мукаддаси. Наилучшее распределение для познания стран. Available at: <http://www.vostlit.info/Texts/rus15/Mukaddasi/frameset1.htm>.

48. *Наханетян В.Е.* Образ мира в изобразительном искусстве Хазарии // РА. – 1994. – № 4. – С. 107–118.

49. *Плетнева С.А.* Подгоровский могильник // СА. – 1962. – № 3. – С. 241–251.

50. *Рашиев Р.* Българската езическа култура VII–IX век. – София: Классика и Стил ООД, 2008. – 599 с.

51. *Савинов Д.Г.* «Энциклопедия» тюркского мира // Лев Николаевич Гумилев. Теория этногенеза и исторические судьбы Евразии. Материалы конференции. – Т. I. – СПб.: Европейский дом, 2002. – С. 203–217.

52. *Скарбовенко В.А.* Погребение кочевника салтовского времени в долине р.Самары // Самарский край в истории России: Материалы юбилейной научной конференции. – Самара: Файн Дизайн, 2001. – С. 197–199.

53. *Станилов С.* Художественият метал на Българското ханство на Дунав (7–9 век). – София: Классика и Стил ООД, 2005. – 365 с.

54. *Сташенков Д.А.* Раскопки Кайбельского средневекового могильника в 1953–1954 годах // Вопросы археологии Поволжья. – Вып. 3. – Самара: Изд-во СНИЦ РАН, 2003. – С. 324–345.

55. *Сташенков Д.А., Турецкий М.А.* Погребение эпохи раннего средневековья у хутора Лебяжинка (к вопросу об этнокультурной ситуации в Самарском Поволжье в IX в.) // Вопросы археологии Поволжья. Сборник статей. – Вып.1. – Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. – С. 289–301.

56. Степи Евразии в эпоху Средневековья. – М.: Наука, 1981. – 304 с.

57. *Уманский А.П., Неверов С.В.* Находки из погребений IX–X вв. в долине р. Алея на Алтае // СА. – 1982. – № 2. – С. 176–184.

58. *Флеров В.С. Г.И. Матвеева.* Могильники ранних болгар на Самарской Луке (рец.) // РА. – 1999. – № 3. – С. 228–233.

59. *Флерова В.Е.* Граффити Хазарии. – М.: Эдиториал УРСС, 1997. – 176 с.

60. *Флерова В.Е.* Образы и сюжеты мифологии Хазарии. – М.; Иерусалим: Мосты культуры; Гешарим, 2001. – 160 с.

61. *Халикова Е.А.* Отчет о частичных раскопках могильников болгарского времени в Татарской АССР и Ульяновской области в 1970 г. – Казань, 1972. / Архив ИА РАН.

62. *Хрисимов Н., Петров М.* Данни за мъжкото облекло от периода на Първото българско царство // Дриновски сборник. – Т. 5. – Харков; София, 2012. – С. 94–111.

63. Яблонский Л.Т. Осторожно: этногенетическое исследование в современной России // Средневековая археология евразийских степей: Материалы Учредительного съезда Международного конгресса. – Т. I. – Казань: Институт истории АН РТ, 2007. – С. 38–42.

64. Kazanski M. The middle Dnieper area in the seventh century: an archaeological survey // Constructing the seventh century. – Paris, 2013. – P. 769–864.

Информация об авторе:

Лифанов Николай Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, научно-исследовательская археологическая лаборатория, Самарский государственный университет (г. Самара, Российская Федерация); liphanov@gmail.com

REVIEW OF THE BOOK: BOGACHEV A.V., FRANTSUZOV D.A. COSTUME OF THE PROTO-BULGARIANS OF THE MIDDLE VOLGA REGION: THE END OF VII – THE BEGINNING OF THE X CENTURY (SAMARA, 2012, 350 P.)

N.A. Liphanov

Methodological and source study aspects of the research devoted to the costume of early medieval cattle-breeding population of the Middle Volga region carried out in the monograph by A.V. Bogachev and D.A. Frantsuzov are examined in the review. This aspect of material culture is considered by the authors on the basis of written, visual and material data. However, it should be noted that the information from the written sources analyzed appeared insufficient to characterize the nomadic costume in general, lacking details regarding the clothing of the early medieval Bulgars of the Middle Volga region in particular. The visual sources are more informative, but the authors have not used them in total, ignoring a lot of important materials. Besides, the authors of the book have discarded a significant array of archaeological data, and the analysis of the materials used bears a rather superficial and careless character. The fact that the majority archaeological sites considered in the book have been attributed to the Proto-Bulgars (Bulgars) attests to a subjective and badly-reasoned stance. The study is largely secondary: it is based upon previous works by A.V. Bogachev and repeats his mistakes and errors, which have already received a negative appraisal from experts. The author of the review concludes that the study by A.V. Bogachev and D.A. Frantsuzov has been carried out on a low methodological level, insufficient to consider the monograph under consideration a qualitative research.

Keywords: the Middle Volga region, the early Middle Ages, 7th–10th centuries, the nomads, the Proto-Bulgars, the Turkic peoples, costume, jewelry.

REFERENCES

1. Abramova, M. P. 1982. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 135–155 (in Russian).

2. Aksenov, V. S. 2001. In *Kul'tury evraziiskikh stepei vtoroi poloviny I tysiacheletia n.e. (iz istorii kostiuma) (The Cultures of the Eurasian Steppes in the Second Half of I Millennium AD (from the history of costume))*. Vol. 2. Samara: Samara Regional Museum of Local Lore named after P. V. Alabin, 132–140 (in Russian).

3. Albegova, Z. Kh., Vereshchinskii-Babailov, L. I. 2010. *Rannesrednevekovyi mogil'nik Mamisondon: rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniï 2007–2008 gg. v zone stroitel'stva vodokhranilishcha Zaramagskikh GES (Early Medieval Burial Ground the Mamisondon: results of archaeological investigations in 2007–2008 within zone of the reservoir Zaramag HPS)*. Moscow: Institute for Archaeology, Russian Academy of Sciences; "Taus" Publ. (in Russian).
4. Bagautdinov, R. S., Bogachev, A. V., Zubov, S. E. 1998. *Prabolgary na Srednei Volge (u istokov istorii tatar Volgo-Kam'ia) (Pre-Bulgars at the Middle Volga (at the Origins of the History of Volga-Kama Tatars))*. Samara: "Samarskii regional'nyi fond «Polden', XXII vek»" Publ. (in Russian).
5. *Baraba v tiurkskoe vremia (Baraba Steppe in the Turk Time)*. 1988. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
6. Bogachev, A. V. 1990. In *Voprosy etnicheskoi istorii Volgo-Don'ia i problema burtasov (Issues of ethnic history of the Volga-Don region and the Burtas problem)*. Penza, 10–12 (in Russian).
7. Bogachev, A. V. 1992. *Protsedurno-metodicheskie aspekty arkheologicheskogo datirovaniia (na materialakh poiasnykh naborov IV–VIII vv. n. e. Srednego Povolzh'ia) (Procedural-Methodological Issues of Archaeological Dating (by materials of belt sets from the Middle Volga area dated by 4th — 8th cc. AD))*. Samara: "Artefakt" Publ. (in Russian).
8. Bogachev, A. V. 1998. *Kochevniki lesostepnogo Povolzh'ia V–VIII vv. Uchebnoe posobie k spetskursu (The Nomads of the Forest-Steppe Volga Region in the 5th — 8th Centuries. Educational manual for a special course)*. Samara: Samara State Pedagogical University (in Russian).
9. Bogachev, A. V. 2000. In *Istoriia Samarskogo Povolzh'ia s drevneishikh vremen do nashikh dnei. Rannii zheleznyi vek i srednevekov'e (The History of the Samara Volga Region from Antiquity to Our Days. The Early Iron Age and the Middle Ages)*. Moscow: "Nauka" Publ., 189–215 (in Russian).
10. Bogachev, A. V. 2011. *Slaviane, germantsy, gunny, bolgary na Srednei Volge v seredine I tys. n.e. (The Slavs, Germans, Huns, Bulgarians on the Middle Volga in the Middle of the I Millennium AD)*. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing (in Russian).
11. Bogachev, A. V. 2013. In *Srednevekov'e. Velikoe pereselenie narodov (po materialam arkheologicheskikh pamiatnikov Samarskoi oblasti) (The Middle Ages. The Great Migration of Peoples (according to the archeological sites of Samara region))*. Samara, 5–66 (in Russian).
12. Bogachev, A. V., Zubov, S. E. 2000. In *Kraevedcheskie zapiski (Regional Studies Notes) XI*. Samara: Samara Regional Museum of Local Lore named after P. V. Alabin, 33–45 (in Russian).
13. Bogachev, A. V., Zubov, S. E. 2008. In *Aktual'nye problemy arkheologii Urala i Povolzh'ia (Actual Archaeological Problems of Ural and Volga Regions)*. Samara: "Fine Design" Publ.; Samara Regional Museum of Local Lore named after P. V. Alabin, 350–362 (in Russian).
14. Brazhnik, O. I. 2003. In *Arkheologiia Urala i Povolzh'ia: itogi i perspektivy uchastiia molodykh issledovatelei v reshenii fundamental'nykh problem rannei istorii narodov regiona (The Archaeology of the Ural-Volga Region: results and prospects of*

participation of young researchers in addressing fundamental problems of the early history of the peoples of the region). Yoshkar-Ola, 135–138 (in Russian).

15. Brazhnik, O. I., Kirsanov, R. S., Lifanov, N. A. 2000. In *Kraevedcheskie zapiski (Notes on Local History)* IX. Samara: Samara Regional Museum of Local Lore named after P. V. Alabin, 188–198 (in Russian).

16. Vaklinov, S. 1977. *Formirane na starobălgarskata kultura (Formation of the Ancient Bulgarian Culture)*. Sofia: “Nauka i izkustvo” Publ. (in Bulgarian).

17. Gavrilova, A. A. 1965. *Mogil'nik Kudyрге kak istochnik po istorii altaiskikh plemen (Kudyрге Burial Ground as a Source on History of Altai Tribes)*. Moscow; Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).

18. Gavritukhin, I. O. 2000. In *Kul'tury stepei Evrazii vtoroi poloviny I tysiacheletia n.e. (iz istorii kostiuma) (Steppe Cultures of Eurasia in the Second Half of the I Millennium AD (from the history of costume))*. Samara: Samara Regional Museum of Local Lore named after P. V. Alabin, 25–32 (in Russian).

19. Gavritukhin, I. O. 2001. In *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (European Steppes in the Middle Ages)* 2. Donetsk: Donetsk National University, 45–162 (in Russian).

20. Gavritukhin, I. O. 2001. In *Kul'tury evraziiskikh stepei vtoroi poloviny I tysiacheletia n.e. (iz istorii kostiuma) (Cultures of the Eurasian Steppes in the Second Half of I Millennium AD (from the history of costume))* 2. Samara: Samara Regional Museum of Local Lore named after P. V. Alabin, 259–265 (in Russian).

21. Gavritukhin, I. O. 2005. In *Khazary. Evrei i slaviane (The Khazars. The Jews and the Slavs)*. Vol. 16. Moscow: “Mosty kul'tury” Publ.; Jerusalem: “Gesharim” Publ., 378–426 (in Russian).

22. Gavritukhin, I. O., Malashev, V. Yu. 1998. In *Kul'tury evraziiskikh stepei vtoroi poloviny I tysiacheletia n.e. (voprosy khronologii) (Cultures of the Eurasian Steppes in the Second Half of I Millennium AD (Issues on chronology))*. Samara: Samara Regional Museum of Local Lore named after P. V. Alabin, 28–86 (in Russian).

23. Gening, V. F., Khalikov, A. Kh. 1964. *Rannie bolgary na Volge (Bol'she-Tarkhanskii mogil'nik) (The Early Bulgars on the Volga (the Bol'shie Tarkhany burial ground))*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

24. Goldina, R. D. 1985. *Lomovatovskaia kul'tura v Verkhnem Prikam'e (The Lomovatovo Culture in the Upper Kama Region)*. Irkutsk: Irkutsk State University (in Russian).

25. Goldina, R. D., Vodolago, N. V. 1990. *Mogil'niki nevolinskoi kul'tury v Priural'e (Cemeteries of the Nevolino Culture in the Cis-Urals Region)*. Irkutsk: Irkutsk State University (in Russian).

26. Gorbunov, V. V. 1998. In *Snariazhenie verkhovogo konia na Altae v rannem zheleznom veke i srednevekov'e (Horse Equipment in Altai Region in Early Iron Age and Medieval Time)*. Barnaul: Altai University, 102–128 (in Russian).

27. Dimitrov D. 1987. *Prabălgarite po Severnoto i Zapadnoto Chernomorie (Pre-Bulgarians of Northern and Western Pontic Area)*. Varna: “Georgi Bakalov” Publ. (in Bulgarian).

28. Donchev S. 1978. In *U istokov tvorchestva (At the Origins of Creativity)*. Novosibirsk: “Nauka” Publ., 203–212 (in Russian).

29. Iessen, A. A. 1965. In *Materialy i issledovaniia po arkhologii (Proceedings and Research in Archaeology)* 125. Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ., 153–194 (in Russian).
30. Kazakov, E. P. 1978. *Pamiatniki bolgarskogo vremeni v vostochnykh raionakh Tatarii (Sites of Bulgarian Time in the Eastern Parts of Tataria)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
31. Kazakov, E. P. 1992. *Kul'tura rannei Volzhskoi Bolgarii (Culture of the Early Volga Bulgaria)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
32. Kazakov, E. P., Semykin, Yu. A. 2003. In *Iz arkhologii Povolzh'ia i Priural'ia (Archaeology of the Volga and Ural Region)*. Kazan: "RITs «Shkola»" Publ., 118–142 (in Russian).
33. Komar, A. V. 1999. In *Vita Antiqua* 2. Kiev, 111–136 (in Russian).
34. Komar, A. V. 2001. In *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 2. Donetsk: Donetsk National University, 11–44 (in Russian).
35. Komar, A. V. 2006. In *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 5. Donetsk: Donetsk National University, 7–244 (in Russian).
36. Komar, A. V. 2010. In *Kul'tury evraziiskikh stepei vtoroi poloviny I tysiach-eletiiia n.e. (voprosy mezhetnicheskikh kontaktov i mezhkul'turnogo vzaimodeistviia) (Cultures of the Eurasian Steppes in the Aecond Half of the I Millennium AD (issues on inter-ethnic contacts and intercultural interaction))*. Samara: "Ofort" Publ., 169–206 (in Russian).
37. Komar, A. V. 2010. In *Slaviano-russkoe iuvelirnoe delo i ego istoki (Slavic-Russian Jewellery and its Origins)*. Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ., 94–115 (in Russian).
38. Makarova Vol. I., Pletneva, S. A. (eds.). 2003. *Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaz'e v epokhu srednevekov'ia (The Crimea, Northeastern Black Sea Region, and Transcaucasia in the Middle Ages; the 4th–13th Centuries)*. 2003. "Archaeology" Series. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
39. Lifanov, N. A. 2001. In *Kul'tury evraziiskikh stepei vtoroi poloviny I tysiach-eletiiia n.e. (iz istorii kostiama) (Cultures of the Eurasian Steppes in the Second Half of I Millennium AD (from the history of costume))* 2. Samara: Samara Regional Museum of Local Lore named after P. V. Alabin, 166–169 (in Russian).
40. Lifanov, N. A. 2001. In *Samarskii kraj v istorii Rossii (Samara region in history of Russia)*. Samara: "Fine Design" Publ., 193–196 (in Russian).
41. Lifanov, N. A. 2005. In *Kraevedcheskie zapiski (Notes on Local History)* XII. Samara: Samara Regional Museum of Local Lore named after P. V. Alabin, 67–80 (in Russian).
42. Lifanov, N. A. 2005. In *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 4. Donetsk: Donetsk National University, 25–40 (in Russian).
43. Lifanov, N. A., Zubov, S. E. 2011. In *Saltovo-maiats'ka arkhologichna kul'tura: 110 rokov vid pochatku vivchennia na Kharkivshchii (The Saltovo-Mayaki arhaeological culture: 110 years from the start of its research in Kharkov region)*. Kharkiv: "Savchuk O. O." Publ., 50–56 (in Russian).
44. Magomedov, M. G. 1983. *Obrazovanie Khazarского kaganata (Formation of Khazar Khaganate)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

45. Maksimov, E. K. 1981. In *Iz istorii rannikh bulgar (From the History of Early Bulgars)*. Kazan: G. Ibragimov Institute for Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 108–110 (in Russian).

46. Matveeva, G. I. 1997. *Mogil'niki rannikh bolgar na Samarskoi Luke (Burial Grounds of the Early Bulgars on the Samara Bend)*. Samara: Samara State University (in Russian).

47. Abu Abdallah al-Muqaddasi. *Nailuchshee raspredelenie dlia poznaniia stran (The best distribution for cognition of countries)*. Available at: <http://www.vostlit.info/Texts/rus15/Mukaddasi/frametext1.htm>.

48. Nakhpetian, V. E. 1994. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (4), 107–118 (in Russian).

49. Pletneva, S. A. 1962. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 241–251 (in Russian).

50. Rashev, R. 2008. *Bălgarskata ezicheska kultura VII–IX vek (Bulgarian Pagan Culture in the 7th — 9th Centuries)*. Sofia: “Klasika i Stil” Publ. (in Bulgarian).

51. Savinov, D. G. 2002. In *Lev Nikolaevich Gumilev. Teoriia etnogeneza i istoricheskie sud'by Evrazii (Lev Nikolaevich Gumilev. Theory of Ethnogenesis and Historical Fate of Eurasia)* I. Saint Petersburg: “Evropeiskii dom” Publ., 203–217 (in Russian).

52. Skarbovenko, V. A. 2001. In *Samarskii krai v istorii Rossii (Samara Region in History of Russia)*. Samara: “Fine Design” Publ., 197–199 (in Russian).

53. Stanilov S. 2005. *Khudozhestveniyat metal na Bălgarskoto khanstvo na Dunav (7–9 vek) (Artistic Metal of the Bulgarian Khanate in Danube Region (7th — 9th centuries))*. Sofia: “Klassika i Stil OOD” Publ. (in Bulgarian).

54. Stashenkov, D. A. 2003. In *Voprosy arkheologii Povolzh'ia (Issues on Archaeology of the Volga Region)* 3. Samara: Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences, 324–345 (in Russian).

55. Stashenkov, D. A., Turetskii, M. A. 1999. In *Voprosy arkheologii Povolzh'ia (Issues on Archaeology of the Volga Region)* 1. Samara: Samara State Pedagogical University, 289–301 (in Russian).

56. Pletneva, S. A. (manag. ed.). 1981. *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia (Eurasian Steppes in the Middle Ages)*. Archaeology of the USSR 18. Moscow: “Nauka” Publ., 1981. — 304 s (in Russian).

57. Umanskii, A. P., Neverov, S. V. 1982. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 176–184 (in Russian).

58. Flerov, V. S., G. I. Matveeva. 1999. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (3), 228–233 (in Russian).

59. Flerova, V. E. 1997. *Graffiti Khazarii (Graffiti of Khazaria)*. Moscow: “Editorial URSS” Publ. (in Russian).

60. Flerova, V. E. 2001. *Obrazy i suzhety mifologii Khazarii (Images and Subjects of Khazarian Mythology)*. Moscow: “Mosty kul'tury” Publ.; Jerusalem: “Gesharim” Publ. (in Russian).

61. Khalikova, E. A. 1972. *Otchet o chastichnykh raskopkakh mogil'nikov bulgarskogo vremeni v Tatarskoi ASSR i Ul'ianovskoi oblasti v 1970 g. (Report on Partial Excavations of the Bulgarian Time Cemeteries in the Tatar ASSR and the Ulyanovsk*

Oblast in 1970). Kazan. Archive of the Institute for Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

62. Khrisimov N., Petrov M. 2012. In *Drinovski sbornik (Collected Papers in honorem Marin Drinov) 5*. — Kharkov; Sofia, 94–111 (in Bulgarian).

63. Yablonsky, L. T. 2007. In *Srednevekovaia arkheologiya evraziiskikh stepei: Materialy Uchreditel'nogo s"ezda Mezhdunarodnogo kongressa (Medieval Archaeology of the Eurasian Steppes: Proceedings of Constitutive meeting of the International Congress) I*. Kazan: Institute for History, Tatarstan Academy of Sciences, 38–42 (in Russian).

64. Kazanski, M. 2013. In *Constructing the seventh century*. Paris, 769–864.

About the Author:

Liphanov Nikolay A. Candidate of Historical Sciences. Samara State University (SSU). Academic Pavlov St., 1, Samara, 443011, Russian Federation; liphanov@gmail.com

Хроника

УДК 929:902

ЮБИЛЕЙ ТАТЬЯНЫ БАГИШЕВНЫ НИКИТИНОЙ

© 2014 г. Ю.А. Зеленева

27 июля 2014 года отмечает свой юбилей доктор исторических наук, заместитель директора Марийского НИИ языка, литературы и истории им. В.М. Васильева, известный специалист по средневековой археологии финно-угорских народов Татьяна Багишевна Никитина. Основной сферой научных интересов Т.Б. Никитиной со студенческих лет была и остается археология и средневековая история марийского народа. Она исследовала погребальный обряд марийцев XVI–XVII вв., а в дальнейшем стала разрабатывать тематику древней этнической истории марийцев. При ее непосредственном участии в 1993 г. был создан Научный центр финно-угроведения при Марийском НИИ и организовано издание научного журнала «Финно-угроведение». В настоящее время Т.Б. Никитина продолжает полевые исследования марийских могильников и поселений. Она является автором 7 монографий и более 100 статей. На основе работ Т.Б. Никитиной последней четверти XX – начала XXI века была создана современная теория культурного и этнического развития марийского народа в средние века.

Ключевые слова: марийский народ, средневековая археология, финно-угорские народы, юбилей, научный институт.

В 2014 году отмечает свой юбилей доктор исторических наук, заместитель директора Марийского НИИ языка, литературы и истории им. В. М. Васильева, член редколлегии журнала «Поволжская археология» Т.Б. Никитина.

Татьяна Багишевна Никитина (Шикаева) родилась 27 июля 1954 года в городе Йошкар-Оле. Здесь же в 1970 году окончила школу, затем год работала в сфере государственной торговли. С 1972 года – студентка историко-филологического факультета только что образованного Марийского государственного университета. После первой археологической практики Татьяна Багишевна постоянно сотрудничает с Марийской археоло-

гической экспедицией, которая тогда, как впрочем, и теперь функционировала при МарНИИЯЛИ, работает по индивидуальному плану, целенаправленно изучая теоретические основы археологической науки. Ее учителем в области археологии стал Г.А. Архипов, к которому она всегда сохраняла уважительное отношение. Надо отметить, что Т.Б. Никитиной повезло с учителями и впоследствии. Все они: и Г.А. Архипов, и С.А. Плетнева, и В.В. Седов всегда относились к ней с большой теплотой, что мне неоднократно приходилось слышать от них. Да это было и не мудрено. Какой же учитель будет плохо относиться к умной, энергичной исследовательнице, да еще обладающей незаурядными человеческими качествами.

Тогда же у совсем юной студентки формируется интерес к средневековой археологии и средневековой археологии марийского народа, в частности. Первоначально ее интересовала раннесредневековая археология – к этому увлечению молодости она возвратится, став уже вполне самостоятельным исследователем.

Ее студенческие работы отличались тем, что были написаны на материалах, полученных при личном участии в изучении памятника, научные выводы были обоснованы и убедительны. Первый доклад, который я услышал от Т.Б. Никитиной, был посвящен раскопкам азелинского Нармонского могильника, в которых она участвовала под руководством П.Н. Старостина.

После окончания университета Т.Б. Никитина была принята на работу в МарНИИЯЛИ им. В.М. Васильева. За ней была закреплена тема, ставшая впоследствии и диссертаци-

онной работой, посвященная марийским могильникам XVI–XVIII вв. На тот период это был совершенно не изученный материал, к тому же считавшийся неинтересным и даже не престижным. Т.Б. Никитина сумела изменить это мнение, а ее разработки 70–90-х годов XX века до сих пор являются основополагающими при изучении данного периода.

В 1981–1982 годах Татьяна Багишевна – стажер-исследователь Института археологии под руководством известного советского археолога доктора исторических наук, профессора Светланы Александровны Плетневой, оказавшей на нее огромное научное и личностное влияние. С 1986 года Татьяна Багишевна переводится на должность старшего научного сотрудника, а в 1988 году успешно защищает кандидатскую диссертацию в Институте археологии Академии наук СССР.

Набранный еще в студенческие годы темп полевых исследований не снижается. Ежегодные раскопки и разведки, иногда по 3–4 месяца, позволили ей собрать уникальный материал по погребальному обряду марийцев XVI–XVII веков, опубликованный в десятках статей и монографии «Марийцы (конец XVI – начало XVII вв.)». С начала самостоятельных полевых исследований Татьяна Багишевна не испытывала недостатка в рабочей силе. Ее занятия со школьниками во Дворце пионеров Йошкар-Олы в качестве руководителя археологического кружка создали костяк постоянных участников раскопок. Справедливая требовательность (одинаковая ко всем: и к детям, и к взрослым), четкая организация работы и быта, заботливое отношение к детям создали

ей «славу» суровой, но справедливой. В ее экспедициях росли и выросли многие городские девчонки и мальчишки. Некоторые из них уже на протяжении более 20 лет с величайшим удовольствием проводят свои отпуска «на лопате» в ее экспедициях, некоторые со спокойствием доверяют ей уже своих детей.

Настоящим подвижничеством можно считать проводимые Татьяной Багишевной в 70–80-х годах XX века археологические разведки. Я всегда поражался, как эта хрупкая женщина ходила в тяжелейшие маршруты, а именно такими они были в залесенной и заболоченной Марийской Республике. И не просто ходила, а командовала группами взрослых парней, которые ей беспрекословно подчинялись.

При ее непосредственном участии в 1993 году создается Научный центр финно-угроведения при Марийском научно-исследовательском институте. Исполнительным директором назначают Татьяну Багишевну. Тогда же по ее инициативе и при непосредственном участии было организовано издание научного журнала «Финно-угроведение», в 1995 г. состоялась Первая Всероссийская научная конференция финно-угроведов, успешное проведение которой целиком и полностью является заслугой Т.Б. Никитиной. Разрабатывая тематику древней этнической истории марийцев, она организовала в 1992 г. на базе Марийской археологической экспедиции полевые семинары по вопросам культурных и этнических контактов финно-угров с булгарами и славянами и в 2002 г. по проблемам культурных связей народов Поволжья в средневековье.

В начале XXI века Татьяна Багишевна проводит полевые работы как

на марийских могильниках, так и на ряде поселенческих памятников (городищ и селищ). Исследования городищ и селищ Репище, Красное Селище, Сомовское II, Аламнер в прибрежных районах Волги и Суры позволили собрать и обобщить разнообразные источники по многим сферам деятельности древних марийцев. Все это получило освещение в монографиях «История Марийского края в I тыс. н.э.» и «Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам)». Надо отметить, что работами Т.Б. Никитиной на новых материалах, которые были получены в последней четверти XX и в начале XXI века, была, по существу, создана современная теория культурного и этнического развития марийского народа в средние века.

В 2003 году Татьяна Багишевна успешно защитила подготовленную под руководством академика РАН профессора Валентина Васильевича Седова докторскую диссертацию в Институте археологии РАН. В этом же году она стала лауреатом Государственной премии Республики Марий Эл в области науки за книгу «Марийцы в эпоху средневековья».

Автор семи монографий и 128 статей в различных изданиях научных центров России и зарубежья, Татьяна Багишевна является членом редколлегий журналов «Поволжская археология», «Финно-угроведение» и «Финно-угрика», членом редколлегии серии «Труды Марийской археологической экспедиции», а также членом диссертационного совета при Институте истории им. Ш. Марджани АНТ, редактирует статьи в сборниках «Археология и этнография Марийского края».

За заслуги в развитии науки в 1998 году ей присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Республики Марий Эл».

В настоящее время представить МарНИИЯЛИ им. В.М. Васильева без Т.Б. Никитиной, которая работала только в этом учреждении, никогда ему не изменяя, и уже долгие годы является заместителем директора, просто невозможно.

Я, как и многие археологи Поволжья, от всей души желаю Татьяне Багишеву не здоровья, научного долголетия и, конечно, счастья.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТ Т.Б. НИКИТИНОЙ

1. Марийцы (конец XVI–начало XVIII вв.). – Йошкар-Ола, 1992 – 160 с.
2. Атлас археологических памятников Республики Марий Эл. Вып. 2. – Йошкар-Ола, 1993.– 151 с. (Соавтор Г.А. Архипов).
3. История населения Марийского края в I тыс. н.э. (по материалам могильников). – Йошкар-Ола, 1999. – 158 с.
4. Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). – Йошкар-Ола, 2002 - 430 с.
5. К истокам марийского искусства. – Йошкар-Ола, 2004. – 152 с. (Соавтор В.В.Никитин).
6. Аламнер: миф и реальность. Важнангерское городище и его округа. – Йошкар-Ола, 2006. – 194 с. (Соавтор А.И.Михеева).
7. Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья. / Археология Евразийских степей. Вып. 14. – Казань, 2012 – 408 с.
8. Хозяйственный инвентарь марийцев XIV–XVII вв. // Из истории хозяйства населения марийского края. / АЭМК. Вып. 4. – Йошкар-Ола, 1979. – С. 51–63.
9. Погребальный обряд марийцев (по материалам поздних марийских могильников) // Материальная и духовная культура марийцев. / АЭМК. Вып. 5. – Йошкар-Ола, 1982. – С. 192–200.
10. Картуковский могильник XVI – начала XVIII веков. // Историография и источниковедение по археологии и этнографии марийского края. / АЭМК. Вып. 7. – Йошкар-Ола, 1984. – С. 85–100.
11. Выжумские памятники на р. Ветлуге // Историография и источниковедение по археологии и этнографии марийского края. / АЭМК. Вып. 7. Йошкар-Ола, 1984. – С. 5–47. (Соавторы Г.А. Архипов и В.В. Никитин).
12. Мало-Кугунурский могильник // Новые памятники археологии Волго-Камья. / АЭМК. Вып. 8. – Йошкар-Ола, 1984. – С. 173–185.
13. Памятники XVI–XVII веков Марийско-Чувашского Поволжья: к вопросу о культурно-этническом единстве // Древние этнические процессы Волго-Камья. / АЭМК. Вып. 9. – Йошкар-Ола, 1985. – С. 100–117.
14. Марийский женский костюм XVI–XVII веков: по археологическим материалам // Этнография марийского и русского населения Среднего Поволжья. (АЭМК. Вып. 11). – Йошкар-Ола, 1987. – С. 134–153.
15. Изучение памятников археологии марийцев XVI–XVIII вв. // Древности Волго-Вятского междуречья. / АЭМК. Вып. 12. – Йошкар-Ола, 1987. – С. 105–118.

16. Инвентарь могильника Нижняя стрелка // Древности Поветлужья. (АЭМК. Вып. 17). – Йошкар-Ола, 1990. – С. 81–118.
17. Погребальный обряд могильника “Нижняя Стрелка” // Древности Поветлужья. / АЭМК. Вып. 17. – Йошкар-Ола, 1990. – С. 65–80.
18. Средневековые городища Волго-Вятского междуречья: проблемы и перспективы изучения // Проблемы средневековой археологии волжских финнов. / АЭМК. Вып. 23. – Йошкар-Ола, 1994. – С. 67–77.
19. К вопросу об истоках марийского этноса // Финно-угроведение. – 1996. – № 2. – С. 50–67.
20. Языческие “черемисские” могильники XVI–XVII вв. как источник для изучения этнической истории // Congressus hrimus Historiae Fenno-Ugricae. – Oulu, 1996. – С. 149–159.
21. Мари // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. – Ижевск, 1999. – С. 161–207.
22. Обзор исследований конца 80-90 годов XX в. по средневековой археологии финно-угров Поволжья и Приуралья // РА, 2000, № 2. – С. 196–205 (часть 1); РА. – 2000. – № 3. – С. 170–179. (Соавтор Ю.А. Зеленева).
23. Этнокультурная ситуация в Волго-Вятском междуречье в первой половине II тыс. н.э. // Проблемы культурогенеза народов Волго-Уральского региона: Материалы межрегион. научн. конф. – Уфа, 2001. – С. 40–45.
24. Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам) // КСИ-ИМК. – 2002. – Вып. 112. – С. 58–73.
25. Этногенез народа мари // Марийцы. Историко-этнографические очерки. – Йошкар-Ола, 2005. – С. 23–27.
26. Население Марийского Поволжья в болгарское время // История татар с древнейших времен. Т. II. Волжская Булгария и Великая Степь. – Казань, 2006. – С. 433–450.
27. К вопросу о культурной принадлежности “славяноидной” керамики Марийско-Чувашского Поволжья // Finno-Ugrica. – 2006. – № 9. – С. 114–130.
28. Археологическое изучение эпохи средневековья Ветлужско-Вятского междуречья (по материалам Марийской археологической экспедиции) // Проблемы первобытной и средневековой археологии Волго-Камья. / АЭМК. Вып. 30. – Йошкар-Ола, 2007. – С. 69–84.
29. Погребения с поясами Дубовского могильника, датированные монетами // Среднее Поволжье и Южный Урал: человек и природа в древности. – Казань, 2009. – С. 234–250.
30. Погребения с трупосожжением в могильниках Поветлужья IX–XI вв. // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 5. – Йошкар-Ола, 2010. – С. 138–162.
31. Древнерусские вещи в марийских могильниках IX–XI вв. // Русь и Восток в IX–XVI веках. Новые археологические исследования. – М., 2010. – С. 36–45.
32. Погребальный обряд комплексов с орудиями литья из средневековых могильников IX–XIII вв. Ветлужско-Вятского междуречья // Поволжская археология. – 2012. – № 2. – С. 146–165. (Соавтор Д.Ю. Ефремова).
33. Спорные проблемы в этнокультурной интерпретации памятников Волго-Ветлужско-Вятского междуречья IX–XI вв. // Исследования по средневековой археологии Евразии. – Казань, 2012. – С. 234–247.

34. Войлок в погребальном обряде Русенихинского могильника // КСИА. – 2013. – Вып. 230. – С. 253–260.
35. Марийцы в эпоху средневековья // Марийцы. Историко-этнографические очерки. – Йошкар-Ола, 2013. – С. 51–65.
36. Поясные кошельки-сумочки в средневековых могильниках Ветлужско-Вятского междуречья // Поволжская археология. – 2013. – № 2. – С. 151–161.

Информация об авторе:

Зеленец Юрий Анатольевич, доктор исторических наук, доцент, Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола, Российская Федерация); y_zeleneev@mail.ru

ANNIVERSARY TATIANA BAGISHEVNA NIKITINA

Yu.A. Zeleneev

On July 27, 2014, Tatiana Bagishevna Nikitina, Dr habil. (History), Deputy Director of the Mari Research Institute of Language, Literature and History named after V.M. Vasilyev, a renowned expert on medieval archaeology of the Finno-Ugric peoples, celebrates her birth anniversary. Since her student years, the principal area of T.B. Nikitina's research interests has been, and remains, the archeology and medieval history of the Mari people. She has studied burial rites of the 16-17th-century Maris, and subsequently switched to the theme of the Maris ancient ethnic history. In 1993, the Research center for Finno-Ugric studies with the Mari Research Institute was established, and the publication of the "Finno-ugrovedeniye" (Finno-Ugric Studies) scientific journal organized with her immediate participation. Currently, T. B. Nikitina continues field studies of Mari burial ground and settlement sites. She has authored 7 monographs and over 100 articles. Based on the works by T.B. Nikitina dated by last quarter of the 20th – early 21st century, the modern theory of cultural and ethnic development of the Mari people in the Middle Ages has been established.

Keywords: the Mari people, the Middle Ages, medieval archaeology, the Finno-Ugric peoples, anniversaries, scientific institutions.

About the Author:

Zeleneev Yuriy A. Doctor of Historical Sciences. Mari State University. Lenin Square St., 1, Yoshkar-Ola 424000, the Mari El Republic, Russian Federation; y_zeleneev@mail.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АлтГУ – Алтайский государственный университет
АН РТ – Академия Наук Республики Татарстан
АН СССР – Академия наук СССР
БГИАЗ – Болгарский государственный историко-архитектурный заповедник
ГМИНВ – Государственный музей искусства народов Востока
ДонНУ – Донецкий национальный университет
ЖМВД – Журнал Министерства внутренних дел
ЖМГИ – Журнал Министерства государственных имуществ
ИА РАН – Институт археологии Российской Академии Наук
Изд-во АН СССР – Издательство Академии Наук СССР
ИИ АН РТ – Институт истории Академии наук Республики Татарстан
МГУ – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
МИАР – *Материалы и исследования по археологии России*
НАВ – Нижневолжский археологический вестник
РА – Российская археология
РАН – Российская Академия Наук
СА – Советская археология. М.
СамГПУ – Самарский государственный педагогический университет
СГТУ – Самарский государственный технический университет
СНЦ РАН – Самарский научный центр Российской Академии Наук
СОИГУ – Северо-Осетинский институт гуманитарных исследований
СОИКМ – Самарский областной историко-краеведческий музей
СРФ – Самарский региональный фонд
ТИЭ – Труды Института этнографии. Нов. серия. М.; Л.
ВДИ – Вестник древней истории
Труды ГИМ – Труды Государственного исторического музея
ВИ – Вопросы истории
КСИА – Краткие сообщения института археологии
КСИИМК - Краткие сообщения института истории материальной культуры

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Общие положения

Научный журнал «Поволжская археология» публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин (антропология, палеозоология, эпиграфика, нумизматика и др.). Материалы распределяются по разделам: «Статьи», «Публикации», «Заметки», «Критика и библиография», «Хроника». Согласно условиям отбора научных изданий для включения в ведущую мировую базу данных отслеживания цитируемости SCOPUS (Издательская компания Elsevier, Нидерланды) основным требованием к публикуемому материалу является соответствие его научным критериям (актуальность, научная новизна и т.д.). При выборе статей редакцией журнала предпочтение будет отдано проблемным статьям и публикациям новых данных. **Предлагаемые статьи нигде ранее не должны быть опубликованы.**

Небольшие исправления стилистического и формального характера вносятся в статью без согласования с авторами. При необходимости более серьезных исправлений правка согласовывается с авторами или же направляется им на доработку.

Авторы гарантируют отсутствие автоплагиата и других форм неправомерного заимствования в предоставляемых для публикации материалах.

Редакция журнала отдает предпочтение публикациям, имеющим ссылки на материалы, изданные в предшествующих номерах нашего журнала.

Все материалы и отсканированный оригинал рецензии принимаются в электронном виде по адресу: arch.pov@mail.ru. Оригинал рецензии на поступающие материалы должен быть заверен подписью рецензента и печатью организации и его необходимо отправить по адресу: 420012, г. Казань, ул. Бутлерова, д. 30.

Все поступающие материалы проходят внутреннее рецензирование. Решение редколлегии о принятии материалов к публикации, отклонении или необходимости доработки сообщается автору после заключения рецензентов.

Требования по оформлению статей

Статья принимается в электронном варианте. Шрифт – Times New Roman, размер кегля 14, стиль обычный, одинарный интервал, поля – 2 см.

Необходимо предоставить:

- УДК статьи;
- Название статьи на русском и английском языках;
- Инициалы и фамилия автора (авторов) на русском языке и транслитерация на латинице (<http://www.translit.ru> с вариантом BGN);
- Аннотация (объем 150–200 слов) и ключевые слова (6–10 слов) на русском языке;
- Аннотация (Originality/value) (объем 150–200 слов) и ключевые слова (6–10 слов) на английском языке.
- Текст статьи – общий объем статьи (включая таблицы, список литературы, подписанные подписи и аннотации-резюме) не должен превышать 1 а.л. (16 стр. через 1 интервал или 40 тыс. знаков с пробелами) и содержать не более 8–10 иллюстраций); представленный материал необходимо отредактировать стилистически и технически; не следует производить табуляцию и разделять абзацы пустой строкой;
- Пристатейный список литературы – в алфавитном порядке (фамилия и инициалы автора, название работы, место и год издания, страницы) – на языке оригинала. Сначала на кириллице (на русском, болгарском, украинском и т.д.), затем – на латинице (на английском, турецком, французском и т.д.);
- Список литературы на английском языке (**References**);

– Иллюстрации в виде отдельных файлов в формате TIF, JPG с разрешением не меньше 300 dpi;

– Подписи к иллюстрациям и таблицам приводятся после списка литературы;

– Сведения об авторе или авторах (в случае коллективной работы): Ф.И.О. (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы, адрес организации, город, страна, занимаемая должность – **на русском и английском языках.**

Примечания: Аннотация должна быть:

1) информативной (не содержать общих слов);

2) содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследования);

Аннотация и ключевые слова на английском языке должны:

1) быть написанными качественным английским языком;

2) максимально точно передавать смысл русскоязычных аннотации и ключевых слов (с учетом различий в синтаксисе и стилистике научного изложения в русской и английской грамматике), вместе с тем не быть калькой – дословным переводом русскоязычной версии.

В целом, аннотация составляется для компетентной аудитории, поэтому можно использовать техническую (специальную) терминологию Вашей дисциплины.

Для раздела «**Заметки**» допустимый объем присланной работы не должен превышать 15 тыс. знаков.

Некрологи, материалы о конференциях и юбилеях, публикующиеся в разделе «**Хроника**», не должны превышать 10 тыс. знаков; в конце текста следует давать список лишь наиболее значимых трудов ученого.

Библиографические ссылки на литературу и источники даются в круглых скобках: фамилия автора без инициалов (кроме работ однофамильцев) или сокращенное название (если издание не имеет автора), год издания через запятую; ссылка на страницу, рисунок и т.п.

Например:

(Смирнов, 1964, с. 23–25, рис. 5: 1; 6: 3; табл. XII, 16; Свод памятников, 2007, с. 93, № 590).

При оформлении **пристатейного списка литературы** сначала приводятся работы на кириллице (на русском, болгарском, украинском и т.д.), а затем – на латинице (на английском, турецком, французском и т.д.).

Список литературы на английском языке (References) – это комбинация транслитерированной и англоязычной частей русскоязычных ссылок (для транслитерации использовать <http://www.translit.ru> с вариантом BGN).

Например:

Описание монографии (книги):

1. *Петренко А.Г.* Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. – М.: Наука, 1984. – 174 с.

1. Petrenko A.G. Drevnee i srednevekovoe zhivotnovodstvo Srednego Povolzh'ya i Predural'ya [Ancient and medieval cattle breeding in the Middle Volga region and the ForeUrals]. Moscow: Nauka Publ., 1984, 174 p.

2. *Плетнева С.А.* От кочевий к городам / МИА. – № 142. – М.: Наука, 1967. – 198 с.

2. Pletneva S.A. Ot kочеvii k gorodam [From nomadic migrations towards the towns] *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [The USSR Archaeology Proceedings and Researches]*. Moscow: Nauka Publ., 1967, no 142, 198 p.

Описание статьи из продолжающегося издания (сборника трудов):

1. Асылгараева Г.Ш. Морфологические исследования средневековых археозоологических материалов из археологических раскопок Казанского кремля // Археология и естественные науки Татарстана. Книга 1. – Казань: Изд-во Казанского университета, 2003. – С.63–133.

1. Asylgaraeva G.Sh. Morfologicheskie issledovaniya srednevekovykh arkhеozoologicheskikh materialov iz arkhеologicheskikh raskopok Kazanskogo kremlya [Morphological researches of medieval archaeozoological materials from archaeological excavations of the Kazan kremlin]. In: A.G. Petrenko, ed. *Arkheologiya i estestvennyye nauki Tatarstana* [Archaeology and Natural Sciences of Tatarstan]. Kazan: Kazan University Publ., 2003, book 1, pp. 63–133.

2. Галимова М.Ш., Чурбанов А.А. Археоминералогические исследования артефактов эпохи камня Волго-Камья // Краткие сообщения Института археологии. – Вып. 227. – М.: Языки славянской культуры, 2012. – С. 174–181.

2. Galimova M.Sh., Churbanov A.A. Arkheomineralogicheskie issledovaniya artefaktov epokhi kamnya Volgo-Kamya [Archaeomineralogical investigations of the Stone Age in the Volga-Kama region]. In: *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief communications by Institute of Archaeology]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2012, issue 227, pp. 171–181.

Описание материалов конференций:

1. *Динамика современных экосистем в голоцене*: Материалы Третьей Всероссийской научной конференции (с международным участием). – Казань: Отечество, 2013. – 364 с.

1. *Dinamika sovremennykh ekosistem v golotsene*. Materialy Tret'ey Vserossiyskoj nauchnoj konferentsii (s mezhdunarodnym uchastiem) [*The Dynamics of Modern Ecosystems in the Holocene: Proceedings Third Russian Scientific Conference (with International Participation)*] / I.V. Askeev, D.V. Ivanov, ed.]. Kazan: Otechestvo Publ., 2013, 364 p.

2. Выборнов А.А., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В. О корректировке абсолютной хронологии неолита и энеолита Северного Прикаспия // Труды II (XVIII) ВАС в Суздале. – М.: Ин-т археологии РАН, 2008. – С.191–193.

2. Vybornov A.A., Kovalyukh N.N., Skripkin V.V. O korrektyrovke absolyutnoy khronologii neolita i eneolita Severnogo Prikaspiya [Concerning correction of absolute chronology of the Neolithic and Eneolithic Ages of the Northern Caspian Sea region]. In: *Trudy II (XVIII) VAS v Suzdale* [*Proceedings of the II (XVIII) All-Russian Archaeological Congress at Suzdal*]. Moscow: Institute of Archaeology RAS, 2008, pp. 191–193.

Описание статьи из журнала:

1. Яворская Л.В. Костные останки животных из раскопа CLXII города Болгара: некоторые новые методы обработки и оценки археозоологических материалов // Поволжская археология. – 2012. – № 1. – С. 216–237.

1. Yavorskaya L.V. Kostnye ostanki zhivotnykh iz raskopa CLXII goroda Bolgara: nekotorye novye metody obrabotki i otsenki arkhеozoologicheskikh materialov [Animal bone remains from excavations CLXII trench of town Bolgar: some new methods of archaeologicalzoological materials processing and appraisal]. In: *Povolzhskaya arkheologiya* [Volga river region Archaeology], 2012, no. 1, pp. 216–237.

Описание статьи из электронного журнала:

Rady M. The Gesta Hungarorum of Anonymus, the Anonymous Notary of King Bela: A Translation. *Slavonic and East European Review*, 2009, no. 87 (4). Available at: <http://www.discovery.ucl.ac.uk/18975/1/18975.pdf>

Описание переводной книги:

Gerberstein S. *Rerum Moscoviticarum commentarii*. Munchen, Osteuropa-Institut, 2007. 586 S. (Russ. ed.: Yanin V.L. *Zapiski o moskovii*. Moscow: Moscow University Publ., 1988. 430 p.).

Образец оформления статьи

УДК 903.02

**НОВЫЕ НАХОДКИ РАСПИСНОЙ КЕРАМИКИ ЭПОХИ
АБХАЗСКОГО ЦАРСТВА**

© 2012 г. Е.А. Армарчук

Аннотация на русском языке.

Ключевые слова: на русском языке.

ТЕКСТ СТАТЬИ (на русском языке)

ЛИТЕРАТУРА

1. Армарчук Е.А. Христианский храм на горе Сахарная Головка под Адлером: планировка и строительные особенности // Архитектура Византии и Древней Руси IX–XII веков / Труды Государственного Эрмитажа (Тр. ГЭ). – Т. LIII. – СПб., 2010. – С. 180–195.

Информация об авторе:

Армарчук Екатерина Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Российская Федерация); earmarchuk@yandex.ru

Список сокращений**Список иллюстраций****NEW FINDINGS OF PAINTED GLAZED CERAMICS OF THE
ABKHAZIAN KINGDOM EPOCH**

Е.А. Armarchuk

Summary (на английском языке).

Keywords: (на английском языке).**REFERENCES**

1. Armarchuk E.A. Khristianskiy khram na gore Sakharnaya Golovka pod Adlerom: planirovka i stroitelnye osobennosti [Christian church on the mountain Sakharnaya Golovka near Adler: layout and construction features]. In: *Arkhitektura Vizantii i Drevney Rusi IX–XII vv. / Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha (Tr. GE)* [Byzantine architecture and ancient Rus IX–XII centuries. Proceedings of the State Hermitage]. St. Petersburg, 2010, vol. LIII, pp. 180–195.

Information about the author:

Armarchuk Ekaterina A., Ph.D. (History), senior research scientist, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation); earmarchuk@yandex.ru

Рукописи, оформление которых не соответствует указанным требованиям, возвращаются авторам на доработку!

**Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале.
Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале.**